

Международный конкурс сочинений «Без срока давности»

Сборник сочинений абсолютных победителей,
призёров и победителей в номинациях

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва
МПГУ
2025

Учредитель

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральный оператор

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Рецензенты

Ольга Николаевна Левушкина, доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка Института филологии МПГУ ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»;

Наталья Васильевна Беляева, доктор педагогических наук, заслуженный учитель Российской Федерации, член Союза российских писателей

Международный конкурс сочинений «Без срока давности» :
М43 сборник сочинений абсолютных победителей, призёров и победителей
в номинациях / [сост. Ю. Л. Кудрявцева]. – Москва : МПГУ, 2025. –
336 с. : ил.

ISBN 978-5-4263-1530-3

В настоящем сборнике публикуются творческие работы абсолютных победителей, призёров и победителей в номинациях Международного конкурса сочинений «Без срока давности» 2024/25 учебного года. Конкурс объединяет обучающихся общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций 89 субъектов Российской Федерации, образовательных организаций МИД России и стран СНГ. Главная цель конкурса – сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Учредитель конкурса – Министерство просвещения Российской Федерации. Издание адресовано широкому кругу читателей.

УДК 82-822
ББК 94.3

ISBN 978-5-4263-1530-3

© МПГУ, 2025
© Коллектив авторов, текст, 2025

Содержание

Приветственное слово Министра просвещения Российской Федерации	8
Приветственное слово ректора Московского педагогического государственного университета	9
Предисловие	12

АБСОЛЮТНЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ

<i>Калужный Константин</i> Вы убили меня, нерожденного... ..	14
<i>Трубечкова Елизавета</i> Обе жизни – тебе... ..	16
<i>Молина Александра</i> Если вернусь... Но ведь я не вернусь.	20
<i>Лазарева Яна</i> Жажда жизни: путешествие из Санкт-Петербурга в Ленинград, 1941	29

ПРИЗЁРЫ 1 КАТЕГОРИИ

<i>Анастасова Олеся</i> Мышки	36
<i>Бахмутов Николай</i> Ожоги и шрамы войны.....	39
<i>Глинская Алиса</i> Рассказ старого флюгера	42
<i>Козлов Арсений</i> Машина кукла.	44
<i>Косяков Егор</i> Последний день детства	48
<i>Лапин Иван</i> Хороший.....	51
<i>Латрыгина Мария</i> Мы пишем ваши имена	54
<i>Лисица Виолетта</i> Погибшим в плену.....	58
<i>Попова Екатерина</i> А он мечтал стать лётчиком... ..	61

<i>Сорокин Ярослав</i>	
По буквам я соберу.....	64
<i>Тубольцева Ефросиния</i>	
У Великой Победы красивое платье.....	69
<i>Фоменко Олег</i>	
Редкая группа крови	72
<i>Хадзегова София</i>	
Подвиг маленького пастуха	74
<i>Чикинёва Ирина</i>	
Подмена	79
<i>Юдина Анастасия</i>	
Детям блокадного Ленинграда посвящается.....	82

ПРИЗЁРЫ 2 КАТЕГОРИИ

<i>Батяева Полина</i>	
Чтобы струны не замолкали... ..	86
<i>Бобоева Фарахноз</i>	
Память, увековеченная в камне, или История одного обелиска	89
<i>Быличкина Дарья</i>	
Моя война.	92
<i>Ванясова Валерия</i>	
Малая Пискарёвка	97
<i>Василик Елена</i>	
Про сапоги и гармошки	101
<i>Денисова Полина</i>	
Последняя ложка	105
<i>Ефремова Диана</i>	
Маленькая защитница большого неба	111
<i>Игнаткина Снежана</i>	
Война, прикоснувшаяся к детству	115
<i>Касенкова Анастасия</i>	
Но надежды, как и света, уже не было	119
<i>Кудряшова Яна</i>	
Десять дней до весны.	124
<i>Литвиненко Екатерина</i>	
Кто-то родом из детства... Я – из войны... ..	131

<i>Митрохина Ольга</i>	
Мандарин с дыркой.....	136
<i>Смыкалов Владимир</i>	
Неустрасимые	139
<i>Тухватулина Алина</i>	
Крошечка	145
<i>Федоров Назар</i>	
Август	150

ПРИЗЁРЫ 3 КАТЕГОРИИ

<i>Агаев Мубариз Джахид оглы</i>	
Правда на кончиках пальцев.....	156
<i>Биджиева Сабина</i>	
Праведники нашей семьи	158
<i>Буровников Григорий</i>	
Скачи, сынок!.....	162
<i>Гаврилкина Анжелика</i>	
Платок из военного детства	166
<i>Иванов Егор</i>	
Гороховая каша	168
<i>Кузнецов Дмитрий</i>	
Совушкина скамейка.....	172
<i>Мамедов Александр</i>	
Ленинградский метроном... Сквозь годы	178
<i>Мулкахайнен Екатерина</i>	
Одна судьба.....	182
<i>Похваленко Ксения</i>	
Голоса детей войны.....	187
<i>Прохорова Виктория</i>	
Мы памятью навек обожжены.....	192
<i>Свиженко Анастасия</i>	
Видения у обелиска	197
<i>Харитонова Виктория</i>	
Крик памяти.....	202
<i>Шашкин Андрей</i>	
Вопрос без ответа	208

<i>Шеметюк Егор</i>	
Забвению не подлежит	214
<i>Щукин Иван</i>	
Костёр Памяти	221

ПРИЗЁРЫ 4 КАТЕГОРИИ

<i>Азимова Сакина</i>	
Встреча в пути.	228
<i>Андрусова Виктория</i>	
Бронзовый мальчик.	231
<i>Гладченко Алина</i>	
Ленинградские сибиряки.	236
<i>Горенькова Алина</i>	
...Светлы весной рассветы над Хатынью.	241
<i>Казанкин Алексей</i>	
Ах, война, что ж ты сделала, подлая....	246
<i>Капустина Ирина</i>	
Старое письмо	250
<i>Комягин Илья</i>	
Пятнашка	253
<i>Лоренц Анастасия</i>	
Это не сон.	257
<i>Матыскина Карина</i>	
За что? Трагедия деревни Лабецкие.	261
<i>Меньшаева Екатерина</i>	
Воробушек.	265
<i>Мижев Амин</i>	
У памяти нет срока давности	269
<i>Миронов Артём</i>	
Война без прикрас: как «Иди и смотри» заставляет нас чувствовать	273
<i>Романова Инга</i>	
Колька.	277
<i>Тезиева Марина</i>	
Маленькая пуговица с пятиконечной звездой	281
<i>Яблокова Арина</i>	
У войны не детское лицо.	285

ПОБЕДИТЕЛИ В НОМИНАЦИЯХ

<i>Саттори Мансур</i>	
Война, перемоловшая человеческие судьбы.	290
<i>Федорова Александра</i>	
По следам участников проекта «Без срока давности» (о геноциде пациентов Орловской областной психиатрической больницы в годы Великой Отечественной войны)	293
<i>Чудиевич Галина</i>	
За этими воротами стонет земля.	298
<i>Лагутин Илья</i>	
«Никогда снова?» Суджа: 1943 и 2024	304
<i>Ковылина Анастасия</i>	
Вкус жизни.	308

ПОБЕДИТЕЛИ – ОБУЧАЮЩИЕСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ – ОПОРНЫХ ПЛОЩАДОК ПРОЕКТА «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ» В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<i>Шаповалова Татьяна</i>	
Компот из сухофруктов	312
<i>Лазарева Александра</i>	
Реки слёз и огня	315
<i>Полушкина Екатерина</i>	
Ожили в памяти мгновения войны... ..	319
<i>Мангилев Кирилл</i>	
Доедайте чечевицу и бобы и готовьте гробы....	323

ПОБЕДИТЕЛИ – ОБУЧАЮЩИЕСЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДЕТСКОГО ЦЕНТРА «АРТЕК»

<i>Гормонов Александр</i>	
Артек – в нас навсегда!	326
<i>Байголова Елена</i>	
Дневник больного	329
<i>Фрумкина Василиса</i>	
След войны	331

Дорогие читатели!

Великая Отечественная война унесла миллионы жизней наших соотечественников. Они стали вечно живым символом стойкости и мужества, моральным ориентиром для граждан России.

Долг каждого россиянина — чтить память тех, кто отдал свои жизни за наше будущее. Вы держите в руках сборник сочинений абсолютных победителей, призёров и победителей в номинациях Междуна-

родного конкурса сочинений «Без срока давности». Их творческие работы свидетельствуют о верности наших школьников и студентов исторической памяти, подтверждают, что нить, связывающая поколения наших сограждан, не рвётся.

В этот год, год 80-летия Великой Победы, конкурс сочинений приобрёл новый международный статус и новое звучание: теперь он является центром сохранения исторической памяти не только подрастающего поколения России, но и многих других стран всего мира!

Листая страницы сборника, вы увидите, какие сложные и глубокие темы выбирали и успешно исследовали авторы. Хочу отметить высокую содержательную и художественную ценность сочинений, победивших в этом году.

Очень надеюсь, что победители и призёры конкурса продолжат художественные исследования в будущей учебной и профессиональной деятельности. Мы ещё услышим их имена!

Желаю каждому, кто держит в руках этот сборник, новых побед и свершений на нелёгком поприще сохранения исторической памяти!

Министр просвещения
Российской Федерации

С. С. Кравцов

Дорогие друзья!

Международный конкурс сочинений «Без срока давности», посвящённый трагедии мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны, является важным и значимым событием, которое привлекает внимание к трагическим страницам истории нашей страны, усиливает осознание важности сохранения исторической памяти.

В этом году конкурс проходит в Год защитника Отечества и 80-летия Победы! Это не просто календарные даты, а символ национального единства и патриотизма. Учредителем конкурса выступает Министерство просвещения Российской Федерации, Федеральным оператором — Московский педагогический государственный университет. Для нашего университета это почётная и ответственная миссия, которой мы по праву гордимся!

За шесть лет проведения конкурса его участниками стали более трёх миллионов обучающихся 5–11-х классов, а также студентов профессиональных образовательных организаций. Среди конкурсантов — обучающиеся из новых субъектов Российской Федерации: Донецкой Народной

Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей.

Впервые приоритетное участие в федеральном этапе конкурса получили обучающиеся образовательных организаций – Опорных площадок проекта «Без срока давности» в субъектах Российской Федерации. Они написали более двух тысяч сочинений.

Тематика конкурса охватывает разные направления: от личных историй выживших и свидетелей трагедий до общей ситуации, в которой оказывалось гражданское население на оккупированных территориях. Участники исследуют такие темы, как насилие и страдания мирных жителей, разрушение семейного уклада, судьбы детей, женщин и стариков, а также описывают усилия по сохранению жизни и взаимопомощь, проявленные в условиях оккупации. В основе таких сочинений лежат как документальные рассказы, основанные на воспоминаниях, так и художественная проза, в которой переплетаются факты и вымысел, создавая эмоциональную и историческую глубину.

Убеждён, что этот конкурс не только углубляет знания о трагических событиях, но и способствует воспитанию уважения к памяти жертв, а также к мужеству тех, кто выживал в сложнейших условиях военного времени.

Международный конкурс сочинений «Без срока давности» не только продвигает идеи исследования и осмысления истории, но и выступает мощным катализатором для формирования гражданского сознания у молодого поколения. Понимание серьёзности событий прошлого, осознание страданий и потерь, которые пережил советский народ, способствуют более глубокому восприятию исторической ответственности и важности мира в современном мире.

Важно, чтобы участники конкурса не только познакомились с историей Великой Отечественной войны, но и научились сопереживать, критически мыслить и анализировать различные точки зрения на события, находя даже в трагедиях примеры героизма и мужества.

Работы, созданные в ходе конкурса, могут стать основой для дальнейших дискуссий в образовательных учреждениях. Проведение обсуждений на тему истории, связанную с Великой Отечественной войной, может помочь студентам и школьникам не только осмыслить прошлое, но и взглянуть на него через призму современных исторических и социальных процессов. Важно, чтобы молодёжь могла задать себе важные вопросы о том, как уроки истории могут помочь избежать повторения подобных трагедий в будущем.

Сегодня можно с уверенностью говорить, что конкурс стал не просто историко-литературным событием, а площадкой, где формируются мнения, укрепляются связи между поколениями и углубляется понимание того, что значит быть частью единой истории. Это, в свою очередь, укрепляет национальную идентичность, помогает понять нашу культуру и ценности, передавая их следующим поколениям. Идя по этому пути, мы можем надеяться, что память о тех, кто страдал и боролся в годы войны, будет сохраняться не только как дань уважения, но и как стремление к сохранению мира и нашей Великой Победы!

Ректор МПГУ,
доктор исторических наук,
профессор, академик РАО

А.В. Лубков

Предисловие

Международный конкурс сочинений «Без срока давности» получил статус международного в 2024/25 учебном году. Он является прямым продолжением Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности», который проводится с 2019 года.

В этом году в конкурсе приняли участие почти 700 тысяч школьников и студентов из всех регионов Российской Федерации, даже из самых отдалённых её уголков. Активно поддерживали конкурс зарубежные участники и обучающиеся заграничных МИД России. Отрадно, что впервые в этом году среди призёров конкурса пять зарубежных участников.

В сборник сочинений вошли 76 сочинений абсолютных победителей, призёров и победителей в номинациях конкурса. Впервые в конкурсе участвовали обучающихся образовательных организаций – Опорных площадок проекта «Без срока давности» в субъектах Российской Федерации. Приоритетное участие в конкурсе получили и обучающиеся смен Международного детского центра «Артек», отмечающего в этом году свой столетний юбилей. Надеемся, что все новые направления конкурса будут успешно развиваться и в следующем году.

Сборник сочинений объединил в себе творческие работы школьников 5–11-х классов и студентов колледжей и техникумов разных тематических направлений и жанров. Однако общее во всех сочинениях одно – передать через свои мысли и чувства тяжелейшие события периода Великой Отечественной войны. Ежегодная активная поддержка конкурса школьниками и студентами показывает, что память о трагических событиях войны жива в молодом поколении и не только бережно им сохраняется, но и изучается. Уровень конкурсных работ растёт год от года, сочинения становятся глубже, темы раскрываются с привлечением архивных данных, исторических документов, информации из научной литературы, ресурсов проекта «Без срока давности», на которые опираются авторы в процессе написания сочинения.

Война оставила неизгладимый след в судьбах народов не только России, но и всех союзных государств бывшего СССР. И как бы сейчас ни старались переосмыслить историческую правду, сочинения, присланные на конкурс, показывают, что молодёжь не только России, но и зарубежных стран достойно хранит память о своих предках.

**АБСОЛЮТНЫЕ
ПОБЕДИТЕЛИ**

**МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»**

КАЛЮЖНЫЙ КОНСТАНТИН

7 класс

Наставник: Олещенко Наталья Николаевна,
учитель начальных классов,

Муниципальное автономное
общеобразовательное учреждение средняя
общеобразовательная школа № 18 с углублённым
изучением отдельных предметов

г. Армавир, Краснодарский край

Вы убили меня, нерожденного...

Чудные звуки, тревожные, нежные, мятущиеся, укрепляющие веру в то, что все трудности можно преодолеть. Седьмая, «Ленинградская», симфония Шостаковича... «Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом... я посвящаю свою Седьмую симфонию...» Я слушаю, и воображение переносит в первые дни войны. О них я знаю со слов героев повести Б. Васильева «В списках не значился». Самый беззащитный персонаж, малыш, ты тоже имеешь право на своё слово о войне...

Я никогда не увижу отца и мать, не почувствую тепла их рук, нежного прикосновения любимых губ, не услышу пения птиц, не вдохну пьянящего аромата цветущей яблони, не прочитаю замечательных книг... Всё, что даётся человеку по праву рождения, вы отобрали у меня, так и не дав появиться на свет... Вы убили меня в первые дни войны... «Она ещё ползла, когда её дважды проткнули штыком, и эта двойная пронзительная боль была первой и последней болью, которую она почувствовала и приняла всем своим хрупким и таким ещё тёплым телом. Яркий свет полыхнул перед её крепко зажмуренными глазами, и в этом беспощадном свете она увидела вдруг, что у неё уже никогда не будет ни маленького, ни мужа, ни самой жизни. Она хотела закричать, напрягаясь в последнем животном усилии, но вместо крика из горла хлынула густая и вязкая кровь». А я ещё жил в моей матери, чувствовал её! И умер вместе с ней, Миррой, трогательной, хрупкой, нежной хромой девушкой, полюбившей моего отца

Николая Плужникова, лейтенанта Брестской крепости, который в списках не значился.

Вы – фашисты, пришедшие топтать мою родную землю, – убили Любовь, Счастье, само право на Жизнь!

Как же трогательна была встреча моих родителей, невероятно счастливых среди огня и смерти! Знакомство в ночи по пути в крепость прибывшего служить лейтенанта и хромой девушки: «Сейчас и не суббота и не воскресенье, а тихая ночь...» Вот так прибыл в крепость Николай в сопровождении Мирры. И ужасный взрыв: «Наружную дверь смело взрывной волной, и Коля видел оранжевые сполохи пожаров. Узкий коридор уже заволакивало дымом, пылью и тошнотворным запахом взрывчатки. Тяжко вздрагивал каземат, всё вокруг ныло и стонало, и было 22 июня 1941 года: четыре часа пятнадцать минут по московскому времени...»

Все, кто оказался рядом в эту ночь, погибают один за другим, Николай же хочет во что бы то ни стало переправить Мирру в город, чтобы спасти. Но она любит и не может отказаться от своего счастья: «Я же никогда, никогда в жизни и помечтать не смела, что могу полюбить!.. А разве мы виноваты, что время такое, разве мы виноваты?», «Меня никто никогда не целовал. А наверху – война. А я такая счастливая, такая счастливая, что у меня сердце сейчас разорвётся...»

Я – плод той невероятной любви, с мамой я буду до самого её конца, она так хотела меня спасти: «Если бы не маленький, если бы не он, Коля, я бы никогда не оставила тебя... Ты – моя жизнь, моё солнышко, моя радость, всё – ты, ты всё, что у меня есть. Но маленький должен родиться, Коленька, должен: он ни в чём не виноват перед людьми». Мы вместе погибнем на глазах отца осенью сорок первого, а он позже, продержавшись до 12 апреля 1942-го в одиночку в крепости среди врагов, так, что в почтении оцепенеют немцы. «И вдруг немецкий лейтенант звонко и напряжённо, как на параде, выкрикнул команду, и солдаты, щёлкнув каблуками, чётко вскинули оружие “на караул”. И немецкий генерал, чуть помедлив, поднёс руку к фуражке. А он, качаясь, медленно шёл сквозь строй врагов, отдававших ему сейчас высшие воинские почести... Он шёл и шёл, шёл гордо и упрямо, как жил...» Смерть отца – шаг в бессмертие...

Вот таким мне представился рассказ сына Николая и Мирры, он, конечно, не герой повести Бориса Васильева «В списках не значился» в привычном понимании этого слова, но малыш мог бы жить, если бы не война. История не знает сослагательного наклонения, но к миллионным жертвам войны я бы отнёс тех, кто так и не родился... Волшебная мелодия Шостаковича, великолепная повесть Васильева, в каждом вашем звуке и слове слышен след Истории.

ТРУБЕЧКОВА ЕЛИЗАВЕТА

8 класс

Наставник: Еремина Ольга Николаевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Бавленская
средняя школа им. Героя Советского Союза
Рачкова П.А.», Кольчугинский район,
Владимирская область

Обе жизни – тебе...

Дневник прапрабабушки – то бесценное, что хранится в нашей семье. Дневник совсем коротенький – тоненькая школьная тетрадка. Он обрывается записью «Ушла мстить». Я не очень много знаю о той войне, но страшно даже представить, что тогда пережили люди... Но представлять могу и буду! Потому что только благодаря таким «ушедшим мстить» я и живу! И для моих детей пожелтевшие страницы старинной ученической тетради будут святы так же, как и для меня!..

Каждый долю вторую
Примет в общей судьбе.
Обе смерти беру я,
Обе жизни – тебе...

Евгений Агранович

28 декабря 1941

Не пуцу! Не могу отпустить, без него я не смогу.

– Конечно, иди! Все наши ребята уже в военкомате. Да-да, ты комсорг, и ты всегда впереди.

Заплаканные глаза останавливаются на верхней пуговичке рубашки, её любимой, выпускной, голубой, под цвет его глаз. Он был в этой рубашке, когда три месяца назад они расписались. Посмотреть в его глаза она так и не смогла: знала, что расплчется, а он этого не любит.

В полуторки мальчишки забирались шумно, весело, подначивая друг друга. Они видели себя героями. Да, уже оглушительным рёвом обрушились первые похоронки, да, навечно пролегла серебристая прядь в волосах чьей-то ещё нестарой матери, но им-то казалось, что подобного с ними, задирами, озорниками и любимцами школы, не произойдёт. Машины взрёвывали от усилий и от мороза. Пушистым инеем разлохматились чёлки, варежки не грели замёрзшие руки, приходилось то засовывать ладони под мышки, то согревать между колен. Мальчишки толкались, боксировали, подпихивали друг друга локтями – грелись, как могли. Мальчишки, они и есть мальчишки, что с них взять. А у обочины, не шевелясь, замерев от горя, молчали те, кто провожал. Плакали, конечно, тихонько, с подвыванием, не отрывая глаз от дорогих лиц, борясь с желанием вцепиться руками, зубами, но не отпустить. И только она стояла, улыбаясь в его такие любимые глаза. Но так и не сказала ему самого главного... Сильная.

29 декабря 1941

Проводила. Он сказал, что я сильная. Сильная? Выть хочу. Не знала, что так могу.

13 февраля 1942

Похоронка. Эти мрази его убили. Я умру.

«Господи, страшно-то как», – подумал комсорг, невольно замирая от рёва снаряда. Вторые сутки рота не могла подняться в атаку: обстрел был такой, что головы не поднять. Покосился на паренька, чья намокшая от крови шинелька вмёрзла в снег. Понимал: помочь ему было нечем. Мальчик умирал, дышал прерывисто, часто. Их взгляды встретились, и мальчишка в последнюю секунду жизни... улыбнулся. Всё не зря, не может быть, чтобы эта мальчишеская улыбка на пороге смерти была зря! «*Нам песня строит и жить помогает*», – вдруг запел комсорг, сипло, отчаянно, мимо нот. Одинокое его голос прозвучал только первую строчку. «*Она, как друг, и зовёт, и ведёт*», – подхватили ребята. «*И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадёт*», – его голос стал неразличим среди ломающихся басков бывших одноклассников, и чем дальше он пел, тем яснее перед ним рисовались её глаза и улыбка. Он видел тогда на вокзале, что ей больно и страшно, как и всем девчонкам, но она, провожая его, улыбалась... Сильная! Особенная! Любимая!

*И если враг нашу радость живую
Отнять захочет в упорном бою,
Тогда мы песню споём боевую
И встанем грудью за Родину свою...*

Песня набрала голос, и с песней поднимались из снега вчерашние мальчишки. Нет, не мальчишки! Солдаты. И было в этом шаге в бессмертие, который они делали с песней, что-то такое великое, что даже война на миг замолчала.

А он – впереди. За ямочку на правой щеке, которая появляется от улыбки, за глаза, в которых танцуют задоринки, за ресницы, в которых запутывается солнце...

...В тот миг, когда он натолкнулся на пулю, опрокинулся, захлебнувшись песней и кровью, она почувствовала, как под сердцем малыш впервые пошевелился.

24 апреля 1942

Без него не живу. Помню всё-всё: улыбку, поворот головы и даже нос в пыльце от ромашек, которые он нарвал на школьном дворе прямо с клумбы.

Прости, сынок, что ты не узнал своего отца. Я виновата: отпустила. Но эти сволочи ответят.

Она плакала только тогда, когда оставалась одна. Хотя как одна? С ней был малюсенький мышонок, который внутри замирал, когда она начинала всхлипывать. Ему, наверное, тоже было страшно. Она сразу представляла, что крохотное тельце сжимается в клубочек, как ёжик. И слёзы высыхали.

Она занималась на курсах медсестёр истово, без усталости, не обращая внимания на недоумевающие взгляды инструкторов. Да и какие курсы, когда живот больше, чем она сама? «Чудишь, девка, – говорил ей старенький фельдшер, учивший накладывать повязки, – у тебя сейчас одна война – за ребёнка своего!» Она молча глотала слёзы, прислушивалась, как бьётся крохотное сердечко внутри, и знала, что отомстит за смерть того, кого любила больше жизни, отомстит за то, что сын никогда не крикнет «Папка пришёл!»

15 июля 1942

Здравствуй, мой Сашка! Мой Александр Александрович! У тебя такие же глаза, как у него, и его улыбка. Ты будешь счастлив!

10 ноября 1943

Ушла мстить.

Гудок... Ещё один... А она никак не может оторваться от тельца сынишки. Целует, целует его, вглядываясь в испуганные глазёнки, так похожие на глаза любимого. Состав начинает медленно двигаться, потом потихоньку набирает скорость, она вскакивает на подножку и сквозь слёзы всё всматривается в фигуру застывшей матери, прижавшей к себе внука.

...Они встретились через месяц в её первом бою. Он, написавший ей из госпиталя и получивший равнодушный ответ «адресат выбыл», и она, поверившая похоронке.

Шквальный огонь разрезал небо на куски, атака захлёбывалась и снова начиналась. Прижав ладошки к ушам, крепко зажмурив глаза, она боялась в окопе. А её и не трогали: первый обстрел – это не шутка. Когда бояться стало стыдно, она выглянула из окопа. Какая-то девочка из санчасти, сама хрупкая и почти прозрачная, тащила бойца. По земле тянулся кровавый след, и было непонятно, кто ранен. Она рванула из окопа, схватила раненого за шиворот, помогая, но девочка белыми губами прошептала: «Сама... Там... Туда... Много...» Бояться стало невозможно! «Мамочки мои», – прошептала она и поползла туда, где нужна была её помощь.

Бинты, слёзы, кровь, какие-то нелепые слова успокоения потрескавшимися от страха и усталости губами. И их глаза, молодые и старые, испуганные, наполненные болью и надеждой, потому что вот она... Доползла, сейчас спасёт. «Сейчас, сейчас, миленький...» Она ладошкой вытирала мужские слёзы, по-детски дула на страшные рваные раны и всё шептала: «Сейчас, сейчас, миленький...»

Когда она перевернула очередного раненого, замерла. На неё сквозь плену боли глянули глаза её сынишки. Как? Он! Лихорадочно распахнула на нём шинель, промокшую от снега и крови, разорвала гимнастёрку, прижала руку к страшной ране. Он и выговорить ничего не мог, только шевелил губами и не верил глазам, вероятно принимая её любимый облик за бред. Проваливаясь в беспамятство, он почему-то вспомнил ромашки и её хохот, прохладную ладошку на лице, смахивающую пыльцу, и первый поцелуй: она восторженно чмокнула его в испачканный нос... Вот оно какое счастье – в пыльце ромашек и в прохладной ласковой ладошке...

– Не смей умирать! – окрик выдернул его из спасительного обморока. – У тебя сын дома дожидается! Ты войдёшь, а он тебе крикнет: «Папка пришёл!»

С усилием открыл глаза, слабой рукой дотянулся до её щеки, не веря собственному счастью и веря в это самое желанное счастье.

Где-то совсем близко разорвался снаряд, она накрыла его собой, вздрогнула от отчаянной боли, укусившей в спину, и прошептала прямо в его губы: «Не смей умереть второй раз!» Он, борясь с болью и беспамятством, перевернул её на спину.

В широко раскрытых глазах отразилось зимнее небо, и никаких ромашек, только смерть, которую она забрала себе. За любимого, за то, чтобы её сын однажды крикнул: «Папка пришёл!»

МОЛИНА АЛЕКСАНДРА

11 класс

Наставник: Ануфриева Наталья Владимировна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Средняя
общеобразовательная школа № 7
им. Н.К. Крупской»,

г. Кольчугино, Владимирская область

Если вернуться... Но ведь я не вернусь

Земля под ногами неприятно хлопала. Прошедший ночью дождь сделал из грунтовки грязное месиво. Конвоиры в тяжёлых сапогах, осторожно ступающие по траве, с садистской настойчивостью не давали сделать шаг в сторону и подталкивали автоматами к центру размытой дороги. Пленники не жаловались и не смотрели на сопровождающих, только старались не упасть и лишь иногда вглядывались в туманную дымку вокруг. Скоро они оказались у реки. Стволами автоматов, знаками и плохим ломаным русским языком солдаты подталкивали пленников к краю невысокого берега. Почти рассеявшийся утренний туман открыл быстрый поток, а бледное из-за облаков солнце подсветило людей.

Со стороны картина выглядела странно: напротив немецких солдат у самого края берега стояли... **ДЕТИ**.

Тихо летят паутинные нити,
Солнце горит на оконном стекле.

– Колька! – крикнула мать из палисадника. – Вынеси воды попить!

Мальчишка лет тринадцати спрыгнул с подоконника, глянул на сестру, копошащуюся возле двух деревянных игрушек и занимающуюся своими нехитрыми детскими делами на полу, привычно зачерпнул ковшом воду из ведра и вышел из дома.

Яркое солнце отражалось в окне и пускало зайчиков прямо на цветы и в глаза. Мама отёрла лоб, приняла ковш и отпила. Коля же смотрел, как ба-

бочка примостилась на её голове – на косынку с вышитыми цветами, которые были так похожи на те, что росли вокруг.

Из приоткрытого окна слышалось оживлённое бормотание. Как по команде, мать и сын обернулись на звук.

– Иди. Последи за сестрёнкой. Я скоро, – произнесла женщина.

Она сняла с головы Кольки запутавшуюся в волосах паутинку и скрылась за домом. Впереди был трудный день и недели работы в поле и по хозяйству. Мальчишка понимал, что его помощи недостаточно. Коля смотрел ей вслед и думал, как не хватает отца, умершего не так давно. Но все эти проблемы отодвинулись на задний план, когда стало понятно, что началась **ВОЙНА**.

Мама Коли после налёта на соседнюю деревню всё-таки решила уехать. Где-то далеко, на Урале, жили её дальние родственники. Женщина собрала детей и решительно направилась к станции. Бойкий Колька не спорил и только успевал выполнять распоряжения матери. Места в поезде мальчишка нашёл сам, занёс в вагон корзину и пару объёмных узлов, подал трёхлетнюю сестрёнку, которая не могла сама забраться по крутой лесенке. Помог, но сам вдруг отступил. Не сел на поезд. Мать всё поняла без слов. Увидела в мальчике своего умершего мужа, его решительность и непоколебимость в глазах и осознала, что увезти сына силой не сможет...

В последний момент женщина протянула руку. В ней была зажата та самая косынка, на которую несколько недель назад так удачно села бабочка. Коля выхватил яркий «кусочек» ткани, и поезд тронулся. Мальчик прижимал к себе косынку и провожал взглядом глаза матери, наполненные слезами.

Колька вернулся в деревню, собрал немного еды, вещей и покинул дом, в котором прожил всю свою жизнь. Он знал, что местные хотят уйти в партизаны. Немного задиристый, шустрый мальчишка был уверен, что те возьмут его с собой.

Не сразу, но в отряде поняли, что Коля не просто ребёнок, который по незнанию прибил к ним. Он оказался сметливым и решительным в моменты, когда некоторые застывали на месте. Мальчишка представлял окрестные деревни, хорошо ориентировался в лесу и всегда знал, где можно найти поляну с грибами или ягодами. А со временем научился использовать свои навыки на благо отряда. Именно он наткнулся на нескольких детей, которые прятались в лесу.

На задания его отправляли без опаски. Понимали, что мальчишка – крепенький: не выдаст и ничего не расскажет. При всей своей живости он мог молчать сутками, погружаясь в себя и только лишь чётко выполняя порученное ему дело. Часто он ходил на задания один, будто хотел доказать, что по праву занимает своё место в отряде.

Но на очередную акцию его отправили не одного, а с маленькой группой.

Что-то я делал не так;
извините:
жил я впервые на этой земле.

Саша, нахохлившись, как воробей, сидел на крыльце деревенского дома и следил за перелетающим с цветка на цветок шмелём. Недовольное выражение лица и скрещённые на груди руки выдавали настрой мальчика. Рядом примостилась старшая на год сестра Катя. Она, погружённая в книгу, тербила кончик ярко-зелёной ленты в косе и не замечала настроение брата.

А недовольный Сашка прокручивал в голове минуты перед отъездом. Он искренне надеялся, что родители в последний момент разрешат ему не ехать на целый месяц в деревню. Ведь он уже почти взрослый: только-только ему исполнилось двенадцать. Но когда отец помог занести небольшой чемоданчик в вагон и ещё раз попросил присмотреть знакомую за детьми, всё рухнуло. И если Катя спокойно попрощалась и даже помахала родителям из окна вагона, то Саша демонстративно отвернулся, а напоследок в сердцах и вовсе с обидой, с чувством пробурчал:

– Ну и отлично! Отдохну от вас! Хотя на всё лето отправьте! И скучать не буду!

А теперь он раздосадованно смотрел на шмеля, крутил в руках подаренный на день рождения перочинный ножик и злился на себя, что не попрощался с родителями. Он вспомнил, как на одной из станций из окна видел, как мужчина скупно, но трогательно обнимал рукой мальчишку, по всей видимости сына, сошедшего с поезда. И так Сашке стало жалко себя, что он не попрощался с родителями, хотя до встречи с ним и оставалось всего две недели, а через одну началась **ВОЙНА!**

Всё закрутилось быстро и неумолимо. Сначала они просто ждали, что же будет дальше. Потом спешно собирались обратно домой. Только с билетами на поезд была беда. Пожалел местный мужичок детей и вместе со своими на телеге согласился отвезти Сашу и Катю к станции небольшого города, откуда проще было уехать. Бабушка же обещала нагнать их позже, как только появится возможность.

Брат с сестрой доехали только до станции. Слишком быстро наступали войска, слишком рьяно бомбили, слишком беспощадно уничтожали всё на своём пути. Неожиданно Саша и Катя остались одни среди руин деревянного вокзала. Они прятались в покорёженном вагоне. Голодных, уставших и измученных, их нашёл мальчишка немногим старше. Он и рассказал, как плохо обстоят дела и куда им надо двигаться.

Позже они втроём долго пробирались по лесным тропам, надеясь попасть в безопасное место. А нашёл их, ещё более измученных, искусанных и собитыми в кровь ногами, маленький партизанский отряд.

Придя в себя, Саша решительно отказался возвращаться домой. После той бомбёжки на станции он неожиданно повзрослел и посерьёзnel. Говорил мало, поскольку стал немного заикаться. В критические моменты сжимал в руке подаренный родителями перочинный нож. Катя же, наоборот, замкнулась в себе и просто следовала за братом. Весёлая, улыбающаяся девочка молча выполняла порученные ей обязанности и про дом не упоминала вовсе.

Написанное родителям письмо поставило точку в их детстве.

Теперь они были частью отряда. Помогали в лагере, учились выживать в сложных условиях, драться и выполнять боевые задачи. У Сашки оказались острый ум и цепкая память, а Катя наловчилась бесшумно проникать в сложные места. Брат с сестрой работали, как одно целое, как слаженный механизм: понимали друг друга с полуслова, различали друг друга с одного шага.

Но на новое задание их отправили вчетвером.

Я её только теперь ощущаю.
К ней припадаю.
И ею клянусь...

Мишка сошёл на станции, где его должен был ждать отец. Дядька, у которого он гостил в соседнем крупном городе, посадил на поезд и наказал послать телеграмму, когда мальчик доберётся. В свои почти четырнадцать Миша путешествовал не первый раз этим маршрутом.

Ждать пришлось недолго. Через считанные минуты отец показался из-за небольшого деревянного здания вокзала. Он приветливо помахал рукой, а подойдя ближе, обхватил мальчишку большой, сильной и тёплой рукой:

– Здорова, Миха! Идём домой, мамка как раз обед накрывает!

Мальчик кивнул и на мгновение обернулся на поезд, собирающийся ехать дальше. В окнах мелькали лица пассажиров, разглядывавших станцию. Взгляд Миши на секунду зацепился за серые глаза мальчишки, внимательно рассматривающего его с отцом. Мгновение. Поезд тронулся. Пропал взгляд серых глаз, а Мишка с отцом направились туда, где ждали тёплые мамыны объятия, вкусный борщ, знакомый с детства дом.

Но для мальчишки было особенно ценно место на берегу тихо бегущей речки. Там можно было засесть с удочкой в камышах, искупаться в бодряще холодной воде, а можно было развести костёр и запечь картошку в углях или ранним утром слушать, как просыпается всё вокруг. Именно на берегу его застала новость, что началась **ВОЙНА.**

Туманная дымка уже рассеивалась над рекой, а мир наполнялся звуками нового дня. Мишка сидел на берегу и вырезал из дерева простенькую свистульку. Мальчик только недавно научился у дядьки делать такие. Острый нож споро срезал лишнее. Только бы успеть! Как хотел Мишка закончить до того, как отец уйдёт на фронт! Хотел подарить ему на память о себе! Не успел...

В то самое утро случился налёт. Населённый пункт просто стёрли с лица земли. Деревянные постройки оказались ненадёжным укрытием, да и время сыграло свою роль. Миша шёл по развороченной бомбами деревне, не обращая ни на кого внимания. Вокруг суетились выжившие, но его интересовал только один дом. Тот, которого больше... не было! Не было знакомых ступенек крыльца, не было вьющегося дымка из печной трубы, не было вкусного борща и не было тёплых маминых объятий, большой и сильной руки отца...

Мишка повалился у бывшей калитки и зарыдал. Он плакал, как никогда в жизни, горько и беззвучно, размазывая по лицу слёзы и землю. Только спустя долгий час мальчик поднялся на ноги. Он в последний раз взглянул на то, что осталось от его дома, приложил ладонь к земле и зашагал к окраине деревни. Выжившая соседка окликнула его на дороге:

– Миш, ты куда?

Мальчик в ответ лишь тихо себе под нос произнёс:

– Скоро вернусь... Отомщу и вернусь! Клянусь.

Его путь был сначала к соседней станции. Там отходили поезда в тыл. Миша видел, как люди спасаются от разрушений, запаха гари, будто постоянно витающего в воздухе, от боли и страха, как мужчины прощаются с семьями, как мальчишка подал матери маленькую сестрёнку, взял что-то из тёплых, заботливых рук и отошёл от поезда, оставаясь там, где не будет ничего хорошего.

Миша же повернул в совсем другую сторону, к другой станции, которая ещё на десяток километров отдалила его от безопасности. Там, в покорёженном вагоне, он обнаружил двух испуганных, уставших детей примерно своего возраста, а затем все они пошли туда, где их научат мстить.

Отряд партизан, нашедший их, принял Мишку без сомнений. Спокойный и рассудительный мальчишка учился быстро, не спорил, говорил чётко и по делу, безропотно выносил тяготы полевой жизни. Физически сильный, он помогал всем, чем мог. Научил делать простые свистульки для подачи сигнала. Но свою особую, ту самую, которую делал для отца, держал всегда при себе.

И на это задание Миша с тремя другими партизанами шёл, надёжно спрятав её за пазухой.

И по-другому прожить обещаю.
Если вернусь...

Четверо детей. Четверо партизан. Их заданием стала разведка местности и закладка бомбы под мост. Каждый из них уже выполнял что-то похожее. Каждый из них знал, на что идёт. Каждый из них понимал, что может не вернуться.

Всё складывалось особенно хорошо: удачная разведка, успешно взорванный мост и ни одного фрица на пути. Вернуться решили утром, чтобы не заплутать в ночи. Отдыхать стали на краю разграбленной и почти полностью сожжённой деревни. На ночлег устроились в наполовину целом, теперь заброшенном доме. Перекусили остатками лепёшек, которые дала в дорогу женщина в отряде, попили воды. Спать не хотелось. Тихий разговор под барабанивший по дырявой крыше дождь то затихал, то возобновлялся.

– Я мамку хотел повидать. И где-то она сейчас?.. – задался вопросом Колька.

– И я маму, – поддержала тему Катя.

– А мы и про п-папу ничего не знаем...

– Коль, а куда твои уехали? – спросила девочка.

– Куда-то на Урал.

– Может, встретишься с ними, – подытожил Миша и себе под нос прошептал: – Лишь бы были живы...

Как так получилось, они и сами не поняли. Только проснулись от звука немецкой речи. Убежать не получилось: момент не попался, да и обнаружили ребят быстро.

Не пытали. Немцы решили, что нашли просто детей, оставшихся одних в своей сожжённой деревне. Сашка молодец: придумал спрятать все вещи под половицу, чтобы сойти за местных. Никто не признал в четырёх подростках партизан, которые взорвали мост двумя днями ранее и подожгли соседнюю деревню, где остановился на ночь отряд немецкой армии. Но отпускать их никто не собирался. Под конвоем повели, ради садистской забавы решили, что не лишним будет расстрелять. Да не просто так, а нервы пощекотать, поэтому отвести на берег реки, что прямо за деревней.

Земля под ногами неприятно хлюпала. Прошедший ночью дождь сделал из грунтовки грязное месиво. Конвоиры в тяжёлых сапогах, осторожно ступающие по траве, с садистской настойчивостью не давали сделать шаг в сторону и подталкивали автоматами к центру размытой дороги. Пленники же не жаловались и не смотрели на сопровождающих, только

старались не упасть и лишь иногда вглядывались в туманную дымку вокруг. Катя изредка хватала за руку Сашу, чтобы удержать равновесие. Коля и Миша шли и вовсе будто окаменевшие. Скоро они оказались у реки. Стволами автоматов, знаками и плохим ломаным русским языком солдаты подталкивали пленников к краю невысокого берега. Почти рассеявшийся утренний туман открыл быстрый поток, а бледное из-за облаков солнце подсветило людей.

Немецкие солдаты нагло, чувствуя власть и наслаждаясь ею, смотрели на ребят, стоящих перед ними. Три мальчика и девочка не двигались, но и не поднимали взгляд на своих палачей. Говорить не было смысла, умолять никто из ребят не стал бы. Особенно после того, как на их глазах повесили пленного. Он был безоружен и не выказывал никакого неповиновения, лишь апатично смотрел по сторонам, будто смирившись или просто сойдя с ума от ужасов, увиденных на войне. Его казнь стала для ребят неожиданностью. Двое солдат, будто издеваясь, с улыбкой подхватили пленного и потащили к дереву. Намотали на шею верёвку и поднимали несколько раз над землёй, не давая полностью прийти в себя или умереть. Не выдержала Катя, закричав:

– Перестаньте мучить его! Перестаньте! Нелюди!

Она расплакалась, уткнувшись в плечо младшему брату. Миша и Коля стояли не двигаясь, лишь с ненавистью сверля взглядами солдат. Фрицы ухмыльнулись и подняли пленного над землёй в последний раз...

Теперь, стоя на берегу реки, ребята понимали, что никто их уже не спасёт. Оставалось только ждать: расстреляют их сразу или придумают что-то более бесчеловечное...

Один из военных сказал другому что-то по-немецки, затем оба прицелились. Раздались выстрелы. У самых ног ребят. Простой расстрел показался фрицам скучным. Они скалились и продолжали целиться. Стреляли. Снова что-то говорили на немецком, снова скалились и снова стреляли. Они тешили четверых детей всё ближе к краю, а быстрые холодные воды ждали, когда кто-нибудь оступится и упадёт в их смертельные объятия. Первым соскользнул Саша, не удержав равновесие. А за ним следом без раздумий бросились Катя, Коля и Миша. Им было уже всё равно. Холодная вода сомкнулась над головами всех четверых. Пули прошли поверхность. Никто из ребят не слышал, но над рекой, кроме выстрелов, раздавался громкий мерзкий хохот немецких солдат...

Как удивительно и непередаваемо пересекаются судьбы! Четыре ребёнка, четыре подростка, четыре неожиданно повзрослевших человека.

Их объединила война. Они пережили минуты, когда всё стало иначе и уже не будет по-прежнему.

Их объединило решение. В жизни каждого был момент, когда пришлось выбрать, как поступить.

Их объединило молчание. Каждый будто берёг слова для особого случая.

Их объединил отряд, где по одному они бы не справились.

Их объединила река. Она приняла всех четверых в свои ледяные объятия.

...На большом экране проносились фотографии, имена, фамилии и годы жизни, которых было так невозможно мало. Недостаточно. Голос за кадром рассказывал о тысячах детей, попавших на войну, сражавшихся наравне со взрослыми, разделявших тяготы полевой жизни, переживших потерю родных и пытки. Всё это было близко и одновременно так далеко для Александра Викторовича. Прошло немало лет, но у него перед глазами стояли лишь трое подростков: Катя, Миша и Коля.

Но ведь я не вернусь*

Александр Викторович, или всё тот же Сашка, помнил своих друзей и знал их судьбы.

Знал, что бойкий, немного задиристый Колька ещё долго и храбро сражался с фашистами и пропал без вести в сорок четвёртом.

Знал, что спокойный и рассудительный Миша закончил свой путь в крошечной деревеньке, где взорвал гранату, когда его окружили немцы.

Знал, что когда-то улыбчивая Катя всё же выстояла войну, но долгое нахождение в ледяной воде подорвало здоровье настолько, что прожила она после всего тринадцать лет.

Обо всех них у Саши остались память и маленькая коробочка в ящике шкафа. Коробочка с вещами, которые были так дороги им четверым. В далёком сорок втором на том самом задании, где они все чуть не погибли от случайных пуль немецких солдат, пущенных в воду, от течения и холода реки, они спрятали всё, что могло их выдать, под половицу заброшенного дома. Туда же оправились самое дорогое для них, оставшееся от мирной жизни: Коля оторвал от сердца мамину вышитую косынку, Миша – свистульку, сделанную для отца, Катя – свою ярко-зелёную ленту, а Саша – перочинный нож.

Александр Викторович забрал их маленькие сокровища через несколько месяцев, когда снова оказался в той же деревне. Но вернуть ребятам так и не случилось. А теперь эти вещи хранились у него как напоминание о тех, кого уже нет. О тех, кто уже не вернётся. «Они» и сейчас были с ним,

в небольшом зале Дворца культуры, где к Девятому мая устроили торжественный концерт, показывали кадры хроники и собрались те, кто помнил события страшной войны.

Когда мужчина сидел на лавке в фойе и рассматривал общие с ребятами «сокровища», кто-то тронул его за плечо:

– Здравствуйте! Вы Александр Викторович?

Перед ним стояла женщина в строгом костюме. За руку она держала мальчика лет десяти, в котором угадывалось что-то неуловимо знакомое.

– Так точно.

– Я Ульяна, сестра Коли, с которым Вы были в партизанском отряде.

Александр Викторович протянул женщине косынку с вышитыми цветами...

* Стихотворение Роберта Рождественского «Тихо летят паутинные нити».

ЛАЗАРЕВА ЯНА

3 курс

Наставник: Рыкина Виктория Викторовна,
преподаватель,

Краевое государственное профессиональное
автономное образовательное учреждение
«Камчатский колледж технологии и сервиса»,

Камчатский край

Жажда жизни: путешествие из Санкт-Петербурга в Ленинград, 1941

Опять война. Опять блокада?
А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда: «Не надо,
Не надо раны беречь...»
И может показаться: правы
И убедительны слова,
Но даже если это правда,
Такая правда – не права!

Ю.П. Воронов

31 декабря 2024 года

Вы когда-нибудь задумывались о том, как хрупка наша жизнь? Ощущали ли вы холод, голод, страх? Возможно, вам приходилось преодолевать трудности ради собственного выживания? Вы осознаёте, что такое подвиг, и способны ли вы его совершить?

Люди часто принимают жизнь как должное, не осознавая её настоящей ценности. Они не понимают, какой ценой оплачено их современное спокойное существование. Я хочу поделиться с вами историей удивительного путешествия, благодаря которому я поняла, как ужасны идеи фашизма, как бесчеловечна война и как важно сохранять мир, ценить близких и защищать родную землю.

Холод и темнота окутывали улицу, и лишь медленно проступающие оттенки рассвета озаряли небо над Санкт-Петербургом. Солнечные лучи начали пробиваться сквозь сумерки, освещая этот бесконечно красивый

город. Небосвод залился нежными оранжевыми красками, предвещающими восход солнца. Город приходил в движение, вместе с ним просыпались и птицы, наполняя воздух своим радостным щебетанием.

Один из лучей солнца пробрался сквозь гостиничные шторы, заставив слегка приоткрыть глаза. В этот момент я услышала раздражающий звонок телефона, окончательно прогнавший остатки сна. Пришлось протянуть руку, чтобы отключить его. Это мама, она постоянно звонит, говорит, как любит меня, как скучает. А чего скучать – я уже взрослая и в родителях почти не нуждаюсь... Лёжа на спине, я скрестила руки на груди и уставилась в потолок, размышляя о том, какой день меня ждёт впереди, ведь я приехала в город-праздник, город моей мечты. Спустя несколько минут, после глубокого вздоха, я наконец села, опустив ноги на прохладный пол.

– Пора вставать... Но так лень, может, мне ещё поваляться пару минут? А завтрак? Да куда он денется, всегда успею поесть где-нибудь. Здесь еда на каждом углу: кафе, столовые, ресторанчики, наконец, шаурму (попитейски – шаверму) никто не отменял. Зевнув, я перевела свой взгляд на настенные часы: половина десятого... Ну что ж, надеюсь, этот день принесёт что-то хорошее.

Спустя пару часов, обув зимние сапоги и надев куртку, я покинула гостиничный номер и отправилась на экскурсию по предновогоднему Санкт-Петербургу. Спустившись по лестнице, вышла из парадной (в этом городе только так и говорят!) и ощутила лёгкий ветерок, коснувшийся моего лица. День был сырой и тёплый.

Идя по улице, я внимательно осматривала здания, каждое из которых хранило свои тайны и историю. Всё вокруг было усыпано праздничной иллюминацией, вокруг царило весёлое и немного шаловливое настроение. Эти мысли рождали во мне непреодолимое желание узнать прошлое этого места. Часто я мечтала о том, что сделала бы, если бы могла вернуться назад во времени, чтобы увидеть всё собственными глазами.

Погружённая в свои мысли, я даже не заметила, как быстро дошла до станции метро «Гостиный двор». Город поражал своей силой и монументальностью, казалось, даже века не смогут разрушить это величие и красоту. Чтобы лучше рассмотреть «архитектуру модерна» дома компании «Зингер» (большое видится на расстоянии), я решаю перейти по подземному переходу на другую сторону улицы. Пока я спускалась под землю, раздался звук уведомления, и я быстро достала телефон из кармана. В этот момент шумная стайка школьников пробежала мимо,

и кто-то неосторожно толкнул меня под локоть... И, конечно, мой телефон громко шлёпнулся на бетонный пол. Ну вот, уровень моей везучести, как всегда, нулевой. Пришлось снимать перчатки, наклоняться в неудобном пуховике, чтобы, подняв телефон, обнаружить, что экран разбился и потёк. В самый последний момент я успела лишь рассмотреть дату... 31.12.1941...

Меня начала охватывать паника, и я задала себе вопрос: «Как это возможно?»

Вдруг стало очень-очень холодно, даже моя тёплая одежда не спасала от мороза. Люди, проходившие мимо меня, были одеты в странную, тёмную, громоздкую одежду... Но меня больше всего поразили их глаза: они были бездонными, в них читалось столько боли и страдания, что у меня невольно сжалось сердце.

Глубоко дыша, стараясь успокоиться и взять себя в руки, я пыталась подавить нарастающую панику. Через две-три минуты мне удалось немного прийти в себя, я пошла вперёд и вышла на другой стороне улицы... Вернее, вышла в другой мир – мир блокадного Ленинграда.

Шагая по скрипучему снегу, я наблюдала ужасающую картину: большинство зданий на Невском разрушено бомбёжками (время не смогло разрушить, а война уничтожила), обесточенные трамваи замерли на рельсах, мимо меня медленно шли люди, некоторые везли на саночках свой скорбный груз (с ужасом я понимаю, что они везут). На земле лежат мёртвые тела, их много, они повсюду. Я поднимаю глаза вверх, чтобы не видеть этот ужас и вижу... Вижу эти глаза... Огромные, карие и... живые! Из окна, перехваченного крестом из бумаги, на меня смотрит девочка, маленькая девочка, лет семи. Она машет мне рукой, она зовёт меня. Я делаю шаг, второй... Потом парадная, второй этаж. Дверь в квартиру приоткрыта, я вхожу в тёмную прихожую... Малышка закутана в пуховую шаль, но даже сквозь это одеяние понятно, какая она маленькая и худенькая и как хрупка та ниточка сил, которая связывает её с жизнью.

– Расскажи мне сказку, мамочка ушла отоваривать карточки на хлеб, и её уже очень долго нет.

Я беру малышку на руки и, слегка покачивая, начинаю рассказывать, как мы обязательно победим эту «коричневую чуму», как поверженные фашисты будут бежать из нашей страны...

– А когда это будет? – спрашивает она, перебивая меня.

– Малыш, ещё немного надо подождать, и тогда твоё детство вновь станет счастливым и безоблачным.

– А мама? Моя мама будет со мной? Я очень, очень хочу, чтобы мама всегда была со мной. Чтобы она в любой момент могла меня обнять, спросить: «Как дела?» – и чтобы я, даже когда стану взрослой, могла обвить своими руками её шею и сказать: «Я так тебя люблю! Спасибо, что ты рядом» (в этот момент краска стыда и раскаяния залила моё лицо).

– Катюшка, ты где? – раздался голос из прихожей. В комнату вошла худая, измождённая голодом женщина. Но в глазах у неё светилось столько любви и ласки к своему ребёнку, что я поняла: «Они выживут, они обязательно выживут в этой страшной мясорубке войны. Потому что любовь предаёт им силы и надежду. В этот момент я поняла секрет живучести Ленинградцев: любовь к близким и забота о них делала их непобедимыми!

Выйдя на улицу, я двинулась вперёд, по израненному фашистскими бомбардировками Невскому проспекту. Вдруг раздался вой сирены. Обстрел, опять обстрел... Репродуктор призывал жителей укрыться в бомбоубежищах. И тут, к своему удивлению, я увидела не хаотичное движение людей в безопасное место, а вполне организованные, чётко отработанные действия. На стене одного из домов я увидела так хорошо знакомую из школьных учебников надпись: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!» Дружинники с красными повязками направляли потоки граждан в бомбоубежище. Главная цель германского командования – посеять страх и хаос в осаждённом городе – не была достигнута. В этот момент я, кажется, поняла вторую тайну этого непокорённого города: не паника, а чётко слаженные действия помогают в критической ситуации сохранять жизнь.

Я в гору саночки толкаю. Ещё немного – и конец.
Вода, в дороге замерзая, тяжёлой стала, как свинец...
И Смерть сама сидит на козлах, упряжкой странно горда...
Как хорошо, что ты замёрзла, святая невяская вода!
Когда я поскользнусь под горкой, на той тропинке ледяной,
Ты не пролѣшьшься из ведѣрка, я привезу тебя домой.

Варвара Вольтман-Спаская

После окончания обстрела я пошла по направлению к Неве. Великая река уже совсем замёрзла. Но в осаждённом городе не было света, значит, и водопровод не мог работать, поэтому берега Невы стали для всех главным источником воды. Со всех сторон к реке тянулись люди, они старались набрать воды из ледяной полыньи и довести её домой, и, даже если на это совсем не было сил, они понимали: надо...

Печка-буржуйка и согретая на ней вода из Невы были для многих источником жизни и надежды. Самое страшное в любой войне – это когда страдают мирные жители, когда нет сил, когда опускаются руки. Именно таких результатов ждали фашистские оккупанты, окружая и блокируя многомиллионный город. Они не понимали, что советские люди, уже прошедшие через горнило революций, гражданской войны, поднявшие страну в период индустриализации и коллективизации, просто не имеют права на отчаяние, им это не позволит тот внутренний стержень, вера в себя и государство. И я, осознав эту третью тайну города, поверила, что и со мной всё будет хорошо!

Пройдя ещё несколько полуразрушенных зданий, я подошла к магазину, где собралась толпа людей, получавших маленькие кусочки хлеба. Присмотревшись, я увидела хлебную карточку и была поражена тем, как люди могли существовать на столь малом количестве пищи.

Шестнадцать тысяч матерей
пайки получают на заре,
сто двадцать пять блокадных грамм
с огнём и кровью пополам.

Ольга Берггольц

Подойдя к стоящим в очереди людям, я невольно стала свидетелем разговора двух молодых девушек. Они обсуждали, что после получения хлеба отправятся в... библиотеку... заниматься физикой и астрономией! Я охнула так, что они обернулись ко мне. Моё удивление отразилось на лице явным вопросом: «Зачем. Ведь идёт война?» Они серьёзно посмотрели на меня и дружно ответили: «Война скоро кончится, мы победим! И советские космические корабли будут бороздить планетарное пространство солнечной системы! И мы будем теми, кто их будет создавать!» Отходя от них, я улыбалась. А ведь они правы, правы на сто процентов, всё так и будет, и главное, что эта вера в будущее, вера в победу ломает все фашистские планы и не даст покорить этот величественный город с его ослабленными физически, но одновременно очень сильными духом жителями! И это тоже было тайной силой блокадного города!

Опять взвыла сирена. Взрывы раздавались всё ближе и ближе. Поскальзываясь на снегу, я ринулась в ближайший подземный переход, так как бомбоубежища рядом не было. Шаг, второй, лечу кубарем. Вскрикиваю и... замуриваю глаза, тут же слегка приоткрыв их, вижу переливы разноцветных гирлянд и множество новогодних фонариков...

В этот момент ощутив, что виденное ещё несколько минут назад стало очень далёким прошлым, я расстроилась, что ничего не взяла оттуда на память. Но тут же осознала, что с собой я забрала самое главное – понимание того, в чём сила Ленинграда и ленинградцев. Почему, вопреки всем вражеским усилиям, этот город выжил и, преумножив свою красоту и величие, предстал перед миром с историческим именем Санкт-Петербург!

Р. С. Ускорив шаг, я помчалась в гостиничный номер звонить своей любимой мамочке!

ПРИЗЁРЫ
1 КАТЕГОРИИ

МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

АНАСТАСОВА ОЛЕСЯ

6 класс

Наставник: Питирякова Ангелина Эдуардовна, советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями,

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 108 имени Первой Гвардейской Армии городского округа Макеевка»,

Донецкая Народная Республика

Мышки

Какое же сегодня солнечное зимнее утро! Тепло, как весной. Вот Леночка из третьего «А» смело шагает в школу, наверное, хорошо выучила стихотворение. А это Костя и Серёжа из 11-го класса, парни-красавцы. Мои любимчики Олеся и Артём – сестра и братик – идут в школу, поглядывая в мою сторону, отличники. Я бы тоже хотела учиться с ними. Но я мертва. Только памятник с игрушками и цветами напоминает о моей смерти более 80 лет назад.

Внезапно в небе появляется белая полоса. Дети давно в курсе: летит ракета ПВО сбивать вражеский снаряд. А как иначе? Сейчас точно будет громко, да ещё и осколки посыплются. Ба-бах! Бело-серое облако, звук прилёта вдалеке. Всё, можно двигаться дальше. И ребята идут в школу, страшно, конечно, но такова их сегодняшняя реальность в Донецкой Народной Республике. А моя реальность была немного другой.

Меня зовут Лида, и мне было девять лет, когда я умерла. До февраля 1942 года я жила с бабушкой, потому что родители погибли ещё в моём младенчестве. Бабушка у меня была замечательная! Ох, помню я те скрипучие морозы и сугробы снега: набегаясь, накатаешься, нос красный! Прихожу домой, а там бабушка с горячим травяным чаем и ароматными пирожками с капустой – моими любимыми, вку-у-у-сными!

Но случилось то, что случилось. Пришли немцы, бабушку угнали на работы в Германию, а меня отправили в приют «Призрение»,

созданный в феврале 1942 года по распоряжению коменданта Макеевки Мюллера.

Сколько нас там было, я даже сосчитать не могла, часто приводили «новеньких». В комнате, где я оказалась, было ещё 11 девочек. Однажды в приюте я увидела свою подружку с соседней улицы. Она рыдала. Оказалось, что её папу увели на расстрел, а мама бросилась за ним, так немцы её и забрали. Теперь Наденька в приюте, ей всего шесть лет. Встречались здесь и совсем малыши – даже до годика, они громко кричали, плакали.

Дни тянулись медленно. Хотелось кушать, очень хотелось. Вот бы бабушкиного пирожка с капусточкой, ну хоть кусочек... А кормили нас гнилым буряком да мороженой картошкой. Бывало, сухарь какой немцы подкинут, плесень и грязь оботру рукавом, да и тому рада. Кукурузу помню в початках. Сухая-сухая, для скотины. Грызу полкочана, кровь бежит из дёсен, противно во рту, в горле всё подрано, слёзы льются, а выхода нет. Бывало, у наших по два зуба за раз выпадало от такой кукурузки. Исхудали мы все, кожа да кости. Не поешь – не выживешь. А выживали не все...

Но голод – это не самое страшное. Сдача крови – вот чего боялись все. Как нам говорили, мы идём сдавать анализы. Когда меня первый раз завели в медкабинет, там уже на кушетке лежал мальчишка лет пяти. Он еле дышал. Казалось, ещё пару минут, и он умрёт. Его кровью была заполнена какая-то бутылочка, а страшную красную трубку с иглой на конце уже вытаскивала медсестра из его синей руки. Мне большой иглой прокололи вену, я не плакала, сказали терпеть – терплю. Смотрю: пятно расползается по руке. Медсестра плохо попала. Что ж, ещё попытка. Слово-то какое, «попытка». Созвучное с «пытка». А так и есть, сплошная пытка и боль. Чувствую, дыхание спёрло. Что-то резко zavоняло, очнулась. Как же мне плохо, сил дойти до своей кровати не было. А уже позже мы узнали, что сдаём кровь для солдат рейха. Госпиталь неподалёку был переполнен ранеными. Там считали, что детская кровь отлично подходит для лечения, и чем её больше, тем лучше. Иногда из медкабинета дети не возвращались в свои комнаты. Кровь забирали всю. Маленькие трупы свозили в могилу, над которой сейчас стоит памятник.

Сочувствия от тех, кто работал в приюте, не было. Могли избить, специально не дать есть ни крошки. Я и Наденька поняли, что вести себя лучше тихо, ведь у меня созрел план. Не хочу здесь больше находиться! Бежать вдвоём решили ночью. Городской парк виднелся в наше треснувшее окно. Аккуратно разобрав стекло, мысленно попрощавшись с друзьями, я рванула вперёд, схватив Надю за руку. Перебегая парк, мы несколько раз с леденящим ужасом спотыкались об останки людей, которые лежали

здесь после вчерашнего расстрела. Впереди стоял небольшой дом. Это наше спасение! Тук-тук. Дверь открыла женщина и удивлённо на нас посмотрела. Мы быстро рассказали, что происходит в приюте, попросили помощи. Татьяна (так её звали) спокойно выслушала, напоила нас сладким чаем и велела спать. Сама же куда-то ушла. Мы с Надей, как мышки в норке, лежали на маленьком диванчике под одеялом. Сладко заснули. Разбудил нас немец, схватив так больно, что косточки затрещали. Он знал Татьяну, а она знала его...

Надзирательнице нас вернули со словами «полные доноры»... Я поняла сразу, что это конец. Наде говорить не стала, но мне кажется, что по моим глазам она догадалась. Завели нас в медкабинет и положили на кушетки друг напротив друга. Толстые иглы, трубки, банки. Наденька сдалась первой... Безмолвное прощание. Она не проронила ни звука, только слёзы текли до последнего вздоха. Глаза стали стеклянными. У меня закружилась голова. Я увидела бабушку, которая протянула мне пирожок с капустой. Пришло осознание, что бабушки уже нет в живых. Как и меня...

Теперь я часто бываю здесь, около школы № 108 на месте нашего захоронения, где стоит единственный в мире памятник детям-донорам. Моего имени нет среди 120 здесь написанных. А нас было около 300. Всего за время существования приюта через истязания в нём прошли около 600 детей. Важно помнить. Нужно знать.

Ой, а вот и Олеся с Артёмкой уже бегут из школы, счастли-и-и-вые! Маме полные дневники пятёрок надо показать! Вы поглядите, прямо передо мной остановились. Игрушку новую принесли к памятнику. Спасибо, мои дорогие, что не забываете радовать нас! Пусть память живёт в ваших сердцах и история приюта «Призрение» не повторится никогда!

Источники

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны: сборник документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева. 23 т. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020.
2. Вышли в свет сборники документов о преступлениях нацистов на территории Белорусской ССР // Федеральное архивное агентство. URL: <https://archives.gov.ru/press/30-09-2021-sbornik-bez-sroka-davnosti-belarus.shtml> (дата обращения: 28.12.2024).
3. Они упивались детской кровью! // Судьба – Мы еще живы. 6 июля 2020. URL: <https://clck.ru/3G4Qo8> (дата обращения: 27.12.2024).
4. Памятник жертвам «немецкого порядка» // Донбасс. № 185. 13 октября 2006. URL: <https://goo.su/yCCi8h> (дата обращения: 27.12.2024).

БАХМУТОВ НИКОЛАЙ

7 класс

Наставник: Габараева Марина Михайловна, учитель русского языка и литературы,

Общеобразовательная автономная некоммерческая организация «Православная общеобразовательная гимназия имени Преподобных старцев Глинских»,

г. Фролово, Волгоградская область

Ожоги и шрамы войны

Горькую правду Второй мировой
Не перекрасить и не затуманить,
Грязной возни заглушив разнобой,
Громким набатом звучит наша память.
Перепоясана болью страна,
К здравому смыслу вызывает упрямо:
В каждой советской семье от войны
Всё ещё ноют ожоги и шрамы.

Н. Бурнашева-Целищева

Великая Отечественная война... Восемьдесят лет прошло, много книг написано, много фильмов создано, но не заживает рана в сердцах потомков. Снова и снова возвращаемся мы к тому времени, к тем страшным событиям. Возвращаемся потому, что это – наша история, наша боль и наша гордость! И ещё потому, что это – наша память, хранящаяся в каждой семье, в каждом сердце! Пока мы помним, у нас есть будущее!

В нашей семье День Победы – это всегда праздник «со слезами на глазах», день воспоминаний и гордости. С трепетом вспоминает папа рассказ своей бабушки (моей прабабушки) о своём героически погибшем муже, подарившем нам возможность жить в великой стране, гордиться нашим Отечеством и его богатым историческим прошлым. С болью и горечью рассказывала прабабушка о том, как провожала на фронт любимого мужа, которого ей не суждено было дожидаться с войны. Со слезами вспоминала она и о том страшном дне, когда ей пришла похоронка, слова которой она уже не смогла забыть: «Ваш муж – рядовой красноармеец Бахмутов Виктор Андреевич,

уроженец Сталинградской области, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит в ходе Синявинской операции 23 сентября 1942 года». Подвиг моего прадедушки оставался в сердце прабабушки до конца её дней. Память о нём она с любовью и трепетом пронесла через всю жизнь и передала сыну и внукам.

Не скрывая слёз, вспоминает мама о своём дедушке, который во время войны шестнадцатилетним мальчишкой работал на угольной шахте в городе Губаха Пермского края по 15 часов в сутки. Было голодно, часто не хватало сил подниматься из забоя на поверхность, но люди поддерживали друг друга, работали, не щадя себя, с верой в Победу! Два раза мой прадедушка попадал под завалы в шахте, но не допускал мысли всё бросить. Вновь и вновь он спускался под землю добывать так необходимый для страны уголь. Там он подорвал своё здоровье, заработал порок сердца, но никогда не пожалел о своём вкладе в нашу Победу! Такую выносливость, самопожертвование, верность и преданность своему Отечеству можно встретить только у наших людей!

Мою прабабушку Галю в 1942 году из Сталинграда угнали в концлагерь Освенцим. Из счастливой мирной жизни пятнадцатилетняя девочка попала в ад. От её рассказов кровь буквально стынет в жилах: настолько ужасны и невыносимы были условия. Каждый день в лагере был наполнен непосильным трудом, голодом, истязаниями, пытками, болью, страхом, ожиданием скорой смерти как избавления от мук. Как может человек в пятнадцать лет просить у Бога для себя смерти?! Как может пройти через весь этот ужас и остаться человеком?! Непостижимо! 27 января 1945 года советские войска освободили Освенцим, подарив надежду оставшимся в живых узникам самого страшного лагеря смерти. Именно этот день прабабушка считала своим вторым днём рождения. И только в этот день, один раз в году, она вновь и вновь, захлёбываясь от слёз, воскрешала в памяти все события этих ужасных лет. На всю жизнь на её руке остались цифры – лагерный номер – как память о том, что пережито. До самого конца прабабушку мучили ночные кошмары: она так и не смогла забыть всех зверств фашистов. Прабабушка всегда говорила: «Только никогда не забывайте об этом, только помните! Передайте эту память своим детям, внукам, правнукам! Пока жива эта память, не может и не должно быть повторения фашизма!» И эта память, как завещание, хранится в нашей семье. И мой долг – передать её моим детям, чтобы она навеки жила в сердцах тех, ради кого мои родные не жалели себя, свои жизни, чтобы мы могли жить, говорить на родном языке, гордиться, что мы – великий народ, способный пройти все испытания на благо своей Родины!

К сожалению, я не застал своих прабабушек и прадедушек в живых, но чувствую, что они – часть меня, что я знаком с ними по рассказам моих родителей, которые свято и бережно относятся к памяти своих родных, передавая её нам, детям. И такие истории можно услышать в каждой семье, ведь эта ужасная, кровопролитная война не обошла ни один дом, принесла много горя и сломанных судеб. Каждый из моих родных с честью прошёл свой путь к Великой Победе, сделал всё, что было в его силах. И это ко многому обязывает меня.

Я горжусь тем, что живу в России, на священной Волгоградской земле! Не хватает слов, чтобы описать подвиг воинов и тружеников тыла, не хватает слёз, чтобы оплакать погибших! Мы, потомки, всегда будем благодарны героям, отдавшим жизнь за наше будущее.

ГЛИНСКАЯ АЛИСА

5 класс

Наставник: Редчук Ольга Алексеевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Красноборская средняя школа» Красноборского
муниципального округа, Архангельская область

Рассказ старого флюгера

Кто вспомнит обо мне, старом флюгере, жившем в Архангельске на башенке дома с мезонином. Не встретите меня нынче на Чумбаровке... Но именно здесь, на углу бывшего Псковского проспекта и Соборной улицы, прошла моя жизнь. Недолг был мой век, но с высоты удалось повидать многое: трёх страшных призраков войны и счастье великой Победы.

22 июня в 12 часов дня по радио сообщили: «Война!» Загудели все заводы города, заплакали женщины...

Первый призрак войны прилетел с ледяным октябрьским ветром сорок первого года. Это был Голод. Как дикий зверь, рыскал он по архангельским улицам, оставляя на снегу умирать измождённых людей. Однажды серая потрёпанная бумажка, заброшенная ветром на крышу, прилипла к моему флажку. Продовольственная карточка! Символ чей-то надежды и страдания. А в ней написано: «При утере не возобновляется». По ней студент, рабочий, служащий получали «норму» продуктов, практически только хлеб. В декабре 1942 года выдавали по 75 граммов хлеба на человека, это полтора ломтика. Я знал, что цена этой карточки – чья-то жизнь, раскрутился с порывом ветра и скинул её вниз, чтоб кому-нибудь помочь. Каждый боролся с призраком голода как мог. Уже летом трудно было найти в городе хоть клочок земли, не занятый картофелем, морковью или репой. И люди выжили!

Осенью 1942 года в городе появился ещё один страшный призрак – призрак Огня. Сотнями фугасных и зажигательных бомб обрушился он на Архангельск. Горел золотой сентябрь, горели заводы и дома,

горели жизни. Я наблюдал с высоты этот обманчивой красоты фейерверк, ведь с каждой упавшей бомбой усиливался ужас. Видел, как дежурившие на крышах мальчишки железными щипцами хватали «зажигалки» и совали их в заранее приготовленные ящики с песком, потому что иначе потушить их нельзя, или накрывали своими пальтишками. О, как страшен был каждый налёт немецкой авиации! За полтора года их было 460! Но продолжали работать лесозаводы и судоремонтный завод в Соломбале, порт. И город выстоял!

С призраками Голода и Огня неизменно появлялся безмолвный призрак Смерти. Самый страшный, жестокий и беспощадный. 38 тысяч человек умерли в Архангельске во время Великой Отечественной войны от голода и цинги, бомбардировок. По числу потерь мирных жителей в годы войны Архангельск уступает лишь блокадному Ленинграду.

1418 дней! Я помню каждый из них. Я помню, как метались тени призраков, стараясь сломить дух людей. Кто обрушил их на город, на страну? Каждый ребёнок знал имя этой беде – фашизм. Я помню героизм своих земляков, отважно сражавшихся со Злом. В чём их сила? В любви к Родине, к городу, к своим родным и близким.

Тёплым майским утром 9 мая 1945 года на мой флажок сел белый голубь, он принёс счастливую весть: «Война закончилась! Мы победили!»

Шли годы, менялся облик города, менялись люди. Старый флюгер успел повидать немало праздничных салютов. А потом, как и всегда бывает в этом мире, незаметно исчез из города. Но в памяти людей пусть останется его рассказ о стойкости и мужестве жителей Архангельска в годы Великой Отечественной войны.

КОЗЛОВ АРСЕНИЙ

7 класс

Наставник: Григорьева Ирина Александровна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 9»
имени Героя Советского Союза П.Г. Макарова,
г. Алатырь, Чувашская Республика

Машина кукла

Однажды в нашем классе состоялся урок на тему «Моя любимая игрушка». Ребята принесли свои любимые игрушки: плюшевого гуся, умного робота, модель гоночного автомобиля. Каждый с гордостью представлял свою игрушку, рассказывая, чем она дорога. Звучали истории о съёмке местности с квадрокоптера, запуске вертолётки и сборке моделей танков образца времён Второй мировой войны.

Когда очередь дошла до новенькой Насти, она достала куклу. Вид куклы заставил на мгновение умолкнуть весь класс. Кукла была выгоревшей, ободранной, но в новом наряде из бархата и кружев. Класс дружно расхохотался. «Где она это нашла?» – спросил я, указывая пальцем. «На помойке!» – весело ответила Ксюша.

Но Настя не смутилась. Она крепче прижала к себе куклу, вышла к доске и начала рассказ. Её спокойный, уверенный голос заставил нас замолчать. Чем дольше мы слушали девочку, тем ужаснее казалось нам наше поведение.

«Это не просто кукла, – сказала Настя. – Я хочу поделиться с вами историей, которую мне рассказала моя прабабушка Маша».

В 1941 году я была очень маленькой, и начало войны стало моим первым воспоминанием. Война пришла к нам с неба рёвом сотен вражеских бомбардировщиков с чёрными крестами на крыльях. Потом в небе появились парашюты, которые оказались вражескими минами. Когда они бабахнули, город загорелся...

После пришли немцы. Забрали меня, маму и старшую сестру. Я помню, как они сгоняли нас к товарному поезду: «Шнелль! Быстро! Их шисен! Стрелять буду!» А в поезде женщины, девчата, ребята, малолетки, как я, и немного военнопленных. Зато фашисты радовались, как победители. Нашли, над кем побеждать! Тут я впервые услышала страшные слова: «шталаг», «ауфганлагер», «Аушвиц-Биркенау», «Равенсбрюк».

Моя мама знала немецкий и тихонько переводила всем разговоры фашистов: «проводить селекцию человеческого материала», «не допускать скопления нетрудоспособных», «дефектный материал отсеять». Так называемую «селекцию» немцы начали в Польше прямо в вагонах: угнали стариков и больных «на стройплощадку» (в газовую камеру).

В Германии первой остановкой был лагерь Дора-Миттельбау. Там высадили самых крепких, здоровых узников, чтобы они работали в тоннелях на установке ракет ФАУ-1 и ФАУ-2 против Советского Союза. Оставшиеся, и мы в их числе, поехали дальше. Вскоре проехали Кёльн, и нас высадили где-то в поле. Лагерь, в который мы приехали, был обнесён забором из колючей проволоки, через которую пропускали ток высокого напряжения. На заборе чередовались таблички: «Хальт! Стой!» и «Дёр Цутритт цум Лагер ист ферботен! Вход в лагерь воспрещается! Без предупреждения будут стрелять!». Через определённое расстояние стояли вышки с прожекторами и пулемётами. За колючей проволокой располагался ряд барачков.

Нас согнали на «аппельплац», где комендант лагеря фюрер СС сказал с издёвкой: «Вы приехали на работу! Арбайт махт фрай! Повиновение, усердие, честность, труд сделают вас свободными. О ваших детях мы позаботимся...» Кто-то отдал детей добровольно – меня у мамы отобрали. Из окна барака я видела, как мама кричала что-то, спорила с фюрером, даже плюнула ему в лицо. Он вытащил пистолет, приставил ей к виску, и мама упала, так же он расправился и с сестрой. Они ещё шевелились, когда он приказал отнести их в крематорий и сжечь. Я хотела закричать, открыла рот, но не услышала своего крика. Подбежали дети, все старше меня, зажали мне рот: «Не кричи, иначе нас всех убьют и сожгут!» Кто-то сунул мне в руки куклу. Как могла там оказаться кукла? В немецком лагере? Грязная, затёртая, в лохмотьях, но такая удивительно красивая! «Теперь это твоя дочка будет, заботься о ней и сиди тихо», – наперебой шептали девочки. Сидеть тихо у меня получалось. После убийства матери и сестры я буквально потеряла голос.

Моё утро начиналось в 5 часов 30 минут. Нас будили доносившиеся откуда-то позывные радиостанции «Дойче Велле». На соседних нарах в какой-то неестественно изломанной позе лежал Костик и всё время улыбался. Костик тоже молчал, как и я. Говорили, что над ним проводили какие-то опыты.

Здесь у нас не было имён, на каждом висели таблички с цифрами. Мой номер заканчивался на 777, я знала, когда закричат «зибн, зибн, зибн», надо отзываться, причём быстро, потому что после переключки давали скудную еду: варево из тёмной муки с тыквой или брюквой, очень редко – хлеб. Считалось, что кормили нас хорошо по сравнению с обитателями других барачков. Ведь мы, дети, были донорами. Из нас «высасывали» кровь для немецких солдат.

Наши надзирательницы – немки с красивым локоном – обращались с нами жестоко, наказывая безжалостно всем, что попадалось под руку. Свою «дочку» я прятала в лохмотьях Костика: надзирательницы брезговали к нему подходить. Я быстро подметила такую черту немцев, как брезгливость. Поэтому, когда мне хотелось поиграть с куклой, я убегала в санитарную комнату – большую деревянную уборную с дырками в полу – туда надзиратели не совались. Кто бы мог подумать, что для детей единственным местом, где они могут просто поговорить, окажется вонючая уборная?

Дважды в день была проверка – «аппель». Все, кроме лежащих, должны были выстраиваться у барака. Мы старались выйти быстро и организованно: тормошили задремавших, разыскивали вышедших на территорию, помогали больным, вытаскивали умерших. Если кого-то не досчитывались, поиски и наказание могли растянуться на часы. При этом остальным приходилось стоять на морозе.

Сколько времени я пробыла в лагере? Я была там без времени, я была вне времени. Часто мне снилось, что я обрела крылья, и мы с «дочкой» устремились ввысь, а лагерь оставался далеко внизу. В эти мгновения я мечтала взлететь так высоко, чтоб хотя бы мельком увидеть Родину...

Однажды, после очередной сдачи крови, я лежала на деревянных нарах, и мне почудилось, что это вовсе не нары. Я сидела на тёплых досках летней веранды и играла с куклой. Пригревало солнышко, ветерок трепал лёгкие занавески. Мне стало тепло-тепло. «Если это смерть, – подумала я, – то в ней нет ничего страшного». Внезапно из радиоприёмника вместо уже привычного «Дойче Велле» раздался голос Юрия Левитана: «Ахтунг! Ахтунг! Хир шприхт Москау! Внимание! Внимание! Говорит Москва!» Откуда только у меня силы взялись! «Наши! Наши!!!» – закричала я. – Красная Армия! Родненькие!!!» «Неужели заговорила?» – хриплым слабым полушёпотом сказал Костик. И в этот миг рассмеялись более сотни истощённых детей, громко, во весь голос, не боясь никого!!! С этого дня нас больше не били и не наказывали.

Надежда на возвращение домой летела к нам гулом стройных рядов «Як-3» и «Як-9» с красными звёздами на фюзеляже. Потом появились наши солдаты, принесли еду.

До Советского Союза мы добирались как могли. Я шла за всеми, несла куклу. Я не знала, куда иду, не помнила ни своего имени, ни фамилии. В пути меня окликнула женщина: «Эй, с куклой! Тебя как звать-то?» Так я обрела семью. Новая мама назвала меня Машей, в честь дочери, которую на её глазах убили немцы. Мама всегда говорила мне: «Храни в тайне, что ты была в плену, в лагере. И куклу береги, считай, жизнь она тебе спасла».

Так я и жила под чужим именем, в чужой семье, про лагерь тебе первой рассказываю. Мне самой не верится, что это было. Кажется, что небыль. Знала бы ты, как я эти бараки помню, каждую деталь! Я очень любила вторую маму, но всю свою жизнь я нестерпимо тосковала по дому, хотя и не знала, где этот дом. То, что с нами сделали, – это настоящее преступление! Преступление против детства! Но я верю, что наши страдания были ненеприятными, ведь мы страдали за Родину, за мир в нашей стране!

«Моей прабабушки уже нет в живых, а её кукла занимает особое место на полке в моей комнате. Благодаря этой кукле связь поколений в нашей семье неразрывна», – закончила рассказ Настя. Прозвенел звонок с урока, но в классе стояла тишина. «Прости нас, Настя», – сказала Ксюша. Я поднял руку: «Ребята, я слышал, что в нашей стране тоже существовали такие фашистские лагеря. Например, в посёлке Вырино Ленинградской области. Теперь на месте этого лагеря стоит памятная стела, напоминающая о тех страшных событиях. Давайте съездим туда всем классом, возложим цветы и поклонимся до земли детям родом из войны. Мы никогда не забудем эти страшные преступления и всех призываем помнить о них! У таких преступлений нет срока давности!»

КОСЯКОВ ЕГОР

7 класс

Наставник: Волокитина Елена Евгеньевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 11
с. Волочаевка»,

Еврейская автономная область

Последний день детства

В старинном русском селе Колыбелка, что стоит в пойме Дона, до войны любого гостя принимали с радостью. Жители славились хлебосольством. Даже в самой небогатой семье перед гостями на стол выставляли всё самое вкусное. Мама чаще всего пекла курники. О, этот непередаваемый запах пирога из русской печи! Мы, конечно, сидели и ждали, когда главное блюдо вынималось из противня, пирог смазывали маслом, накрывали узорчатым полотенцем. Пока мама дальше хлопотала с угощением, младшие потихоньку подбирались к курнику и пытались отщипнуть нижние поджаристые кусочки. Я шикала на них, но самой тоже не терпелось попробовать вкуснейший пирог с курицей и грибами... За стол на почётное место усаживали гостей. Отец степенно вёл разговоры, мама, покрасневшая, весёлая, выставляла новые блюда... Ах, как нам нравились такие вечера. Мы слушали беседы взрослых, уплетали лакомства. А потом в доме звучали казачьи песни, которые просто душу выворачивали своей красотой. Какое это было счастливое время и каким далёким казалось оно теперь!

В июле 1942 года всё так же светило солнце, всё так же блеснула река и шумели деревья, но не было покоя на сердце, там поселилась жгучая тревога. Мы занимались своими повседневными делами, старались не падать духом и ждали хороших новостей с фронта. Мне, двенадцатилетней девочке, очень хотелось вприпрыжку бежать купаться с подружками на берег Дона, беззаботно болтать и любоваться окрестностями нашей Колыбелки.

Но шла война. Отец был на фронте. Мама работала в поле, очень уставала одна, и я взяла на себя все хлопоты по хозяйству, потому

что была старшим ребёнком в семье. Так и в этот жаркий июльский день я крутилась по избе в бесконечных делах. Надо было что-то приготовить поесть, и это, конечно, был не курник, так, похлёбка на скорую руку. Я уже хотела звать младших к столу. Но тут в дом забежал радостный босоногий Сашка.

– Няня, няня, там мотоциклы едут, солдаты!

– Ты точно видел, Санечка? – спросила я брата, тайно надеясь, что это наши с победой возвращаются. Мы позвали Валю и Зою, средних сестёр, и поспешили на улицу. Там уже собралось много народа, но все были в замешательстве и растерянности. К нам, задыхаясь, подбежала мама:

– Надя, уводи малых в дом, там немцы!

– Ну я им сейчас покажу!!! – расхрабрился шестилетний Сашка и сжал кулаки.

Я посмотрела вдаль. Несколько мотоциклов ехали по улице один за другим. Люди, сидевшие на них, громко переговаривались и кричали на незнакомом языке. Это были немецкие солдаты. Они напоминали больших крыс в своей серой форме, стальных касках и пыльных сапогах.

Нас охватила паника. Мотоциклы приблизились, и немецкий солдат выстрелил в воздух, потом, коверкая язык, сообщил:

– Мы оккупировать ваш деревня, дом и животное идти к нам, а вам приказывать стоять и ждать команда!

Тут я увидела, как несколько человек из толпы кинулись бежать и сразу же упали навзничь, сражённые немецкими пулями. Бравада моего младшего брата тут же улетучилась. Он притих и зашмыгал носом. Мама прижала нас к себе, Валя и Зоя плакали навзрыд, у меня тоже текли слёзы. Нас трясло от ужаса. Мама сказала срывающимся голосом:

– Тише, мои родненькие, не бойтесь, я рядом с вами.

Но я чувствовала, что ей страшно до дрожи. Страшно за нас, не за себя.

Вокруг раздавались крики, плач и причитания. Фашист, подняв руку с автоматом, противным металлическим голосом предупредил:

– Все, кто попытаться бежать, будет расстрелять!

Люди в страхе примолкли, слышно было только, как хнычут маленькие дети и охают старики. Казалось, это длилось целую вечность, хотя прошла лишь минута.

Один из немцев что-то долго говорил другому. Потом нам объявили:

– Вы работать в немецкий лагерь, помогать наш армия, за непослушание будет расстрелять!

Дедушка Ваня, наш сосед, начал гневно кричать, размахивая кулаком:

– Да как же я, русский человек, предам своих сыновей и буду слу...

Резко прозвучал выстрел, голос тут же оборвался. Мужчина упал навзничь, раскинув натруженные руки. Господи, что же это?! Оказывается, человека так легко убить... Толпа стонала и выла, я боялась смотреть на лица односельчан. Внезапно на улице появился деревенский дурачок Яшка и стал грозно махать палкой в сторону фашистов. Взревел мотор мотоцикла, удар – и тело Яшки, подпрыгнув, скатилось в канаву. Все замерли от ужаса и поняли, что дальше будет только хуже.

Я очень боялась за маму, брата и сестёр. Что будет с нами там, в немецком плену? Меня мучила мысль, что отец где-то под пулями защищает нас, нашу страну, а мы вынуждены будем работать на врага. Это ужасно неправильно. Но иначе не выжить... К кому вернётся папа, если нас всех расстреляют? Как он будет жить, если погибнет семья? Наверное, об этом думали многие в этой толпе...

Нам дали время на то, чтоб собрать в дорогу некоторые вещи. По деревне слышался лай собак, который иногда заглушался выстрелами. Да, таких «гостей» в деревне не ждал никто. Немцы чувствовали себя хозяевами. Они ходили с автоматами по домам и сараям, оценивая свои трофеи. Эти двуногие звери смеялись, курили и громко разговаривали, толкали и подгоняли замешкавшихся колыбельцев. Наконец, всем приказали собраться на площади. Старики молились, женщины, тихо плача, прижимали к себе детей, и все не могли скрыть страха.

Раздался грубый голос:

– Вы идти в лагерь пешком. Тех, кто будет убежать или сопротивляться, будем расстрелять!!!

И мы двинулись в путь... Мы шли в неизвестность, лишённые дома и свободы. Нас гнали, как скот, сбивая прикладами в тесную толпу. Матери боялись потерять из виду своих старших ребят, младших они несли на руках. Дети уже почти не плакали, а только хотели пить и мечтали немного отдохнуть. Измученные, с воспалёнными губами, они не могли понять, почему их куда-то гонят. С этого момента для нас началась другая жизнь, жизнь, полная унижений, боли, голода, болезней и испытаний. До сих пор в голове не укладывается, как можно было так по-зверски поступать со стариками и женщинами, как можно было отправить в концлагерь детей!

Но с нами было главное – надежда и непоколебимая вера в победу советских солдат над врагом. Они отомстят за нас, отомстят...

Моя прабабушка, Бедная Надежда Никитична, уроженка села Колыбелка в Лискинском районе Воронежской области, во время войны с июля 1942-го по январь 1943 года находилась в немецком концлагере Стучи машина. Когда прабабушка попала в плен, ей было всего двенадцать лет.

ЛАПИН ИВАН

7 класс

Наставник: Львова Марина Альфредовна,
учитель русского языка,

Муниципальное общеобразовательное
учреждение «Гимназия № 3»,

Ярославская область

Хороший

21 сентября 1941 года. Село Покровское

Здравствуй, Дневник! Вчера дядя Миша, наш сторож, дал мне тетрадку и сказал, чтобы я писал обо всём, что вижу. Дядя Миша хороший. Он меня никогда не ругает, а иногда приносит мне печеньки. Вот и сегодня с утра пришёл, протянул завернутые в платочек сладости и попросил молиться. На Рождество Богородицы все просят, чтобы быстрее закончилась война. Я съел печеньки и помолился небу. Оно хорошее, оно меня слышит и, когда я ночью плачу, светит в окно звездой. У моего папы до войны тоже была звезда на шапке. Папа уехал далеко и пропал, а я попал сюда, в дом инвалидов. Пока всё.

1 октября 1941 года. Село Покровское

У нашего дома есть своё хозяйство. Я люблю работать на земле, копать в ней, будто ищу клад. Я бы хотел найти его, чтобы сделать всех людей счастливыми. А сейчас меня и обыкновенная картошка делает счастливым. Она хорошая: вкусная и питательная. Но её мало. В этом году не было урожая. Значит, будем есть один хлеб. Когда его привозят, я разгружаю, и мне иногда достётся лишний кусочек в обед. До чего же хорошо!

5 октября 1941 года. Село Покровское

Сегодня к нам приехали танки. Много танков. Наверное, дивизия! Страшные и с крестами. Но это не наши, не божеские кресты. А потом пришли чужие солдаты. Они все злые и больно бьют. Тётю Клаву, нашу уборщицу, которая встала у них на пути, немецкие солдаты изрешетили пулями. Я видел, убежал в подвал и плакал. Тётя Клава была хорошая, а эти изверги её убили! Зачем?

25 октября 1941 года. Село Покровское

Немцы разгромили магазин в селе. Они разграбили наше хозяйство. Вчера я видел, как двое фашистов кидались друг в друга краденной у нас картошкой. Это плохо. За это Бог накажет. Но пока Боженька и на нас разгневался: нет мяса, нет хлеба. Я побежал на дальнюю пасеку, думал, что найду хоть что-то поесть. Снега ещё нет. Авось, пчёлки что-то оставили в ульях! Но и там всё разорили. Я нашёл моих пчёл мёртвыми. Они были такие хорошие! Так много давали нам мёда, а их убили! Зачем?

1 ноября 1941 года. Село Покровское

Пишу и плачу. У нас начался страшный голод. Вчера опять хоронили умерших. Дядя Ваня, дядя Лёша, дядя Толя и много-много других уже спят в земле. Они лежали на кроватях и тихо плакали, прося у меня хлебушка. А я не знал, что им отвечать. Немцы смеялись, когда кто-то вставал и падал от бессилия на пол. Вчера они заставили дядю Серёжу Никишина танцевать под их губную гармошку, обещая банку тушёнки. Он танцевал, точнее, ползал по нашей бывшей столовой, переворачивался со спины на грудь, тяжело дыша и крича от боли, а когда схватил одного фашиста за сапог, ему разбили прикладом голову. Я заткнул уши, я не мог слышать, как визжал дядя Серёжа, когда его били, били, били, пока он не затих... Кто объяснит мне, зачем они убивают?

6 ноября 1941 года. Село Покровское

Сегодня, как сказал дядя Миша, День иконы Божией Матери, «всех скорбящих Радость». Я молился, но радости нет. Одна скорбь. С утра выпал снег. Стало холодать. Фашисты забрали у нас всю тёплую одежду. Они не знают нашего мороза и боятся его. Так им и надо! Может, все перемерзнут и оставят нас в покое! Уже почти никого из больных не осталось. Только те, кто непонятно как, но держится. Я выбираюсь из дома с утра, пока пьяные немцы спят, и иду искать коренья, зёрна, сдираю с деревьев кору. Потом набираю воду в котелок, завариваю чай и пою им тех, кого могу. Тётя Маруся, которая очень слаба и не может поднять головы от подушки, всегда целует мои руки и говорит, что я ангел. Она не права: ангелы хорошие, а я плохой, потому что вижу, как фашисты каждый день убивают людей, и не могу ничего сделать. Я только убегаю, плачу и пишу дневник. Зачем?

8 ноября 1941 года. Село Покровское.

Говорят, где-то далеко наши бьются с немцами. И русские обязательно победят. Есть такой святой, Дмитрий Солунский, который помогает воинам и защищает от врагов. Я сегодня просил его помочь красноармейцам

и ещё мне. Я чувствую, что сил у меня остаётся мало, храбрости нет вообще, а голова болит постоянно. И ещё сердце. Каждый день я хороню друзей – они умирают от холода и голода. Я закрываю их глаза, а хотел бы закрыть свои, чтобы ничего этого не видеть. Но пока хоть один остаётся жить, мне надо идти искать еду. Надо помогать другим... И я иду, потому что знаю, зачем! И это хорошо!

На найденном в подвале в Доме инвалидов № 26 с. Покровского Новопетровского района Московской области дневнике было написано корявым почерком: «Колю Морозова, инвалида 17 лет, которого все звали “Хороший” за его любовь к людям, фашисты убили за то, что он пошёл искать пищу. Заподозрили его, что он еврей, били его, а потом пристрелили. Свидетельствую. Сторож Михаил Бойко».

ЛАТРЫГИНА МАРИЯ

6 класс

Наставник: Громова Светлана Васильевна,
учитель русского языка и литературы,
Общеобразовательная школа имени
Героя Советского Союза генерал-полковника
Николая Эрастовича Берзарина
при Посольстве России в ФРГ

Мы пишем ваши имена

Вы говорите мне: «Зачем искать?»
Давно исчезли те, кто здесь убиты,
Ушли и те, что их могли бы ждать.
И все они давным-давно забыты.
Не знаю я, смогу ль вам доказать,
Но думаю, что вы не правы.
Пусть некому уже солдата ждать,
Но он солдат и сын своей державы.

Г.И. Гарибян

У каждого человека есть близкие люди. Я не одинока, у меня есть любимые родители, братик, бабушки, дедушка, много друзей. Но ещё у меня есть секретный друг – мой дневник, мой секретарь и помощник, умеющий молча выслушать и поддержать.

Суббота, 16 августа 2024 года, день

Мой дневник, хочу с тобой поделиться новостью: папу направили работать в Германию. Я стала ученицей школы при Посольстве России в ФРГ. Меня ждут новые встречи.

Воскресенье, 29 сентября 2024 года, день

Осень. Берлин. Сегодня мы гуляли всей семьёй в парке Тиргартен. Сквозь пушистые облака светило яркое солнце. С осенних деревьев медленно слетали жёлтые, красные, зелёные листья... Глебушка, мой брат, подобрал красивый оранжевый лист клёна, а затем подарил маме свою находку. Мы шли по Тиргартену, наслаждаясь осенней красотой и чудесной атмосферой.

Проходя мимо какого-то небольшого забора, я обратила внимание на таблички, расположенные на нём. Вначале мне показалось, что это были жизненные сюжеты, и, судя по датам, в них рассказывалось о семьях. Я не очень хорошо поняла, потому что было написано по-немецки. Потом мы вошли через калитку на полянку. Осмотревшись, увидели небольшой пруд, а в центре – островок с Вечным огнём и много ярко-красных гвоздик. Вокруг этого прудика стелилась брусчатая тропинка. Когда солнце вышло из-за густого облака, я увидела надписи на больших серых камнях. Мне вдруг стало страшно, словно ледяной осколок попал в сердце. Папа сказал, что эти надписи – названия концлагерей, где были уничтожены фашистами около 500 тысяч человек.

Воскресенье, 29 сентября 2024 года, вечер

Снова пишу. Плачу. Как такое может быть? Сознательно уничтоженные люди... За что? За цвет кожи и волос? За несоответствие выдуманному арийскому образу? И эти молчаливые указатели – места их уничтожения. Всё, что осталось от людей. Названия лагерей на табличках известны. А имена всех тех, кто погиб там, никогда не будут восстановлены?

Пятница, 8 ноября 2024 года, вечер

Не даёт покоя эта стена с надписями...

Сегодня, 8 ноября 2024 года, в нашу школу приезжали гости, немецкие граждане, Петер Ваннингер и Алла Русанова-Ваннингер. Они рассказали нам о Великой Отечественной войне.

В Германии, в Люнебургской пустоши, были сооружены три лагеря для советских военнопленных, среди них был и Берген-Бельзен. В зимние месяцы 1941–1942 годов из-за неприемлемых для жизни условий, голода и вспыхнувшей эпидемии сыпного тифа пленные умирали один за другим. К весне 1942 года погибло примерно 14 тысяч советских военнопленных. Хоронили их в общих могилах. Около 20 тысяч наших соотечественников, умерших в 1941–1945 годах в лагере Берген-Бельзен, покоятся в братских могилах на кладбище Хёрстен. Больше не могу об этом говорить! Слишком тяжело... Попытаюсь уснуть.

Суббота, 9 ноября 2024 года

Утро. Моросит дождь. Я рассказала папе о вчерашних гостях. Ты знаешь, дневник, оказывается, в течение многих-многих лет имена советских военнопленных, похороненных на кладбище Хёрстен, были никому не известны. Но примерно 30 лет назад в одном из архивов под Москвой были найдены учётные карточки советских военнопленных. Вот с того времени появилась возможность восстановить имена замученных голодом

и холодом, издевательствами и побоями наших соотечественников. Папа сказал, что этим и занимаются сотрудники российского Представительства Минобороны нашего посольства. А я рассказала ему об уникальном проекте: немецкие школьники создавали небольшие таблички из глины, на них отпечатывали установленные имена погибших, а затем прикрепляли их рядом с захоронениями наших солдат на кладбище. Меня эта тема очень заинтересовала. Никто не должен быть забыт, никто! Я отчётливо поняла, как это важно: безымянным, то есть пропавшим без вести, убитым и похороненным советским солдатам в концентрационном лагере Берген-Бельзен, принявшим мученическую смерть, необходимо вернуть доброе имя.

Воскресенье, 10 ноября 2024 года

Вчера вечером родители долго разговаривали со мной, объясняя, кто такие «пропавшие без вести» и как родным было трудно пережить это страшное известие... Я отчётливо представила... Когда отгремела война и домой стали возвращаться солдаты, их встречали родные и близкие. Счастливые, они могли обнять и поцеловать своего любимого человека: он живой, он вернулся! Но были семьи, в которые приходили извещения: «Ваш сын (муж, отец), такой-то такой, в бою за Социалистическую Родину пропал без вести...» Но ведь он не погиб, не было похоронки! И родные продолжали ждать, пока были живы.

Среда, 13 ноября 2024 года

Сегодня ночью, словно наяву, а не во сне, услышала голос солдатской матери.

«Сыночек, кровинушка моя, где ты, почему не пишешь? Случись что с тобой – я и не выживу... Что-то сердце так защемило... Извещение пришло, что ты пропал без вести. А я не верю. Господи, неужели с тобой стряслась беда? Как хочу я, сыночек, обернуться птицей и полететь к тебе, мой родной. Закрыть тебя грудью своей... Любимый мой, ты помнишь, что сказал отец, когда уходил на фронт? “Хоть кто-то да должен вернуться из нас двоих, быть опорой матери...” Вот и выполни отцовский наказ. Больше ведь некому... Отец погиб... Возвращайся, сыночек. Успокой свою мать, вытри её слёзы... Где же ты сложил голову, ненаглядный сыночек?»

Когда я проснулась, моё сердце так билось... Может, он нашёл своё пристанище в общей могиле на кладбище Хёрстен?

А каково же было матерям, когда им приходили эти страшные письма? Нет, надо что-то делать! И я знаю, что! Нужно возвращать имена нашим солдатам!

Пятница, 13 декабря 2024 года

После встречи с замечательными людьми, Петером Ваннингером и Аллой Русановой-Ваннингер, все ученики нашей школы решили принять участие в акции «Мы пишем ваши имена»! 1 марта 2025 года мы будем изготавливать глиняные таблички с именами советских военнопленных, а потом установим их на братских могилах.

Суббота, 25 января 2025 года

Почти в каждой семье нашей страны есть родственники, без вести пропавшие во время Великой Отечественной войны. Какие-то разрозненные сведения хранятся в семье, у кого-то сохранились фотографии. И кажется, что, если узнаешь хоть что-то ещё, твой солдат не будет таким одиноким в своей безвестной могиле. И надеешься, что не вернувшиеся с войны не останутся без молитв, без имён.

Мы напишем ваши имена...

ЛИСИЦА ВIOЛЕТТА

6 класс

Наставник: Гайдай Евгений Олегович,
учитель биологии,

Государственное бюджетное учреждение
образовательная организация Запорожской
области «Приазовская средняя
образовательная школа № 9»
Приазовского района,

Запорожская область

Погибшим в плену

Освежающий морской воздух, который приносит лёгкий ветер со стороны Балтийского моря. Город Нестеров Калининградской области находится далеко от морского побережья, но даже здесь часто ощущается его влияние: прохладные дожди, от которых так приятно укрыться в уютном тёплом доме.

В 1941 году российский Нестеров был прусским городом Эбенроде. Рядом находился Офлаг-52 – Эбенроде.

Август 1941 года. На железнодорожную станцию города Эбенроде прибыл состав. В открытых вагонах для скота сюда привезли тысячи советских военнопленных. Путь длился неделю. Пленных не кормили и не поили. Когда немцы открыли вагоны, многие солдаты бросились к колёсам вагонов и начали слизывать смазку. Ни крики, ни удары прикладами не смогли остановить голодных людей.

Пленных повели к лагерю. Позже, уже после войны, немецкий профессор-хирург, который увидел эту колонну, назвал её «стадом военнопленных русских», «привидениями разных возрастов». Шёл в этой колонне и мой земляк, Меркурий Михайлович Куц, житель села Нечкино Приазовского района Запорожской области. Пограничник, который принял бой с врагом утром 22 июня 1941 года. А уже через неделю, 29 июня, попал в плен.

Лагерь Эбенроде представлял собой чистое поле, огороженное колючей проволокой. Военнопленные находились в отдельных загонах, отгороженных проволокой. «Клетках». Водили на работу и кормили «клетками». За сутки в лагере умирали несколько сотен человек. Их место занимали другие плен-

ные. И так каждый день. Безжалостный конвейер уничтожения человеческих жизней. Кормили капустой и хлебом. Еды не хватало. Люди умирали от голода. Умирали от тифа. Умирали от побоев.

Часто шли дожди. Люди сбивались вместе кучками по 100–200 человек. Так и стояли, мокли и грелись теплом собственных тел. А после дождя опускались в лужи, пили воду. В них и засыпали.

В этом лагере и ещё сотнях, подобных ему, реализовывался немецкий принцип, когда для обеспечения быта советских военнопленных использовался минимум ресурсов. Поэтому всё в лагере делали сами пленные. Но бараки никто не строил, так как не было ресурсов. Пленные руками и палками рыли норы в песчаном грунте. В них прятались и грелись. Зимой немцы могли выгнать советских солдат на улицу, под ледяной дождь. Ночью всех ставили на колени. Так и стояли до утра, «спали». А утром никто не мог встать, так как ноги примерзали к земле. По неофициальным данным, в Офлаге-52 Эбенроде содержалось около 25 тысяч военнопленных, из которых выжило около тысячи.

Меркурию Куцу «повезло». Его перевели в другой лагерь, Шталаг-321 – Эрбке. 23 сентября 1941 года на вокзал города Бад-Филлингбостель прибыл состав. Всё в тех же вагонах для скота привезли две тысячи советских военнопленных, среди которых был Меркурий Куц. Они тоже слизывали машинную смазку с колёсных пар.

Воздух Люнебургской пустоши, национального парка, на территории которого находился лагерь Эрбке, уже не пах балтийской солью. Сладкий и цветочный аромат вереска смешался здесь со смолисто-дымчатым хвойным запахом можжевельника. В 1941 году немцы были озабочены охраной люнебургского степного барашка. Цивилизованная Германия природу ценила всегда.

Две тысячи советских пленных колонной повели в лагерь. Тех, кто падал или отставал, добивали. Так они и оставались лежать на обочине дороги Люнебургской пустоши.

Лагерь Эрбке практически не отличался от Эбенроде. Открытое пространство с заповедными можжевёловыми деревьями, огороженное колючей проволокой. Зелёная трава покрыта подстилкой из опавшей хвои. Прекрасный пейзаж немецкой осенней равнины. Уже через месяц в лагере не осталось ни одной зелёной травинки и хвоинки. Исчезла кора с деревьев. Всё съели голодные военнопленные. Голые стволы уже мёртвых можжевельников были покрыты следами от зубов. Их тоже пытались съесть.

Вся земля в лагере напоминала кротовое поле: кучи земли, которые выросли возле входа в норы, где жили советские солдаты. Воду пили из луж, в них же и мылись.

У заключённых не было имён. Только деревянные таблички на бечёвке, которые висели на шее. Меркурий Куц для немцев не существовал. Был заключённый номер 8724. Именно на заключённом номер 8724 проверяли действие прививок, как на подопытном животном. Именно заключённого номер 8724 отправляли, как вычное животное, на тяжёлые работы. Именно заключённого номер 8724 кормили один раз в несколько дней. И именно заключённый номер 8724 умер от медицинских опытов немецких врачей и нечеловеческого обращения немецких солдат 21 ноября 1941 года.

Для немцев это человек без имени. А для меня – советский воин, мой земляк Меркурий Куц, который сегодня похоронен в далёкой Германии, на заповедной земле Лüneбургской пустоши, вместе с тысячами советских военнопленных. У них у всех есть имена.

Ученики и учителя школы города Бад-Фаллингбостель изготавливают глиняные таблички с именами военнопленных, похороненных на кладбище Лüneбургской пустоши. Ежегодно они несут эти таблички путём, которым шёл навстречу своей смерти Меркурий Куц. Это их путь – путь покаяния.

Сегодня уголовный кодекс Российской Федерации называет геноцидом уничтожение национальной группы людей путём причинения тяжкого вреда здоровью и создания условий, которые приведут к смерти этих людей. Именно это и происходило в лагерях Эбенроде, Эрбке и ещё сотнях других мест, где уничтожались советские военнопленные.

Сегодня, спустя 80 лет после Победы в Великой Отечественной войне, я вижу русских солдат, которые возвращаются домой из украинского плена. Война с нацизмом продолжается. «Никто не забыт, ничто не забыто». В наших сердцах навсегда сохранится подвиг русского солдата!

Источники

1. Гайдай Е.О. Солдатские судьбы. Приазовское, 2017. 104 с., с ил.

ПОПОВА ЕКАТЕРИНА

7 класс

Наставник: Нечаева Оксана Николаевна,
учитель русского языка и литературы,

Бюджетное общеобразовательное учреждение
«Левашская основная общеобразовательная
школа»,

Нюксенский район, Вологодская область

А он мечтал стать лётчиком...

Есть такие картины –
пока пишешь, плачешь.

А.А. Пластов

1943 год. В Тегеране проходит конференция глав трёх держав антигитлеровской коалиции. В зале советского посольства висит картина, около которой президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль несколько минут стоят молча, они в буквальном смысле потеряли дар речи. Это было полотно А. Пластова «Фашист пролетел», написанное художником в 1942 году.

Какая славная осень выдалась в этом году! Ягод, грибов в лесу – навалом. Вот и сегодня после уроков мы с Машей, взяв корзинки, идём в лес. Мне двенадцать лет, Маше семь. Маша хоть и младше меня, но знает все грибные места, все лесные тропинки за селом, и неудивительно: она всегда жила здесь, а нас этим летом эвакуировали из блокадного Ленинграда. В корзинке у Маши лежит узелок: мама собрала нехитрый обед брату Маши, Грише. Там бутылка молока, горбушка ржаного хлеба, лук. Гриша – мой ровесник, но в школу пока не ходит. Он пасёт колхозное стадо, кого в нём только нет: и коровы, и телята, и овцы с козами. Вот придут холода, не надо будет гонять стадо в поле, и Гришка пойдёт в школу. Раньше он пас вместе с дедом Архипом. Но весной дед

умер. И парнишке пришлось работать одному. А кто ему поможет? Все мужчины из села ушли на фронт, женщины с ребятами постарше в поле работают. Вот и Гришкин отец воюет. Я видела, как их мама читает треугольные письма. Бережно разглаживает их руками и плачет. И Гриша тоже плачет. Только стесняется и прячет слёзы. Он теперь в доме хозяин! А учиться парень очень хочет, мечтает стать лётчиком! На полях старых газет самолёты с красной звездой на крыле рисует, вырезки про Чкалова и лётчиков, спасших людей с парохода «Челюскин» показывал. А лётчиком Гришка хорошим будет, он смелый, даже на фронт бежать хотел – фашистов бить, да сказал: «Мамку с Машкой жалко. Кто о них позаботится, пока папка воюет?»

Вдали за рекой виднеются большие зелёные поля. Это взошла озимая рожь. Машина мама говорит: «Дружно рожь взошла. Даст бог – с хлебом на следующий год будем. Проживём». А вот и пастбище. По нему, как настоящий пастух, пощёлкивая кнутом и покрикивая на коров, ходит Гришка. Рядом – верный Шарик, как бы подражая хозяину, лает на коров. Только хотели мы незаметно подойти к Грише и напугать его, как в небе раздался страшный, пронзительный гул. Я схватила Машу за руку, и мы упали, ткнувшись лицом в сухую траву. Только не это! Этот гул я уже слышала, когда наш поезд при эвакуации разбомбили. Тогда много детей погибло. Я приподняла голову. Да, это фашистский «мессер» с чёрной свастики на крыле. Что же Гриша не прячется? Самолёт снижается, и гул всё громче. Коровы, овцы в страхе шарахнулись в кусты. Очередь. Вот одна из коров, страшно выгнув шею, рухнула на землю и бьётся в судорогах, а рядом лежит уже мёртвый телёнок. «Гришка-а-а!» Но он словно не слышит нас, гонит остальных животных с поля, а они не слушают его, как обезумели. Самолёт делает ещё один круг над полем, и ещё одна очередь...

Когда гул стих, мы с Машей поднялись с земли. Самолёт вдали уже превратился в маленькую точку. Тишина. Молодые берёзки шелестят листвой. Стадо тихонько выходит из леса. Только Гриша неподвижно лежит посреди поля. Шапка слетела с головы. А рядом с головой непонятно откуда взялся красный цветок. Около хозяина сидит и жалобно подвывает Шарик. Мы с Машей подбежали к пастушку: да не цветок это, а кровь, которая течёт у Гриши из раны на голове. Маша присела рядом с братом и заплакала, даже не заплакала, а заголосила, как голоса женщины в деревне, когда получают похоронку.

А Гриша так, наверное, и не понял, что произошло. Погиб, как солдат, мальчишка, мечтавший вырасти смелым и стать лётчиком.

Прошло уже более 80 лет с момента написания картины, но она остаётся одной из самых популярных среди полотен Третьяковской галереи. Никто не пройдёт мимо, и люди единодушны в своём мнении. Вот оно истинное лицо войны, горькая боль от потери, разоблачение жестокости и безумия.

СОРОКИН ЯРОСЛАВ

5 класс

Наставник: Плахина Елена Юрьевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Средняя
образовательная школа № 9»,

г. Кострома

По буквам я соберу...

В комнате душно, пахнет сыростью. Капли крови на полу давно засохли. Потолок, который когда-то был белым, стал похож на хмурую тучу, из которой вот-вот пойдёт дождь. Я сижу в углу, крепко сжимаю папину ладонь. Его рука уже давно стала холодной, неподвижной. Но разве это повод отпустить её?

Папа каждое утро провожал меня до школы, помогая с тяжёлой сеткой, в которой лежали учебники и старые полусапоги, которые достались мне от старшего брата. Учиться я не хотел, да и кто в одиннадцать лет хочет? Все мальчишки во дворе мечтали сбежать с уроков, чтобы попинать мяч или сыграть в «перебежки». Отец никогда не требовал от меня «нарисованных» пятёрок, повторял у крыльца школы: «Сын, главное – будь человеком!» Школа-пятилетка дала мне основу. Я научился считать не без помощи отца-инженера, конечно. По этому поводу Вера Васильевна всегда шутила: «Да, папа у Васи действительно силён в математике». Русский язык давался мне легко. Сначала я быстро выучил алфавит, затем начал составлять из букв слова, а в конце третьего класса первым написал сочинение на «отлично». Писал я о себе, о своей семье, поэтому было легко.

Буква к букве, слово к слову, предложение за предложением – и вот оно... Готовое сочинение. Если бы в жизни всё было так легко! Но, наверное, снова не в этот раз. В моём сочинении каждая буква – это чья-то жизнь, мгновение, поступок, смерть, победа.

А – Арефино – село в Нижегородской области. Такое родное. Каждую улицу я помню до сих пор. На Заречной я гулял со старшим братом после

уроков, на Первомайской сломал руку, играя в футбол, на Садовой продавали мою любимую карамель, а на Молодёжной жил я с матерью и с отцом, со старшим братом и со Светкой (её родители взяли из детдома, когда той не было и года).

Б – бомбоубежище. 1941 год. 4 сентября. 5:30 утра. Туман застилает глаза. Все бегут очень быстро, запинаясь, падают, но встают и бегут снова. Сердце у меня колотится, кровь пульсирует, пальцы рук сжаты в кулак. Вокруг дикий шум и стоны. Сверху что-то летит, а потом взрывается, но из-за тумана ничего не видно. Испугавшись очередного взрыва, я сворачиваю направо, но мать резким движением хватает меня за рукав, и вот я снова в толпе. Через пару секунд впереди показался холм – все спешат именно туда. Бомбоубежище – единственный шанс на спасение. Разогнавшись, я оказался у входа быстрее остальных. Отец Пашки, соседского мальчишки, помог мне зайти внутрь. Я уселся в углу и стал ждать остальных. Мама со Светкой на руках забежала последней. Обняв их, я расплакался. Слёз своих не стыдился, да и кто их тогда мог сдержать...

Г – госпиталь. В сентябре 1941 наша школа впервые не открыла для сотен ребят свои двери. «А когда учиться – то? – пыхтел Коляка, мой старший брат. – Работать нужно, своим помогать!» И вот идём мы втроём в госпиталь. Коля в свои четырнадцать учился делать перевязки, помогал перетаскивать раненых и зашивал им раны. Я был «на побегушках» – выполнял то, о чём меня просили, не задавая лишних вопросов. Светка была моим «хвостиком». В шесть лет ей пришлось повзрослеть. Помню, хрупкая медсестра попросила Светку отмыть кровь с пола после погибшего солдата. Девчонка поплакала тихо в сторонке да и пошла за тряпкой. Горевать было некогда, остальные ждали помощи...

Д – дядя. Дядя Миша приезжал к нам каждое лето из Ярославской области. Там у него был большой дом и свой магазин. Его мы очень любили. Зная про нашу любовь к футболу, он привозил нам разноцветные мячи и много разных конфет. Мама-сладкоежка всегда находила три-четыре конфетки с орехами и прятала от нас, чтобы вечером в тишине насладиться их вкусом. В июле 1942 года дядя Миша приехал к нам на пару дней. Он был связистом, поэтому задержаться не мог. Было много задач, но самая сложная – провести линию связи через реку. Уже потом, спустя три года, в прощальном письме дяди я прочитал, что он справился со своей задачей – связь провёл. Через месяц он попал в плен, а позднее сослуживцы обнаружили его тело. В нагрудном кармане нашли письмо. Вот таким отважным был мой дядя Миша...

К – контузия. Колька мало спал. Помогая в госпитале вот уже второй год, он сильно исхудал, быстро поседел. В мае 1943-го брат добровольно ушёл на фронт. В ноябре пришло письмо. Отец с Колькой воссоединились при битве за Днепр. Из письма мы узнали, что наши войска продолжали наступление и продвинулись на восемь километров, овладели районным центром Днепропетровской области, а также заняли несколько других населённых пунктов, среди которых Алексеевка, Петровский и железнодорожная станция Божедаровка. На выходе к Перекопу Колька получил контузию. Отец договорился с полковником, чтобы сына отправили на лечение домой, в тот самый госпиталь, где он совсем недавно трудился. Но по дороге Колька погиб...

М – мама. Мама с самого детства любила животных. В двенадцать лет бабушка подарила ей щенка. Потом был ещё один щенок, рыжий котёнок, и даже кролик жил у нас в доме. Любовь к животным переняли и мы с братом. Мама всегда была очень ласковой с нами, а её глаза умели улыбаться. Когда в доме появилась Светка, мама расцвела ещё больше. Всю свою любовь она дарила нам и отцу. Крепко сжимая мою ручонку перед сном, мама шептала: «Спокойной ночи, сыночек, ты – вся моя жизнь». Так она говорила каждому из нас. Мама была маленькой, худенькой женщиной, больше походившей на старшеклассницу, чем на мою мать. Но в ней было столько силы. С утра она кормила скотину, позже будила нас, готовила завтрак на всю семью, собирала в школу, бежала на работу, а вечером, после ужина, помогала нам с домашними заданиями. Дом держался на матери. Даже в самые голодные военные времена она усаживала нас за стол и кормила размоченным хлебом с чуть сладким кипятком.

Январь 1944-го был очень пасмурным, дождливым. Улицы давно стихли, село опустело, остались лишь старики да детки. В доме догорала последняя свеча. Мама делала для Светки новые вареники, но шерсти катастрофически не хватало, поэтому она добавляла в состав сено. «Колется, зато тепло!» – говорила мама, нежно улыбаясь нам. Я свои вареники давно износил, но не говорил матери, чтобы не расстраивать. 12 января утром мама дала нам по кусочку хлеба и отправилась за хворостом в лес. Прошёл день, второй, третий, а мы всё ждали её возвращения. Через неделю соседские ребята нашли мамину корзинку в лесу. С тех пор мы со Светкой остались вдвоём. Мы перестали ждать...

О – обморок. После смерти мамы я стал чаще болеть. Я вставал – голова кружилась. Заботу о нас взяла на себя мамина подруга, тётя Таня, с которой они работали в садике. Своих детей эта добрая женщина не завела, поэтому любовь дарила нам. Чуть позже мне поставят диагноз – анемия.

Я стал часто задыхаться, терял сознание. Светка ревела, а тётя Таня тихо молилась о моём здоровье в «красном углу» комнаты. «Мамочка, я так хочу к тебе», – шептал я в агонии... После очередного обморока меня положили в госпиталь, а тётя Таня, не выдержав, написала письмо моему отцу и попросила его приехать. Отец уже знал и о матери, и о смерти Кольки, поэтому поспешил домой...

П – пшено. В октябре 1941 года поздним вечером к нам постучался дядя Слава, папин товарищ, тоже инженер. Не заходя, он передал матери маленький мешочек пшена. Не могу сказать, что в то время мы голодали, но запасы наши были сильно ограничены. О пшённой каше мы могли только мечтать, но мать сразу предупредила, что завтрак будет особенный. Тогда я впервые попробовал пшённый кулеш. Вкус его до сих пор забыть не могу. Нынешний огромный выбор пшена в магазинах никогда не заменит те 300 граммов жёлтых зёрнышек с невероятным вкусом. С тех пор каждый год 12 января в память о матери и 9 мая на День Победы я готовлю это блюдо. Вот она, наша семейная традиция...

С – Светка. Маленькое зелёное платье и красные колготки – первое, что я увидел, когда прибежал с прогулки домой. Удивлению моему не было предела. Мама вышла меня встречать, укачивая при этом на руках маленькую девчушку. «Это Светка, теперь она тоже Смирнова», – прошептала мама и скрылась за дверью маленькой комнатки. Лишних вопросов я не задавал: не принято было у нас обсуждать решение родителей. Светка росла всем на радость. Голубые её глаза смотрели с неподдельным интересом на всё вокруг. Смех был заразителен. Помню, встанет она на стул и давай петь «Бублички», а в конце своего выступления как зальётся смехом – весело было всем. Когда уехал отец, умер брат и пропала мать, Светка стала для меня самым близким человеком. Мы заботились друг о друге, делили каждый добытый кусочек хлеба. Она никогда не спрашивала, где её настоящие родители, хотя знала, что приёмная. Впервые мы заговорили на эту тему спустя много лет, в 1958 году, на свадьбе Светки. Тогда она с улыбкой исполнила «Бублички», со слезами отломила мне половинку кусочка хлеба и крепко обняла, прошептав: «Спасибо, брат, за жизнь!»

Ф – фото. Чёрно-белое фото над кроватью висит уже много десятков лет. Справа, на стуле, устроилась бабушка Клава в тёмном сарафане. Рядом – счастливые родители. Мама в платье в горох, папа в сером костюме. В ногах расположился мамин щенок, белый с чёрным ухом. По центру – высокий мужчина, мой дед. Лицо у него всегда было строгое, но добрее человека сложно найти. По правую руку от него стоим мы троём: меня

можно узнать на любой фотографии по оттопыренным ушам и широкой улыбке. Колька держит меня за плечо, и он выше на целую голову. Всегда хмурый, задумчивый, серьёзный. Светка сидит на полу и расчёсывает волосы новой кукле, а на все просьбы застыть на мгновение лишь улыбается. Такими я их и запомнил. Переворачиваю фото и вижу надпись: «1941 год. Февраль. Смирновы. Ваш дядя Миша».

До начала войны четыре месяца...

Столько лет прошло с того времени, а я до сих пор вижу во сне, как мама гладит меня по голове, брат похлопывает по плечу, Светка рисует в моих тетрадках, а дядя Миша дарит очередной мяч. И только образ отца остался заточённым в старом доме после бомбёжки. Его глаза наполнены болью... Я сижу в углу, крепко сжимаю папину ладонь. Его рука уже давно стала холодной, неподвижной. Но разве это повод отпустить её?

ТУБОЛЬЦЕВА ЕФРОСИНИЯ

5 класс

Наставник: Самойлова Юлия Владимировна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя школа № 101 с углублённым
изучением математики и информатики»,

ЗАТО г. Железнодорожный, Красноярский край

У Великой Победы красивое платье

Подпоручик пехотного батальона Тубалец Семён Игнатович летом 1901 года приехал в Варшаву и влюбился. Марфе только что исполнилось девятнадцать, она работала в швейной мастерской отца, когда впервые увидела своего суженого. Он пришёл шить шинель. Ему предстояло уехать в Красноярский гарнизон – в самый холодный край Российской империи. В мундирах от варшавского портного Адама Демича служить было тепло и уютно. Полевые и строевые одежды, сшитые сёстрами Демич, любили все офицеры Гродненской крепости, а Семён полюбил самую младшую сестру.

Марфа работала над заказом Семёна с особой любовью, она представляла, что шьёт подвенечное платье. От этого шинель получилась нарядной. Через полгода, на Рождество, офицер в её шинели приехал свататься. Мастер Адам благословил свою Марфушку, и уже осенью она шила платья барышням и крестьянкам Енисейской губернии.

В далёкой Сибири Марфа особенно скучала по своей племяннице Аннушке, потому что больше всех на свете любила её маму, свою самую старшую сестру. С Аннушкой они вели долгую переписку, которую остановила война.

Анна вышла замуж и родила двух девочек Марью и Софью, дала им музыкальное образование. Они обе поступили на службу в Польский театр Арнольда Шифмана: Марья – танцовщицей, а Софья – певицей. Варшавские Демичи и их сибирские потомки дружно гордились своими звёздочками.

Осенью 1940-го в Варшаве открывали 27-й театральный сезон. Марья танцевала главную партию Нины в музыкальном спектакле по пьесе Лермонтова «Маскарад». Ей пошили очень красивое платье: голубая основа, рукава-фонарики, белые кружевные узоры и расшитый янтарными бусинами корсет. Всё это великолепие портила жёлтая звезда, пришитая вместо броши. Варшава была в нацистском плену, и каждый еврей и даже подозреваемый в еврейском происхождении варшавянин должны были носить одежду с нашивкой в виде Звезды Давида.

В темноте кулис перед выходом на сцену Маша отпоролa жёлтую звезду и приколола на её место бутон розы. Ей хотелось быть красивой и настоящей для публики. Предательская булавка во время танца не удержалась, и роза упала на сцену. Во время аплодисментов её поднял человек в блестящих чёрных сапогах и серой военной форме, он подошёл к Маше очень близко и сунул в её растерянные руки растоптанный танцорами бутон. Через десять минут в гримёрную вломилась страшная группа людей в блестящих сапогах и серых мундирах. Они сорвали с Маши платье и вырезали на её хрупком теле шестиконечную звезду.

Маша потеряла сознание и много крови. Гестаповцы запретили извозчикам и санитарам приближаться к театру. Танцоры и музыканты попеременно на руках несли истекающую кровью Марью в больницу и хлопали ей в ладоши, получая тяжёлые удары кожаных гестаповских хлыстов и блестящих сапог.

Она умерла в переулке двух старинных варшавских улиц, на пороге госпиталя.

После похорон тайная германская полиция насильно отправила Анну в варшавское гетто – территорию, закрытую заборами и проволокой от людей и от города, – там она и погибла. Горе и несвобода убили её.

Софью уволили из театра и выселили из квартиры. Полиция палачей позаботилась об этом. Польский театр перестал быть польским той же осенью: нацисты переименовали его в “Theater der Stadt Warschau”, а на каждой репетиции в тени зрительного зала блестели чёрные сапоги на страшных серых галифе и кожаный хлыст.

Труппа не оставила Софью в беде, помогли деньгами, а режиссёр помог сбежать в Советский Союз: достал заветный билет до станции Брест и оформил нужные документы. Софья в прямом и переносном смысле успела заскочить в последний вагон, покидая свою малую родину.

Зимой 1945 года, когда Красная Армия зачищала Варшаву от нацистской нечисти, Софья проникла в разрушенный, ещё дымящийся город. Никого из тех, к кому рвалось её сердце четыре долгих года войны, она

не нашла. Родные улицы лежали в развалинах, а на могилах не было знакомых имён. В руинах родительского дома чудом сохранились обрывки маминых писем. Три года она писала по старым адресам уездных гарнизонов Восточной Сибири – это была её последняя надежда найти родственную жизнь, которая могла уцелеть. Однажды она получила сухой официальный ответ из города Иланский, в нём было мало надежды, но она приехала и нашла Марфу.

Когда закончились слёзы, Соня рассказала своей сибирской бабушке, что каждую осень, вот уже почти десять лет она шьёт по памяти то самое Машино платье и дарит его в детский театр.

Марфа и Соня не спали три ночи. Они шили платье и украшали его орнаментом роз, одна из которых, самая красивая, была с пятью лепестками, раскрывшимися звёздочкой, как на пилотке с фронтовой фотографии Павла, младшенького сына Марфы.

11 мая 1942 года, в год своего восемнадцатилетия, защищая новгородскую землю, Павел Семёнович Тубольцев, внук мастера Демича, погиб в бою с нацистами, чтобы девочки на нашей земле всегда танцевали в красивых платьях.

ФОМЕНКО ОЛЕГ

6 класс

Наставник: Ведерникова Елена Генриковна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Ялтинская средняя школа кадетский
лицей № 11 им. Александра III»,
г. Ялта, Республика Крым

Редкая группа крови

Однажды мама мне сказала, что у меня редкая группа крови. Я задумался: «Как это? Это значит, что я тоже редкий? Исключительный? А в жизни это как-то может пригодиться?»

Вот такие мысли гуляли у меня в голове, потом всё забылось, пока однажды я не увидел в одной передаче историю девочки, детство которой прошло в самом страшном лагере смерти – Освенциме.

Эта история девочки Ксении, родившейся в довоенной Польше, меня пробрала до мурашек. Перебирая чёрно-белые фотографии, Ксения О. – ветеран антифашистского сопротивления – вспоминает: «С мамой нас разделили в Прушкуве. Её в Германию угнали, меня с сестрой – в концлагерь». Со слезами на глазах рассказывает ветеран о том, как ей не хотелось жить, как накалывала непроходящая боль от постоянных побоев, от войны. Как дала клятву женщине-узнику: во что бы то ни стало – ВЫЖИТЬ!

Написано и сказано много о том, как каждый день привозили эшелоны узников. Крематории и газовые камеры работали день и ночь. Каждый день погибали сотни людей. А Ксению О. с сестрой от смерти спасла редкая IV группа крови: «Нас оставили в Освенциме. Каждый раз брали из вены кровь. Брали столько, что я теряла сознание».

Этот костёр ада удалось навсегда погасить русским солдатам! Ровно 80 лет назад, 27 января, войска Советской армии освободили узников Освенцима.

Нет ни одного уголка земли, где бы не знали о Великой Отечественной войне, о тех подвигах, которые совершали солдаты Советской армии. И их

не делили по национальностям, они все были русскими. Пока ещё живы те, кого коснулась война, мы должны знать историю страны и сохранять память о прошлом!

Ветераны помнят до сих пор, что было за колючей проволокой лагеря: запах гари, узники – ходячие скелеты и горы детской обуви. Немногим посчастливилось остаться в живых. А маленькая девочка Ксения выжила. Благодаря своей редкой группе крови. Выжила! И дожила до наших дней и рассказывает нам, сегодняшним детям, о тех страшных страницах своей биографии, хотя... Не только своей – всей нашей страны. То, что мы не имеем право забывать!

И тут я вспомнил про свою редкую группу крови. А ещё – про Донбасс. Про мой любимый Краматорск, где ночью боялся заснуть, потому что могут разбомбить твой дом, и ты не успеешь спрятаться. Боялся идти гулять далеко от дома, потому что в любой момент может «прилететь». Боялся тёмных, сырых подвалов. Боялся страшных звуков взрывов. Да я и сейчас боюсь...

Мы вынуждены были переехать в Ялту, и здесь, казалось бы, мне ничего не угрожает, но моё сердце начинает часто биться, когда я слышу гул летящего самолёта или раскаты грома. Ничего не могу с этим поделать...

А ведь таких, как я, на Донбассе много. Все мы, дети, мечтаем о тишине, о том, чтобы вернуться в свои родные дома, бегать по родным улицам и не бояться. Никого и ничего не бояться!

Да, у нас у всех разная группа крови, но это не мешает нам быть редкими, исключительными, ведь нас мамы родили для любви и мира!

Я искренне верю, что, как и 80 лет назад, придут русские солдаты и освободят мою родную землю! И подарят счастье всем детям Донбасса!

ХАДЗЕГОВА СОФИЯ

7 класс

Наставник: Жамбекова Ольга Николаевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное казённое общеобразовательное
учреждение «Средняя образовательная
школа № 7 им. Героя Советского Союза
Калюжного Н.Г.»

г.о. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика

Подвиг маленького пастуха

У войны не детское лицо!
Но в глазах детей смотрела смерть.
Не щадила маленьких бойцов,
Им пришлось до срока повзрослеть.

В.В. Лысенко

Тахир проснулся от ласкового прикосновения маминой руки:

– Тахирка, вставай, пора уже, – ласково сказала мама и нежно погладила сына по голове.

Мальчик подскочил, как солдатик, часто хлопая ещё сонными глазами. Он с удовольствием поспал бы ещё, но не мог себе позволить такой роскоши, ведь целое сельское стадо овец ждало его.

Раньше пас овец дед Назир, но после двух похоронок на сыновей, которые он получил с разницей в пару месяцев, сердце старого пастуха не выдержало, и он умер.

Тахир посмотрел на маму, которая старательно собирала ему еду. Его охватило чувство безграничной любви и нежности к ней. После того как они получили весть о том, что отец Тахира погиб, Айша очень сильно осунулась, под её глазами постоянно были тёмные круги от бессонных ночей и выплуканных слёз. Маленькому Тахиру пришлось взять на свои хрупкие плечи двенадцатилетнего подростка всю тяжесть мужской работы и ответственность за свою семью.

Мальчик вышел во двор. Здесь, в горном селении, по утрам рассвет бывает волшебным! Горы, возвышаясь, как могучие великаны, чётко вырисо-

вываются на горизонте, поражая своей величественностью и красотой. Лучи солнца, пробиваясь сквозь облака, освещают горные хребты и покрытые снегом горные вершины. Вдали меж гор, разбросав свои воды серебряными косами, виднеется горная река. И это великолепие он мог наблюдать каждый день, просто выйдя из дверей родного дома!

На улице было довольно холодно и сыро. Тахир засунул лепёшку, которую ему дала мама, за пазуху. Она была ещё горячей. Тепло распространилось по всему телу, будто это мама обняла его. На первый взгляд казалось, что за дверью отчего дома всё хорошо и спокойно. Но это было отнюдь не так!

Сентябрь 1942 года. Война... Страшная, кровопролитная. Враг шагнул по нашей земле, оставляя после себя сожжённые деревни и сёла, стёртые в руины города, горы человеческих тел и море разбитых судеб.

Не обошло стороной это чудовище и Северный Кавказ. В августе 1942 года немецкие войска вошли на территорию Кабардино-Балкарии. Одна из немецких частей стояла на окраине родного села Тахира, в нескольких сотнях метров от его дома.

Фашисты не заняли село только потому, что разбили свой лагерь в таком месте, где хорошо просматривалась местность, да и сам населённый пункт был как на ладони. Время от времени они заходили в село и устраивали там бесчинства, издеваясь над женщинами, стариками и детьми.

В один из таких заходов немцы нагрянули во двор бабушки Шайдат и начали отлавливать её курей. Она выскочила из дома и кинулась на немецкого солдата в попытке отбить пернатых. Это был один из немногочисленных источников пропитания большой семьи женщины. Фашист затолкал её в курятник, подпёр дверь и поджёг его. Бабушка Шайдат кричала, звала на помощь, а немцы стояли и смеялись, не подпуская никого на помощь. Это были нелюди!

Тахиру утром и вечером приходилось гнать отару поблизости от места расположения немцев. Бывало так, что, когда стадо приближалось к лагерю, один из немецких солдат стрелял в овцу из стада и забирал её. Тахир понимал, что какая-то семья сегодня не досчитается живности, но сделать нечего не мог. Он всей душой ненавидел каждого немецкого солдата за то горе и смерть, которые эти люди принесли в его родной край, в его родное село.

Единственным человеком, который не вызывал у Тахира чувства ненависти, был молодой офицер по имени Отто. Это чувство по отношению к офицеру притупилось в мальчике после того, как однажды, возвращаясь с пастбища, его верного пса по кличке Черныш свистом подозвал к себе

молодой немец. На удивление Тахира собака подбежала к нему, радостно виляя хвостом. На ломаном русском языке он рассказал мальчику, что его зовут Отто и что дома в Германии у него осталась собака, похожая на Черныша, и он очень скучает по ней. Теперь каждый раз, когда маленький пастух гнал своё стадо вблизи места расположения немцев, молодой офицер подзывал к себе Черныша и подолгу играл с ним. Глядя на то, как немец ласково чешет Черныша за ухом, Тахир не мог поверить в то, что этот человек может причинить кому-то вред, а тем более кого-то убить. Мальчику очень хотелось в это верить.

На дворе был конец сентября. К вечеру пошёл дождь. В это время года дожди в горах бывают особенно сильными. Вдруг в дом Айши и Тахира кто-то тихонько постучал.

– Кто там? – спросил мальчик, подойдя к двери.

– Это я, Кязим, – ответили вполголоса за дверью.

Тахир открыл дверь. На пороге стоял мокрый до нитки соседский юноша, который с приходом в село фашистов куда-то исчез. Мальчик впустил его. Айша усадила гостя к печи, чтобы он обсох, и напоила горячим чаем с кукурузной лепёшкой. Кязим вкратце рассказал матери и сыну, что он и ещё несколько юношей села вступили в партизанский отряд и ведут подрывную деятельность против немецких захватчиков. Он перевёл дыхание, посмотрел на мать с сыном и сказал:

– Я это... Зачем вообще пришёл? Мы уже несколько недель наблюдаем за немцами и видим, что единственный человек, которого они довольно близко подпускают к своему лагерю, – это Тахир. Нам нужны их карты. Там обозначены места и направления дальнейшего наступления фашистов. Если мы достанем эти карты, то будем знать многое, что позволит нашей армии вовремя отразить наступление и спасёт жизни многих солдат.

Айша, часто моргая испуганными глазами, прошептала:

– Нет! Он ещё...

Тут её оборвал Тахир:

– Я готов. Что надо делать?

Глаза мальчика горели, а слова были наполнены такой решимостью, что Кязим даже немного опешил. Перед ним стоял отважный маленький воин, достойный сын своего народа!

Кязим в деталях рассказал Тахиру о плане, согласно которому в немецком лагере будет устроен переполох. Во время суматохи маленькому пастуху нужно будет проникнуть в штаб-палатку и выкрасть карты, которые хранятся в коричневой кожаной сумке немецкого командира. Всё это планировалось устроить уже завтра во время возвращения отары с пастбища. В тот момент,

когда мальчик будет гнать овец мимо немецкого пристанища. После того как Кязим уточнил все детали, он попрощался с хозяевами дома и исчез в ночной темноте.

Наступило утро. Тахир встал как обычно. Айша стояла у стола и собирала сыну обед. Он заметил, как её руки нервно дрожали, а в глазах стояли слёзы. Мальчик подошёл к матери и обнял её с особой теплотой:

– Мама, всё будет хорошо! Не волнуйся. Я обязательно вернусь! Только отдам карты Кязиму и вернусь.

Айша нежно поцеловала сына в макушку, ощутив на своём лице густоту его тёмных волос. Ей так не хотелось выпускать из объятий своего такого маленького, но такого взрослого не по годам сына!

Итак, надо было идти. Стадо овец во главе с пастухом и его верным псом двинулось на верхнее пастбище. И вроде бы всё было как обычно, но воздух в это утро был по-особенному свеж, а горы величавы, как никогда. Тахир с нетерпением ждал вечера, и он настал. Отара возвращалась домой.

Как только маленький пастух поравнялся с немецким расположением, откуда-то со склона горы раздались выстрелы. Немецкие солдаты стали выскакивать из палаток, хватать автоматы. Взыли моторы мотоциклов, тут и там раздавались приказы на грубом немецком языке. Итак, фашисты «кляну́ли».

Тахир, улучив момент, юркнул в палатку, которую обозначил ему Кязим. На скамейке в углу лежала коричневая кожаная сумка. Рядом никого не было. Мальчик, объединив свою скорость и ловкость, схватил её и засунул в свою бездонную пастушью сумку. Одним рывком Тахир выскочил из палатки и растворился в глубоких сумерках. Дело было сделано!

Тахир бежал изо всех сил не оглядываясь. В какой-то момент он остановился от бессилия. Немного отдышавшись, мальчик понял, что он уже в назначенном месте. Всё было как во сне. Тахир достал немецкую сумку из своей и засунул её глубоко в пустоту старого пня. Отсюда сумку должен был забрать Кязим. Встав и отряхнув колени, он с чувством исполненного долга пошёл в сторону дома. Сердце бешено колотилось от осознания важности совершённого дела.

До дома было совсем недалеко. В родных окнах горела свеча, очерчивая силуэт любимой мамы. Вдруг дорогу мальчику преградили два немецких солдата. Один из них грубо толкнул Тахира дулом автомата в грудь и развернул его в сторону немецкого лагеря. Теперь дуло упиралось между лопаток.

– Шнеле, шнеле, – произнёс немец и толкнул его, указывая, куда идти.

И вот Тахир стоит перед входом в знакомую ему палатку, напротив него немецкий офицер Отто. Глаза его горят гневом. Таким его мальчик не видел никогда. Это были глаза разъярённого зверя. Отто прошипел на ломаном русском языке:

– Это ты сдѣлал! Тиба видѣл наш солдат!

Мальчик гордо выпрямил спину и, глядя прямо в глаза взбешённого немца, с вызовом в голосе сказал:

– Да, я! Это вам за отца, за деда Назира, за бабушку Шайдат...

Слова мальчика перебила звонкая пощёчина. В этот момент откуда-то из темноты выскочил Черныш и вонзился в руку Отто. Немец со всей силы откинул пса, выхватил пистолет из кобуры и несколько раз выстрелил в него. Пёс жалобно заскулил и тут же замолк.

– Черныш! – крикнул Тахир и со всей силы кинулся на фашиста.

Раздался выстрел...

Неведомая сила остановила мальчика, жгучая боль разнеслась по груди. Он упал, хватая ртом воздух, как последние глотки жизни. В голове Тахира пронеслись вихрем мысли: «Я же обещал маме, что вернусь! Черныш, а мы думали, что этот немец не такой, как все остальные! Кто завтра будет пасти...» Сердце мальчика остановилось.

А утром был бой. Горела земля, дрожали горы, плакало небо. Фашисты были полностью разбиты.

Благодаря украденным картам и документам наши военные узнали, что наступление немцев планировалось через несколько дней, а перед этим фашисты намеревались сжечь село со всеми его жителями. Советским командованием было принято решение атаковать немецкий лагерь незамедлительно. Родное село Тахира было спасено, враг разбит!

Маленький пастух навсегда остался в сердцах его односельчан. Это был большой подвиг маленького горца!

...Айша до последних своих дней каждый вечер выходила на склон и подолгу стояла, вглядываясь вдаль, как будто высматривала своего маленького пастуха, возвращающегося домой с пастбища.

Подвиг маленького Тахира из горного села Кабардино-Балкарии не может оставить равнодушным никого. И это лишь одна история из тысяч историй маленьких героев большой страны, которые в годы Великой Отечественной войны сражались за свою Родину, свою землю, свою семью. Сражались как могли! Их героические поступки будут жить в наших сердцах! У этих подвигов нет срока давности!!!

ЧИКИНЁВА ИРИНА

7 класс

Наставник: Долушкина Галина Николаевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение Труслейская
средняя школа,

Инзенский район, Ульяновская область

Подмена

Заканчивается 2024 год, который был посвящён семье. Семья – это не только наши родители и мы, это многие поколения: наши бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки. И в каждой семье хранятся и передаются от поколения к поколению не только семейные реликвии, но и истории из жизни наших предков.

«Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...» А вот именно таким героем для меня стала моя прапрабабушка, хотя приближали победу и сражались за неё в годы Великой Отечественной войны мои прапрадедушки. Я расскажу только одну из многочисленных житейских историй из её жизни.

Лютая зима 1942 года. Небольшая глухая деревня среди вековых лесов. Все мужчины на фронте – защищают свои семьи от фашистской нечисти. Тех, кого забрали в первые месяцы войны, уже нет в живых. Остальные сражаются храбро. Однако не только на поле боя идёт битва, но и здесь все работают ради победы. Фронт кормить надо, материал на блиндажи надо – летом в поле, зимой на лесоповале трудятся женщины да ребяташки.

А зима выдалась снежная и морозная. И вот в одну из холодных ночей по разнарядке привезли эвакуированных из блокадного Ленинграда. Полуживые женщины и детки. Расселили некоторых ночью по домам.

Рано утром, по-тёмному, собрались бабы в Красном уголке колхоза, затопили печку. А за печкой на топчане обнаружили женщину с девочкой. Они были из эвакуированных. Мать была очень истощена: еле говорила, ноги отекали и не слушались. Девочке было лет пять-шесть. Пришёл бригадир

Ефремыч, принёс стакан молока и кусочек хлеба. Положил на топчан и быстро вышел. Вытирая скупые мужские слёзы, обратился к одной из женщин:

– Кузьминична, ты баба справедливая, совестливая, возьми мать с дочкой – не дело им здесь замерзать. Вон сколько проехали, голодали, прятались от бомб в Ленинграде. Знаю, что у тебя дома пять голодных ртов, но есть же у тебя сердце. Я бы взял, но живу один, как старуху схоронил, а за ними уход нужен...

Так в семье прибавилось два человека к шести. Женщина была очень слаба: ноги отекали и почти не ходили. По её рассказам, все родственники убиты или умерли от голода ещё осенью, только они с дочкой сумели эвакуироваться по Дороге жизни. Дочка настолько была худая, что, казалось, просвечивала. На личике выделялись голубые, как небушко, глаза. «Как у меня глаза», – подумала хозяйка. Кузьминична оправдывала себя: «Я всё правильно сделала, что забрала их. Может быть, моего мужа Артёма кто-нибудь покормит. Проживём как-нибудь».

Через три дня мама девочки умерла. Пелагея Кузьминична достала из её сумочки документы, отнесла бригадиру паспорт. Ребята похоронили Любовь на сельском погосте.

Младшая дочка Шура взяла Светочку (так звали девочку) под свою опеку. Кормила её, давая по несколько ложек молока и чуть-чуть мятой картошки. Защищала от соседских мальчишек, которые кидались снежками и кричали: «Смотрите, городская идёт, вакуирована!» Девочка не могла от них убежать и плакала. Она всего боялась: лая собак, стука двери, треска брёвен от мороза по ночам, голоса козы. Всё хотела к маме, а Шурочка её уговаривала: «Мама твоя уехала посмотреть, можно ли ехать домой. Скоро приедет и заберёт тебя». Потом не стала спрашивать, только плакала.

Дни стали длиннее, снег начал таять. Ребятишки стали выходить на улицу чаще. По дороге в обед текли ручейки. За селом протекала речушка. Маленькая и спокойная летом, весной она становилась могучей, собирая все ручейки воедино. Вот и пошли все ребята посмотреть на могучую реку. Она несла в своих водах и обломки льда, и доски, и стволы деревьев. Грозно бурлила большая вода. Светочке было очень страшно: такой гул и шум она слышала в Ленинграде, когда летали фашистские самолёты. А вот Шура была отчаянная, она подошла близко к воде. Вдруг бережок стал уходить под воду. Вот и Шура уже стоит по колено в мутной, бурлящей, уносящей на середину глыбы льда и мусора бешеной воде. Вот уже по пояс в воде. Все стали кричать: «Давай, прыгай назад!» А Светочка побежала к своему дому. Увидев Кузьминичну, девочка остановилась

на секунду: как её назвать? «Мама, мама, там Шурочка тонет!» – не слыша себя прокричала она. Мать босиком помчалась к реке. Но взрослые ребята уже вели Шуру – с пальтишка текла грязная ледяная вода, валенки были мокрые.

Александра болела неделю... На восьмой день, ночью, она сгорела – лечить было нечем. Рано утром Пелагея Кузьминична, повязав чёрную шаль, взяла Светочкино свидетельство о рождении, пошла в Сельсовет. Шла медленно, склонив голову, обдумывая своё решение: война закончится, чужую девчонку заберут в детский дом, своя умерла, а сердце уже прикипело, как вынести всё это, где взять сил?

Так Светлана стала Александрой. Осенью она пошла в школу, её никто не называл беженкой, чужой, городской фифой. А учительница сказала, что она похожа на маму: такие же голубые большие глаза. Только по ночам снился ей большой и красивый город, мама в лёгком платье ведёт её по парку к памятнику в Летнем саду.

Закончилась война, повзрослели дети. Каждый нашёл свой путь, свою судьбу. Но беспокойно было на сердце матери: правильно ли она поступила, имела ли право распорядиться чужой судьбой? Никогда никто из детей не промолвился, что Шура – это Светлана. Света уже и забыла своё настоящее имя. Но потом свою единственную дочку назвала Светланой.

В 1975 году заболела Пелагея Кузьминична: сердце стало подводить. В Прощёное воскресенье, как всегда, дети и внуки собрались в доме матери, попросили друг у друга прощения. Покаялась и мать в своём грехе. Но Шура давно её простила, потому что не помнила она свою родную мать, а неродная стала ей самой родной.

Вот так война и чудовищные преступления фашистов над детьми в блокадном Ленинграде изменили жизнь и судьбу этой девочки. Этот рассказ – история об украденном детстве всех детей того времени, о потерях и о жизни – вопреки всему. У них было особое, опалённое войной детство. Они росли в условиях голода и холода, многие – под свист и разрывы снарядов и бомб. И только благодаря верности и надежде, стойкости и мужеству не только выжили, но и восстановили нашу страну. И это только один эпизод из жизни тысяч семей, которые не видели фашистов, но боролись и приближали победу в тылу, за много-много километров от фронта.

ЮДИНА АНАСТАСИЯ

7 класс

Наставник: Бортничук Наталия Николаевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное общеобразовательное
учреждение средняя общеобразовательная
школа с. Красное,

Краснинский муниципальный район,
Липецкая область

Детям блокадного Ленинграда посвящается...

Была зима и жёсткой, и метельной,
Была судьба у всех людей одна.
У нас и детства не было отдельно,
А были вместе – детство и война.

Р. Рождественский

Я самый счастливый ребёнок на свете! Я живу в самом красивом городе страны – Ленинграде. У меня есть папа, с которым так хорошо гулять в Московском парке Победы. Мама – мой самый дорогой и любимый человек. Благодаря её весёлому характеру в нашей семье всегда царит праздник. А ещё смешливая младшая сестрёнка с торчащими в разные стороны косичками, перевязанными белыми ленточками. Её так трудно накормить, любит она только мороженое, даже мамины вкуснейшие пирожки с капустой не жалует. «Нехочуха» – так её любя называют родители. А осенью этого года я пойду в школу. Мне уже купили красивый ранец и набор новых цветных карандашей.

Каждое летнее утро дарит столько надежд на будущее. Просыпаясь от шума ясеня за окном нашей квартиры, вдыхая свежий воздух с Невы, едва успев позавтракать, мчался я во двор поиграть с друзьями в казаки-разбойники.

Детство – самая счастливая пора в жизни каждого человека! Так должно быть, таков закон природы. Но этот закон самым бесчеловечным образом был нарушен 22 июня 1941 года, когда без объявления войны фашистская Германия напала на нашу страну. Я прекрасно помню этот день – день на-

чала самой кровавой и жестокой войны в истории моего народа. День, когда кончилось моё детство.

В первую неделю войны папа вступил в добровольческий батальон Адмиралтейского завода, на котором он работал. Домой он забежал на несколько минут: поцеловать нас с сестрёнкой и успокоить маму. Мама, чей смех мы так привыкли слышать в довоенное время, перестала даже улыбаться. Тревога и печаль поселилась в её глазах. Через несколько недель папа пришёл и сообщил, что их отряд отправляют на фронт, защищать родной Ленинград. Подняв меня на руки, прижав к себе, он сказал: «Ты теперь старший мужчина в доме. Ты – надежда и опора маме и сестре». Старшему мужчине на тот момент только исполнилось восемь лет.

А потом были карточки. Зажав их в кулачке, я подменял маму в очереди за хлебом. Мама работала в госпитале и дежурила на крыше нашего и соседних домов, на которые сыпались «зажигалки», и не всегда могла выстоять долгую очередь. Моя трёхлетняя сестрёнка «Нехочуха» никак не могла понять, куда же подевались пирожки, которыми её всегда пыталась накормить мама. Как объяснить трёхлетнему ребёнку, ставшему прозрачным от голода, что нельзя съесть всю порцию хлеба сразу, надо растянуть на целые сутки, ведь больше ничего не будет до следующего утра.

Но страшнее голода был холод. Зима сорок первого года была необыкновенно холодной. От высокого ясеня, от шелеста листьев которого я просыпался в счастливое довоенное время, остались только воспоминания. Его давно сожгли на дрова. Чтобы как-то хоть чуть-чуть согреться, мы начали жечь мебель. Уходя на работу, мама закутывала нас с сестрой во все вещи, которые оставались дома. Сестрёнка, совсем ослабевшая от голода, не могла даже пошевелиться в этом коконе, и только огромные глаза на прозрачном лице говорили о том, что она жива. Я старался поить её водой из чайника, закутанного так же, как и мы, чтобы вода оставалась тёплой хоть какое-то время. Но это мало помогало. Силы с каждым днём покидали её. И однажды утром она не проснулась.

Мама не плакала, нет. Она просто замолчала. Её молчание было страшнее слёз. Взяв у соседки санки и завернув невесомое тельце в белую простыню, она увезла сестру в вечность. А я плакал, рыдал, понимая, что не выполнил отцов завет, не стал опорой той, кто была слабее меня. Это чувство вины я пронёс через всю жизнь. Мне не пришлось отвечать перед отцом: он погиб летом сорок второго года, но именно тогда я почувствовал в себе ненависть ко всему, что олицетворяет слово «фашизм».

А однажды не пришла и мама, она получила серьёзное ранение во время артобстрела и была отправлена в госпиталь. Соседка отвела меня в детский дом № 38 в Куйбышевском районе Ленинграда. Оттуда, как только стало возможным, нас эвакуировали по Дороге жизни.

Моё детство и детство моих ровесников было безжалостно сожжено фашистами в пламени войны, оно замёрзло на сорокаградусном морозе зимой сорок первого года в блокадном Ленинграде, оно похоронено на Пискаревском кладбище, где покоится прах моей сестрёнки. Игрушки нам заменили осколки снарядов, новогодние огоньки – «зажигалки», которыми пытался сжечь непокорённый город враг.

Я обвиняю фашизм в самом бесчеловечном преступлении всех времён – преступлении против детства!

ПРИЗЁРЫ
2 КАТЕГОРИИ

МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

БАТЯЕВА ПОЛИНА

9 класс

Наставник: Еремина Ольга Николаевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Бавленская
средняя школа им. Героя Советского Союза
Рачкова П.А.»,

Кольчугинский район, Владимирская область

Чтобы струны не замолкали...

Скорая помощь приехала мгновенно. В доме сразу растёкся запах больницы и беды. Фельдшер в синей форме уселся на край кровати, молча и слегка раздражённо закатал рукав на руке прабабушки и вдруг в страхе оглянулся на нас. Над локтем растеклась вытертая клякса едва читаемых цифр – 35683 – номер бывшего заключённого концлагеря. Всё фельдшерское медицинское равнодушие исчезло, и он теперь бережно и осторожно натянул манжет прибора на руку.

– Давление высокое. Может, в больницу?

– Нет-нет, она не поедет, боится больничных палат, – проговорила моя бабушка, дочь старшей бабушки, – ещё с лагеря.

Историю про концлагерь я знала. Это была не просто история. Это была наша боль, наша память и наша жизнь. Я прекрасно понимала фельдшера: первое впечатление от этих цифр, даже если ты никогда не сталкивался с такой страшной татуировкой, потрясает. Вдруг в памяти сами собой, по какому-то велению генетического кода, возникают тревожные и болезненные образы...

Вагон покачивался на рельсах, убаюкивая пассажиров монотонным перестуком колёс. Этот ритмичный стук, казалось, приглушил все ужасы. Думалось, что за запотевшими от дыхания стёклами вагона по-прежнему мирная жизнь: нет разбомблённого дома, нет покорёженной, оставшейся с одной струной скрипки Петечки, нет Марусиной куклы с оплавленным

пластмассовым лицом и обожжёнными волосами. Нет жёлтого прямоугольного листа с синим штампом и страшными словами: «Ваш муж погиб смертью храбрых».

Эвакуация... Теснота вагона, узлы, чемоданы, чьи-то тихие напряжённые всхлипы. Испуганные ребятишки с глазёнками в половину лица сжались в комочки рядом со своими родителями. Мама, с белым лицом, с глубокими, тёмными и какими-то провалившимися глазами, сжимает наши ладошки, как единственно ценное, что осталось ей от прежней мирной жизни. Вот поезд почему-то замедляет ход, перестук колёс становится реже, а вагон испуганно замирает...

– Налё-о-о-от! Из вагоно-о-о-ов!

Паника, толчея, крики, плач... В звенящей голове одна простая мысль – не выпустить ручонки своих детей. Может, и умереть, но только вместе, рядом, не потеряв тёплых ладошек. В хаосе и суматохе оставленного поезда под гул падающих бомб, уханье снарядов и человеческий вой они, конечно, потерялись...

Маруся, волоча за собой безжизненную безволосую куклу, шла, как в лабиринте, среди разбитых тел. Здесь у каждого была своя потеря, никому не было дела до маленькой девочки, которая иногда устало присаживалась, прижималась к оплавленному кукольному лицу, словно надеялась, что кукла её пожалеет и поцелует. Марусе было очень страшно...

А потом она внезапно увидела свою маму, которая лежала на земле и смотрела в небо. Рядом с ней, свернувшись калачиком, лежал братишка. Ему было страшно находиться рядом с мёртвой мамой, но ещё страшнее было оставаться без неё в разрушенном мире. Он держал в руке каким-то чудом уцелевшую маленькую скрипку, а другой гладил плечо матери, отчего его ладошка становилась красной и липкой. Мальчик дрожал от страха, и единственная струна на его скрипке противно тренькала. Этот дребезжащий звук навсегда запомнился семилетней девочке.

Петечка перебрался ближе к своей сестрёнке и, как котёнок, стал тыкаться носом в её щёку и, негромко всхлипывая, всё старался подсунуться под её руку, как он делал раньше с мамой. Но разве Маруся могла его утешить? Она была мамой только для своей пластмассовой «дочки». И всё же неуклюже обняла брата, наконец отпустив куклу: братишка был дороже. Они оба заснули, прижавшись друг к другу, скукожившись возле мёртвой мамы.

Проснулась Маруся от звука дребезжащей струны и лающей речи. Серый чужой дядька с остервенением тащил скрипку из ручонки Петечки, отталкивая сапожищем тело мамы. Мальчик сопротивлялся яростно, и лопнувшая струна впилась в его ладошку, раздирая в кровь. Немец отшвырнул

обугленную деревяшку в сторону, за шкуру толкнул Петечку в колонну уже построенных людей.

Лагерь. Черноволосых, с глазами-смородинами их распределили в разные бараки еврейского блока. И началась дорога к смерти...

Маруся иногда могла увидеть своего брата через проволоку, но он уже не был тем музыкально одарённым Петечкой. Теперь это был просто полосатый халат, над которым болталась лысая, когда-то курчавая головёнка. О бараке, где находился Петечка, говорили шёпотом, называя его «лабораторией». Оттуда часто увозили телеги, покрытые чёрным брезентом, и все знали, что дети там дают кровь для «великих солдат Германии». Иногда «лабораторный материал» выводили на прогулку. Бестелесные халаты с прозрачными личиками, с провалами глаз и фиолетовыми губёнками жались друг к другу и никогда не плакали. Петечка заплакал только один раз, когда их барак повели на утилизацию...

Под ненавистное фашистское “schnell” детей гнали к «бане» – так называли печи. Остальные бараки в немом ужасе через проволоку смотрели на маленьких человечков, которых живыми вели «мыться». Живыми... Фашисты не спешили и даже разрешили детям пройти мимо решётки, словно гуляя... Петечка нашёл Марусю среди толпы детишек сразу. Она прижалась к окошечку проволочной решётки, протянула ручонку между колючками. Девочке так хотелось потрогать братика, живого и родного... «Если мне сейчас сожгут ладошки, как я смогу сыграть любимую песню мамочке на небе?» – едва слышно прошептал он. Мальчик вжался в сестрину ладошку всем личиком, поднял испуганные влажные глазёнки, полные слёз. Он стыдился плакать, старался сдержаться, ведь «мужчины не плачут». Но он не мог не плакать, потому что он всего лишь маленький мальчик, в последние дни жизни которого не было ничего, кроме страданий. И сейчас его вели на смерть...

И вдруг в ладонь Маруси попал невесть как уцелевший обрывок струны, тот самый, который фашист не смог отобрать у маленького скрипача, тот самый, который разрезал все пальчики на детской ручонке. «Может, ты сыграешь когда-нибудь», – снова прошептал несостоявшийся музыкант и повзрослому поцеловал ладонь сестры.

Эта струна – самое драгоценное в нашей семье. Она никогда не перестанет звучать! Она не замолчит, пока не стёрлась синяя клякса татуировки концлагеря с руки моей прабабушки и из памяти человеческой, пока чужие люди будут замирать от воспоминаний. Пока я помню, струна детской скрипочки никогда не замолчит!

БОБОЕВА ФАРАХНОЗ

8 класс

Наставник: Кулишова Ирина Николаевна, педагог проекта «Российский учитель за рубежом», учитель химии,

Негосударственное общеобразовательное учреждение «Дурахшандагон»,

Республика Таджикистан

Память, увековеченная в камне, или История одного обелиска

Настенный календарь отсчитывает последние дни февраля. Скоро весна. Прекрасное время года! Восемьдесят лет назад люди разных стран праздновали Победу над фашизмом. И никто в тот момент даже не подозревал, сколько ужасающих фактов проявления жестокости и насилия со стороны немецких захватчиков будут обнародованы и переданы в суды для заслуженного наказания.

Старые пожелтевшие страницы архивных документов, многие из которых до недавнего времени хранились под грифом «совершенно секретно», рассказывают нам о том, что в годы Великой Отечественной войны немецкая агрессия была направлена не только против военных сил, но и против гражданского населения. На захваченных территориях специально созданные в рамках программы «Т-4» подразделения производили зверские расстрелы и убийства партизан, цыган, евреев, коммунистов, то есть занимались «чисткой» населения.

Об одном из таких бесчеловечных событий напоминает надпись на обелиске: «Здесь, 22/XI – 1941 г. были зверски замучены и сожжены фашистскими палачами более 900 советских людей, находившихся на лечении в больнице им. П.П. Кащенко». Что за событие и где оно произошло? О чём оно заставляет нас задуматься?

Это случилось в психиатрической больнице имени П.П. Кащенко, которая была построена в 1909 году. Её лечебные корпуса были расположены

на территории имения Сиворицы (ныне село Никольское) Гатчинского района Ленинградской области. Долгое время обязанности главного врача этого лечебного заведения исполнял П.П. Кащенко. Это была лучшая психиатрическая больница России. Здесь проходили обучение и перенимали передовой опыт врачи-психиатры со всей страны.

В 1941 году в больнице на лечении находилось около 1,5 тысяч больных. Во время оккупации она была переоборудована в военный госпиталь для раненых солдат 18-й германской армии. Советским душевнобольным места в этом госпитале не было. Их судьба была предreshена. Как стало известно из архивных документов, всех больных поместили в один корпус, их не кормили, а умерших от голода вывозили и сбрасывали в противотанковый ров, который находился на окраине села.

22 ноября 1941 года немцы полностью освободили госпиталь, расправившись с оставшимися «неудобными» пациентами. В этот день фашисты зверски убили около 900 беспомощных, ослабленных, душевнобольных людей и весь медицинский персонал вместе с главным врачом. Под видом эвакуации в Псковскую психиатрическую больницу их перевозили в корпус на «помывку». Здесь больным вводили препарат, который вызывал судороги и смерть.

Также были убиты душевнобольные и в филиалах: в Корписалово и Веребье. Из 1,5 тысяч пациентов к приходу Красной Армии в живых осталось менее десятка больных, которых удалось спрятать местным жителям.

В память о тех трагических событиях в 1952 году на средства, собранные медицинским персоналом и больными, вблизи села Никольского, в берёзовой роще, был поставлен обелиск с надписью-напоминанием.

И это не единичный случай массового истребления «неполноценных людей». Подобные факты, оказывается, имели место и в Новгородской области, где в Полтавском районе в доме инвалидов 18 января 1942 года были заживо сожжены 400 человек, среди которых были беспомощные инвалиды и колхозники. В августе 1942 года в Ставрополе в машинах-дугубках были отравлены угарным газом 660 пациентов психиатрической больницы, среди которых были и дети (самому маленькому ребёнку на тот момент исполнилось семь лет). В этом же году под Сталинградом фашисты расстреляли подростков из интерната для умственно отсталых детей. В 1941 году были убиты 836 больных в Могилёвской психиатрической лечебнице и около 1,5 тысяч – в селе Сапогово Курской области. Всего за годы Великой Отечественной войны на территории СССР айнзатцкоманды уничтожили около 20 тысяч человек.

Перечитывая в очередной раз надпись с обелиска из села Никольского и анализируя события давно минувших лет, я часто думаю о том, что происходило во время Второй мировой войны. Особенно меня поражает, как фашисты относились к душевнобольным людям. Это вызывает у меня чувство гнева и печали. Как можно было так жестоко обращаться с теми, кто и так страдает? Эти люди не представляли угрозы, они просто искали помощи и понимания.

Я не могу понять, как кто-то может оправдать такие действия?! Уничтожение людей из-за их состояния – это не просто преступление, это проявление глубокой ненависти и бездушия. Мне кажется, что это показывает, насколько важно защищать права всех людей, независимо от их здоровья или возможностей.

Я часто задумываюсь о том, как важно помнить эти уроки истории. Мы должны учиться на ошибках прошлого, чтобы подобное никогда не повторилось. Каждый человек заслуживает уважения и заботы, и мы должны бороться с предвзятостью и дискриминацией в нашем обществе.

Эта тема заставляет меня чувствовать ответственность за будущее. Я хочу, чтобы мир стал местом, где каждый человек ценится и принимается таким, какой он есть.

Источники

1. Государственный архив Ставропольского края. URL: <http://www.stavarhiv.ru/deyatelnost/vystavki/> (дата обращения: 15.01.2025).
2. «Идиоты не имеют права на существование». В Третьем рейхе пытались улучшить нацию, уничтожая душевнобольных. Их травил газом и жгли в печах // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/05/11/psycho2/> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Люди – как балласт. Нацисты планомерно уничтожали душевнобольных // Аргументы и факты. № 44. 30 октября 2013. URL: https://aif.by/timefree/history/lyudi___kak_ballast_nacisty_planomerno_unichtozhali_dushevnobolnyh (дата обращения: 15.01.2025).
4. Программа «Т-4» и акция «14f13» // Без срока давности. URL: <https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/programma-t-4-i-akciya-14f13/> (дата обращения: 15.01.2025).

БЫЛИЧКИНА ДАРЬЯ

8 класс

Наставник: Клевно Татьяна Васильевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Центр образования села Амгуэмы»,

м.о. Эгвекинот, Чукотский автономный округ

Моя война

Посвящается моей прабабушке
Воробьевой Антониде Кузьмовне

У каждого, кто пережил войну, она своя.

Как только папка ушёл на фронт, дом наш осиротел, стал похож на столетнего старика. Вмиг прохудилась крыша, русская печка стала коптить, покосилось крыльцо, даже корова Зорька, любимица отца, перестала давать рекордное количество молока, как это было раньше. Мама с бабушкой Клавой сокрушались: «Вот что значит хозяина нет!» А потом начинали голосить, я невольно присоединялась к их воплям. Было жалко папу, который воевал под Ленинградом. Без него пусто. Без него война. Я, семнадцатилетняя девочка, не могла тогда осознать, что то, о чём читала в учебнике по истории, случилось на самом деле, в моей реальности. Война. Моя душа заходила от тоски и ужаса.

Мы жили в маленьком сибирском селе Подборное. О важных событиях, происходящих на фронте, узнавали по сводкам, которые нам ежедневно на собраниях зачитывал директор клуба Иван Демьянович, талантливый ба-янист и балагур. В моменты объявления новостей он был не похож на себя: его лицо заострялось, уголки губ опускались вниз, а глаза яростно сияли. Я всегда садилась в первые ряды, чтобы повнимательнее рассмотреть его. Так я лучше понимала, что происходит с моей страной. Баба Клава в непогоду не ходила в клуб, а мне наказывала:

- Ты, деточка, слухай, слухай! Потом перескажешь!
- Ладно! – на крыльях летела я за добрыми вестями.

Первое время было тяжело всем. Наше некогда живописное село, о красотах которого даже в районной газете писали, потеряло свой лоск. Почти все взрослые мужики сражались с проклятыми фашистами, а женщины, дети и старики выживали как могли. В колхоз теперь брали и девочек.

– Мама, мы с Людкой пойдём на дойку работать! – однажды заявила я.

– Тонька, ты чего выдумала? Посмотри на себя, жихорка! – как всегда, запричитала мамка. Она расплакалась и пошла во двор. Появилась у неё такая привычка – давать волю слезам на воздухе.

– Опять мать доводишь, дурёха! Какая из тебя дойщица? Ты слыхала, Анна Борисовна слегла? Книжки выдавать некому. Иди на её место.

– Бабушка, а когда я буду на курсы шофёров ездить?

– Ой, Тонька, тише! Мать услышит – не сносить нам головы! – зашипела на меня главная моя защитница и хранительница секретов.

Вот уже несколько недель прошло, как я втайне от мамки записалась на курсы. Об этом ведала только моя бабушка. Она хоть и побаивалась свою сноху, но всё же согласилась с моим решением. Баба Клава хорошо меня знала: коль что задумаю, на пути лучше не стоять. «Вся в мать!» – непременно подытоживала она, когда была недовольна мной. Я успевала всё: и ходить на дойку, и раз в неделю с дядей Пашей ездить в Панкрушиху на учёбу, и в местной библиотеке по воскресеньям выдавать книги. Силы во мне были немеренные: любая работа спорилась. Уже тогда я задумала пойти на войну. Но об этом я не сказала ни бабе Клавке, ни Людке, моей закадычной подружке. Боялась: вдруг нечаянно выдадут мамке.

Прошёл почти год после начала Великой Отечественной войны. Всё потихоньку вошло в своё русло. Нет, жизнь не наладилась. Но люди привыкли к горю, к дурным знакам, к похоронкам. Нам за год пришлось только одно письмо от папки, где он сухо и кратко рассказывал об армейской жизни. Было трудно понять, хорошо ему или плохо. Лишь приписка в конце выдавала его чувства: «Вы там берегите Тонечку. Не хворайте! Скоро разобьём врага и свидимся». Опять чёрной тучей накрыло нашу семью: баба Клава слегла от тоски по единственному сыночку, мамка замкнулась в себе, почернела и, кажется, постарела на десяток лет. Вот как от них уходить? Сердце моё разрывалось.

В августе 1942 года в наш бабский мирок, как выражалась баба Клава, пришло счастье, тихое, блокадное, девятилетнее чудо.

– Полина, вы слыхали, в район привезли детишек из Ленинграда? Ой, Терентьевна была вчера в Крутихе. Говорят, сироток по домам раздают, – прибежала к нам с утра соседка Мария.

– Это как? – вполыхнулась мамка.

– Пелагеюшка, может, тебе смотаться в район? – бабуля так называла сноху в минуты особой сердечной трогательности.

Наш дом ожил. Мамка где-то раздобыла мела и побелила переднюю комнату, печку и сенки. Бабушка, забывшая о своей хвори, взялась чинить занавески, я чистила песком сковородки и кастрюли. Погода на улице стояла чудесная. Август был прекрасен. Солнце билось в наши чистые окошки, разбивая в пух и прах уныние и скуку. Мы смеялись до упаду, любовались домашним порядком и ждали перемен.

Оля Сазонова, Ольга, Олечка, Лялька, кулёма, солнышко, радость наша! За что нас Бог наградил таким подарком, не знаю. Как только мама привезла её из Крутихинского детского дома, всё вокруг завертелось, заиграло новыми красками, жизнь приобрела смысл. Порядком приунывшие, заглубевшие, мы вдруг незаметно для себя стали оттаивать. Оля привыкла к нам быстро. Городская девятилетняя блокадница была не по годам сообразительной, смекалистой. Она сразу признала во мне старшую сестру, бабулю стала ласково называть бабушкой Клавушкой, а маму – тётей Полей. При слове «мама» её лицо покрывалось тенью, на глаза наворачивались слёзы. Мы не терзали её душу, ни о чём не расспрашивали. «Придёт время – сама откроется», – уверяла мама. Так и случилось.

В конце сентября, так водилось в наших краях испокон веков, наступали «капустные» дни, все убирали с огородов капусту, крошили её и квасили в бочках на зиму. Мамка, порозовевшая, помолодевшая и весёлая, готовила на огороде стол для работы:

– Девчата, айда хозяйничать!

Ольга заскакала, ловко перепрыгивая через морковные грядки, а мы с бабулей тихо поплелись за ней. Было так спокойно и хорошо. Когда кочаны были срублены, мы взялись за самое сложное. Нужно было мелко-мелко нашинковать капусту ровными полосками (так требовала бабушка), а потом рядами укладывать её в бочку, посыпая крупной солью. Вкуснотища!

– Оленька, а ты любишь пирожки с капусткой? Хочешь, я сегодня опару поставлю, таких тебе пирожков состряпаю, пальчики оближешь! – защекотала мамка.

Оля в ответ разрыдалась. Мы ахнули хором:

– Что случилось, детка?

Так мы узнали всё, что она сама о себе помнила. Успокоившись, Оля аккуратно вытерла носовым платочком (до этого я только на картинках видела такие, у нас их отродясь не было) слёзы. Ребёнок поверил нам:

– Мамочка моя тоже любила пирожки с капустой. Весной она ходила на Исаакиевскую площадь за капустными листьями, но дежурный запретил срывать их, сказал, что надо завязаться кочанам.

Оля (родители звали её Ляля) родилась в Ленинграде. Нашей девочке пришлось пережить страшное. Когда началась война, её папа, советский офицер, с первого дня ушёл на фронт. Мама, как её ни уговаривали, осталась с восьмилетней Лялей в родном городе и стала работать в госпитале. Блокаду Оля помнила остро. Вечное чувство голода. Разрушенные дома. Холод. Грязь. Запах крови. Суп из лаврового листа и папиной кожаной сумки. И мама. Она заболела от тяжёлой работы и недоедания, свой госпитальный паёк она приносила дочке, сама же перебивалась кое-как. Маленькая Оля ухаживала за ней две недели. Потом мама умерла. В обнимку с мёртвой мамой девочка проспала три ночи...

Так война показала нам своё лицо. Бабушка, мама, я сидели ошеломлённые. А потом, не сговариваясь, кинулись обнимать Ольгу.

– Родная моя, как же так! Что ж такое творит фашист проклятый! И Кузьма наш в тех местах... – заохала баба Клава.

Вечером мы угощались капустными пирожками, пили чай с сушёной клубникой. Баба Клава с мамой хлопотали вокруг Ляли, не могли наглядеться-нарадоваться на неё. Маленькая свидетельница блокады стала нам роднее родной. Всем сердцем мы полюбили её. Когда Оля уснула, мама с бабушкой управились по хозяйству, я позвала их посидеть на крыльцо. Как раньше. Укутавшись потеплее, мы крепко обнялись и затянули любимую песню:

Ой, то не вечер, то не вечер.

Ой, мне малым-мало спалось.

Мне малым-мало спалось,

Ой, да во сне привиделось...

Ладно у нас получилось, нота в ноту. Мы были одно целое. Три поколения женщин одной семьи, в судьбу которых ворвалась беспощадная и жестокая война. Я, как маленький котёнок, прижалась к маме и бабушке и тихонько прошептала:

– Я уйду на фронт. Больше терпеть не могу! Я должна отомстить за нашу Ляльку, за её маму! За папку!

Через три дня мои родные провожали меня в дальний путь. Мамка голосила на всю деревню, бабушка хваталась за сердце. Но я была уверена, что всё будет хорошо. У них теперь есть Лялька, их надежда и опора. А я нужна там.

Тогда, в сентябре 1942 года, мне и в голову не могло прийти, что меня ждёт впереди. Разве могла я знать, что буду колесить на своей полуторке по городам и весям, выполняя задания любой сложности? Разве я могла знать, что однажды фашистский снайпер, увидев меня из окна самолёта, не станет стрелять? Разве я могла знать, что моя война закончится в 1945 году и я, юная сибирячка, собственноручно выведу на рейхстаге свои инициалы? Это будет потом, а сейчас я на пути к свободе и справедливости. Нет ни страха, ни ужаса. Есть свет и абсолютная вера в Победу!

ВАНЯСОВА ВАЛЕРИЯ

9 класс

Наставник: Архипова Елена Алексеевна,
учитель русского языка и литературы,
Муниципальное общеобразовательное
учреждение
«Рязская средняя школа № 2»,
Рязанская область

Малая Пискарёвка

Митинг на Захуптском кладбище подошёл к концу. Замёрзшие юнармейцы, подгоняемые колючей позёмкой, с флагами побежали в школьный автобус. Рабочие, ёжась, быстро убирали аппаратуру. Чиновница в богатой шубе подошла к двум старушкам – почётным гостям, скромно стоящим у кладбищенской оградки, – ласково пожала им руки, что-то предложила, кивнув на машину. Старушки закачали головами и тихонько тронулись в глубь кладбища. Их день памяти только начинался...

Людмила Михайловна и Людмила Ивановна медленно прошли по расчищенной тропке к самой дальней гранитной плите с надписью «8 сентября. Начало блокады Ленинграда». И застыли... Нет, не от холода, какой бывает в конце января в России. От страшных воспоминаний о далёком ленинградском детстве.

22 июня 1941 года Людмила Ивановна, тогда шестилетняя Люся, помнила хорошо: они с мамой собирались на рынок за покупками. Но так и не попали. Сообщение из репродуктора: «Война!» – заставило всех людей сделаться каменными. Маленькая Люся сначала не совсем понимала, что происходит. О войне она знала только из мальчишеских игр во дворе да из героических песен. Осознание ужаса случившегося пришло быстро. Слёзы матери и даже отца, прощания, обещания. Постоянное желание есть. Пустые полки в шкафах на кухне. Пустая

посуда. Умоляющие глаза четырёхлетнего брата Витюшки и виноватые мамыны... Люся помнит, как голод всё усиливался, как заставлял снова и снова обшаривать шкафы, одежду, посуду в поисках хоть каких-нибудь крошек, как заставлял пробовать на вкус любую травинку во дворе, как доводил до тошноты, до обмороков, как захватывал все мысли... Как притуплял животный страх во время бомбёжек. Сначала Люся в бомбоубежище Витю таскала за собой, потом на себе, а потом сил спускаться туда не стало у обоих.

В квартире было страшно. Мама целыми днями работала на заводе. Однажды пришла с повязкой на голове, через которую сочилась кровь. Хлеб сунула в руки Люсе, а сама рухнула рядом на кровать. Люся всё поняла, часть хлеба съела, хотела брата покормить, а он даже губы разлепить не смог, только еле глаза приоткрыл и снова задремал.

В их доме на Васильевском к зиме почти никого и ничего не осталось: ни тепла в нём, ни воды, ни людей, ни животных, ни даже мышей. По снегу Люся стала на Неву на саночках с бидончиком и ковшиком за водой ездить. Потом лёд такой толстый стал, что из проруби воду не достать. И по дороге очень страшно! Всюду люди замёрзшие: кто лежит, цепляясь за решётку набережной, кто сидит, прислонившись к стене. А лицо мёртвого мальчика лет десяти Люсенька никогда не забудет! Как живой, он припал головой к одному из мертвецов. И так девочке захотелось бросить эти бесполезные санки и лечь рядом с ним... Даже в глазах помутилось, голова закружилась... Совладала с собой Люся, вспомнила о маме и поплелась с пустыми санками домой.

К концу декабря Витя умер. Тихо. Не просыпаясь. Люся с мамой не плакали. Завернули его бережно в простыню и положили на пока ещё не сожжённые в пали буржуйки стулья в пустой комнате. Только через несколько дней они смогли отвезти его на кладбище. Глаза у братика за эти дни мхом заросли – маме пришлось его измождённое личико шёлковой тряпочкой от своей праздничной кофточки закрыть... Как смогли, аккуратно положили Витюшу на «поленницу» из умерших...

– О-о-о-х!!! Как же забудешь это всё, Михайловна!? – вдруг среди кладбищенской тишины в сердцах воскликнула Людмила Ивановна. – Как же выжили мы?!

Подруга обняла свою товарку, беззвучно пошевелила губами, потом произнесла:

– Доставай гостинцы, Ивановна!

Из хозяйственной сумки трясущимися руками женщины бережно достали ломти душистого чёрного хлеба и стали любовно раскладывать на гранитную плиту. Распрямились, перекрестились, постояли молча, смахивая слезинки тёплыми пуховыми варежками, и двинулись к другой плите.

«18 января 1943. Прорыв блокады Ленинграда».

Здесь старушки сразу достали из сумки хлеб и разложили на гранит. Теперь воспоминания у них были на двоих.

Как Люси оказались в одном ленинградском детском доме, даже вдвоём вспомнить не могут. Помнят, как грузили их с другими сиротами в товарный вагон. С ними была воспитательница Серафима Васильевна. А может, вовсе не так её звали. Но Люсям кажется, что так.

В вагоне жутко холодно. Посреди вагона буржуйка. Около неё дрова. Дети – на соломе вокруг буржуйки, ближе к теплу жмутся. Серафима Васильевна печь растапливала, старалась дрова экономить: дорога ведь дальняя, едем в тёплые края, в Ташкент.

Но надежда на тёплые края не спасала никого. Каждое утро ребята повзрослее помогали Серафиме Васильевне от печки холодные тела в дальний угол вагона перетаскивать. С каждой станцией живых в вагоне становилось всё меньше и меньше.

А скоро дрова у печи закончились... Серафима Васильевна почти не вставала. Поезд остановился на станции. Слышно было, как в соседних вагонах заскрипели отодвигающиеся двери, зашуршали шаги. Снаружи засуетились люди, зафыркали лошади. Серафима Васильевна встать так и не смогла. Но вдруг снаружи кто-то с силой дёрнул и отодвинул дверь.

– Есть кто живой? – спрашивал приближающийся силуэт. Живые зашевелились.

В вагон залезали сердобольные женщины, совали голодным детям варёную картошку, хлеб. Колхозники выгружали из вагонов мёртвых и штабелями складывали в сани, как дрова, чтобы отвезти на Захуптское кладбище и похоронить их весной в братской могиле.

Здесь, в Рязске, женщины взяли по семьям двух подружек Люсь. Дальше они в тёплые края поехать бы не смогли...

Их выходили, и всю свою долгую жизнь ленинградки провели в этом маленьком городке, прослужили на железной дороге, которая и в самом деле стала для них дорогой жизни.

Люси переместились к последней плите, достали оставшийся хлеб.

«27 января 1944. Снятие блокады Ленинграда».

Ездили в благополучные советские времена Людмила Михайловна и Людмила Ивановна в Ленинград на Пискарёвское кладбище. Ведь где-то там, в какой-то из бесконечных братских могил, похоронены их матери, маленький Витя. А потом в 2015 году на Захуптском кладбище в Рязске облагородили братскую могилу ленинградцев, и стали Михайловна с Ивановной каждый май и каждый январь сюда с хлебом приходить, на Малую Пискарёвку...

Сколько таких Пискарёвок от Ленинграда до Алтая по всему бывшему Советскому Союзу...

ВАСИЛИК ЕЛЕНА

9 класс

Наставник: Василик Лилия Викторовна,
учитель информатики,

Государственное бюджетное
общеобразовательное учреждение Луганской
Народной Республики «Луганский учебно-
воспитательный комплекс № 43
имени Е.Ф. Фролова»

Про сапоги и гармошки

Эта история не выдумана, она произошла в годы Великой Отечественной войны в семье моих родственников.

Колька с Вовкой были очень разные... Колька – шустрый, бедовый, юморной, везде он первый, хоть в поле, хоть в клуб. Даже на гармошке соседской выучился сам играть. Сказал, чтоб у девушек ни одного шанса не осталось! А Володя – степенный, рассудительный, даже временами казался угрюмым. Да оно и неудивительно: с малолетства остался без родителей, рано пошёл в забой, да и хозяйство нехитрое держалось на его плечах.

Как они дружили, как могли часами разговаривать и не поссориться, не понимал никто, но так оно и было. Если знали, где один, то там был и другой. И в школу вместе, и в поле вместе, и в клуб на танцы тоже.

Колька, как пойдёт в клуб, так и давай всех девчонок приглашать потанцевать. Хоть и росту небольшого, да и на лицо не красавец, но столько в нём было жизни и задора, что ни одна красавица не могла отказаться пройти с ним вихрем в танце! А Володя стоит в сторонке, красавец, скромняга, и слово боится девушке сказать. Хотя танцевать любил страшно, и так у него это лихо получалось! Но об этом мало кто знал – Колька только да ребята из бригады, при своих он мог иногда раззадориться и пойти в пляс...

Такая вот безоблачная дружба была бы, если бы не Рая. Красавица была такая, что взгляда оторвать нельзя: глаза сияют из-под густых бровей вразлёт, румянец на смуглом лице, как будто розы цветут, а уж как улыбнётся – хоть зажмуривайся, как будто солнце из-за туч выглянуло.

Не было шансов ни у Кольки, ни у Володьки – так и ходили за ней вдвоём. Колька со своими шутками-прибаутками, и Володя – то букетик полевой в калитку засунет, то воды натаскает в дом, сена накосит, ну вот так он свои чувства проявлял. Коля всё посмеивался – вот, говорил, женюсь на Райке, а тебя батраком к нам в дом возьмём.

Так и шла своим чередом их простая, местами трудная сельская жизнь. Колька мечтал о музыкальном училище, причём, кажется, ему даже всё равно было на кого учиться: просто там весело и девочки все как на подбор. А Володя даже и думать не мог из села уехать, только видел себя в своём доме, с большой семьёй, с красавицей Раисой и ребяташками, чтоб дом был – полная чаша, чтоб все сыты, одеты, обуты были, детишки чтоб в школу ходили – вот и все мечты.

А разбились все мечты вдребезги в один день, рано утром 22 июня... Кольку мать разбудила, плачет, толком сказать ничего не может, одно твердит: «Война, война...» А Володя в забое был. Как вывели их на-гора, видит: лица все серые, угрюмые, бабы воют, мужики курят молча... Так началась новая страшная жизнь.

Пошли друзья добровольцами, по году себе приписали. Колька так зубы заморочил военкому, что тому пришлось записать его, чтоб отстал, а Володя и так выглядел на все двадцать. Вместе мечтали врага бить...

Но разве судьба наших друзей по разным фронтам... Володю сразу засватали в противовоздушную оборону. Короткое учение – и на фронт... А Кольку очень быстро язык довёл до разведроты...

Никого война не жалела... Были и ранены ребята, и в госпиталях успели побывать не раз... Весточки из дома получали редко, эти драгоценные треугольнички иногда так долго искали адресатов! Кольке писала мама, раз получил он письмецо и от Раи. А Володе и вовсе некому было бы писать, если бы не Райка. И она понимала это: написала два письма, а потом тишина... Но не было такого дня, чтоб друзья не вспоминали друг друга!

Стояла как-то Володина батарея под одним селом, и пришли к ним две бабушки-тростиночки... Такие были худющие, что их аж ветром шатало... Попросились к командиру, плакали, что немцы забрали всё продовольствие, что детишки с голоду умирают... Собрались, конечно, бойцы, выделили со своих паек кто что смог и в деревню помогли отнести. На следующий день принесли бабульки взамен гармошку. Краси-и-и-ивая она была, как будто только с картинки! А на Володиной батарее, как назло, никто играть на гармошке не умел! Хотели уже развернуть бабулечек с подарком, но тут подошёл Володя – глаза в землю, краснеет, – говорит, что очень, прям позарез, ему нужна эта гармошка! Ребята в голос смеются, говорят: «Ты там

чего, дальше пойдёшь на танк меняться?!» А Володька представил себе тогда, как вернётся он в свою деревню, а Колька бежит ему навстречу, смеётся, а он, Володька, достанет эту гармошку и другу подарит! В общем, обзавёлся Володя инструментом... Ребята поначалу посмеивались над ним, а потом поняли, что он лучше и есть и спать не будет, но подарок для друга сохранит!

А Колька служил так же, как и всё делал в своей жизни, – на полную катушку, с каким-то даже остервенением, со злостью хорошей, но и головы не терял... Так случилось, что попал он в тыл врага, километров за пятьдесят от своих... Задание выполнил на отлично, а на обратном пути попал на немецкий разъезд и положил их всех на месте. Как положено разведчику, собрал все документы, что были при немцах, а потом в люльке мотоцикла увидел свёрток, а в нём – сапоги!!! Новые, хромовые, с застёжками (офицерские, видать), уж какому генералу их везли – не известно, но сапоги были первый сорт!!! И Огромные! «Как раз Володьке по ноге, в клубе танцевать!» – сразу подумал Колька. Ну и прихватил он их с собой, верил, что Володька обязан прийти с войны целым и невредимым!!! А как же иначе, его ж такой подарок ждёт!

Почти дошёл Колька до своей части (километр оставался по его подсчётам) и попал под артобстрел. Всё вокруг рвалось, свистело, земля подпрыгивала, и тут наступила резко тишина и темнота... Очнулся Колька от боли в голове. Руки поднимает голову пощупать, а одна рука не слушается его совсем... Свёл глаза до кучи, смотрит на то место, где рука была, а там только липкая пустота и кровянища хлещет... Плохо дело... Перемотал кое-как, ремнём затянул обрубок и пополз к своим, да вспомнил про сапоги, будь они неладны!!! Пришлось возвращаться, думал: «Не разнесло ли их тем же снарядом, что и руку его?» Ан нет, лежали целёхоньки! Так и дополз... с сапогами и без руки...

Отправили Кольку в госпиталь, там он и встретил окончание войны... Писал матери из госпиталя, про руку не говорил, конечно, чего зря расстраивать? Спрашивал про Раю: чего она не пишет, жива ли, здорова ли? Мать в двух словах написала, что жива Райка, чего ж ей сделается? Мать только её померла. И на этом всё!

Колька не унывал, развлекал свою палату песенками да шутками, всё про всех в госпитале узнал, кто откуда да куда. И тут слух прошёл, что новенького привезли, тяжёлого – обе ноги отхватило парню выше колен... Не жилец, наверное, в себя не приходит, бредит постоянно, то Кольку зовёт какого-то, то Раю вспоминает... Тут сердце у Кольки сжалось так нехорошо, ком в горле встал, запросился он к тому бойцу в палату, а к нему никого

не пускают, не велено... Прошло несколько дней, Колька ходит хвостом за врачами, расспрашивает про того раненого... И тут сказали ему, что очнулся бедолага, назвался, кто он и откуда, и что зовут его Владимир... Попросился Колька тогда хоть на минуту провести бойца, понял уже, кто там лежит... Вот заходит он в палату, видит: да, дружок это его лучший, только вполтину короче стал... Кинулся Колька к другу, обнимались, понятное дело, и плакали вместе, и щупали друг друга, чтоб убедиться, что не сон это... А потом случилось то, чего точно никто не ожидал. Володька начал смеяться аж до истерики... Медсестрички в палату забежали, думали случилось чего... Смеётся Володька, слёзы утирает, а потом полез рукой под кровать и говорит: «Ну, держи, друг дорогой, свой подарок!»... Достает гармошку... Тут и у Кольки истерика началась... Сквозь смех еле выговорил: «Хорош гармонист без руки! Сразу в оркестр возьмут!» А потом сорвался с места и на ходу крикнул: «Сиди тут, никуда не уходи, я теперь за твоим подарком сбегаю!» Долго любовался Володька своим подарком... И мял их, и вертел во все стороны... Хорошие были сапоги!

Домой возвращались на пару. Первым делом, не сговариваясь, повернули к Райкиному дому. Дом стоял заколоченный, двор заросший, нет никого... По соседям стали спрашивать. Отводят все глаза, сказали только, чтоб сходили к её бабке, которая на хуторе живёт. Ну, ясное дело, побрели сразу огородами да на хутор... Колька впереди, Володька на тележке за ним. Подходят к бабкиной халупе, ещё не видно её из-за деревьев, а оттуда Райкиной бабки крик: «Колька, Володька, а ну стойте смирно, а то щас как напощадам вам обоим!» Переглянулись ребята и пошли кусты обходить, в калитку вошли, смотрят: там два пацанёнка белобрых, только на ногах научились стоять, ковыляют по двору. А тут и бабка Райкина стоит, увидела ребят, губы затрусилась, поковыляла к ним, давай обнимать и приговаривать: «А Раечки-то нашей нету, голубушки, не смогла, не выдержала!» Рассказала им бабушка, что, как немцы пришли, то сразу Райку заприметили, забрали в комендатуру и не выпускали, покуда и не вытурили их наши войска из деревни... Что там было, никто не рассказывал, и Райка потом молчала... Родила двоих ребятёнков да на следующий день и повесилась в сарае... А ребятёков назвала Колька да Володька. Вот бабка и забрала их от греха подальше на хутор от злых языков...

А что потом было? Было мирное время и две семьи новые в деревне. В одной подрастал Николай Владимирович, а во второй – Владимир Николаевич... И сёстры потом у них были, и братья... А Колька и Володька старшие так и дружили до самой смерти... А гармошку и сапоги каждый хранил как зеницу ока.

ДЕНИСОВА ПОЛИНА

8 класс

Наставник: Гончарова Светлана Николаевна, учитель русского языка и литературы,

Муниципальное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа с углублённым изучением отдельных предметов № 24»,

г. Саранск, Республика Мордовия

Последняя ложка

Больше всего на свете я не люблю делать уборку. Но сегодня мама сказала, что меня ждёт «удивительное путешествие в прошлое»: мы идём разгребать чердак. Я, признаться честно, сначала хотел отказаться: перспектива копать в толстом слое пыли и хламе, давным-давно изжившем свой век, не особо радовала. Но за все мои 14 лет я ни разу не заглядывал на чердак, и любопытство победило.

Небольшое помещение встретило нас тишиной и серебром пыли, отражающейся в солнечных лучах. На полках спали книги: невозможно было разобрать названия ни одной из них, выгоревшие на солнце корешки давно истрепались, их изъели клопы и моль. Здесь даже пахло как-то странно – наверное, именно такой запах был у прошлого.

– Нам предстоит большая работа, – вздохнула мама. Она оглядела узкое пространство, разбуженное нашим внезапным приходом, и, указав на огромные в ширину коробки, теснящиеся в тени книжных полок, добавила:

– Нужно приступить поскорее, чтобы успеть разобрать хотя бы часть.

Старые советские куклы, груды рисунков и книг, журналы бухгалтерского учёта, стеклянные ёлочные игрушки, какие-то провода и ещё много-много всего – всё это мы тщательно сортировали по мусорным пакетам, отбирая памятные для мамы вещи, которые, по её словам, имели особую ценность.

– У каждой из этих вещей своя история, – сказала задумчиво мама, склонив голову над маленькой записной книжкой. Я встал и подошёл ближе, чтобы разглядеть находку: на полуистлевшей жёлтой бумаге плясали строки крупных синих букв, аккуратно выведенных чьей-то рукой и чрезвычайно

похожих на мои, по мнению папы, «каракули». А из серединки, как закладка, выглядывал наконецник крохотной чайной ложечки, обёрнутой в газетную бумагу, рваные края которой обнажали потускневшее серебро.

– Да уж, – я рассмеялся. – Ну, это точно на выброс. Давай сюда, мам, отправлю это в мусорную кучу.

В ответ она строго сказала:

– Выбросишь – будешь искать там, куда выбросил.

Я пожал плечами: спорить было неуместно и бесполезно.

...Спустя ровно восемь больших пакетов с мусором и тщательно отобранных мамой фотоальбомов, мы решили прервать, казалось, длившуюся целую вечность работу и в конце концов немного отдохнуть.

Закрыв за собой дверь в комнату, я тут же опустился на кровать: глаза буквально слипались от усталости. Предвкушая сладкий сон после утомительной монотонной работы, я уже подложил ладошки под щеку, закрыл глаза, повернулся на бок и... подскочил от внезапной боли: в ногу вдруг врезалось что-то очень острое. Сон мгновенно исчез. Разозлившись вконец, я, чуть было не порвав карман брюк, достал оттуда маленькую потрёпанную записную книжечку с ложкой внутри: именно её рукоятка безжалостно впилась мне в правую ногу, не оставив ни единого шанса на спокойный отдых. Я повертел её в руках: старинный добротный кожаный переплёт, а внутри – чьи-то заметки с рисунками. И как она очутилась у меня в кармане? Внезапно ослепившая моё сознание ярость уступила место искреннему любопытству: перед глазами, одна за другой, закружились буквы, сливаясь в слова и предложения...

Я – Варя. Мне 17. Последние пять месяцев у меня постоянно болит живот, я еле-еле двигаюсь. Сегодня нужно помочь бабушке Тоне достать из погреба последнюю нашу банку-закатку. Мне кажется, что закрытые там ещё до войны помидоры уже давно испортились, но есть нам больше нечего совсем. Писать очень сложно, пальцы немеют и отнимаются, но мне нужно сделать всё возможное, чтобы, если я вдруг умру, эти записи сохранились, и история моей семьи в них – тоже. Я часто хочу есть, но не могу много: как только я беру в руки кусок хлеба и глотаю хотя бы чуть-чуть, меня начинает сильно тошнить.

Немцы-оккупанты отобрали у нас последнюю еду, а вместе с ней – и хоть какую-то надежду на то, что мы выживем. Сначала они требовали продовольствие для своих солдат, а потом стали вводить запреты на охоту и рыбалку. Собирать ягоды тоже нельзя. Наша деревня медленно умирает. Часть людей

бежала, несколько моих друзей и подружек умерли от голода, а некоторые попались, когда пытались воровать еду.

Я не знаю, где мои мама с папой, но, скорее всего, они погибли: мама была окопной санитаркой, а папа сражался на фронте.

Варя бросила писать и резко повернула голову в мою сторону.

– Ну, что стоишь? Проходи. У нас тут гостей не привечают особо, порядок такой, каждый сам за себя. Тебя как зовут?

Я, не в силах выдавить из себя ни слова, молча попятился от недоумения.

– Да ты немой что ли? Откуда ты здесь?

– Я... Я не совсем понимаю. Заснул у себя в комнате, а проснулся... Так, может, я сплю?

– Вздор. Не хочешь рассказывать – не рассказывай. Разговаривать мне некогда, да и силы тратить тоже.

Варя нахмурилась, откинула назад туго сплетённую косу, перевязанную перепачканной белой ленточкой, и кивнула на земляной пол:

– Садись. Писать-то умеешь?

– М-могу, – и произнёс вслух откуда-то всплывшую в памяти фразу из старинной песенки: – Я грамоте умею.

«А если это не сон? Что мне делать?» – пронзительно и оглушающе застучало в висках. Липкий страх постепенно сковывал тело, лишая возможности трезво мыслить. Руки и ноги наполнялись свинцовой тяжестью, но я сдерживался, упрямо стараясь не подчиняться сносящей всё на своём пути силе плохого предчувствия.

– Тогда садись писать под диктовку. Бабушка Тоня скоро придёт, она у соседей. Ты останешься или пойдёшь потом?

– Мне... Некуда...

Не мог же я ей сказать, что, если это не сон, придётся изобрести машину времени для того, чтобы я отправился домой – на целых 80 лет вперёд!

– Оставайся. Когда напишешь, что прошу, и придёт баба Тоня, сядем ужинать все вместе.

Она диктовала чисто, ни разу не запнувшись, а я писал под огонёк дрожащего пламени свечки:

«Наш сосед, дядя Юра, мне всегда казался человеком чёрствым, жестоким. Он очень редко смеялся, практически никогда не здоровался и был, как говорила бабушка, “себе на уме”. О своей жизни он рассказывал очень мало, детей и других родственников тоже не было, сам работал, но изредка попивал, поэтому все его сторонились, как-то побаивались.

В сорок первом году дядя Юра пошёл на фронт, но быстро вернулся: почти полностью потерял зрение на обоих глазах и с оружием больше

обращаться не мог. Сначала продукты ему носила девчушка-медсестра из окружной больницы, а потом он освоился сам и стал ходить даже без палочки.

У дяди Юры был пёс – дворняжка по кличке Матрос. Он подобрал его, голодного, хромого и умирающего, ещё совсем маленьким двухнедельным щенком, окружил, как своего ребёнка, заботой и поставил на все четыре лапы. Матрос стал для него опорой и незаменимым помощником по хозяйству: пёс помогал полуслепому мужчине заново учиться передвигаться по окрестностям и всегда защищал его – словом, отплачивал хозяину всей своей собачьей верностью и преданностью за спасённую жизнь. В сорок третьем нашу забытую богом, но не войной деревушку окружили немцы, отрезав все торгово-продовольственные пути. Люди стали спасаться хозяйством и урожаем с огородов, но надолго это не помогло: постепенно овощи, хлеб и сохранившиеся в погребах продукты стали служить мерилom человеческих жизней – немцы «просили подати» с каждой избы, и тех, кто отказывал или кому нечего было дать, сгоняли в поле и расстреливали. Так, из двадцати пяти живших здесь человек нас осталось всего одиннадцать.

Дядю Юру в последний раз я видела три месяца назад, буквально за несколько часов до его смерти. Было страшно и жалко смотреть на то, как он нёс на руках тощего скулящего пса и время от времени утирал слёзы, проступавшие в ввалившихся красных глазах. В конце концов он решил пойти на отчаянный шаг: оставив Матроса, дядя Юра отправился в сторону немецкого лагеря, чтобы добыть собаке немного еды. Наверное, этому всегда угрюмому человеку было настолько невыносимо смотреть, как мучается животное, ставшее его единственным членом семьи. А потом мы увидели, как немцы ведут нашего соседа в поле, на расстрел. Прожившего ещё сутки пса...»

– Нет! – резко прервал её я. – Не надо. Пусть здесь будет многоотчие.

Она посмотрела на меня исподлобья и сдавленно ответила:

– Я сама не смогла, а другие ели.

«Жить становилось гораздо тяжелее, чем умирать. Мы сдирали и без того худо наклеенные газетные обои, ели снег и древесину с сеной, по весне питались жуками, землёй и травой. Я носила воду с ручья, чтобы бабушка готовила похлёбку из всего, что было под рукой. Найденная под полом гнилая луковица была для нас тогда настоящим спасением. Весь скот пал спустя полгода после оккупации, а мелкие домашние животные уходили в лес. В декабре сорок третьего немцы расстреляли нашу кошку Фимку, когда один из них увидел, что она таскает нам го-

лубей и мышей. Пришлось очень туго, бабушка Тоня постоянно болела. Я стала время от времени бегать в лес, чтобы приносить нам ягоды и что-то из съестных растений, но сил становилось всё меньше, ноги опухали и тяжелели, голова кружилась, руки немели, и было совсем тяжело соображать: я чувствовала, как в висках от бега стучало сердце, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди. И вот уже весь оставшийся на ближайшее время запас еды закончился. Мы с бабушкой с ужасом ждём голодной смерти».

Непривычно и страшно было писать эти слова после школьных диктантов и сочинений. Я увидел, как по острой впалой щеке Вари побежала слеза.

– Я могу чем-то помочь? – медленно произнёс чей-то чужой низкий голос, в котором я с трудом узнал свой.

Варя молчала и долго-долго смотрела в окно.

...Мы бежали, спотыкаясь о зарытые в снегу кочки. Где-то надрывно кричала ворона, и её хриплое тоскливое карканье почему-то навевало гнетущую кладбищенскую пустоту. Я видел, как трудно давался Варе этот быстрый бег, видел, как она собирала в себе последние силы, чтобы не отставать, и это заставляло меня часто останавливаться и подавать ей свою холодную обветренную руку, даже когда она не просила. За холмом, путаясь в заснеженных вершинах мёртвых деревьев, виднелся тонкий серповидный месяц, напоминавший угловато отрезанный кусочек сыра грязно-жёлтого цвета. Он, показавшийся мне тогда символом страха и безысходности, молча уставился на нас, освещая путь своим тусклым, едва заметным болезненно-желтушным светом.

– Я ни разу там ещё не была... Это за ручьём, осталось совсем немного. Говорят, в той заброшенной избе укрываются наши партизаны, у которых есть съестное. Может, они помогли Альке с Мишкой бежать из села... – задыхаясь, шептала Варя. Она сказала что-то ещё, но я не расслышал: над головой, одна за другой, прозвенели в синем морозном воздухе пули, а затем откуда-то поблизости послышалось громкое «Стоять!» на искорканном русском.

Я помню, как длинная коса с испачканной белой ленточкой маячила впереди, пытаюсь спастись бегством от надвигающегося неизбежного, помню, как маленькие Варины руки сунули мне записную книжку с каким-то странным вытянутым предметом внутри, который мешал страницам сомкнуться, помню отдаляющееся: «Это последняя наша, она серебряная, выменяешь её на хлеб!» А затем – сильный толчок в спину и ощущение, что кто-то цепко схватил меня за плечи...

...А потом я проснулся. Надо мной стояла перепуганная мама, изо всех сил трясушая меня за плечи. Она облегчённо вздохнула, увидев, как я, всё ещё в полусне, стал тяжело открывать слипшиеся от слёз глаза.

– Ты так напугал меня! Кричал во сне, я подошла, стала будить. А ты не можешь проснуться. Кошмар снился? Температуры нет у тебя? – обеспокоенно стала говорить она, руками трогая мой мокрый от испарины лоб.

– Мама! – я приподнялся, упираясь в подушку локтями. – Помнишь записную книжку, которую мы нашли на чердаке? Чья она?

Я видел, как на её лице застыл немой вопрос: от неожиданности мама даже немного отодвинулась от меня, всплеснув руками. Но, помолчав, всё же ответила:

– Та, в кожаном переплёте? Это Варвары Петровны книжка, она старшей сестрой моей бабушки была. Погибла в Отечественную войну. Бабушка о ней даже не знала – их разлучили ещё маленькими. А потом, когда наши солдаты деревушку их освободили от немецких оккупантов, ей в Петербург и пришла коробочка, в которой фотографии их родственников были и эта книжка с ложечкой. И вот ещё, – она наклонилась ко мне ближе. – Я пока так, вскользь, пробежалась глазами по тому, что там написано, и до сих пор поражаюсь, насколько сильно почерк Варвары Петровны похож на твой...

ЕФРЕМОВА ДИАНА

9 класс

Наставник: Румянцева Татьяна Владимировна,
учитель русского языка и литературы,

Государственное бюджетное образовательное
учреждение средняя общеобразовательная
школа № 547 Красносельского района,

г. Санкт-Петербург

Маленькая защитница большого неба

О тех далёких годах я люблю судить по воспоминаниям моей бабушки, которая часто рассказывала о своей маме, Евдокии Максимовне Чернышовой, участнице Великой Отечественной войны, или, как её называли, – Дуне. Теперь это уже история нашей семьи, которая чтит свои традиции и передаёт их из поколения в поколение. И теперь я уже точно знаю: когда у меня будет своя семья, я обязательно расскажу ей об этом бесстрашном человеке, который прокладывал свой героический путь к Победе.

В ночь с 31 июля на 1 августа 1942 года прабабушка прибыла в село Шангалы из Бестужева, куда трое суток добиралась с отцом на лошади из своей деревни для работы бухгалтером. Позади уже была хорошая практика учеником счетовода, потом трёхмесячные курсы в Архангельске. Работа в тылу требовала больших усилий... И вот, по приезде на новое место, она ещё и вещи не успела распаковать, как напуганная хозяйка, у которой прабабушка оставилась на постой, спросила: «А это Вы Чернышова будете? Евдокия? Так на Вас повестка уже пришла».

Уходила прабабушка на фронт следом за братьями. Её мама надеялась, что медицинская комиссия забракует её Дуню, ведь по повесткам явились девяносто девушек, а набрать надо было тридцать. Узнав, что дочка была признана годной к военной службе, мать тут же, в военкомате, упала: прихватило сердце. Провожая её, плакала: «Большим да здоровым девкам отказали, а нашу взяли, хоть винтовки меньше. С кем теперь с дедом останемся? Оба сына на фронте, а теперь вот и её туда же».

В тот же день тридцать девушек-новобранцев с Устьи – учителя, бухгалтеры, библиотекари – колонной прибыли в деревню Тарасоволоцкую, в народе именуемую Бычьей. Помылись в бане, отдохнули в чужой избе и затемно отправились к железной дороге.

Ночь. Огороженная колючей проволокой зона, высокая насыпь, шламбаум поперёк однопутки в сторону Киземы – вот и всё, что увидели они, пока садились, чтобы поехать «туда, не знаю куда». В теплушке у девушек были двухъярусные нары, буржуйка, вверху маленькое окно. Состав шёл медленно, неуверенно, с толчками: земляное полотно было неустойчивым, мосты строились временные. Иногда поезд останавливался, чтобы на других станциях сели такие же девушки-призывницы. До Архангельска добирались шесть суток, где и были распределены в воинские части. Прабабушка попала в 41-й отдельный батальон. И вот здесь, оставив бухгалтерские дела, она стала «маленькой защитницей большого неба», как много позже напишут о ней в районной газете. Если точнее, это была служба в ВНОС – войсках воздушного наблюдения, оповещения и связи, предназначенных для своевременного обнаружения воздушного противника. По всему побережью Белого моря стояли зенитки и подобные маминой вышки для наблюдения за небом. «Насмотрелась на небушко на много лет вперёд, – говорила прабабушка позже. – И послужили мне глазоньки верой и правдой и в войну, и после».

Но сначала девушки прошли строевую подготовку на Втором лесозаводе в городе Архангельске. Три месяца они изучали самолёты по деталям, макетам. Покажут, например, «хвостик» от неизвестного самолёта, и надо понять, что за «машина» такая. Кроме того, учили ползать по-военному: грязь не грязь, лужи не лужи – ползи, «корму» не выставляй, даже если у тебя на ногах сапоги сорок второго размера вместо тридцать пятого (поначалу обмундирование выдавали как на мужчин). Учили стрелять из винтовки, быстро одеваться-обуваться в любое время суток, ремень на гимнастёрке туго затягивать, чтобы палец не прошёл под ним – боец должен быть подтянутым. После учений девушек отправили на Северный флот – границу охранять. Направление на Беломорск, Кировск и Онегу было стратегически важным.

Вражеские части яростно рвались вперёд. В августе сорок первого в районе Лоухи шли напряжённые бои. К осени сорок второго фашистская авиация стала совершать налёты на Архангельск, в которых участвовало до 140 самолётов. Лётчики, зенитчики и артиллеристы Северного флота и Беломорской военной флотилии смело отражали воздушные

нападения противника. Один из сбитых «юнкерсов» был выставлен для обозрения на площади у драматического театра.

Вот в такой обстановке и становились девушки службы ВНОС «зорким оком большого неба». Стояли они на сколоченной деревянной 35-метровой вышке в любую погоду среди леса. Из снаряжения – винтовка, бинокль, противогаз, курсоуказатель, американский телефон. Под ногами – досочки, над головой – небо в прожекторах. Рядом с вышкой ещё и слуховая яма. Засекут девушки самолёт, по звуку или одной какой-то детали крыла, винта, шасси определяют, свой или чужой, а потом сообщают: «Щука, Щука ... Я – Слива...» А зенитка в десяти километрах.

Да хоть и звучит так легко и красиво: «девушки становились зорким оком большого неба», – но это давалось им не так-то просто: нехватка витаминов, питания, переохлаждение сказывались на здоровье. От постоянного напряжения и света прожекторов у многих девушек появилась болезнь – куриная слепота. Днём они видели, а ночью при прожекторах слепли. Прабабушке долгое время приходилось одной все ночи на вышке стоять.

Первый «Юнкерс-88» увидела она над архангельской землёй, такие универсальные машины здесь ещё не появлялись. До этого летали бомбардировщики «Хейнкели-111». Вдруг её какой-то непривычный звук забеспокоил. Прабабушка на скамеечку привстала, и тут – «Юнкерс». Вынырнул, да так быстро, что едва успела крикнуть в телефонную трубку: «Воздух!» Заметил фашист женскую фигуру, удивился, что у русских даже девушки воюют. Потом рукой помахал, очередь по вышке пустил и полетел город бомбить. Но зенитчики уже были предупреждены. Так близко Дуня ещё ни разу фашиста не видела. На площадку упала – испугалась очень. Потом она всю жизнь удивлялась: «Он, наверно, пожалел меня, думая, что такая пигалица пусть ещё поживёт. Не мог же он промахнуться...»

И вот, спустя десятилетия, Евдокия Максимовна, слушая какую-то передачу по радио, заинтересовалась воспоминаниями одной немки, рассказывающей про своего отца, военного лётчика, который на бреющем полёте проходил над передним краем и увидел русскую девушку, разглядывающую в бинокль его самолёт. Удивился он и не стал её убивать, только пулемётную очередь дал. «Может, это он и был», – говорила прабабушка, разом разволновавшись, даже румянец на побледневших щеках выступил. Она-то помнила, что не всем так повезло, как ей – соседнюю вышку, например, фашисты в щепки разнесли.

Всё может быть... Значит, ей суждено было выжить и позже её детям на свет появиться. «Мы смеялись, – говорила мне бабушка. Видно,

не зря Дуня в хлеву родилась, как сам Иисус Христос. И в самом деле, такое было...»

Да, она выжила, эта «маленькая защитница большого неба», с победой вернулась в родную деревню. И вот уже спустя восемь десятилетий мы не устаём повторять слова благодарности в адрес таких бесстрашных и самоотверженных людей, как моя прабабушка, гордость нашей большой семьи – Евдокия Максимовна Чернышова. Низкий поклон вам, отважные девушки-герои. Вы чисты перед Родиной, как ваши слезинки. Да, путь к Победе был долгим и тяжёлым, но вы выстояли все невзгоды. Мы всегда будем преклоняться перед вашей отвагой, волей и силой духа.

ИГНАТКИНА СНЕЖАНА

9 класс

Наставник: Жиманова Екатерина Сергеевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное автономное
общеобразовательное учреждение
средняя школа № 42,

г. Петропавловск-Камчатский, Камчатский край

Война, прикоснувшаяся к детству

Что такое война? Есть простое, всем понятное, но совершенно сухое определение: «вооружённая борьба между государствами или народами, между классами внутри государства». Но на самом деле она страшная, опасная, сложная и кровавая. Война – это гул крылатых железных истребителей в небе. Это звуки летящих и разрывающихся снарядов, воронки в асфальте, оставленные ими. Это заклеенные накрест окна ещё уцелевших домов. Это разрушенный дом моих соседей. Это серые мешки с песком, выложенные стеной и защищающие витринные окна магазинов от летящих осколков. Это солдат-покупатель в супермаркете, который везёт свой автомат в тележке для продуктов вместе с покупками, и такой же парень в военной форме, сидящий рядом в городском автобусе с переброшенным через плечо автоматом, словно это обычная сумка. Кажется, что автомат самостоятельно целится прямо в ногу владельца, но если автобус резко затормозит, то его целью станет нога женщины, которая сидит напротив солдата.

Совсем маленькие дети играют в «угадайку», цель которой предположить по звуку: проехал БТР или танк, а потом по оставленным на дороге следам от гусениц определить победителя игры. Детям постарше уже неинтересно в это играть, они знают точно, чем отличаются звуки проезжающих боевых машин.

Война звучит подозрительно тихо перед очередной грозой с дождём из свистящих и гудящих «градов», «ураганов», «смерчей» и особенно разрушительных «точек-У». Такая тишина кажется страшной, когда звуки взрывов и автоматных очередей становятся обычным, повседневным делом.

Она становится приметой, предвестником разрушений и множества смертей. Я думаю, что никто не хотел бы оказаться в горячих точках и видеть весь этот ужас. Смерть, безжалостность, иногда беспомощность. А если ты мирный житель? Это ещё страшнее, особенно когда ты ребёнок. Маленький и слабый, без жизненного опыта.

Почему же войну можно считать преступлением против детства? Потому что дети лишаются отцов в период мобилизации и матерей, попавших под обстрелы. Дети слышат летящие снаряды и видят, как выносят трупы из-под завалов. Высокие цены на продукты в немногих работающих магазинах заставляют ребёнка голодать. Игрушки становятся предметами далеко не первой необходимости, поэтому родители вынуждены экономить в первую очередь именно на них. Люди семьями прячутся в подвалах с верой в то, что скоро всё закончится, что это просто страшный сон.

Я уверена: мало кто может представить этот ужас. Ужас, который проживают и прожили ребята, видящие все кошмары войны вживую. Война всегда лишает детства тех детей, которые проживают на территориях, где идут боевые действия. Голод, страх, отсутствие шанса на нормальное обучение – в этом виновата война.

Я расскажу, как жила я в Донецке, где и сейчас продолжают военные действия. Когда я ходила в садик, однажды на прогулке с воспитателем мы увидели страшные самолёты. Раньше мы радостно смотрели в небо, когда стальные птицы летели над городом, но в этот день я узнала, что они могут быть другими – военными истребителями. Они кружили над детским садом так низко, что казалось, будто бы целились прямо в людей. Воспитатель Марина Валерьевна быстро завела нас в здание детского сада, и все сразу сели на пол, пригнувшись и закрывши голову руками. Сейчас я понимаю, что это не спасло бы никого, если бы «МиГи» решили стрелять.

Так для меня началась война. Я помню, как всё думала, что где-то под опавшими с дерева листиками лежит мина, и если на неё наступить, то умрут и мама, и брат, идущие рядом со мной. Я не осознавала, насколько были страшны эти мысли для ребёнка пяти лет, хотя то, как я это представляла, было страшным. В школах ежедневно детей обучали прятаться в бомбоубежище, объясняли, как нужно себя вести в опасных ситуациях.

Прошло два года – я уже первоклассница. Но война никуда не ушла, она по-прежнему в моём детстве, только теперь в школе. Когда начинались обстрелы, мы всем классом быстро выходили в коридор, чтобы спуститься в бомбоубежище, которое находилось под школой. Для того чтобы туда попасть, нужно было выйти из здания на улицу. Несколько классов шли одним

строем по коридорам и лестницам. Было страшно, но никто, чтобы не создавать суматохи, не бежал. Порой казалось, что следующий снаряд прилетит прямо в здание школы, а мы ещё не успели спрятаться. Когда все дети оказывались в бомбоубежище, учителя обзванивали родителей и просили по возможности забрать нас домой.

А дома мамы и папы нас учили тому, что надо делать, если рядом пролетит снаряд. Помню, как мы с братом смотрели мультфильмы, сидя на полу и накрывшись толстым одеялом, несмотря на то что было жаркое лето. Так нас учила мама, чтобы при обстреле можно было защититься от битого стекла, хотя от осколков снаряда одеяло и не спасло бы. Когда они разрывались, попав в соседние дома, наш дом шатался, и казалось, что стены сейчас упадут и крыша рухнет на нас.

Папа с мамой устроили убежище в погребе нашего дома. Там всегда была вода в пластиковых бутылках, тёплая одежда, одноразовая посуда и консервированные продукты. Как только мы слышали свист летящего снаряда, нужно было за несколько секунд успеть в него спуститься, потому что через этот промежуток времени снаряд мог взорваться. Папа отсчитывал секунды громко вслух, пока мы бежали. Если спрятаться возможности нет, нужно было лечь на пол, закрыть руками уши и открыть рот. Сейчас я осознаю, что так можно было избежать контузии, но тогда просто нужно было так сделать. И всё.

Дети с детства понимают, что такое смерть, и знают, что в любой момент она может прийти за ними. Сначала было страшно слышать взрывы снарядов, но со временем привыкли и к этому. Некоторые могли даже определить по звуку вид орудия и то, где «приземлился» снаряд.

Но события, пережитые детьми Великой Отечественной, полагаю, ещё страшнее. Многие считают, что победа над фашистами в той войне была достигнута только благодаря мужчинам и женщинам, которые участвовали в сражениях. Но дети тоже делали всё, что в их силах, чтобы приблизить общую победу. Они работали на заводах, помогали, рискуя собственными жизнями, партизанам и даже воевали с взрослыми наравне.

Подростки из Ленинграда не спали ночами, сидя на крышах домов. Что они там делали? Мальчишки и девчонки тушили зажигательные бомбы, которые бросали немцы, помогали взрослым убирать город. Кто-то ухаживал за больными родственниками, соседями или знакомыми. Многие видели смерть близких и родных и старались уберечь от страшных картин младших братьев и сестёр. Это было очень сложно, ведь люди умирали даже на улицах. Падали на землю и больше не вставали никогда. Трёхсот граммов хлеба, который выдавали по специальным талонам, было недостаточно, чтобы

поддержать едва теплившиеся жизни. Но дети терпели, ведь у них не было выбора: они не хотели умирать, не хотели сдаваться, поэтому и стояли на ногах вопреки всем законам логики.

Как учились ребята в годы войны? С трудом, в холоде, закутываясь во что только можно, чтобы согреться. Преодолевая голод и смерть, они шли в школу, где с охотой получали знания, писали стихи и пели песни, издавали рукописные журналы, готовились к олимпиадам. В самые суровые дни блокады зимы 1941–1942 годов в осаждённом городе работало 39 школ!

Моя прабабушка, Матрёна Лаврентьевна, была четырнадцатилетней девочкой, когда её застала война. Трудиться для фронта она начала с пятнадцати лет, а её будущий муж, мой прадедуська Демьян Игнатьевич, воевать пошёл вместе с братом в шестнадцатилетнем возрасте. Сначала защищал Родину в качестве стрелка в одной из мотострелковых дивизий, а позже стал разведчиком.

Мама рассказывала, что прабабушка и прадедуська никогда не говорили о том, как пережили войну, – не хотели. Лишь только желали, чтобы было «мирное небо над головой» и «дети грома не боялись». Теперь я знаю точно, что означают эти пожелания и насколько искренними они были.

Честно, я мечтаю вернуться то время, когда была маленькой, чтобы увидеть родной Донецк, город своего детства, таким, каким он остался в воспоминаниях. Город с возвышающимися терриконами и звучащими гудками металлургического завода, по которым горожане сверяли часы. Так хочется прокатиться с друзьями на самокатах по тропинкам моего любимого парка имени А.С. Щербакова с самым большим розарием в городе. Пускать мыльные пузыри с моста над прудом и наблюдать за проплывающими под ним лодками и катамаранами. Прогуляться по бульвару имени А.С. Пушкина с уютными кафе и детскими площадками, полными шумной детворы. Жаркими летними вечерами наслаждаться прохладой и шумом красивейших фонтанов, среди которых самый главный превращается по воскресеньям в музыкальный и собирает вокруг себя отдыхающих дончан...

Я хочу, чтобы война никогда не прикасалась к детству! Хочу, чтобы везде был мир и люди любили друг друга!

КАСЕНКОВА АНАСТАСИЯ

9 класс

Наставник: Соболева Татьяна Павловна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение «Паньковская
основная общеобразовательная школа»,

Орловская область

Но надежды, как и света, уже не было

Тик... Так... Влево – тик, вправо – так. На больничной койке со скомканной простыней монотонно раскачивался из стороны в сторону девятилетний мальчик. Его пересохшие губы устало и безнадежно отсчитывали ритм: «Тик – так...» Худые, почти прозрачные детские руки плотно прижаты к ушам в попытке заглушить резкие и непривычные звуки подъезжающих машин и крики людей во дворе. Александр смотрит в пол. Он, словно уцепившись взглядом за солнечного зайчика, не заваливается набок лишь потому, что его удерживает это светлое пятно. Солнечный зайчик смелый, он не боится страшных хлопков и вот уже несколько часов гуляет по палате Александра: утром был на стене, теперь перебрался на пол.

Мальчику досаждало чувство голода. Но скоро придёт баба Маня и накормит кашей, потом даст сладкого компота и заботливо поправит сбившуюся постель.

– Хочу каши! – требовательно обратился Александр к солнечному зайчику, прекратив раскачиваться. Он даже решил посмотреть на дверь: закрыто. Непослушные, будто чужие руки с трудом оторвались от головы и легли на кровать по обе стороны от худых, острым углом выдававшихся вперёд коленей.

– Хочу каши! – движимый чувством голода, Александр поднял одеревеневшее тело и направил его к двери. «Дёрнуть, надо дёрнуть», – подсказывал мозг. Бледные руки с длинными тонкими пальцами послушно взяли за ручку и потянули дверь на себя. Та не поддавалась.

– Хочу каши! – Александр сам испугался этого пронзительного крика. Но крик продолжался, становясь всё громче и требовательнее. Ватные руки продолжали безуспешные попытки открыть дверь. Александр смотрел на побелевшие костяшки пальцев, на вздувшиеся от усилий вены на руках. А крик всё продолжал сверлить мозг, буравчиком въедаясь в самую его глубину, проникая под кожу.

– Миленький, замолчи, – за дверью раздался испуганный шёпот.

Крик прекратился, Александр увидел, что его рука, державшаяся за ручку, безвольно опустилась.

– Хо-чу ка-ши, – обратился он к двери и к шёпоту.

– Сашенька, молчи, родненький, не кричи, – умоляюще шептала баба Маня, стараясь успокоить Александра.

Опытная медсестра знала: надолго мальчика не хватит. Когда он поймёт, что каши ему не дадут, он впадёт в оцепенение, но перед тем в палате раздается страшный, звонкий крик.

– Хочу каши! – баба Маня узнала в голосе Александра знакомые нотки. Мальчик вернулся на кровать и возобновил маятникообразные движения. Солнечный зайчик всё ещё тут. Ребёнок снова ухватился за него взглядом.

– Замолчи, Саша, – шёпот старой няни затерялся в шуме тяжёлых шагов.

Александр не слышал ни тяжёлой поступи, ни умоляющего крика медсестры, ни скрипа открываемой двери.

Его ритм сбился только тогда, когда солнечный зайчик с пола перебрался на пыльный мыс тяжёлого солдатского сапога. Мальчик резко дёрнул головой: ему не понравилось, что лучик теперь ютится на сапоге.

– Уйди! – обратился Александр к сапогу. – Уйди!

Но сапог твёрдо и непоколебимо стоял на том же месте. Мальчика это злило: лучику так неудобно, надо вернуть его на просторный дощатый пол.

Не отводя взгляда с сапога, Александр сполз с кровати. В неудобной тишине комнаты раздался сухой стук удара худых коленей о пол. Своими полупрозрачными пальцами ребёнок упёрся в мыс сапога, стараясь сдвинуть его. Но тот неожиданно поднялся и, резко опустившись, больно придавил руку мальчика к полу.

– Ой! – голос Александра тонкой иглой пронзил мрачную тишину.

Сапог поднялся ещё раз и быстро, пока мальчик не успел убрать руку, больно её пнул. Пальцы, до этого казавшиеся фарфорово-бледными, покраснели. Александр поднёс их к губам, слабо подул, уговаривая:

– Не боли!

Сапог довольно, не испытывая ни жалости, ни стыда перед больным мальчиком, развернулся и отошёл к окну. Откуда-то сверху на голову Александра

металлической стружкой сыпались незнакомые слова. Жёсткие, хлёсткие, они пугали мальчика и будто ещё сильнее придавливали к полу. Ребёнок продолжал сидеть. Испуганный солнечный зайчик, которого так резко сбросили с сапога, перебрался на больную руку Александра. Мальчик с любопытством рассматривал указательный палец: как интересно он выгнулся, болит и не хочет шевелиться.

– Не боли! – плаксиво обратился к нему Александр.

Целая горсть стальных слов просыпалась на худенькую спину ребёнка: обладатель сапога что-то громко и требовательно скомандовал.

В коридоре раздались торопливые шаги. Среди их нестройного топота мальчик расслышал знакомый голос бабы Мани:

– Оставьте мальчонку! Ребёнка-то за что?

Александр, не поняв слов, даже обрадовался: наверное, будет каша. Но рядом с ним очутилась ещё одна пара сапог: старых, истоптанных, неприятно скрипящих. Он почувствовал, что кто-то с силой тянет его вверх, больно схватив под мышки.

– Не боли! – предупредил мальчик свой распухший и потемневший палец. Беспомощно обведя комнату взглядом, он увидел солдат. Один из них стоял, надменно облокотившись о подоконник и выпуская в воздух ядовитые струйки дыма. Александра резко поставили на ноги, но, не удержавшись, он потерял равновесие и упал лицом вниз, снова оказавшись рядом с пыльным сапогом. Сапог брезгливо отодвинулся от Александра, будто не хотел об него пачкаться.

Мальчика снова подняли, схватив за волосы и плечи. Александр с любопытством взглянул на хозяина сапога: светлые аккуратно постриженные волосы, холодный взгляд водянисто голубых глаз, сильная рука, сжимавшая тлеющую сигарету. Рука, сначала указав на Александра, потом на дверь, приказала вывести мальчика из палаты. Увлекаемый конвоирами, Александр видел, как солдат подошёл к его кровати, поставил на неё ногу и белой простыней старательно вытер пыльный сапог.

– Он же больной! – мальчик мельком увидел стоявшую около стены бабу Маню. Из-под прижатой к губам руки на белый халат падали рубиновые капли крови.

Александр едва успевал перебирать слабыми ногами: так быстро его волокли по коридору. Несколько раз его босые ступни сталкивались с подбитыми железом грубыми подошвами солдатских сапог. На нежной коже мальчика оставались кровавые ссадины и следы набоек.

В глаза ударил резкий свет, безжалостно хлынувший в открытую дверь. Мальчика вытолкнули на улицу. Упав на пыльную землю,

Александр провёл по ней рукой: такая тёплая. Ему понравилось это ощущение просыпающейся сквозь пальцы мелкой пыли. На дворе раздавались крики, лязганье автоматов, стук дверей. Но мальчик не обращал на это внимания. Он, шаря руками вокруг себя, сделал маленькую горку из пыли. Из этой кучки возмущённо выбирался потревоженный чёрный жук. Мальчик с любопытством смотрел, как усердно тот прокладывал себе путь. Но ненавистный сапог снова всё разрушил: он с размаху опустился на горку пыли, безжалостно раздавив ничего не знающего о человеческом зле и жестокости жука. В глаза, нос, рот Александра набилась пыль. Мальчик непослушными руками тщетно пытался протереть лицо, лишь ещё больше пачкаясь.

– Schwein! – брезгливо бросил немец и сплюнул прямо на спину ребёнка.

Александр всё ещё пытался хоть как-то очистить глаза, когда во двор с тяжёлым рёвом въехал грузовик. Он остановился. Из открытых дверей стального кузова на людей смотрела темнота: она жадно ждала жертв. Ни окошка, ни щели не было в кузове. Солдаты стали торопливо заводить туда пациентов, рассаживая вдоль бортов на лавки. Некоторые из обречённых входили тихо, словно повинувшись властному зову этой черноты. Другие пытались сопротивляться, но приклады автоматов быстро справлялись с их сопротивлением. Александр, валявшийся в пыли, оказался последним.

Один из солдат подбежал к нему и брезгливо, будто грязного дворового котёнка, схватил сильной рукой за шиворот, толкнул в сторону открытых дверей кузова. Александра пугала его темнота. Она уже не была такой голодной: из её глубины на него смотрели притихшие товарищи. Их бледные лица не оживляли черноту, лишь показывали, что их жертв ей мало, ей непременно нужен Александр. Беспомощно оглянувшись, мальчик упёрся руками в раскалённую августовским солнцем обшивку кузова. Конвоир с потным и красным от жары лицом с жестокостью зверя набросился на мальчика. Прикладом автомата он бил Александра по худеньким острым лопаткам, по пальцам, мёртвой хваткой уцепившимся в кузов. Мальчик, не понимавший, что происходит, с ужасом смотрел на то приближающийся, то удаляющийся приклад. Он слышал хруст своих пальцев. Александр запрокинул голову и пожаловался равнодушно наблюдавшему за всем происходящим солнцу:

– Больно!

Сильные, загорелые, с рыжими волосками на пальцах немецкие руки успешно справились с сопротивлением девятилетнего мальчишки: его кинули на пол кузова. С глухим стуком захлопнулась дверь «душегубки», на-

всегда отделив всех находящихся в ней от жизни. Голодная темнота жадно заурчала мотором, набирающим обороты. Станный запах начал поступать откуда-то снизу.

У темноты был ненасытный аппетит: она окутывала всех сидящих окисью углерода и ждала... Терпеливо ждала, когда все они покорятся ей.

Крики испуганных пленников сменились надрывным кашлем. Люди непослушными руками рвали ворота рубаш, ища и не находя ни глотка свежего воздуха.

Александр лежал на полу. Искалеченным рукам не хватало сил закрыть уши и спасти его от звука ехидно и победно ревущего мотора, с каждым оборотом добавлявшего газа в запёртый кузов. Мальчик смотрел вверх, в бездонную тьму, надеясь увидеть свет, но света, как и надежды, уже не было...

Это был второй рейс «душегубки» 5 августа 1942 года. Такие рейсы продлятся до 20 октября. В жадное чрево машины войдут 660 пациентов Ворошиловской психиатрической больницы. Больше живыми их никто не увидит.

Источники

1. Акт об уничтожении оккупантами больных Ставропольской психиатрической больницы. 11 июля 1943 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/326799-akt-ob-unichtozhenii-okkupantami-bolnyh-stavropolskoy-psihiatricheskoy-bolnitsy-11-iyulya-1943-g> (дата обращения: 18.12.2024).
2. В Ставропольском крае пройдет первое заседание по делу о геноциде мирных жителей // Без срока давности. URL: <https://безсрокадавности.рф/v-stavropolskom-krae-projdet-pervoe-zasedanie-po-delu-o-genocide-mirnyh-zhitelej/> (дата обращения: 18.12.2024).
3. Транспорт-убийца: «газваген», «гекрат», «рейхсбан» // Без срока давности. URL: <https://безсрокадавности.рф/transport-ubijca-gazvagen-gekrat-rejhsban/> (дата обращения: 18.12.2024).

КУДРЯШОВА ЯНА

8 класс

Наставник: Шляпина Василиса Сергеевна,
учитель русского языка и литературы,
Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя школа № 31 им. В.Я. Клименкова»
г. Липецк, Липецкая область

Десять дней до весны

Великая Отечественная война не имела лёгких периодов. Даже победный 1945 год, когда казалось, что исход войны уже предreshён, был страшным и кровопролитным. А год 1941-й навсегда запомнился как время, когда наш народ столкнулся с суровой реальностью: неприятие факта войны, ужас от свершившейся трагедии и оккупация огромных территорий нашей страны немецкими захватчиками – всё это оставило глубокий след в душах людей. Однако именно в этих испытаниях зарождались первые шаги к Победе.

С 1941 года моя родная липецкая земля приняла на себя жесточайший удар. Шли тяжёлые бои, в сёлах и деревнях разворачивались трагедии мирного населения, о которых невозможно слушать и читать.

Представленное ниже повествование – рассказ моей бабушки, которая помнит его из воспоминаний своей бабушки, пережившей всего лишь десять дней жесточайшей оккупации. Десять дней до весны...

...В ноябре 1941 года фронт приблизился к Ельцу. Фашисты активно стремились к захвату Москвы. Вечером 30 ноября через Дубовец Долго-руковского района (в годы войны Орловской, ныне Липецкой области) прошли отступавшие советские солдаты, а 1 декабря в село вошли немецкие войска.

Потянулись чёрные дни оккупации. В первые же сутки захватчики установили свои кровавые правила. Стремясь добиться покорности местного населения, фашисты широко использовали различные формы террора: грабили, отнимали съестные припасы, обрекая на голодное существование, поджига-

ли дома, оставляя целые семьи в трескучий мороз без крыши над головой. И убивали! Свинцовой пулей, мерзкими издевательствами, прикладом автомата или ударом толстой дубины. Безжалостным оскалом овчарки. Устрашающими публичными казнями.

За несколько дней цветущий когда-то Дубовец превратился в пепелище и руины. Уцелел Храм Успения Пресвятой Богородицы, хоть и был разграблен нещадно, сельсовет да несколько десятков домов.

...Настасья жила с дочкой в старой отцовской избе. В первый день оккупации фашисты заняли лучшие жилища в селе, и женщине пришлось покинуть свой дом, который был построен всего за год до войны умелыми руками её мужа Алексея. Балагур и весельчак, всё у него спорилось играючи. Также с шутками и прибаутками, положив в холщовый мешок нехитрую снедь, Алексей ушёл на фронт в первые дни войны. На прощание он обнял жену и трёхлетнюю Зиночку: «Ну, дурынды! Что за сырость развели? Прогоним врага и заживём лучше прежнего».

...Тот день, который сохранила Настасья в памяти, был особенно морозным. Зима сорок первого вообще выдалась лютой, а уж 5 декабря всю жизнь вспоминалось женщине просто адским морозом, когда кажется, что в жилах вместо крови плавают кристаллики льда.

К тому времени съели они с Зиночкой по одной запечённой картофелине.

Запивали эту скромную трапезу ароматным отваром из смородиновых веточек, который казался им настоящим угощением, полным вкусных ноток. Ах, добавить бы ещё немного сахарку и, потягивая этот чудесный напиток, грызть картошку, ощущая, как запах отвара переносит их в довоенное лето, к тем беззаботным и солнечным дням. В такую минуту так хотелось затихнуть, словно крошечным мышкам, устроившись уютно у печи, вытянув ноги. И сидеть так, пока не закончится война.

Однако сегодня с утра крики на обезлюдевшей улице. Сердце уже привычно сжимается в предчувствии чего-то плохого.

– Всем собраться на площади! – в окно Настасьи требовательно и громко застучали. Выглянув в окно, она увидела фашистского прихвостня Митьку.

Митька пришёл в село вместе с оккупантами и завязал особую дружбу с их главным офицером. Как и когда Митька предал Родину и свой народ, оставалось тайной, которую никто не стремился разгадывать. Для жителей он был презренным предателем, продавшим душу, честь и совесть самому Дьяволу. Теперь же он из кожи вон лез, чтобы сохранить свою ничтожную жизнь, служа у немцев переводчиком.

Когда Настасья уже повязала Зиночке шаль на груди, раздались выстрелы.

Сердце сразу ушло в пятки, женщина поняла: беда! Отсидеться возле печи не получится. Судьба зовёт на очередной разговор, и, как бы ты не хотела, идти надо.

– Пойдём, – коротко и ободряюще кивнула она Зиночке. – Может, снова продукты какие собирать будут. А может, объявление... Обойдётся... Не бойся, видишь, я совсем не боюсь!

В испуганных серых глазах девочки застыли слёзы. Зиночка чувствовала страх матери, видела её вымученную улыбку. Они вышли на пронизывающий ледяной ветер. Сильный мороз и поднимающаяся метель слепили глаза. Страх сковал их, каждое движение давалось с трудом. Впереди показалась площадь.

Возле сельсовета фрицы установили виселицу, где третьего дня повесили двух односельчан, тела которых до сих пор болтались на декабрьском ветру. Насте было неизвестно, в чём провинились те люди. Она понимала, что для немцев причины особо и не нужны.

Третий раз за неделю оккупации собирали фашисты жителей. Первый раз, когда только заняли село. Самый главный офицер, высокий и худой, очень весёлый был в тот день, будто войну уже выиграл. Говорил много и быстро, Митька едва успевал переводить его резкую лающую речь. Из всего сказанного Настасья поняла, что, если местные будут вести себя тихо, никто их не тронет, что немцы люди культурные, а вот Сталин и советская армия скоро «капут». Вечером того же дня ярко запылали избы дубовчан, слышалась автоматная очередь, а затем леденящий душу вой баб, который опровергал слова офицера: ничего хорошего их не ждёт.

Во вторую сходку офицер расстрелял Колю, соседа Настасьи. Долговязый фриц в тот день был зол как чёрт и сразу же объявил, а Митька перевёл: они поймали партизана. Колька спокойно стоял со связанными руками у порога сельсовета в окружении вооружённых до зубов немцев и придурковато улыбался. Люди понимали, что никакой он не партизан, а местный дурачок, который по незнанию мог очутиться не в то время и не в том месте и подглядеть, что не надо. Тем более ловили его уже за этим занятием в мирные годы: любил Колька возле бани по субботам околачиваться.

Офицер со страшной гримасой притянул к себе улыбающегося дурачка, приставил к его виску тонкий и длинный ствол своего пистолета и выстрелил.

Колька испустил дух мгновенно, даже улыбка не сползла с его лица. Бабы заверещали от ужаса... Фашист тут же направил своё оружие на беззащитную толпу и что-то пролаял на своём языке.

– Заткнитесь, будете орать – пристрелю каждого из вас! – перевёл Митька. И от себя добавил: – Дуры, молчите! Не гомоните, он злой нынче, ещё кого пристрелит...

Тем временем офицер неспешно достал носовой платок и тщательно вытер ствол своего блестящего пистолета. Говорить больше было нечего – все и так всё поняли.

И вот сегодня сельчан собирали в третий раз. Настасья с Зиночкой подошли к площади. Здесь было многолюдно, сельчане кутались в нехитрую одежку и старались не смотреть друг на друга. Дверь сельсовета резко распахнулась, и сам Дьявол появился на пороге. Лицо его не сулило ничего хорошего. Настасья поняла: вот и всё, вот и беда пожаловала.

Офицер неспешно прогуливался перед толпой, пристально вглядываясь в лицо каждого стоящего перед ним. Томительно тянулись те роковые минуты: молчал, внимательно разглядывая собравшихся, фриц, молчали и люди, опутив головы и не поднимая глаз. Как удар хлыста, прозвучал его тихий и спокойный голос. Он говорил без особых эмоций, но каждое слово резало воздух, как лезвие ножа. Настасья, стоявшая в первом ряду, почувствовала, как сердце её сжалось от ужаса, когда она услышала перевод.

– Господин офицер вновь в вас разочарован. И только его воспитание и присущий ему гуманизм не позволяет ему, истинному арийцу и цивилизованному человеку, согнать вас всех вон в ту церковь и сжечь ко всем чертям.

В толпе послышались тихие всхлипы, полные страха и отчаяния. Люди понимали, что их судьба висела на волоске, и каждый из них осознавал, что в этот момент они стали лишь пешками в игре, где ставки были слишком высоки. Каждый был готов на всё, лишь бы выжить, но что они могли сделать против вооружённого офицера, который обладал всей властью в своих руках?

– Сегодня утром кто-то обрезал телефонные провода. Мы уверены, что это партизан, и вы знаете кто это. Покажите этого человека, и вы все вернётесь в свои дома. Герр офицер обещает, что не будет даже сердиться. Итак, кто он?

Все молчали. Насте казалось, что сердца всех собравшихся на площади бьются в унисон испуганным голубем. Дышать стало тяжело, грудь словно сковало ледяным ужасом.

Прозвучал звук взведённого курка. Никто и не заметил, как офицер достал из кобуры свой чёрный пистолет. Смертоносный ствол, словно холодная змея, направился сначала на старую бабку Агафью, которая жила на окраине деревни и известна была своим знанием трав и целебных отваров.

– Ты? – спросил он по-русски, и это прозвучало особенно угрожающе. Бабка, бледная как мел, попятилась и неистово закрестилась, бормоча молитвы. Офицер ехидно улыбнулся и тут же перевёл ствол на деда Игната, уважаемого в деревне старика, бывшего кузнеца, отца одного из погибших на фронте бойцов.

– Ты? – повторил он. Его голос был холодным и безжалостным. Дед Игнат не промолвил ни слова. Настя видела, как старик втянул голову в плечи, ожидая скорую расправу. Седые вихры из-под шапки трепал студёный ветер.

– Одер...

Фриц резко сделал шаг в середину толпы, которая в ужасе расступилась перед ним. И тут же сделал шаг назад, таща за собой добычу – маленькую Катю, трогательную большеглазую девочку лет шести.

Офицер приставил ствол пистолета к Катиной голове. Ольга, мать девочки, кинулась вперёд, стараясь вырвать ребёнка из лап фашиста, но он ударил её по лицу рукояткой пистолета. Женщина упала, снег оросили крупные капли крови. Немец ехидно улыбнулся, обнажив ровные белоснежные зубы.

– Ты... – утвердительно произнёс он, снова приставив оружие к детской головке. Девочка плакала, сжимая куклу в руках. Толпа угрюмо молчала. Только бабка Агафья тихо читала молитву.

– Герр офицер считает до трёх. Не скажете, кто партизан, выбьет мозги из девчонки! – Митька старательно перевёл каждое слово хозяина и привычно от себя добавил: – Сознайтесь, бабы! Ведь убьёт малую...

– Айн!...

Настя в ужасе закрыла глаза. Крепко прижимая к себе Зиночку, она ощущала физически, что чувствовала сейчас мать Кати... Но сердце постепенно наполнялось покоем – на этот раз беда снова её миновала.

– Цвай!...

– Это Мишка, Мишка! – вдруг неистово заорала Ольга. – У бабки Фроси в погребке прячется...

Офицер отшвырнул рыдающую Катю от себя и подал знак стоящим возле крыльца солдатам. Настя закрыла глаза, стараясь не смотреть на разворачивающуюся трагедию. Один вопрос только мучил её: а что бы сделала она на месте Ольги? И не могла найти ответа...

Немцы притащили на площадь Мишку, щупленького невысокого подростка, который по мере своих детских сил старался пакостить оккупантам, и его мать, вцепившуюся в сына мёртвой хваткой так, что солдаты вдвоём не могли разнять её рук. Ольга стояла отдельно от толпы, держа на руках обессиленную Катю. А толпа в свою очередь угрюмо рассматривала их всех – двух матерей и двух детей. Одним Судьба даровала шанс на спасение, другим – мгновение, которое неминуемо грозило оборваться.

Солдаты тем временем начали приготовления к показательной казни. С виселицы были убраны тела ранее повешенных, и вот уже на их месте старательно привязывали две новые верёвки. Офицер, невозмути-

мо прогуливаясь перед толпой, что-то внушал людям своим проклятым лающим языком. Митька переводил, но до Настасьи смысл этих слов не доходил. До глубины души её трогала судьба этих женщин, прижимающих к себе своих драгоценных детей, она не могла понять: кого ей жаль больше? Чем же люди прогневали Бога, что Он допустил столь страшные события? Такого не должно быть на земле: ни пистолета, приставленного к детской голове, ни этого парнишки, стоящего сейчас на пороге смерти.

Первым фашисты повесили Мишку. Мальчик мужественно смотрел в глаза смерти, не проронив ни слова. Офицеру явно хотелось криков, слёз и мольбы о пощаде, и, не дождавшись этого, он лично выбил табуретку из-под ног обречённого. Обессиленная мать Мишки не сопротивлялась. Наоборот, казалось, она спешила скорее занять место рядом со своим отважным ребёнком.

Спустя несколько минут толпе было велено разойтись...

...По сведениям архивных документов штабов Юго-Западного и Брянских фронтов и 13-й армии, оккупация Долгоруковского района длилась с 30 ноября по 10 декабря 1941 года. Совсем немного, но местным с лихвой хватило на всю оставшуюся жизнь. Село было освобождено 10 декабря, зима только набирала обороты, но людям казалось, что уже пришла весна. Наступило время обновления, появилась возможность начать новую жизнь.

Долгоруковский район, несмотря на непродолжительную оккупацию, подвергся большим разорениям и разрушениям. После освобождения он ещё долгое время оставался прифронтовым, что определяло жизнь и труд сельчан. Теперь на их долю выпала забота о беженцах, детях-сиротах, раненых в госпиталях (их было девять на территории района), помощь фронту.

Страшную картину представляли многие сёла и хозяйства после изгнания захватчиков. Документы свидетельствуют, что варварские убийства, грабёж мирных жителей были следствием прямых указаний немецкого командования, исходившего из бредовой расовой теории о необходимости уничтожения русских как нации.

За столь короткий срок фашисты разрушили 121 колхоз, стёрли с лица земли 815 домов местных жителей, три механизированные тракторные станции, 594 хозяйственные постройки, отобрали у населения 3788 центнеров хлеба и лишили жизни 70 мирных граждан.

Малютина Анастасия Ивановна выжила в эти страшные дни, сберегла дочку Зиночку, мою будущую прабабушку Зинаиду Алексеевну. Анастасия

Ивановна всегда вспоминала время «под немцами» как самую ужасную веху жизни, особенно тот самый морозный день на площади. Злобный враг запомнился бабе Насе долговым, начищенным до блеска, худощавым фрицем, который не знал жалости ни к детям, ни к женщинам, ни к старикам. Вспоминала, как «фриц проклятый» кичился своим великолепным воспитанием, но в часы расправы был похож на дикого зверя, почуявшего запах крови, и его уже было не остановить.

У всего в этой жизни есть начало и конец, после чёрной полосы следует белая, ночь неизменно сменяется днём, а зима – весной. Ушли немецкие захватчики, на нашей многострадальной земле воцарился мир. Однако память живёт. И пусть сейчас уходят ветераны и очевидцы этих страшных событий, сполна испытавшие на себе весь ужас той войны, мы, внуки и правнуки поколения Победителей, будем свято чтить память о воинах, павших в боях, и мирных жителях, погибших от рук карателей. По-другому нам нельзя!

ЛИТВИНЕНКО ЕКАТЕРИНА

8 класс

Наставник: Тарасенко Юлия Андреевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение средняя
общеобразовательная школа № 93 Барабинского
района Новосибирской области

Кто-то родом из детства... Я – из войны...¹

Сентябрь 1941 года. Ленинград. Ясное утро, пропитанное тревогой. Небо затянуто серым дымом от многочисленных пожаров. На улицах мечутся люди: кто-то в растерянности, кто-то в поисках убежища, кто-то в страхе за родных. Над городом раздаётся гул военных самолётов. Отдалённые взрывы сотрясают землю.

Этот осенний день стал началом того, что ленинградцы будут вспоминать с горечью, болью и... гордостью. Началом блокады.

Нина Ивановна сидела на холодной земле в подвале разрушенного дома. На её коленях съёжился четырёхлетний сын Костенька. Он был бледен, тонок, словно тростинка, но его глаза всё ещё горели детской надеждой, которую мать отчаянно пыталась поддерживать. Рядом стояла миска с крошечным кусочком хлеба – их дневным пайком. Тёмно-коричневая, твёрдая и тяжело жующаяся краюшка – всё, что осталось до завтра.

– Мамочка, я больше не могу... Когда это закончится? – прошептал Костя, прижимаясь к плечу Нины Ивановны.

Она крепче обняла сына... Не знала, что ответить.

– Скоро, мой мальчик. Совсем скоро. Мы должны быть сильными. Наш город не сдастся, и мы тоже.

Голос женщины дрожал, но в нём была твёрдость. Она знала, что Косте нужно хоть немного веры, чтобы выжить.

¹ Галина Беднова «Кто-то родом из детства, / Я – из войны...»

В её мыслях то и дело возникали образы мужа, Петра Васильевича, и старшего сына Александра. Они ушли на фронт в первые дни войны. Пётр был сильным, решительным человеком. Ещё до войны он был для семьи опорой, а теперь стал защитником города. Александр, восемнадцатилетний мальчишка, удивил всех своим решением идти воевать. Он казался взрослым, но Нина всё ещё видела в нём ребёнка.

Голод и холод медленно истощали тело Нины Ивановны, но сердце продолжало биться ради Кости. Она знала, что должна выстоять ради него.

Каждый день начинался одинаково: холодное утро, бесконечная очередь за хлебом, бомбёжки, звуки сирен. Каждый вечер завершался тем же – темнотой, холодом и тяжёлым сном. А спать надо было, чтобы были силы работать, водить сына в детский сад. Часто Костя даже приносил домой одно печенье. Маме. И только хитростью Нине удавалось сделать так, чтобы это печенье Костя ел сам.

Дорога в детский сад лежала мимо Академии художеств. Там, на спуске к Неве, сбрасывали трупы. Приходилось перелезать через эту гору тел, чтобы пройти дальше. Нина всегда останавливалась, сжимая руку сына. А Костя, несмотря на свой юный возраст, многое понимал. Лишь первый раз он встал как вкопанный. В его широко раскрытых глазах читались страх и жалость.

– Мам, они все умерли? – тихо спросил он, не отводя взгляда от мёртвых.

Нина почувствовала, как сердце сжалось от боли. Она не могла лгать сыну, но и правда была слишком жестокой.

– Да, Костенька, они... ушли. Но мы должны жить дальше. Нам нужно обязательно дождаться папу и Сашу.

Через несколько дней малыш уже спокойно преодолевал это препятствие. Привык...

Много ещё свидетельств смерти и саму смерть довелось увидеть Косте. Похороны одинокой старушки-соседки, которую нашли только спустя месяц после смерти. Думали, что она ушла куда-то, а на самом деле, перед тем как уснуть навсегда, она собрала на себя всё тряпье, что было в комнате: холод стоял жуткий. Вот под этой кучей на кровати сначала не заметили её дистрофичного тела.

В один из особенно холодных дней Нина Ивановна и Костя отправились на реку за водой. Женщина, стоявшая перед ними в очереди к проруби, наклонилась, чтобы зачерпнуть воды. Бидон выпал у неё из рук и покатился по льду, а она, как была, согнувшись, упала рядом с прорубью. Умерла.

Костя старался быть храбрым, как учила мама. Но эти образы навсегда запечатлелись в его памяти, оставили глубокий след в его душе.

872 дня ада.

872 дня, наполненных невыносимым голодом, пронизывающим до костей холодом и постоянным страхом.

29 января 1944 года. Ленинград – тот же город, но уже другой. Воздух теперь пах свежестью, а не гарью. Улицы такие же серые, в шрамах бомбёжек, но на них вновь появились люди с улыбками на лицах. Эти улыбки были редкими за последние два с половиной года.

Красная Армия прорвала блокаду. Город выстоял.

Нина стояла на улице перед своим домом. Она держала за руку Костю, который уже был не тем маленьким мальчиком, что раньше. В его глазах появилась серьёзность, не свойственная детям его возраста. Но он выжил.

– Мам, правда, это конец? Мы теперь сможем жить, как раньше? – спросил он, глядя на неё с надеждой.

Она хотела что-то ответить, но за спиной раздался знакомый, до боли родной голос:

– Нина...

Она обернулась и замерла. Посреди двора стояли муж и старший сын. Пётр Васильевич был худ, но, как и раньше, высок и крепок. Александр сильно изменился – он стал взрослым, серьёзным. Оба смотрели на неё и Костю с радостью и облегчением.

– Живы... Живы! – выдохнула Нина, и слёзы сами покатились по её щекам. Она бросилась к ним, обняла так, словно боялась, что они исчезнут, как видение. Костя, закрыв глаза, обхватил всех, насколько хватило рук. Это был последний раз, когда мальчик видел отца и брата. Через несколько дней их отпуск закончился и оба ушли на фронт. Уже насовсем...

Прошли годы. Костя вырос, окончил университет, стал инженером. На первый взгляд, его жизнь казалась обычной, но блокада оставила в его душе и памяти неизгладимый след, который проявлялся в самых, казалось бы, незначительных мелочах.

Костя никогда не выбрасывал пищу. Каждый кусочек хлеба был для него ценностью, а еда – почти священным даром. Он строго следил, чтобы на столе никогда не было излишеств, но чтобы всего хватало. Когда дети

капризничали за столом, отказываясь есть, он рассказывал, как в детстве радовался маленькому кусочку тёмного, плохо пропечённого хлеба, который и хлебом-то назвать было сложно.

– Ты знаешь, что такое голод? – спрашивал он. – Голод – это когда у тебя нет сил даже чего-нибудь захотеть, а на улицах лежат люди, которые больше никогда не поднимутся.

Слова его всегда звучали тихо, без укора, но в них было столько боли, что никто не смел возражать.

Костя стал невероятно заботливым отцом. Он терпеливо объяснял своим детям, как важно быть благодарным за то, что у тебя есть: за крышу над головой, тепло, еду, любовь близких. Костя часто читал детям перед сном что-нибудь волшебное или весёлое, чтобы они засыпали в хорошем настроении. А его рассказы о войне становились уроками человечности.

– Никогда не допускайте ненависти, – говорил он своим детям. – Мы прошли через это. Ненависть разрушает всё: людей, семьи, города.

Он был строгим, но добрым отцом. Каждую ночь он проверял, тепло ли детям, спокойно ли они дышат: холод, который он пережил в детстве, стал его вечным страхом.

Иногда ночами Костю мучили кошмары. Он снова видел перед собой ту гору замёрзших тел у Невы. В этих снах он вновь был ребёнком, которому некуда спрятаться от холода и страха. Иногда он просыпался с криком, сжимая кулаки, и не сразу понимал, что он уже взрослый, что война давно закончилась.

Блокада научила Костю быть сильным, но также сделала его очень ранимым. Он не любил громкие звуки: они напоминали ему о бомбёжках. Он боялся зимней стужи и всегда держал дома запасы еды и тёплой одежды. Но главное: он научился ценить жизнь. Он избегал говорить о том, какие ужасы видел в блокадные годы. Делал это только в самых редких случаях, чтобы объяснить детям, насколько они счастливы.

Костя часто рассказывал о матери, Нине Ивановне, о её мужестве и любви, о брате и отце, которые не вернулись с войны.

– Мы обязаны жить так, чтобы им не было стыдно за нас, – говорил он.

Костя прожил долгую жизнь, и в самые трудные её моменты он вспоминал мамины слова:

– Мы должны быть сильными. Наш город выстоял, и мы тоже.

Каждый год, 27 января, в День снятия блокады Ленинграда, Константин Петрович ходил к Академии художеств. Он стоял там с цветами,

молча вспоминая тех, кто не дожил до мирных дней. Вместе с ним всегда были дети, а позже и внуки. Несмотря на шрамы, которые оставила в душе этого человека война, он стал примером доброты и человечности для всех, кто его знал.

Источники

1. 210 стихотворений о детях блокады // ВО!круг книг. Блог Центральной библиотеки им. А.С. Пушкина и библиотек Челябинска. URL: <https://vokrugknig.blogspot.com/2020/03/100.html> (дата обращения: 11.01.2025).
2. Блокада Ленинграда – жуткие воспоминания того времени // ФБУЗ «Центр гигиенического образования населения» Роспотребнадзора. URL: <https://cgon.rospotrebnadzor.ru/istoriya/istoriya-sanitarnogo-prosveshcheniya/iz-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny/blokada-leningrada-zhutkie-vospominaniya-togo-vremeni/> (дата обращения: 11.01.2025).

МИТРОХИНА ОЛЬГА

8 класс

Наставник: Попова Елена Сергеевна,
учитель русского языка и литературы

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 2
имени И.М. Еганова»

г. Скопин, Рязанская область

Мандарин с дыркой

Декабрь выдался на удивление снежным. Обычный день. Обычный конец второй четверти. Приятные предновогодние хлопоты: нужно убрать комнату, развесить гирлянды, нарядить ёлку и... написать письмо Деду Морозу. Да-да! Я верю в чудеса и уже несколько лет загадываю одно и то же желание – встретить Новый год в Петербурге. Уже и не помню, когда появилась эта голубая мечта, но с каждым годом мне хочется этого всё больше и больше.

И вот он – последний школьный день уходящего года. Я – отличница! У меня всё получилось! Бегу домой, на пороге – мама. Улыбается. Не отдышавшись, хвальнось успехами, рассказываю о двухметровом Гошке, который на новогоднем классном празднике нарядился Снегурочкой и вопил басом «Три белых коня»! Смеёмся!

В комнате папа устанавливает лесную красавицу, ждёт своего места мой любимый дед Мороз, сохранившийся ещё с советских времён. Из его красного мешка торчат бумажные уголки. Что это? Потянула, зажмурилась, глаза открыла... Билеты на поезд Рязань – Санкт-Петербург! Ура! Этот Новый год мы будем встречать в Санкт-Петербурге!

Яркими огнями, вывесками, гирляндами украшены улицы северной столицы. Предновогодняя суeta. Люди с полными тележками продуктов толпятся у касс супермаркетов. Но какой же Новый год без мандаринов? Ящики с ярко-оранжевыми фруктами повсюду. У одного из прилавков молодая мама с сынишкой набирают мандарины. Перекладывают по одному из стороны в сторону, выбирают самые крупные, яркие и ароматные. Мальчик начинает играть с ними, жонглирует.

– Мама, смотри! В мандарине дырка! – кричит малыш.

– Это мой, – произнёс хриплый голос.

Я увидела старичка с потухшим взглядом. По щеке его бежит одинокая слеза. И в этот момент всё остановилось. В его глазах – мандарины. Те, о которых знал только он.

...Приближался 1942 год. Блокада Ленинграда забирала всё больше и больше жизней. Кусаящий мороз зимы истощал людей. Несмотря на бомбёжки и артобстрелы, голод и холод, вопреки смерти, взрослые прикладывали все усилия, чтобы к детям хоть ненадолго пришёл праздник. Ёлки рисовали на стенах, украшали, раскрашивая игрушки на ветках, и радовались, будто живой, новогодней красавице. Вот только, жаль, хоровод вокруг такой не поводишь. Да и водить-то его было некому. Не было сил... Дети, которым хотелось прыгать, бегать и играть, едва могли двигаться, словно старики.

1 января 1942 года в детском саду устроили настоящий праздник. Дети сидели на лавочках и тихо хлопали в ладоши. Из кухни доносился запах еды. Обед был настоящим подарком: суп, в котором плавала лапша, гречневая каша и котлетка. Дети не верили своему счастью. Откуда-то вдруг появились силы. Захотелось плясать и играть у ёлочки.

Но главный подарок ждал впереди. К ребятам вышла воспитательница с коробкой в руках, невзрачной, рваной, немного грязной, но почему-то очень тёплой и яркой. Внутри желтели маленькие солнышки – мандарины. Таки-ми счастливыми детей не видели давно. Алёше достался яркий мандарин с дыркой насквозь. Он даже и представить не мог, откуда она. Ему казалось, что мандарин волшебный.

Это было настоящее новогоднее чудо для детей. А волшебником, который сотворил чудо, оказался обычный шофёр – Максим Емельянович Твердохлеб. В те страшные годы он возил грузы по Ладоге. Выезжая на Дорогу жизни, рисковал собой, но каждую минуту помнил, что в родном городе от голода умирают люди.

31 декабря 1941 года Максиму Емельяновичу доверили везти груз особой важности – фанерные ящики с надписью «Детям героического Ленинграда». В них были те самые мандарины. Велели беречь изо всех сил.

Третьи сутки без сна... Но везти надо. Чтобы не уснуть, в кабине подвесил котелок (клюнешь носом – котелок стукнет по голове, уж точно не до сна). Половину пути шофёр не верил своему счастью: дорога пустая, лёд крепкий, никаких препятствий. Но вдруг небо потемнело, появились вражеские истребители. По «полуторке» пронеслась пулёмётная очередь. Взрывы, вражеские самолёты повсюду. Но важность

поручения не давала Твердохлебу возможности остановиться, убежать, спрятаться. Мандарины должны быть у детей! Максим то гнал, вилля между пулями, то резко останавливался, сбивая с пути врага. Самолёты разворачивались и снова вступали в атаку, осыпая машину очередями пулемётов, но она продолжала движение. Лёд трещал, страх усиливался. Уже пробита кабина, разбито лобовое стекло. От руля отколот кусок. Промелькнула мысль выпрыгнуть из кабины, спрятаться в сугроб, чтобы остаться в живых, но внутренний голос кричал: «Вперёд! Не сдавайся!» Ещё крепче вцепился шофёр в остатки руля и продолжил борьбу. Машины бросало из стороны в сторону. Уходя от обстрела, она мчалась вперёд, резко останавливалась... И чудо случилось – фашисты улетели. Когда Твердохлеб добрался до места назначения, он не смог даже разжать руки, сжимающие искореженный остаток руля. Из кабины «полуторки» его вынесли. В машине насчитали 49 пробоин. Одна из пуль попала в ящик с мандаринами.

Мандарин Алёши был особенным, пропитанным пулями, кровью и огромным желанием жить. Самый вкусный и желанный... мандарин с дыркой.

– Алёша, – позвала женщина.

...Мальчик со стариком одновременно обернулись. Маленький Алёша прижал мандарин к себе и подбежал к матери. Чуть спрятавшись за неё, поглядывал на старика.

Сердце пожилого Алексея застучало метрономом. Быстрые и тревожные удары были слышны всем окружающим. Но не опасность сейчас перед ним, а боль воспоминаний. «Стучит, значит, живой!» – подумал старик и улыбнулся. Он подошёл к ящику с мандаринами, трясущимися руками положил в пакет несколько ярко-оранжевых фруктов. Уже не блокадных...

Санкт-Петербург. Яркие краски огней... Предновогодняя суета... Под бой курантов я загадаю новое желание – не узнать никогда вкус мандарина с дыркой.

СМЫКАЛОВ ВЛАДИМИР

9 класс

Наставник: Лисовицкая Светлана Юрьевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное казённое общеобразовательное
учреждение Базовская средняя
общеобразовательная школа,

Воронежская область

Неустрасимые

Летняя ночь, светлая, безмолвная. Вдруг злобные выкрики:

– Хальт, хальт! Цурюк!

Тишину расколола автоматная очередь.

Стон под окном, нарастающий топот тяжёлых шагов. Снова чужие лающие фразы. Теперь речь уже вблизи, за стеклом. Слабый вскрик: видно, кого-то поволокли. И снова тишина.

Всю ночь Валентина Фёдоровна стояла у окна, глядя в щёлку между шторой и стеной. Кого фашистская пуля настигла?

Бросила взгляд на спящего сына. Муж в соседней комнате не спит.

Ни муж, ни сын не знают, что это не по её воле не уехали они, и вот теперь неизвестно, что их ждёт. День и ночь кого-то убивают: гестапо свирепствует. Лагерь для гражданских лиц переполнен женщинами, детьми, стариками. Многие из них уже простились с жизнью: в чёрных крытых машинах, прозванных в народе «душегубками», гитлеровцы вывезли их в карьер, где до войны брал песок кирпичный завод, и там расправились. Тех, кто не умер в «душегубке», живыми закопали.

А ведь этот ужас она могла бы теперь не переживать, если б в своё время настояла на эвакуации: муж страдает болезнью сердца, сын – малолетний. Но она ни словом не обмолвилась, когда ей в райкоме сказали: «Валентина Фёдоровна, мы знаем Вас как замечательного хирурга и хорошего человека. Верим Вам. Хотя Вы и не член партии, даём Вам партийное задание – никуда не уезжать. Вы должны в случае оккупации оказывать помощь нашим людям, которые обратятся к Вам. Вот пароль...»

Светало. Валентина Фёдоровна подошла к дивану, на котором лежал её муж.
– Мне лучше, – сказал Павел Иосифович.
– Думаю, тебе надо ещё денька два полежать.
– Нет, нет... Утром я должен сделать обход раненых. У некоторых подзреваю гангрену.

Она не стала настаивать. Около четырёхсот раненых ждали помощи, и не только медицинской.

6 июля 1942 года фашисты разбомбили в Россоси эвакогоспиталь. Те из раненых, кто остался жив, попали в плен 7 июля. И вот они почти месяц находятся между жизнью и смертью.

– Валя, как думаешь, не из тех ли шести одного настигла пуля под нашим окном?

Валентина Фёдоровна вздрогнула, в предзакатных сумерках Павел Иосифович не заметил, какими бескровными стали её губы. Она промолчала.

– Если это так, начнётся расследование... Фикус сдержит слово.

Фикус – врач-немец. Он пришёл в больницу на другой день оккупации и через переводчика спросил:

– Кто главный врач больницы?

– Я, – ответил Павел Иосифович, хотя эту должность занимала Валентина Фёдоровна, он же был терапевт.

– Отныне нет больницы, а есть госпиталь военнопленных, – сказал Фикус. – Ферштейн? Раненых оставляем на ваше попечение. Немецкое командование повелевает вам следующее: раненые узники не должны уходить из госпиталя, иначе обнесём его проволокой. За побег одного военнопленного расстреляем главного врача, за побег группы – весь медицинский персонал. Буду ежедневно лично проверять списки.

Супруги Странковские молчали. Впрочем, немец не нуждался в их ответе. Он торопился высказаться:

– Немецкое командование предупреждает: за укрывательство в госпитале коммунистов и партизан – виселица.

С типично прусской пунктуальностью в 11:00 являлся в больницу Фикус. Павел Иосифович подавал ему сводку наличия раненых за двумя подписями: своей и медсестры. Валентина Фёдоровна, как главный хирург больницы, тоже обязана была присутствовать.

В сводку эту, в графу «умершие», всегда были занесены раненые красноармейцы, которых удавалось переодеть в гражданскую одежду, снабдить документами и ночью переправить в соседние сёла.

На этой графе немец дольше всего задерживал свой тяжёлый взгляд, потом переводил поочерёдно его на Павла Иосифовича, Валентину Фёдоровну

и медсестру. И каждый раз перед ним стояли трое в белых халатах, бледные, невозмутимые, готовые на всё. Немец круто разворачивался и стремительно уходил. Так повторялось изо дня в день. Почти месяц. Что будет сегодня? Неужели конец всему?..

День начался, как обычно, тысячами тревог. Медикаменты и перевязочный материал, которые Валентина Фёдоровна вместе с заведующей аптекой Анастасией Васильевной Ясеновской спрятали в своём доме, кончались. Не было мыла, а это целое бедствие. Ведь с его помощью не только наводилась чистота, но и продлевался срок службы бинтов. Их стирали, кипятили, гладили и снова пускали в обиход. Теперь стирать нечем.

На исходе были и продукты. Как накормить три раза в день столько людей? Гитлеровцы вместо хлеба давали семечки подсолнуха. За всё время один раз привезли отходы бойни.

Странковские вместе с завхозом Михаилом Михайловичем Кретовым за несколько дней до оккупации спрятали кое-какие продукты: пшено, муку, овощи; укрыли от глаз в надёжном месте девять коров, благодаря которым в больнице всегда было молоко. Но этих продуктов не хватало...

Два раза уже ходили по домам Странковские, Кретов, сёстры Маруся и Зина Побединские, работавшие на кухне. Они просили женщин-солдаток принести раненым продукты и помочь в госпитале. И жители, соблюдая величайшую осторожность, приходили делать перевязки раненым, мыли, стригли, кормили их.

Теперь вот опять голод встал у порога больницы...

Павел Иосифович пошёл на обход, а Валентина Фёдоровна вызвала к себе в кабинет завхоза Кретова.

– Что будем делать? Чем кормить людей?

– Придётся снова обратиться к населению, – ответил Михаил Михайлович.

В этот момент раздались в коридоре стремительные шаги Фикуса и его раздражённый голос:

– Где господин Странковский?

Валентина Фёдоровна трижды прерывисто вздохнула, будто ей не хватало воздуха:

– Фикус? Так рано? Скорее зовите Павла Иосифовича! – она выпрямилась у стола, маленькая, решительная.

Фашист, как обычно, потребовал сводку и, едва глянув в графу «умершие», злобно спросил:

– Где трупы?

– Похоронили... Во избежание распространения заразы, – голос Павла Иосифовича звучал глухо, но уверенно.

– Где похоронены?

– Во дворе больницы...

– Покажите!

Павел Иосифович повёл Фикуса к свежесыпанной могиле.

Ещё с вечера Валентина Фёдоровна приказала санитаркам взрыхлить старую могилу и посыпать её известью. И теперь, стоя за спиной Фикуса, подумала: «Вдруг немец потребует разрыть...» На миг всё поплыло перед её глазами – она пошатнулась. Медсестра подхватила её под руку.

Услышав шорох за спиной, Фикус круто повернулся. Перед ним стояли трое в белых халатах, бледные, спокойные, готовые на всё.

Не сказав ни слова, он стремительно зашагал через двор. Переводчик едва поспевал за ним. Что случилось? Почему Фикус пришёл раньше времени?

После его ухода Валентина Фёдоровна дрожащими руками налила лекарство в мензурку, приговаривая: «Сейчас, сейчас». Павел Иосифович лежал на кушетке в кабинете главврача: опять сдало сердце. Медсестра плакала, прислонившись к стенке. И как ни тяжело им было в этот момент, ни один из них даже не подумал о том, чтобы отказаться от смертельного риска. Ценою собственной жизни шли спасать жизнь других.

Оставив медсестру возле Павла Иосифовича, Валентина Фёдоровна направилась в операционную.

В коридоре бросилась ей навстречу женщина.

– Валентина Фёдоровна, спасите Славика... Раю расстреляли. Вы её знаете... Она была секретарём партийной организации в швейной артели. Теперь за мальчиком охотятся... Я Раина сестра...

«Куда же его спрятать? Попросить знакомых приютить ребёнка – не откажут. Но если узнает гестапо, что они скрывают сына коммунистки, расстреляют всю семью. Выход один...» И Валентина Фёдоровна взяла мальчика за руку, повела его к себе в дом. Сыну своему, тринадцатилетнему Вовке, сказала:

– Теперь у тебя есть младший брат. Познакомься. Его зовут Славой. Фашисты не должны знать, что он живёт у нас, понимаешь?

– Да, да, мамочка, я всё понял!

Однажды утром пришла она в больницу и увидела картину, которая потрясла её до глубины души. Гитлеровцы вывозили раненых из госпиталя. Тех, кому делала она полостные операции и которые нуждались в самом бережном уходе, швыряли в кузов, как дрова. Всё в ней протестовало, но ничем она не могла помочь раненым. Их увезли.

Вывезли фашисты и всё больничное имущество. Не тронули лишь инфекционное отделение. Здесь, в маленьком здании, лежали тифозные. Это для фашистов они были тифозными. На самом деле Странковские укрывали здесь коммунистов и пленных, бежавших из лагерей.

Вскоре после того, как фашисты увезли раненых из госпиталя, маленькая «цивильная больница» была переполнена больными из «гражданских» лиц. Странковским пришлось приспособить под больницу дополнительно пять домов, где были повешены дощечки: «Отделение тифозных больниц». Боясь заразиться тифом, фашисты никогда не заглядывали в эти дома на окраине, которые стали убежищем для многих, кому грозила смерть.

Странковские всегда шли на риск. Однажды вечером врач-итальянец (в Россоси одновременно стояли немецкие части и итальянские) привёл в больницу двух красноармейцев и довольно ясно по-русски сказал:

– Это советские разведчики, перешли Дон и наскочили на наших. Оба раненые, помещены в мой госпиталь. Возьмите их и что хотите делайте с ними. Я социалист, – и тотчас ушёл.

Разведчики, таджик и русский, были измучены до крайности, ослабевшие от потери крови. Они едва стояли и молча смотрели на маленькую женщину с усталыми серыми глазами. «Из-за двоих можно погубить всех. Имеет ли она моральное право подвергать смертельной опасности тех, кто доверился ей? Но эти двое тоже свои и нуждаются в её помощи».

Через полчаса санитарка вела разведчиков в ванную комнату и тихо наставляла:

– Никому не говори, что ты солдат. Скажи, из Лизиновки – село двенадцать километров отсюда. У тебя тиф, понял? А ты, – обратилась она к другому разведчику, – из села Колбинка. Мы вас туда переправим, как подлечим.

Защищали они и эти две жизни всеми силами до тех пор, пока всех их, пленников фашизма, не освободила Советская Армия в январе 1943 года.

С тех пор прошло более восьмидесяти лет. Выросли не только сыновья Странковских, но и их внуки и правнуки. Дедушка Павел Иосифович умер после войны, а бабушка Валентина Фёдоровна работала в районном центре врачом до 1951 года. О пережитом старалась не вспоминать, но нет-нет да и напоминали о нём люди: одни слали письма, полные глубокой благодарности, другие приезжали к ней сами, чтобы передать земной поклон от семьи, для которой она сохранила родного человека.

Источники

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Воронежская область: сборник документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. П.П. Толстых; сост. В.В. Бахтин, Н.Г. Воротилина, И.А. Лихобабина, А.П. Разинков. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательский центр «ВОЕВОДА», 2020. 576 с., ил. URL: https://militera.org/books/pdf/docs/sb_bsd-voronezhskaya-oblast.pdf (дата обращения: 30.12.2024).
2. Ветераны-медики Воронежской области // BezФормата. URL: <https://voronej.bezformata.com/listnews/veterani-mediki-voronezhskoy-oblasti/116902614/> (дата обращения: 30.12.2024).
3. Газета «Сельская жизнь» № 54. Россошь, 1963. С. 2–3.
4. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Федеральный архивный проект. URL: <https://victims.rusarchives.ru/strankovskaya-valentina-fedorovna> (дата обращения: 30.12.2024).
5. Странковская Валентина Фёдоровна // БПОУ ВО «Россошанский медицинский колледж». ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-217371401_125 (дата обращения: 30.12.2024).

ТУХВАТУЛИНА АЛИНА

9 класс

Наставник: Янченко Людмила Николаевна,
учитель русского языка и литературы,

Филиал муниципального автономного
общеобразовательного учреждения
«Велижанская средняя общеобразовательная
школа» – «Средняя общеобразовательная школа
с. Бухтал»,

Тюменская область

Крошечка

Мы звали её Крошечка. Настоящее имя девочки я не помню, зато наша последняя встреча стала для меня самым незабываемым воспоминанием о войне. Даже сейчас, спустя более полувека, закрыв глаза, я сразу представляю образ маленькой, измождённой голодом девочки, с серьёзным взрослым взглядом, лохматыми нечёсанными волосами и худой грязной ручкой, протягивающей крошки хлеба, которые тогда, возможно, спасли мне жизнь...

Война застала меня в деревне Брехово Ржевского района. В годы Великой Отечественной войны эта территория являлась зоной ожесточённых боёв и особого зверства оккупантов по отношению к местным жителям. Многие деревни разделили тогда судьбу Хатыни: Афанасово, Зайцево, Сухуша, Кошкино... Нашу деревушку не сожгли. Для жителей окрестных поселений немцы выбрали другой вид зверства – издевательство голодом и непосильным трудом.

На начало января 1943 года нас было около тысячи человек, преимущественно женщины и дети. Жили мы небольшими группами в бараках.

Крошечка и её мама стали моими соседями. Мне, круглому сироте, нравилось наблюдать за их трепетным отношением друг к другу. Я рано потерял родителей: отец погиб на фронте, мама умерла полгода назад от чахотки. К двенадцати годам жизнь научила меня быть не только самостоятельным, но и чёрствым. Тем не менее эта девочка, прозванная из-за маленького роста «крошечкой», сразу стала для меня другом. В свободное от работы время я рассказывал ей о книгах, которые успел прочитать до войны.

Она восхищалась мной и говорила, что после войны я непременно должен стать писателем.

Немцы сразу дали понять, что будут беспощадны. Жизнь в лагере была тяжёлой. Население Брехово не имело ни еды, ни личных вещей (у нас ещё при заселении фашисты отобрали всё). Не было возможности даже помыться или поменять одежду. О любом действии обязательно надо было спрашивать разрешение коменданта, иначе могли избить или лишить еды.

Женщин и детей заставляли работать по 18–20 часов в сутки. При этом кормили плохо. На день выдавалось всего по 200 граммов суррогатного хлеба и половник баланды. Пищу давали только тем, кто мог работать. Если же человек начинал болеть, то его отправляли в специальные хаты, где оставляли без еды и медицинской помощи. Эти люди были обречены на смерть.

Чтобы не потерять паёк хлеба, мама Крошечки брала её с собой на работы, потому что детей, которые оставались в бараках, немцы сгоняли в холодный амбар и там морили голодом. Девочка выполняла посильную работу, остальную делала мама. Каждый вечер женщина подбадривала Крошечку, говоря о том, что она должна быть стойкой.

Оккупанты не жалели никого. Они прилюдно устраивали расправу над теми, кто уже не мог встать. Когда наша соседка Авдотья ослабела, немец собрал весь барак и заставил смотреть на то, как будет её бить. Истязаний женщина не выдержала: промучившись около часа, умерла. После этого мы ещё сильнее стали бояться фашистов.

К сожалению, и Крошечке пришлось испытать чувство потери. Её мама попала в число тех, кто должен был отправиться на принудительные работы в Германию. Детей туда не отсылали, считали их бесполезными и негодными. Расставание моей подруги с матерью стало и для меня особой трагедией.

В этот день комендант зашёл в барак и указал пальцем на тех, кто должен был отправиться в Германию. Мама Крошечки успела только сунуть маленький свёрток в руки дочери и крикнуть мне: «Береги её!» Девочка хотела побежать за матерью, но надзиратель грубо оттолкнул её и угрожающе направил автомат, шипя что-то на немецком.

Дверь за комендантом захлопнулась. Крошечка в полном оцепенении сидела на полу и безмолвно плакала. Я старался успокоить её, говоря, что нам не следует привлекать к себе внимание немцев, иначе нас ждёт участь Авдотьи.

Так мы и просидели с Крошечкой до вечера. После того как стемнело, я предложил развернуть свёрток, оставленный её мамой. Открыв его, мы с удивлением обнаружили маленький кусочек высушенного хлеба.

Только один Бог знает, как измученной работой и голодом женщине удалось сохранить этот сухарь для дочери! Видно, мать Крошечки готовилась к тому, что с ней может что-то случиться, и приготовила запасы для девочки.

Несмотря на то что сильно хотелось есть, мы решили сохранить хлеб в память о маме Крошечки.

С этого дня забота о маленькой девочке легла на мои плечи. Я понимал, что немцы не будут церемониться с ребёнком, который остался один без родителей, поэтому вовремя поднимал девочку на работу и следил за тем, чтобы хоть что-то ела.

В нашем лагере маленькие дети считались обузой. Однажды мы стали свидетелями того, как одну из матерей под угрозой расстрела заставили расстаться с ребёнком. Когда женщина не захотела его отдать, немцы выхватили малыша из её рук и бросили на неочищенную дорогу. А затем под дулом автомата погнали нас дальше...

По вечерам, оставшись одни, мы тихо обсуждали события прошедшего дня.

– Сегодня в соседнем бараке немец сильно избил Соколову Марию Петровну за то, что она взяла несколько колосков, чтобы накормить детей, а разрешения у коменданта не спросила, – горячо шептала Крошечка. – Сейчас её закрыли в холодном сарае. Сказали, что еду больше не дадут.

Я слушал девочку и представлял несчастную пожилую колхозницу, которую наказали только за то, что она хотела облегчить страдания голодных детей. Отчаяние и страх за близких толкнули её на воровство, за что она жестоко поплатилась. Через несколько дней женщина умерла.

Подобные ситуации были не редкостью. От голода и антисанитарных условий ежедневно умирало от 7 до 15 человек. За любые провинности избивали и сажали в холодный блиндаж. За последние два месяца из-за постоянных побоев и голода погибло более 400 человек.

Люди в бараке шептались, что части Красной Армии уже близко, и как с нами поступят немцы – непонятно. Все боялись повторения судьбы жителей Афанасово, которых согнали в сарай и заживо сожгли. Нам же, обессиленным детям, было уже всё равно. Паёк хлеба становился всё меньше и меньше, поэтому любой исход событий был лучше, чем такая жизнь.

Чем чаще приходили неутешительные сводки для немцев с фронта, тем сильнее они нервничали. Мальчишки подслушали разговор и узнали, что было решено всех трудоспособных взрослых угнать в Германию. Оставались считанные дни до отправки.

С каждым днём я чувствовал себя всё хуже. От голода кружилась голова. Тело начало опухать. Появились припадки, которые хоть и быстро проходили, но всё равно являлись признаком какого-то серьёзного заболевания.

Так случилось и в тот день, когда я последний раз видел Крошечку.

Нас подняли очень рано, сказали, что всех ждут возле главного барака. В голове пронеслась мысль, что сегодня мы все умрём. Надзиратель приказал умыться и идти к коменданту. Ноги еле-еле передвигались по грязи, голова была мутная. Я шёл впереди, за мной брела Крошечка.

Вдруг меня затрясло, ноги подкосились, и я упал. Всё тело начало содрогаться в припадке, изо рта пошла пена. Я понял, что скоро умру. Девочка подбежала ко мне и прижала к земле, чтобы облегчить страдания. Она внимательно глядела на меня и пыталась понять, чем может помочь.

Помутневшими глазами я видел, как Крошечка вытащила из кармана маленький кусочек засохшего хлеба, который хранила в память о матери. Тонкими, скрюченными, словно старушечьими, пальчиками она стала мелко-мелко ломать кусочек, чтобы накормить меня.

– Живи, живи, – жалобно приговаривала она, проталкивая крошки сквозь мои сжатые зубы.

– Что вы тут делаете, сколько можно ждать?! – на ломаном русском раздался раздражённый голос немца.

Девочка оглянулась и увидела, что к нам приближается разъярённый надзиратель.

– Пытаюсь разбудить, но не получается. Мёртвый он, – медленно вставая, пролепетала Крошечка.

Немец недоверчиво посмотрел на моё неподвижное тело и со всей силы пнул тяжёлым кирзовым сапогом. Шевелиться я уже не мог. В этот момент крошки во рту начали набухать, и я попытался проглотить кисель из хлебных ошмётков и слюны. Скорее всего, мои судорожные подёргивания надзиратель принял за агонию. Лицо его скривилось от брезгливости.

– Aufgestanden! Lass uns schnell gehen!² – закричал немец и потащил девочку к главному барaku.

Я, словно в тумане, видел отдаляющийся силуэт маленькой девочки, которая отдала мне самое дорогое, что у неё было, – хлеб, оставленный матерью, и этим подарила шанс на жизнь. У меня загло в груди от осознания произошедшего, хотелось плакать, но я не мог. Сил хватило только на то, чтобы запёкшимися губами прошептать: «Спасибо, Крошечка, прощай, прощай...»

² Встала! Пошла быстро! (с немецкого)

Очнулся я уже у партизан, которые несколько недель заботливо выхаживали меня. От них я узнал, что немцы, не желая возиться с «трупом», просто оставили меня на краю деревни. Затем всех, способных хоть как-то работать, погнали в Германию. В деревне остались только несколько измождённых детей, которые, по мнению фашистов, и так должны были скоро погибнуть. Крошечки среди них не было. Последний раз её видели в колонне рабов, отправляемых на Запад. За три месяца от тысячи колхозников, согнанных в лагерь, осталось только 29 детей, больше похожих на скелеты, обтянутые кожей.

Что стало с этой маленькой девочкой, обладавшей огромным добрым сердцем, – не знаю. Я так и не смог найти о ней никаких сведений. Но каждый раз, когда я вижу крошки хлеба, то её образ неизменно всплывает в памяти. Ведь мало кто в таких суровых жизненных условиях способен на сострадание и милосердие, благородство и помощь.

Спасибо тебе, Крошечка! Ты стала символом человечности среди бездн слёз и отчаяния в той страшной войне.

Источники

1. Акт комиссии о зверствах немцев в деревне Брехово Быковского сельского совета Ржевского района // Без срока давности. URL: <https://xn--90ag.xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/article/1048843> (дата обращения: 30.11.2024).
2. Ржевский район // Литературная карта Тверского края. URL: <https://litmap.tverlib.ru/rzhevsky/index.html#close> (дата обращения: 30.11.2024).

ФЕДОРОВ НАЗАР

8 класс

Наставник: Федорова Наталья Михайловна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное автономное
образовательное учреждение средняя
образовательная школа № 4
имени П.И. Климук,

г. о. Щёлково, Московская область

Август

Август... Самый жаркий месяц здесь. Мы снова приехали на малую родину, в небольшой шахтёрский городок Брянка на Луганщине.

За окном – выжженная безжалостно палящим солнцем степь, терриконы. До боли знакомый и родной пейзаж. Издалека слышна канонада: значит, снова идут бои где-то под Кременной.

Я сижу за столом, у окна, рядом с любимым дедушкой Мишей, перебирая старые, выцветшие от времени фотографии нашего семейного альбома. Это стало уже традицией: каждый год, приезжая домой, мы обязательно устраиваем «вечер воспоминаний». Я знаю всех, кто изображён на каждом из снимков.

Вдруг порыв горячего ветра врывается в открытое окно и подхватывает несколько фотографий, они рассыпаются по полу. Поднимаю их, перебираю, внимательно рассматривая. На одном невольно задерживаю взгляд: молодой, почти мальчишка, сержант. Военная форма, ордена, медали и... по-детски ясные, светлые глаза. Черты лица и эти глаза мне очень знакомы. Как же дедушка Миша похож на него! Это фотография моего прадеда – Августа Михайловича Михальцова.

Дедушка берёт у меня из рук снимок, взгляд его теплеет, он тихо говорит:

– Папа...

Я прошу:

– Расскажи, пожалуйста, о нём. Я знаю, что прадедушка воевал в Великую Отечественную. Много, наверное, интересного вспоминал о том времени?

– Нет, Назар, не любил он говорить о войне, как и многие, кто пережил те страшные годы. А ведь он немного старше тебя был тогда...

Дедушка задумчиво смотрит в окно, в ту сторону, откуда доносится канонада. И звучат воспоминания, отрывочные, где-то сбивчивые. И складывается из них, как мозаика, картина тех военных лет.

Август был младшим из детей Михальцовых. В село Богомолвка Ворошиловградской области они переехали из Хмельницкой в тридцатых годах. Отец, Михаил Михальцов, работал в колхозе, был отличным шорником. Мама Мария вела хозяйство. Трое детей – Стас, Вихтуса и Август – помогали родителям, учились в школе-семилетке в соседней Граховке. Занимались хорошо, старались, мечтали после школы получить профессии: Стасик хотел пойти «на художника», Вихтуса – стать учителем, а Август – агрономом. Но и мирную размеренную жизнь, и все мечты перечеркнула война.

Отец Августа и старший брат в июле 1941 года ушли добровольцами на фронт. Август тоже рвался туда, но кто же возьмёт пятнадцатилетнего подростка воевать? Да и отец, уходя, сказал, что остаётся Август за старшего, что должен беречь мать и сестрёнку. И он старался как мог: выполнял всю мужскую работу в доме, трудился в колхозе по двенадцать часов в день наравне со взрослыми.

А фронт подвигался всё ближе. Страшно привычными стали звуки бомбёжек. Вестей от отца и брата с фронта не было. Август и Вихтуса, как и вся сельская молодёжь, ездили рыть окопы и возводить защитные сооружения вокруг военного аэродрома недалеко от Троицкого.

В один из таких выездов, ближе к концу тяжёлого рабочего дня, ребята услышали крик: «Воздух!» Все знали, что медлить нельзя ни секунды! Август, схватив за руку испуганную сестру, спотыкаясь через брошенные вокруг лопаты и вывороченные комья земли, потащил её в ближайший окоп, толкнул туда, сам спрыгнул, накрыв собой дрожащую всем телом Вихтуса. Вокруг был настоящий ад: звуки пикирующих самолётов, пулёмётные очереди, разрывы бомб смешались с криками и стонами раненых. Но самым непонятным и страшным был какой-то непрекращающийся гул, вой и грохот, не похожий ни на что. Казалось, звуки преисподней выплеснулись из-под земли! «Мессеры» улетели минут через двадцать, и люди стали медленно выползать из укрытий. Смотреть вокруг было невыносимо больно: убитые и раненые, огромные воронки от бомб, и... железные покорёженные бочки без дна. Так вот, что так страшно гудело! Немцы, желая навести ещё больший ужас, сбрасывали эти бочки с самолётов, а те, падая, сильно гудели и, казалось, выли.

Вихтуся после того случая онемела, просто не могла говорить несколько месяцев. Август же дал себе слово, что обязательно пойдёт на фронт и будет сбивать самолёты этих гадов!

В конце лета 1942 года в Богомолровку зашли фашисты. Вели себя нагло, самоуверенно. Нет, не как хозяева – как бандиты! Забрали всех коров, перестреляли с диким хохотом кур и свиней, увели единственную на все пять дворов лошадёнку. Один из немецких солдат, роясь в вещах, сложенных в большом сундуке на веранде и поймав на себе ненавидящий взгляд Августа, навёл на него дуло автомата и заорал:

– Partisanen?!

Мария замотала головой:

– Нет! Нет!

Она быстро вытолкнула сына за порог, во двор, и зашептала: «Август, сынок, терпи, молчи!» Август и сам понимал, что своим поведением подверг опасности и себя, и маму с сестрёнкой. Ведь отец и брат были красноармейцами. Если бы немцы узнали об этом, расстреляли бы всю семью, как это произошло в соседнем селе.

Богомолровке повезло: она находилась вдалеке от главных дорог, и жили там только пять семей, поэтому немцы надолго не задержались. Разграбив крестьянские подворья, двинулись дальше. Но Августу и Вихтусе теперь приходилось всегда быть настороже. Едва невдалеке от хутора слышался звук автомобильного двигателя или мотоцикла, мама прятала их в подпол, прикрыв ветошью. Оккупанты издали приказ: всем подросткам старше четырнадцати лет зарегистрироваться на бирже труда для дальнейшего угона на принудительные работы в Германию. Не подчинившихся приказу арестовывали.

То время запомнилось Августу как бесконечная вереница страшных событий и вестей.

К концу осени из Ворошиловграда в сёла стали приходить горожане с тачками, чтобы обменять одежду и нехитрую утварь на продукты. Они приносили новости, от которых становилось жутко. Август помнил, как поздно вечером мама и женщина, оставшаяся у них на ночлег, сидели за столом, пили чай из листьев малины и тихо разговаривали, стараясь не разбудить Августа и Вихтусю. Услышанное тогда впечаталось в память навсегда:

– Моя соседка Роза Михайловна с дочкой Диночкой тоже сгинули... Она говорила мне, что староста им приказал прийти первого ноября на стадион Ворошилова. Вроде собирались всех евреев поселить в одном месте. Да и в листовках об этом писали. Роза просила меня за квар-

тирой их присмотреть пока, ключ оставила. Потом люди рассказывали, что всех евреев на стадионе затолкали в машины и повезли за город, к Иванищеву яру... А там...

Голос у женщины сорвался, она стала вытирать краешком платка слёзы, которые одна за другой катились по впалым щекам.

– Ох, горечко, – всхлипнула вслед за ней Мария.

– Долго выстрелы слышали оттуда, почти до вечера...

Как-то в ноябре пришла к соседке, бабе Вале, родственница из Петровского, что было в соседнем Меловском районе. Август складывал у крыльца собранный в посадке хворост и слышал, о чём говорили у ворот баба Валя, её гостья и мама. Женщина причитала:

– Ой, бабоньки, они ж голые почти! И обувку, ироды, забрали у них! Спят в сараях. А худые – кожа да кости! Да и с чего там зажируешь: кормят-то раз в день, и то не каждый. Зато бить не забывают... Ох, и лютуют, гады! Наши-то бабоньки пытались подкормить бедолаг. Харитя Павленкова хлеба напекла, ведро картохи наварила, потащила туда, думала через забор незаметно передать. Куда там! Заметили – стрелять стали, треклятые! Еле Харитя ноги унесла! А двоих-то пленных убили тогда...

Позже Август узнал, что рассказывала женщина о лагере военнопленных красноармейцев, который организовали фашисты в Меловском районе.

Много ещё пришлось увидеть и пережить Августу во время оккупации. Эти семь месяцев были, наверное, самыми длинными и тяжёлыми в его жизни.

Как только советские войска освободили Покровский район в начале 1943 года, Август решил действовать, чтобы исполнить данное себе обещание. Он собрал в холщовый мешок самое необходимое из одежды, положил немного хлеба, кусок сала и, попрощавшись с плачущими мамой и сестрёнкой, отправился в военкомат, до которого шёл пешком пятнадцать километров по занесённым снегом дорогам.

В военкомате сначала не хотели слушать доводов семнадцатилетнего парня, но очень уж был он настойчив, твердя: «Хочу сбивать самолёты фашистов!» Его отправили в учебную часть, после окончания которой Август стал командиром зенитного орудия и прошёл славный боевой путь от Брянска до Берлина.

Данное себе обещание Август сдержал: он сбивал немецкие самолёты. За героизм и мужество Михальцов Август Михайлович, гвардии старший сержант, был дважды награждён орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной

войне 1941–1945 гг.». Свой путь к Победе он прошёл от испуганного бомбёжкой пятнадцатилетнего подростка, давшего себе клятву мстить захватчикам, до девятнадцатилетнего героя-зенитчика, сбившего за время службы два «мессершмитта», уничтожившего восемь единиц боевой техники и более ста единиц живой силы врага.

– Папа говорил, что его демобилизовали в конце июля 1945 года, а домой, в Богомоловку, он вернулся в августе, – заканчивает свой рассказ дедушка Миша.

Тишину незаметно для нас наступившего летнего вечера вновь прерывают звуки канонады и пролетевшего где-то очень близко военного вертолёт.

Вслушиваясь в эти тревожные отзвуки войны, осознаю, что сейчас там, откуда они доносятся, снова идёт бой против тех, кто старается возродить бесчеловечную идеологию нацизма. И вновь ребята, такие же молодые и ясноглазые, каким был мой прадед 80 лет назад, воюют за свою страну и за наше мирное будущее.

Я стараюсь запомнить каждое слово, понимая, какая ответственность лежит теперь на мне. Знаю, что подобных историй можно услышать миллионы в нашей стране. Недаром в известной песне поётся, что в каждой семье «памятен... свой герой» той войны. Но также ясно осознаю, что память эту нужно сохранить и передать следующим поколениям. Память о каждом, кто пережил ту страшную войну, кто приближал Победу в тылу или на фронте, кто ценой жизни уничтожил, как казалось тогда, навсегда фашистскую нечисть. Это нужно нам, молодым, чтобы не терять ориентиры, чтобы не прервалась нить между прошлым и будущим!

Источники

1. Из акта комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в лагере для военнопленных на территории Троицкого сельсовета 7 августа 1943 г. // Молодая Гвардия. Героям Краснодона посвящается... URL: <https://molodguard.ru/heroes1887.htm> (дата обращения: 12.12.2024).
2. Михальцов Август Михайлович // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero89602028/> (дата обращения: 12.12.2024).
3. СК России собрана доказательственная база совершения геноцида в годы Великой Отечественной войны на территории Луганской Народной Республики // Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1863763/?print=1> (дата обращения: 12.12.2024).

ПРИЗЁРЫ
3 КАТЕГОРИИ

МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

АГАЕВ МУБАРИЗ ДЖАХИД ОГЛЫ

11 класс

Наставник: Денисова Вера Ивановна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное автономное
образовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 42
города Тюмени,

Тюменская область

Правда на кончиках пальцев

Нюрнбергский процесс – это место, где правда вступила в борьбу с забвением. Здесь, в суровых стенах суда, человечество попыталось ответить на самый тяжёлый вопрос: что делать, когда зло обретает государственные масштабы? Я, всего лишь стенографист, оказался среди этого. Моё дело было простым – фиксировать каждое слово, но мой разум и душа были наполнены вопросами, которые заставляли меня искать ответы среди ужасов, открывшихся миру.

Когда я впервые сел за свою печатную машину в этом зале, я чувствовал себя маленьким, почти невидимым. Вокруг – судьи в строгих мантиях, адвокаты, прокуроры, переводчики. И, конечно, те, кого судили. Они выглядели как обычные люди: кто-то поправлял галстук, кто-то разглядывал бумаги, кто-то сидел с пустым взглядом. Герман Геринг, Альфред Розенберг, Йохим фон Риббентроп... Они говорили о приказах, о патриотизме, о служении своему народу. Но за этими словами стояли миллионы смертей. Я не мог не думать: как это произошло? Как эти люди, умные, образованные, превратили мир в ад?

В первый же день мы слышали сухие цифры. Прокуроры зачитывали отчёты: 6 миллионов евреев, уничтоженных в рамках «Окончательного решения», 1,5 миллиона советских военнопленных, замученных до смерти, 27 миллионов погибших граждан СССР. Уничтоженные города, выжженные деревни. Эти цифры звучали, как звон похоронного колокола. Но самое страшное началось, когда в зал вошли свидетели.

Первым был выживший из Освенцима. Он говорил тихо, но его слова словно разрывали воздух. «Когда нас заводили в газовую камеру, я держал за руку младшего брата. Ему было семь. Он смотрел на меня и спрашивал: “Почему так холодно, Ицхак?” Я не мог ответить. Потом двери закрылись, и я больше не видел его». Мои пальцы стучали по клавишам, печатая эти слова. Но в моей голове всё кричало: как это возможно? Как люди могли такое сделать с другими людьми?

На следующий день мы услышали о Бабьем Яре. 29 сентября 1941 года более 33 тысяч евреев были расстреляны за два дня. «Они заставляли нас раздеваться. Дети плакали. Потом стреляли. Я лежал под телами, прикидываясь мёртвым, слышал, как их смех перемешивался с криками». Я видел лица подсудимых. Геринг улыбался какой-то своей мыслью. Розенберг смотрел на что-то перед собой. Их равнодушие пугало меня больше, чем сам процесс.

Каждый день в этом зале становился для меня испытанием. Я думал о своих собственных руках. Эти руки, которые стучат по клавишам, могли бы держать винтовку, могли бы убирать пепел в Освенциме или рыть могилы в Бабьем Яре. Чем я отличаюсь от тех, кто это делал? Может быть, только выбором. Мысли о выборе преследовали меня постоянно. Зло не рождается внезапно. Оно проникает в души постепенно, оправдывая себя приказами, необходимостью, страхом. Но где проходит черта? Когда человек перестаёт быть человеком?

После месяцев свидетельств, доказательств, показаний наконец настал день приговоров. Смертная казнь через повешение: Геринг, Розенберг, Риббентроп... Они слушали это спокойно, как будто всё происходило не с ними. Когда я напечатал последнюю строку, я посмотрел на свои записи. Это были не просто слова. Это была история боли, предательства и, самое главное, урока. Мир увидел, на что способен человек, если он забывает о человечности.

Прошло много лет, но я всё ещё слышу стук своей печатной машины. Тогда, в Нюрнберге, я думал, что это всего лишь работа. Теперь я понимаю: это был мой вклад в борьбу с забвением. Слова, которые я печатал, стали оружием против лжи. С каждым стуком я фиксировал правду, которая должна была жить дольше, чем мы. Я верю, что Нюрнбергский процесс не был просто судом над прошлым. Это был призыв к будущему. Призыв помнить, что зло начинается с молчания. Призыв говорить, когда кажется, что легче молчать. Мы обязаны помнить, чтобы больше никто не стал свидетелем таких историй. Моя печатная машина замолкла, но её стук звучит в каждой книге, в каждом уроке, в каждой обещании «Никогда больше». И пока этот стук продолжается, у человечества есть надежда.

БИДЖИЕВА САБИНА

10 класс

Наставник: Чотчаева Марина Назировна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение Карачаевского
городского округа «Средняя школа № 2
г. Теберда им. М.И. Халилова»,

Карачаево-Черкесская Республика

Праведники нашей семьи

Человечность – это способность
участвовать в судьбе других людей

И. Кант

Восемьдесят лет отделяют нас от Великой Победы. Проходит время, но до сих пор не заживают у людей глубокие раны, оставленные самой жестокой и кровопролитной войной в истории человечества. Не обошли эти страшные события и мою семью.

Я листаю страницы старого альбома, который хранится у Заура Султановича, брата моего деда. Вот и фотографии сороковых годов. С одной из них на меня смотрит красивый молодой человек в национальной одежде, у него правильные черты лица и выразительный взгляд. Это Султан Шамаилович Халамлиев, мой прадедушка по материнской линии. В юности он был артистом Карачаевского ансамбля песни и пляски. Мой дедушка Темур Султанович говорит, что его отец великолепно танцевал, не хуже, чем Махмуд Эсамбаев. Кстати, Халамлиева Лейла Темуровна, моя мама, тоже была солисткой школьного ансамбля. Думаю, любовь к музыке и танцам она унаследовала от прадеда.

Переворачиваю страницу за страницей и вдруг вижу какой-то красный диплом. В верхней его части видны языки пламени Вечного огня. Надпись на английском языке переводится так: «Кто спас одну жизнь – спас весь мир». Далее написано: «Комиссия по установлению Праведников народов мира при Центре по увековечению памяти героев и жертв Холокоста (“Яд ва-Шем”) на заседании от 2 августа 1994 года на основа-

нии представленных ей свидетельств решила выразить признательность Шамаилу и Фердаус Халамлиевым, их сыновьям Мухтару и Султану, которые в годы Холокоста, подвергая свою жизнь опасности, спасли евреев, и наградить их медалью Праведников народов мира. Их имена будут увековечены на Стене Праведников в музее “Яд ва-Шем”, Иерусалим». Внимательно рассматриваю медаль. Она большая и необычная. На ней изображены руки, стаскивающие колючую проволоку с земного шара. На обороте – величественный мемориал, позади которого несколько холмов.

Честно говоря, я была немного удивлена, так как считала, что такие медали вручают лишь тем, кто отличился на поле брани. Но дедушка объяснил, что подвиг нашей семьи не уступает по значимости ратному. Халамлиевы выдержали главный экзамен в их судьбе – экзамен на Человечность. Ведь военные годы – суровое испытание не только для тех, кто воюет с оружием в руках, но и для тех, кто находится в тылу, особенно в период оккупации. Очень важно остаться порядочным человеком, не очерстветь душой, не ожесточиться, не спасовать перед трудностями, достойно пережить все беды, избежать предательства и позора.

После того как я увидела сертификат и медаль, стала интересоваться историей, тем, кто такие праведники. Помню, что в школе на уроках литературы мы читали про житие преподобного Сергия Радонежского, и я сделала вывод: праведник – человек, живущий согласно заповедям, руководствующийся принципами честности и справедливости. Потом я посмотрела фильм «Праведник», основанный на реальных событиях. Главный герой Николай Киселёв выводит за линию фронта более двухсот евреев, спасая их от преследования немцев. Советский партизан в 2005 году так же, как и мой прадед, был удостоен почётного звания Праведник народов мира. А в фильме «Список Шиндлера» рассказывается ещё об одном праведнике, удивительном человеке, члене нацистской партии, который сумел помочь более 1100 евреям, уберёг их от газовых печей. Конечно, список моей семьи значительно меньше. В нём всего три имени.

Я снова беру альбом и вглядываюсь в фотографии прадедушки с родителями, братьями, сёстрами и мысленно переношусь в далёкий 1942 год. Семья Халамлиевых очень большая, у Шамаила и Фердоус было одиннадцать детей. Невзирая на смертельную опасность, они приютили трёх еврейских девушек-сестёр Гейдман, выдав их за своих детей, переодев в карачаевскую национальную одежду, назвав новыми именами: Фаина стала Фатимой, Бронислава – Байдымат, а Лина – Асият. Горжусь своими родными, их стойкостью, добротой, мужеством. Они прекрасно

понимали, что им грозит жестокая расправа. Нацисты ни с кем не церемонились, были беспощадны к тем, кто сочувствовал и помогал потомкам Моисея. Неподальёку от них, на берегу озера Кара-Кёль, фашисты поставили огромную доску, на которой написали, что всех, кто посмеет приютить евреев, безжалостно казнят. И Халамлиевым об этом было известно, ведь почти каждый день проходили мимо озера, но ни минуты никто из членов семьи не колебался, принимая столь ответственное решение: ради чужих, едва знакомых девушек подвергать опасности себя и родных. Когда Мухтар привёз не успевших эвакуироваться сестёр Гейдман домой, отец проявил удивительное благородство, сказав, что их неожиданное появление на пороге дома – это испытание, ниспосланное Всевышним, и его необходимо достойно пережить. Мать же, Фердаус, обратилась к детям с такими словами: «Фаина и Лина тоже мои дети, а ваши сёстры».

Вскоре кровавые преступления фашистов заставили содрогнуться жителей Теберды. 13 декабря 1942 года они расстреляли на окраине посёлка около 200 евреев: эвакуированных из других областей, врачей, работающих в санаториях, их семьи. А перед этим совершили ещё одно чудовищное злодеяние: погрузили, как дрова, покидав друг на друга в душегубки, более 50 детей из туберкулёзного санатория (некоторые из них тяжелобольные, не могли двигаться, были в гипсе) и повезли несчастных к ущелью Гоначхир, чтобы там их умертвить и избавиться от тел. По воспоминаниям старожилов, несколько дней по рекам плыли трупы погибших детей. Леденящий ужас охватывал людей, которые невольно оказывались свидетелями неимоверной жестокости и варварства.

Разумеется, тебердинцы были напуганы этими страшными событиями. Знали обо всём и мои родные, и «новые члены семьи». Днём девушки не выходили на улицу и прятались то в комнате, то в подвале, то в сарае. На свежем воздухе бывали только поздно вечером или ночью. Некоторые соседи были в курсе о «гостях» в доме Халамлиевых, но никто девушек не выдал. Пять месяцев оккупации они жили в постоянном напряжении, ожидании чего-то неотвратимого, а гостеприимные хозяева старались окружить сестёр заботой и вниманием, делились с ними последним куском хлеба.

Наконец, мрак рассеялся и сквозь тучи выглянуло и засияло солнце. Советская армия прогнала нелюдей с нашей земли. Казалось, можно вздохнуть с облегчением. Увы, нет! Впереди ещё немало испытаний. Грянул 1943 год. Репрессии, холод, разруха, гибель, отчаяние, потери, боль и страдания. Но это уже совсем другая история.

Сёстры были спасены в отличие от своих родителей, которые в начале войны погибли в общей могиле с другими евреями в печально известном Бабьем Яре. Судьба раскидала девушек далеко друг от друга. После войны одна из них вернулась в Киев, вторая уехала в Израиль, а третья – в Америку. Через всю жизнь они пронесли любовь и уважение к своим спасителям, никогда о них не забывали. Давали свидетельские показания, чтобы защитить их от репрессий, постоянно держали связь с ними, переписывались, Фаина навещала Халамлиевых в Средней Азии, не боясь последствий дружбы со ссыльными.

26 апреля 1995 года Султан Шамаилович Халамлиев едет по приглашению в Москву, в гостиницу «Космос», там во время торжественного мероприятия, посвящённого Дню памяти жертв фашизма, он получает награду из рук израильского посла Ализы Шенар.

К сожалению, мне не довелось общаться с прадедушкой, он умер ещё до моего рождения. Близкие люди много рассказывали о нём, о человеке с большим и добрым сердцем, несущем в мир тепло и свет. Я очень хочу быть похожей на прадеда, Праведника народов мира.

БУРОВНИКОВ ГРИГОРИЙ

10 класс

Наставник: Загоруйко Алевтина Витальевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное казённое общеобразовательное
учреждение «Чаплинская средняя
общеобразовательная школа» Курчатовского
района Курской области

Скачи, сынок!

Люди, помните!
Вспомним всех поимённо,
Горем вспомним своим...
Это нужно – не мёртвым!
Это надо – живым!

Р. Рождественский.

Третий день на улице бушевала непогода: ветер выл не переставая, весенняя распутица никак не заканчивалась, мутные тучи застилали небо. В такие дни Александра Петровича особенно мучила бессонница. Так было и в эту ночь. «Скачи, сынок! Не оглядывайся!» – этот крик матери пронзил его сознание, как острый нож. Мужчина невольно вскрикнул и сел на кровати. Опять этот сон! Он знал, что всё равно больше не уснёт. С трудом возвращаясь к реальности, встал потихоньку, чтобы не разбудить жену, вышел из спальни и подошёл к двери в комнату дочери. Светлана беззаботно посапывала во сне. Её размеренное дыхание немного успокоило расхолодившееся от волнения сердце. Он заварил на кухне зелёный чай, задумался, глядя в окно. Почему столько лет он слышит во сне этот крик матери, волею судьбы ставший его кошмаром? Почему война его не отпускает спустя десятилетия? Тогда, много лет назад, он всё же послушался мать и оглянулся: она, красивая, статная, с рассыпанными по плечам длинными волосами, прижимая к себе маленькую трёхлетнюю дочку, стояла у калитки и махала ему вслед. А он на своём любимце – коне Вороне – во весь опор летел к берёзовой роще на опушке леса.

Ему тогда казалось, что он вернётся через несколько часов и всё будет, как прежде. Только этому не суждено было сбыться. Никогда...

Александр Петрович допил чай и вернулся в спальню. Ему казалось, что он всё же не сможет уснуть, но словно провалился в бездну. Наверное, потому, что ветер стих, покойнее стало и ему. Незаметно забрезжил рассвет.

– Папа, ты не передумал? Ты же не забыл, что обещал? – маленькая дочка забралась в постель к родителям и чуть не задушила его в объятиях.

– Нет, дочка, успокойся, – заверил он её, ещё пребывая в лёгкой дремоте.

– Мы едем в дом папиного детства! Мы едем в гости к родственникам! Мама, собирайся, вставайте же наконец! – прокричала Светлана и умчалась в свою комнату, как вихрь. Наверное, тоже собираться.

Да, он помнит о своём обещании. Три месяца назад они получили долгожданную квартиру в новостройке. Когда они стояли перед домом, он сказал дочке: «Вот твой дом, здесь пройдёт твоё детство». А Светлана тогда спросила: «Папа, а где прошло твоё детство? Покажешь свой дом?». И вот наступил тот день, когда он отвезёт дочь к себе на родину, к своим родственникам, в дом опалённого войной детства...

По дороге он остановил машину у цветочного магазина. Дочка недоуменно на него посмотрела. Он вышел с охапкой ярко-красных гвоздик.

– Мы подарим их твоим родственникам? – спросила она. – Чтобы их порадовать?

– Да, – тихо ответил он, опуская глаза.

Через пару часов они подъехали к берёзовой опушке. Здесь тоже сделали остановку. Все вышли из машины прогуляться, подышать свежим воздухом. Жена с дочкой слушали пение первых птиц, вернувшихся в родные края после зимнего перелёта. А он стоял, прижимаясь спиной к берёзе, слушал, как под нежной корой течёт новая жизнь – животворный сок. Потом он поднял голову: голубое небо слепило его. Макушки берёз, словно в хороводе, закружились в его голове. Как тогда... Он доскакал до рощи тогда благополучно, хотя позади слышал канонаду. А тут, среди берёз, было так покойно. Он решил дать Вороне немного перевести дух. Близился уже конец марта. Весна неумолимо вступала в свои права. Молодая зелень кружила голову. И это небо, такое пронзительно синее, как и сегодня...

– Пора, – позвал он родных. Все сели в машину. – Скоро приедем.

Через несколько километров они подъехали к повороту. Вот и его деревня. Её нет на географической карте, как ни ищи. Она исчезла в марте 1943 года. Теперь это мемориальный комплекс «Хатынь» – одно из самых скорбных мест Белоруссии.

– Вот мы и приехали, – тихо произнёс он.

– Папочка, а где дома? – недоуменный вопрос дочки вывел его из оцепенения. – Здесь только плиты. А жители где? Твои родственники?

– Все погибли. Здесь. В один день. В пожаре...

Светланке уже девять лет. Она поймёт. И он не спеша стал ей рассказывать о своём детстве, о войне, как жители его деревни помогали партизанам. Однажды неподалёку от их деревни была уничтожена немецкая колонна, а в этой колонне – капитан Ганс Вёльке – чемпион Олимпийских игр, знакомый с самим Гитлером. За это, по мнению карателей, должны были ответить жители деревни Хатынь. Деревню сожгли, согнав несчастных жителей – женщин, стариков, детей – в один амбар. Он стал для них общим пепелищем, предсмертным страданием, братской могилой. Здесь в огне погибла и вся семья Александра Петровича.

Сам он этого не видел. Мать, словно предчувствуя беду, успела его, тринадцатилетнего, посадить на Ворона и приказала скакать через лес в соседнее село к родственникам. Он с дядей вернулся на следующий день. Остовы домов догорали, возле пепелища колхозного амбара он увидел убитую мать, с красивыми волосами, рассыпанными по плечам. Она всё так же прижимала к себе уже безвольное тельце младшей дочки, словно пытаясь её защитить. Выжить в той трагедии удалось лишь нескольким детям и одному взрослому – кузнецу Иосифу Каминскому. В этом пожарище он потерял любимого сына. Он был ещё жив, когда его разыскал отец среди обгоревших тел, но тот умер от ран у него на руках...

Первые цветы они возложили у памятника «Непокорённый человек». Кузнец и сын. Беда и боль. За памятником были обелиски. Они стояли на местах, где некогда были дома непокорённой деревни Хатынь. 26 сожжённых домов. Их очертания воссоздали с помощью первого сруба и печной трубы. А на ней памятные таблички с именами тех, кто здесь жил и погиб. В основном женщины и дети.

Вдруг раздался печальный колокольный звон. Колокол висел на каждой печной трубе и через равные промежутки времени своим скорбным звоном напоминал живым о том, чего никогда нельзя забывать. Потом опять наступила тишина. Только слышно было, как шумят деревья.

– Папа, а где твой дом? – Светланка тронула его за руку.

Тогда он повёл семью к краю мемориала. Его дом был у самого леса: отец был лесничим.

– Вот и пришли, – сказал он, остановившись у сруба с такой дорогой памятной табличкой. На ней – вся его родня, шагнувшая из памяти в вечность. Чёрные буквы леденящего металла были утоплены в нишу на дымо-

ходе: Желобкович Пётр Анатольевич, Желобкович Степанида Алексеевна, Желобкович Оля 15 лет, Желобкович Лида 10 лет, Желобкович Стася 7 лет, Желобкович Рая 3 года.

– Папа, а фамилия-то наша... – еле слышно произнесла Светланка.

Они, не говоря больше ни слова, постояли ещё несколько минут, склонив головы. Общая боль щемила сердце. Дочка взяла несколько гвоздик и положила у печной трубы.

– Вот и побывали в моём доме детства, – нарушил молчание Александр Петрович.

Он выжил. Сиротская доля была нелёгкой. Но он продолжил свой род вопреки смерти. Огонь Хатыни сжёг его детство. Уже тогда он понял, что хочет стать защитником. Закончил артиллерийскую школу, стал советским солдатом, служил на Дальнем Востоке, потом вернулся в родную Белоруссию. Прошёл достойный путь от лейтенанта до подполковника. Конечно, он ничего не забыл из своего детства, права такого не имел...

Когда они вернулись домой, вышли из машины, то задержались немного на детской площадке. Сели на лавочку. Домой не хотелось идти, такой замечательной всё же была весна. А сегодня для всей семьи был особенный день. Неподалёку дети играли, резвились. Один мальчик сделал из палки лошадку и подбежал к маме показать, какой он наездник. Мама улыбнулась, потрепала его за вихор и сказала: «Скачи, сынок! Всё будет хорошо!» Александр Петрович вздрогнул и невольно улыбнулся сквозь застилавшие глаза слёзы.

ГАВРИЛКИНА АНЖЕЛИКА

10 класс

Наставник: Савельев Владимир Сергеевич,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное автономное
общеобразовательное учреждение «Средняя
школа “Перспектива”»,

г. Новый Уренгой, Ямало-Ненецкий
автономный округ

Платок из военного детства

«Чулочки, дядя, тоже снять?» – читаем мы в одном из стихотворений М. Джалиля. Они со своей детской наивностью порой не понимали, что умирают, за что умирают...

«Мама держала меня крепко за руку, – вспоминает бабушка. – Я глазами бегала по толпам людей, собравшихся у касс, по хитросплетениям цветных железных балок, перекладин и качелей, широко улыбаясь, искала, выбирала, думала, где мы сегодня будем кататься. Воскресенье. Я в новом ситцевом платке, подаренном мне мамой накануне. Мы пришли на карусели. Это так редко случалось, потому что мама то на заводе, то в очереди за редкой тканью...

Народу – тьма, но этот поиск, постоянное снование от кассы к кассе, забота о том, как бы где не уронить шарик мороженого, делали меня счастливой. Мне кажется, я смеялась так громко, что своим детским смехом перебивала весь гул городского парка. Таких, как я, было много, смеющихся, шарящих глазами по аттракционам, выбирающих самый интересный...»

Так начиналось восьмое лето моей бабушки, лето 1941 года. О том, что было потом, вспоминать она не любит и рассказывает редко.

Привычными движениями складываю вещи в её шкафу – надо помочь навести порядок, замираю, вижу платок, тот самый, из сорок первого... Обугленный уголок, истлевшие нитки, прорехи, казалось бы, давно вещь пора

выкинуть в хлам, но никто в нашей семье не посмеет. Этот платок укрывал тщедушное тельце бабушки в вагоне эвакуационного поезда. На нём слёзы ребёнка, впервые увидевшего смерть.

Их состав остановился: поезд, шедший впереди, попал под авианалёт. Взрослые угрюмые мужчины расчищают пути от обломков, а рядом на насыпи мёртвые люди, взрослые и дети. Мама прикрывает платком глаза: «Не смотри!»

Этот платок прятал остриженную наголо голову десятилетней бабушки, когда её сразил тиф. Как она плакала, когда остригали длинную русую косу! Этот платок помнит разные звуки: треск печки, в которой варится «затируха» – суп из серой муки, перемешанной с травой, стук солдатских костылей в госпитале, куда они ходили с одноклассниками помогать ухаживать за ранеными. Этот платок хранит разные запахи: сырости полуподвальной тёмной комнаты, которую выделили семье эвакуированных в маленьком сибирском городке, и чарующий густой запах трофейного шоколада из отцовской посылки с фронта. Нужно было откусывать от шоколадки совсем понемножку и долго-долго держать во рту, ощущая, как разливается маслянисто-сладкое блаженство.

Я бережно возвращаю на полку платок, укрывший бабушку от невзгод войны, который помнит то, о чём она вспоминать не любит и рассказывает редко. Она вспоминает другое...

«Весна сорок шестого. Воскресенье. Тот самый городской парк. Хитросплетения уже поржавевших железных балок, перекладин и качелей. Мои глаза не ищут свободных мест, уверенно иду прямо... Вокруг много взрослых и нет детей. Их забрала война – недоживших и нерождённых. Всех тех, кого не укрыл заветный платок...»

ИВАНОВ ЕГОР

10 класс

Наставник: Шнайдер Светлана Валерьевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное казённое общеобразовательное
учреждение – Кузнецовская средняя
общеобразовательная школа,

Новосибирская область

Гороховая каша

Долгожданный звонок с четвёртого урока наконец-то прозвенел. Истосковавшиеся по перемене ученики высыпали из кабинетов. Школа превратилась в растревоженный муравейник. Стройный поток старшеклассников двинулся в столовую. Но уже на первом этаже желающих подкрепиться заметно поубавилось: кто-то, почуяв неладное, даже не заглядывая в обеденный зал, поворачивал обратно, другие, наверное, по инерции занимали свои места за столами. Дежурные разносили тарелки с густым месивом жёлто-оранжевого цвета. По залу прокатилась традиционная волна возмущений. Да, гороховая каша – лидер среди любимых блюд в нашей школьной столовой. И для чего она есть в меню, если её почти никто не ест?! Поклонников этого блюда у нас раз-два и обчёлся, зато есть любители построить гороховые пирамидки в тарелке. Мой сосед по столу соорудил практически Пизанскую башню, и она вот-вот упадёт... Я поковырялся ложкой в каше, из сочувствия к поварам съел немного и понёс тарелку к окошку.

– Господи, да что за народ-то такой, даже не пробуют, а уже обратно несут! – раздался из кухни чуть не плачущий голос тёти Гали, школьного повара.

Вообще Галина Валентиновна (мы чаще зовём её по сельскому обычаю тётя Галя) готовит очень вкусно. К ней претензий нет. Претензии только к каше.

– Не могу я на это смотреть, год доработаю да на пенсию пойду, – через мгновение добавила она, утирая слезу кончиком косынки.

– Да успокойтесь вы, тётя Галя, впервой что ли, всегда так, когда гороховая каша, – успокаивала её помощница тётя Оля.

– Столько времени потратили, столько продуктов перевели и всё в ведро! – не унималась тётя Галя.

– Так ведь за казённые деньги, не за наши с вами.

– Нет, больше так не могу, увольюсь, летом, – причитала повар себе под нос, продолжая опорожнять тарелки с кашей.

– Да разве ж это причина увольняться? Ну вы даёте! – усмехнулась помощница, которая явно не понимала причину тёти Галиных слёз.

– Я каждый раз, когда кашу эту готовлю, свою мамку вспоминаю, она же у меня войну прошла. В оккупации была. Чего только не ели! Этот горох их однажды от смерти спас. А эти его – в ведро...

Тётя Галя как-то значительно замолчала, а её помощница явно ждала продолжение истории. Ждал и я, невольный свидетель их разговора.

– А можете поподробней рассказать об этом случае, – попросил я, сам не ожидая от себя такой смелости.

– А тебе на уроки разве не пора? – спросила меня тётя Галя, прищурив один глаз.

– А... У нас трудовик заболел, так что я всё, – невольно соврал я, чтобы послушать историю про кашу. Я облокотился на окно раздачи и приготовился слушать. Звонок на урок, кажется, прозвенел, так как в школе стало совсем тихо. Тётя Галя, помолчав немного, будто собираясь с мыслями, начала свой рассказ.

«Сорок первый шёл... Фашисты тогда в деревню за деревней заходили, хозяйничали, много крови невинной пролилось, слёзы людские рекой текли. Мамке моей чуть больше пяти лет было, когда война началась. Ребёнком была, а зверства фашистов на всю жизнь запомнила. Они в Теряево жили, что в двадцати километрах от Ржева в сторону Твери. Деревушка совсем махонькая, но и её немцы не обошли стороной. Мамка жила с дедами, матерью своею да братьями старшими на несколько годков. Отца на фронт проводили, да он так и не вернулся. Слухи тогда, словно по ветру, про этих немцев летали. Вот и услышали наши, что немцы приближаются. Дед, который в Гражданскую воевал, решил запастись. Благо, что лето щедрым выдалось, запасов много было. И грибов тьма, и урожай овощей хороший, и куры неслись как никогда. Он в разных местах тайники закопал: в огороде бочонок с мёдом, в доме под лестницей на чердак – мешок с горохом и ещё в кое-где нехитрые запасы сделал. В погребе для виду тоже еды оставили, чтоб немцы ничего не заподозрили. Внуки на деда с изумлением смотрели,

а он только всё приговаривал: «Это наши волшебные тайники, никому о них не говорите».

Не все тогда запаслись в деревне. Может, думали, пронесёт. А как немцы пришли, так первым делом скотину у всех начали угонять. Осталась мамкина семья без коровы-кормилицы, без молока. За неповиновение немцы жестоко наказывали. Могли избу сжечь, могли у хозяев всё съестное или более-менее ценное забрать. Люди из домов боялись выйти, немцам на глаза показаться. А те, как к себе домой, в хаты заходили, ночевали. Обшаривали каждый двор, схороны искали. У кого немцы тайники находили, тех избивали. Дед всем строго-настрого наказал к тайникам не подходить, а семья питалась запасами из погреба да чем придётся: где картошину на огороде неубранную откопают, где рыбу поймают. Чувал дед, что ещё хуже потом будет.

В ноябре старший мамин брат заболел. Дед понял, что без мёда не обойтись. Хотел схорон откопать, да немцам на глаза попался. Мёд забрали, а деда увели, и больше семья его не видела. Брат кое-как выздоровел, но к тайнику в доме подходить боялись. Несколько дней вообще ничего не ели, воду колодезную пили, зёрнышки в хлеву от кур и скотины собирали.

Когда совсем еды не осталось, мать от отчаянья, глядя на голодных детей, решила всё же схорон открыть. Она вытащила немного гороха, а доску под ступенькой хорошенько на место приладила.

– Сейчас будем пучалку варить (так бабушка мамы гороховую кашу называла), – воодушевилась бабушка, – айда за водой.

Ребятишки сходили к колодцу и, используя котелок вместо ведра, набрали воды. Братья мамыны на карауле стояли, к каждому шороху прислушивались, а женщины гороховую кашу варили. Точнее, не варили – просто запарили горох горячей водой и убрали в котелке под печку. А чтоб в доме едой не пахло пожгли солому и перья, дыму в дом напустили. Утром пучалка была готова. Бабушка ещё по-тёмному разбудила всех, созвала к котелку. По несколько ложек каши досталось каждому. И несолёная она была, и без маслица, а вкуснее её, по словам мамки, ничего в жизни не было.

Так спрятанный дедом горох и нехитрая пучалка спасла семью мамы от голодной смерти. Не от голода, конечно. Мама говорит, что в первую зиму «дошли» они совсем: такими худыми стали, что на ветру, как былинки, качались. Но это им и на руку было. Немцы, видя, какие они худые, не могли и заподозрить, что у них волшебный тайник есть. А про свою тайну семья матери никому не рассказывала. И жалко ба-

бушке было, что другие голодают, и помочь хотелось, но и выдать свой запас было нельзя, боялись предательства. Все войну пережили: и трое ребятишек, и мать их, и бабушка. Мамка моя на всю жизнь пучалку запомнила. Когда варила её, деда своего вспоминала, которого спасителем считала, часто её варила, нам, уже своим детям, про детство своё нелёгкое рассказывала».

Тётя Галя закончила, но ещё долго никто не решался нарушить воцарившееся молчание. Я был потрясён: гороховая каша, которую не любят ученики нашей школы, была для кого-то самым вкусным и, главное, спасшим жизнь блюдом. Я посмотрел на остатки каши в тарелках, и не такой уж ужасной, как ещё полчаса назад, она мне показалась.

Может, это сила внушения, может, чудо, но с тех пор я ем гороховую кашу. Нет, я не полюбил её всей душой, она не мой гастрономический фаворит, но я как-то зауважал, что ли, это блюдо. Для кого-то это странное месиво, из которого можно соорудить башню, для других – волшебный источник спасения в годы страшного военного лихолетья, для третьих – и грустное, и тёплое воспоминание о самых близких и родных. А для меня гороховая каша стала прекрасным примером выносливости и веры в спасение.

КУЗНЕЦОВ ДМИТРИЙ

11 класс

Наставник: Шатская Ольга Николаевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 3,
г. Рассказово, Тамбовская область

Совушкина скамейка

Рамасуха... Я был там несколько раз. Но это место навсегда осталось в моём сердце. Деревушка как будто затерялась в дремучем брянском лесу. Кажется, что домики случайно заскочили в лес да там и остались под высокими соснами. В этой деревне жили родственники моей прабабушки. Я запомнил большой рубленый дом, потемневший от времени, дощатый настил во дворе и тропинки, убегающие от каждого дома в лес. По такой тропинке мы ходили с прабабушкой.

– А ты не боишься идти в лес? Волки, кабаны, змеи...

– Что ты, – удивлялась она, – лес здесь родной! Знаешь, сколько мы в нём времени поводили! Особенно в детстве! Особенно в войну... Хочешь, я покажу тебе Совушкину скамейку?

– Совушкину?..

Солнце начало клониться к горизонту, когда дед Гришка поднялся с земли. Он целый день пас Зорьку на опушке леса.

– Пойдём, милая! Успеть бы ко двору засветло. Ноги-то совсем плохие стали, пока доковыляем с тобой, уж совсем вечер будет.

Дед ласково погладил корову по шее и собрался идти, как вдруг резко повернулся. Ему показалось, что кто-то идёт по лесной дороге. Дед пригляделся. Действительно, два человека приближались к нему. Через пару минут он уже чётко видел, что это женщина и ребёнок. «Чужие, – подумал дед. – Свои здесь не прогуливаются, опасно нынче далеко от деревни ходить». Он решил заговорить первым и, как только незнакомки подошли ближе, спросил:

– Что это вы, девушки, в лесу гулять удумали? Не страшно одним?

– Может быть, и страшно, вот только выбора у нас нет! – ответила женщина, остановившись. – Здравствуйте! Да и провожатых тоже нет!

На мгновение дед замер, рассматривая незнакомку. В глаза бросились красивые кожаные туфли на устойчивом каблуке. «Туфли добротные, а ноги в кровь сбила. Давно идёт», – подумал дед. Лёгкое шёлковое платье и берет в цвет туфель позволили ему сделать окончательный вывод: «Городская. Наши девки так не ходят». Он ласково посмотрел на девочку, которая прижималась к матери.

– Издалека идёте, голубушки?

– Из Гомеля, – ответила незнакомка.

– Ух ты, батюшки! – воскликнул дед. – Меня дедом Гришкой зовут. Вот что, девоньки, айда со мной. Только лесом пойдём, от чужого глаза подальше.

Почему дед Гришка сразу решил позвать незнакомку к себе домой, он не знал. В сумерках по узкой тропинке, ведущей из леса, провёл своих новых знакомых к дому. Бабка Василиса уже начала беспокоиться: обычно дед возвращался раньше, да и корову уже пора было доить.

– Василиса, ты давай это, воды нагрей да на стол собери, – скомандовал дед, – гости у нас.

Гости к ним теперь частенько приходили из леса. Линия фронта приближалась с каждым днём, вот и решили деревенские мужики податься к партизанам, а в деревню приходили за провизией.

Помывшись в бане, незнакомки робко вошли в хату. Бабка Василиса поставила на стол варёную картошку и кувшин с молоком. На лавке за столом уже сидели два мальчика и девочка.

– Садитесь, мои хорошие, давайте знакомиться. Меня Василисой Васильевной, бабкой Василисой зовут. Это Витька, это Колька, а это Люська – внучата наши.

Ребятишки с интересом разглядывали гостей.

– Меня зовут Фаиной, а мою дочь Софой.

– Какая же она Софа, она Сова! Глянь, глазищи-то какие, – засмеялся Витька.

– Ух, сорванец! – бабка Василиса пальцем погрозила внуку.

Ребятишки засмеялись, а Василиса Васильевна с ласковой улыбкой посмотрела на девочку, которая прижималась к матери и, действительно, была похожа на маленького птенца с огромными глазами. Бабка Василиса взяла её за руку, легонько потянула к себе, посадила на колени и стала гладить по волосам, которые забавными кудряшками рассыпались по плечам.

Фаина рассказала о том, что они жили в Гомеле, что муж её работал инженером на железной дороге. Когда немцы захватили город, они первым делом начали расстреливать евреев. Мужа арестовали на работе. Фаина и Софа успели сбежать. К родственникам идти было опасно, вот и отправились куда глаза глядят, лишь бы подальше от войны. Шли пешком, на попутках ехали, если удавалось договориться. Вещи, которые успели взять с собой, меняли на хлеб. Ребятишки притихли, бабка Василиса утирала фартуком слёзы, дед три самокрутки выкурил, пока Фаина рассказывала свою историю.

– Вот что, девка, – сказал дед строго, – идить тебе никуда не надо, оставайся у нас.

– Скажем, что ты моя племянница от двоюродной сестры. Из Гомеля приехала, – подхватила бабка.

– Поняли? – спросил дед у внучат.

– Поняли, деда, – ответил Витька.

– А Совушка нам кто? – пролепетала младшая Люська.

– Не Совушка, а Софа, – возразил дед, подумал и добавил. – А нехай и Совушка. Сестра она вам! Родственница!

Так и стали Фаина и Софа жить в доме деда Гришки и бабки Василисы. Соседи догадывались, конечно, что не племянница она им, но никто лишних вопросов не задавал, всех объединило одно горе – война.

Прошло больше месяца. Осенью 1941 года, когда стали фашисты рваться к Москве, на их пути оказалась маленькая брянская деревенька. Смело сражались бойцы Красной Армии, но силы были неравные. Рамасуха оказалась в руках фашистов. Стали они свои «порядки» наводить. Полицаи пошли по дворам отбирать у людей скот и ценные вещи. В один из дней под окном хаты деда Гришки послышалась немецкая речь. Дверь распахнулась, и на пороге хозяева увидели полицая Стёпку в сопровождении трёх немецких солдат.

– Что, дед, корову сам выведешь? – спросил Стёпка.

– Господи, – взмолилась бабка. – Ребятишек-то как кормить?

– Заткнись, старая! – скомандовал полицай.

Дед сделал шаг вперёд, пытаясь заступиться за бабу, но его оттолкнул солдат и направился в сторону Фаины.

– Юде? – спросил он, пристально глядя на молодую женщину.

– Что Вы, нет, не юде! – затараторил дед. – Это племянница наша с Гомелю. А чернявая она в бабу!

Немец стащил с головы Фаины платок – Мелкие кудри рассыпались по плечам. Он схватил её за волосы и потащил из хаты. Дед пытался заступиться, но Стёпка приставил к нему автомат:

– Не лезь, дед! А то и эту гластую заберём!

Бабка Василиса сделала шаг вперёд и закрыла собой Софу. Фаина не кричала и не сопротивлялась, она боялась испугать детей, поэтому молча пошла от дома. Её вместе с другими молодыми женщинами погрузили на машину и увезли из деревни. Как уводили корову со двора, бабка и дед не видели. Они, сгорбившись, сидели на скамейке в окружении внуков.

Несколько дней никого не было: ни немцев, ни полицая. В деревне стояла гробовая тишина, казалось, что все затаились и ждут очередного нашествия. Дед Гришка ходил по двору и пытался заниматься делами. Вдруг, услышав отдалённый треск мотоцикла, он заскочил в дом, схватил Совушку и скрылся вместе с ней в лесу. Бабка Василиса даже спросить ничего не успела, она только развела руками. Через несколько минут дед был дома и деловито похаживал по двору. Калитка распахнулась, и полицай Стёпка вошёл во двор.

– Дед, где жидовская девчонка?

– Так это, Степ, с того дня, как вы были, её и нету, наверное, за матерью убежала.

– Врёшь, старый хрыч!

Стёпка зашёл в дом – оттуда послышался грохот падающей мебели. Потом он всё перевернул в сарае. Весь красный от злости полицай схватил деда за грудки:

– Узнаю, что прячешь жидовку, твоих в распыл пуцу!

С ненавистью посмотрел Стёпка на ребятишек, испуганно прижавшихся к бабке Василисе, и вышел со двора. Постояв в растерянности, дед пошёл в сарай и попытался навести там порядок. Куры забились в угол и сидели, сжавшись в комок, только петух наблюдал за дедом, который передвигался словно во сне. Петух хлопал крыльями и закричал. Дед посмотрел на него и присел на ящик, в котором было куриное гнездо.

– Эх, Петька, и ты на меня крыльями хлопаешь. Никудышний я стал, нету сил отпор дать эти гадам. Зорьку, кормилицу нашу, не уберёг. Фаинку тоже. А ведь хорошая девка, смирная. А ну как не успею Совушку в лес снести?! Что тогда будет с ней, с ребятами, с Василисой?! Что сын Василий скажет, когда вернётся с войны? Он ведь и так горя хлебнул после смерти жёнки.

Слёзы покатались из глаз деда Гришки. Вспомнил он, как заболела после рождения младшенькой внучки Люськи невестка, как сын по докторам да по бабкам-знахаркам её возил, но ничего не помогло несчастной. Вспомнил, как сын уходил на фронт и велел беречь деток да мать-старуху. И так горько ему стало! Он долго сидел, думал и даже задремал. Куры тем временем начали потихоньку копать в земле, а петух посмотрел на деда и закукарекал, тот вздрогнул.

– Прав ты, Петька, нельзя мне дремать! Нельзя ни минуты!

К вечеру немцы уехали с лесопилки, а когда стемнело, дед Гришка ушёл в лес. Вернулся он с Совушкой. С тех пор дед, как старый волк, прислушивался к каждому звуку. Теперь ему нужно было думать не только о жизни Софы, но и о жизни своих родных внуков. Немцы приезжали на лесопилку почти каждый день. Дед неведомым никому чутьём определял их приближение. Он брал девочку на руки и нёс в лес, сажал в большое гнездо на старом дубе, старательно накрывал сухой травой и уходил. Старый дуб был знаком ему с детства. Дерево имело необычную форму: от одного большого ствола на высоте полутора метров в разные стороны отходили ещё три, образуя корзину. Мальчишкой дед Гришка нашёл там гнездо совы. Птица улетела, а гнездо осталось. Там Гришка прятался от своего деда, когда тот за шалости обещал снять с него портки и высечь. Теперь там дед Гришка прятал Совушку.

– Сиди, птаха моя, – приговаривал он, – а то и тебя, и ребят, и бабуку – всех порешат изверги!

И девочка сидела! После того как Фаину угнали немцы, бабка Василиса научила Софу молиться. Малышка каждый вечер усердно стояла перед иконами и просила вернуть мамочку.

– Ты, когда в лесу одна остаёшься, не бойся! Лес хороший, он не даст тебя в обиду, – говорила бабка Василиса. – А уж если совсем страшно станет, зови тихонько Богородицу. Она своим покрывальцем невидимым тебя укроет и защитит.

Конечно, девочке было очень страшно. Сердце бешено стучало, до тех пор пока она не слышала, что дед Гришка достаёт из ямы, заваленной мхом, лестничку, приставляет её к дереву и, пыхтя, лезет наверх. Несколько раз приходили полицаи, искали Софу, переворачивая весь дом, били деда. Но уходили ни с чем.

Однажды через Рамасуху проезжал немецкий обоз. Двигался он в сторону Трубчевска. Дед успел отвести Софу в тайное место и вместе с бабкой из окна наблюдал за передвижением фашистов. Они в тот раз как будто спешили, потому что не зашли ни в один двор. А через несколько часов из леса донеслись отголоски боя. Потом подводы с оставшимися немцами галопом пронеслись в сторону Почепа. Оказалось, что в километре от деревни партизаны атаковали и разбили немцев.

– Ох, бабка, вернутся они! Гады проклятые! – вздыхал дед.

И вернулись... Полицаи прошли по деревне и приказали всем прийти в школу. Дед, заподозрив неладное, велел жене собрать ребятишек и увёл семью в лес. Два дня они добирались до родственников, живущих в селе

Семячки. Там уже узнали, что фашисты согнали их односельчан в школу, закрыли и подожгли. Когда пламя охватило здание и люди в ужасе стали выбивать окна и двери, немецкие офицеры и солдаты стояли рядом и курили. Лишь в последний момент двери открыли. Обезумевшие люди начали выскакивать из огня, а фашисты загоняли их на грузовики и увозили. Тех, кто не поместился в машины, выстроили в колонну и погнали в сторону Трубчевска. А потом вспыхнули все дома в Рамасухе. Остались только печные трубы и недогоревшие заборы...

Только в сентябре 1943 года уцелевшие жители вернулись в деревню. Вернулись и дед Гришка с бабкой Василисой. Сначала вырыли землянку и жили в ней. А когда с фронта пришёл сын Василий, начали строить дом.

Через два года после Победы в доме деда Гришки случилась большая радость. Вернулась Фаина! Она очень изменилась. Когда-то смоляные волосы стали седыми. Женщина хромала, потому что после перелома у неё неправильно срослась кость ноги. Прежними остались только большие чёрные глаза. Её угнали в Германию, и всё это время она работала там. Войдя во двор, Фаина встала на колени перед Григорием Алексеевичем и Василисой Васильевной и долго плакала, благодаря за то, что они спасли её дочь. Совушка к этому времени подросла, и все считали её родной. Через полгода они уехали в Гомель к родственникам, но каждое лето приезжали в гости к деду и бабушке. У дуба, где прятали Софу, дед поставил скамейку и частенько сидел там, задумавшись о чём-то...

Вот такую историю о своей семье узнал я, сидя на Совушкиной скамейке. Историю о том, как простые русские люди пережили войну, как спасли чужого ребёнка, рискуя своими детьми, как вернулись к мирной жизни и возродили родное село!

МАМЕДОВ АЛЕКСАНДР

10 класс

Наставник: Гаврилович Оксана Михайловна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное общеобразовательное
учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 3»,
г. Качканар, Свердловская область

Ленинградский метроном... Сквозь годы

...Стужа бьётся в окно, будто стенает о покойнике. Уличная тьма, просочившись через шторы, полностью поглотила пространство комнаты. Кажется, не будет больше никогда ни утра, ни света, ни людей. Только тьма, стужа и этот настырный стук часов. Тонк-тонк... Тонк-тонк... Не даёт заснуть, бьёт по темени: тонк-тонк, тонк-тонк. В голове глухой ритм бессонной комнаты плавно перетекает в чеканные удары метронома:

Тонк-тонк...
Тонк-тонк...
Сту-жа...
Ве-тер...
Тонк-тонк...
Ве-тер...
Сту-жа...
Са-ни...

Гаснущее сознание выкидывает на поверхность надрывные строки, распадающиеся памятными отстуками ленинградского метронома:

Мимо арки, мимо старых зданий
Я спешу... спешу к себе домой.
сани... ветер...
сани... стужа...
сани...
под ногами тяжесть мостовой.

«Мимо арки...». Это, наверное, той самой, куда нас на экскурсию водили... арка Главного штаба. Я потом под ней на электросамокате гонял. А тогда...

под этой аркой сани, «запряжённые» людьми, едва тащились. Туда-сюда. Сани из чёрно-белой хроники. На них – дрова, вода в вёдрах, вещи в узлах и... трупы. Трупы, завернутые в белые простыни... и не завернутые, просто окоченелые, подобранные на улице.

«Под ногами тяжесть мостовой». Та бесконечная зима 1941–1942 опрокинула законы физики, и на истощённых, обескровленных ленинградцев тяжесть давила даже снизу, с мостовой, к которой будто бы прилипали опухшие от голода ноги.

Бессонница выплёскивает на меня кадры хроники: стоящие на коленях дети и старики ковшиками черпают ледяную воду из проруби в Фонтанке, на санях тянут домой за несколько километров.

«Я спешу... спешу к себе домой». Спешит к очагу, давно не согревающему, к столу, забывшему съестное.

Эх, дойти бы до Площади Восстанья.

Только б не упасть на полпути.
сани... стужа...
сани... ветер...
сани...
я дойду! я обещал дойти!

Площадь Восстания. Картинка с экскурсионной открытки. Утопающее в огнях и суетливом движении транспортное кольцо с обелиском Городу-герою в самом центре, с грандиозной ротондой станции метро и вечно переполненной пирожковой на Восстания, 1. Тогда – тоже центр жизни. ДОТ из выщербленного кирпича, люди, закутанные в тряпье, как призраки, скользящие к перрону железнодорожного вокзала – месту эвакуации горожан. Здесь всегда кто-то есть. «Дойти до Площади Восстанья» – обрести надежду, что тебе не дадут упасть, поддержат или поднимут.

Там, в квартире, пятилетний Ваня
Спрашивает маму про еду.
сани... ветер...
сани... стужа...
сани...
Потерпи, братишка. я иду.

«Потерпи, братишка...» А насколько же он старше Вани? Видимо, самый крепкий из семьи, раз его отправили. Видимо, последняя надежда.

Строки ударяют в виски отзвуками настенных часов, хрустящим скрипом снега под валенками и ударами ленинградского метронома. Откуда они настигают меня?

Са-ни...
Ве-тер...
Сту-жа...
Са-ни...

Понимаю. Брат весь день вслух учил стих для конкурса чтецов. Ударял стужей, хлестал ветром... Странно! Я ведь совсем не слушал, не слышал. Ничего, кроме зычного, многократно повторённого братом объявления: «Алексей Котельников. Стихотворение “Ленинградский метроном”».

Мама не ответит и не встанет.
Я несу тебе её «обед».
сани... стужа...
сани... ветер...
сани...
А сегодня маме сорок лет.

Уже не ответит. Один Ванюшка дома. Спрашивает про еду у коченеющей в день своего рождения матери. Сорок лет, говорят, не отмечают. Она и не отметила... Можно ли жить дальше, если лишился самого дорогого?! Её объятий, любви, защиты. Есть ли смысл мучительно поддерживать в себе жизнь её «обедом» – заветными 125 граммами?

Главное, не потерять сознание.
Почему в глазах темным-темно?
сани... ветер...
сани... стужа...
сани...
Будем жить, Ванюшка, всё равно!

Мелькающие в обморочном мороке сани. Кто-то, переставляя ватные ноги, тянет за собой надежду, на часы продлевая себе жизнь торфом, дровами, водой. Другие – волокут отчаянье, скорбное свидетельство поражения в схватке со смертью... А ведь и для мамы теперь нужны сани!..

«Будем жить, Ванюшка, всё равно!» Обескровленная мучительной смертью матери душа ребёнка находит силы для надежды и борьбы. Источник этой силы – истовое желание вырвать братишку из пасти зажавшейся смерти, не допустить, чтоб жертва мамы оказалась напрасной.

Ты пойдёшь на первое свиданье
Сразу, как немного подрастёшь.
сани... стужа...
сани... ветер...
сани...
Отчего в ногах такая дрожь?

Преодолевая пронизывающий ленинградский ветер и лютую стужу, боясь с дрожью в обмякших ногах, едва несущих ослабевшее тельце, сжимая

спасительный «обед» для брата, парнишка рисует в воображении картины счастливого будущего... Как заклинание, твердит обнадеживающие слова, сам себя ободряет, потому что его некому больше ободрять.

Боль в груди, и всё плывёт в тумане...
Грейся, Ванька, там, в печи, трюмо.
сани... ветер...
сани... стужа...
сани...
лишь бы ты...
дождался.
лишь бы...
смо...

Сжигаемая для обогрева мебель – трагическое свидетельство ленинградского лихолетья. Уплывающее сознание мальчишки отчаянно посылает брату установку: «Грейся, Ванька...» Потерявший последние силы, сам уже не способный ни на какое действие, он закликает Ваню на это желаемое действие – дождись!

Слово обрывается, застывая на губах. Что это? Минутный обморок или финал детской жизни? Двух жизней. Погибнут ли они, как их мать и ещё более миллиона ленинградцев, или, пройдя сквозь жерло блокады, пронесут этот подвиг через всю свою жизнь?

...Часы отбивают минуты бессонницы. Где-то внутри меня отстукивает ритм ленинградский метроном, перед глазами всё всплывают кадры военной хроники, в голове звучит поэтический гимн надежде, пульсирующей в каждом вздохе лирического героя – мужественного, сильного духом парнишки, взрослого ребёнка, мальчика-мужчины, главы маленькой осиротевшей семьи... Я почти физически ощущаю, как с каждой строфой этого стихотворения истончается грань между жизнью и смертью, а подвиг Ваниного брата обретает истинное бессмертие.

...Бессонницу я победил (всему же приходит конец!). А на следующий день победил и мой брат. Завоевал Гран-при конкурса чтецов со стихотворением Алексея Котельникова «Ленинградский метроном» – пронзительным поэтическим произведением, через мысли юного ленинградца передавшим всю боль и надежду, трагедию и подвиг советского народа во время Великой Отечественной войны.

Источники

1. Блокада Ленинграда. Как это было. URL: <https://dzen.ru/video/watch/65a257d6b57cc722044719be?f=d2d> (дата обращения: 23.12.2024).
2. Блокадный метроном. URL: <https://yandex.ru/video/preview/13402899746525755359> (дата обращения: 23.12.2024).
3. Ленинградский метроном Детский хор Ленинградского радио. URL: <https://yandex.ru/video/preview/11835122457410429467> (дата обращения: 23.12.2024).

МУЛКАХАЙНЕН ЕКАТЕРИНА

10 класс

Наставник: Челнокова Людмила Михайловна,
учитель русского языка и литературы,

Государственное бюджетное
общеобразовательное учреждение
гимназия № 397 Кировского района
г. Санкт-Петербурга имени Г.В. Старовойтовой

Одна судьба

С благодарностью жителям деревни Сяберо,
руководителю школьного музея п. Волошово
(Лужский район, Ленинградская область)

Серый родился в то благословенное время конца весны, когда и люди, и природа живут в приподнятом настроении ожидания нового лета, нового урожая, новой жизни... Жители деревни каждое утро чуть свет начинали трудиться, выгоняя коров на поля, гремя цепями замков и уключинами вёсел, отправляясь на проверку сетей в надежде на богатый улов. К этому шуму семья Серого привыкла уже давно. Отец с матерью познакомились здесь, на этом озере, восемь лет назад, и люди, с их каждодневными заботами, а иногда и громкими ссорами, не пугали семью. Их дом – огромное, почти трёхметровое гнездо – находился в густых зарослях тростника, рядом с длинными мостками, которые заканчивались у чистой воды большого плёса, а начинались у тропинки, петляющей в береговых зарослях и поднимающейся в горку, на которой высилась деревенская церковь. Её купола вот уже четвёртое лето встречали без крестов, с тех пор как арестовали священника. Но и такая, искалеченная, старая церковь первой из всех деревенских построек встречала каждый новый день, который появлялся из-за верхушек могучего соснового бора на другом берегу небольшого болотистого залива.

В тот первый июньский день Серый, уже окрепший шустрый лебедёнок, в очередной раз сбежал от родителей. На испуганный писк запутавшегося в старой сетке птенца не только стремглав приплыли встревоженные лебеди,

но и прибежала светловолосая невысокая девушка. Она заметила шевеление в тростнике слева от мостков, прыгнула в воду и, раздвинув высокие стебли, оказалась лицом к лицу с шипящим отцом семейства:

– Тише! Тише! Я помогу! – приговаривала вполголоса Ольга – так звали девушку, – подставляя спину под удары крыльев разъярённого лебедя.

Размотав лапки птенца, Оля выскочила обратно на мостки, получив напоследок болезненный щипок от взрослой птицы:

– Всё, всё! Ухожу! Пока, Серенький, я не обижаюсь!

С тех пор девушка прибегала по несколько раз на дню на церковный берег: между дойками коровы и прополкой огорода и обязательно на закате. Именно в это время, когда солнце садилось за купола церкви, на границе света и тени любили плавать лебеди. Птенцы почти всегда сидели на спине отца. Все, кроме одного. Серый, самый большой и сильный птенец, всё время плавал около родителей. Оля стала приносить рубленую мокрицу с плющенным овсом и бросать в сторону лебедей. Вскоре именно Серенький первым попробовал угощение, а за ним и вся его семья. Так девушка стала единственным человеком, кому доверились гордые птицы. Каждый раз в такие моменты она испытывала необъяснимое щемящее чувство: бесконечная любовь к природе, своей деревне, своему дому смешивалась со страхом. Уже несколько лет односельчане, учителя педкурсов в Луге, где училась Ольга, корреспонденты поселковых газет обсуждали возможность начала войны с Германией: спорили, доказывали, убеждали в невозможности и... боялись.

И вот в полдень 22 июня прозвучало по радио, что висело на сельском клубе, сообщение о начале войны. Вся деревня была взбудоражена. Многие мужчины уже стали собирать вещи для отправки в военкомат. Молодые парни, не служившие в армии, задавались вопросом: возьмут ли их, несовершеннолетних, добровольцами на фронт.

Вечером этого дня Оля сидела на мостках у церкви и плакала. Серый плавал около её ног и не понимал, почему его не кормят. Семейство кружило поодаль. А девушка вздрагивала от слёз, понимая, что обычной жизни пришёл конец...

Лужский рубеж пал в конце августа сорок первого, и уже через несколько дней немцы были в деревне. Но солдат вермахта было всего ничего – около десяти человек. Они командовали большим отрядом бандеровцев и эстонцев. Вот это были настоящие каратели. Местные навсегда запомнили на лицах этих солдат, говорящих по-русски, то жуткое выражение ненависти и беспощадности, с которым они выволакивали на улицу сельчан-коммунистов. По их спискам, захваченным, видимо, в Волошовском сельсовете, членов

компартии было семь человек. Фашисты устроили публичную казнь... Оле казалось, что это всё происходит не здесь, не с её любимым домом – родной деревней, что вот-вот она проснётся, и кошмар развеется. Но автоматные очереди, плач детей, крики женщин, обезумевших от ужаса, не могли не быть реальностью – они разрывали сердце и рождали в нём желание сопротивляться, сопротивляться любой ценой.

Оккупанты выгнали почти всех жителей из их домов, разрешив жить в сараях со скотиной или в банях, что стояли на берегу. Молоко, яйца, овощи – практически всё забирали немцы. Спасало озеро. Жаренная на голой сковороде рыба – вот что было основной едой малых да старых. Но и тут самый крупный улов забирали, оставляя местным лишь мелочь.

А потом один из бандеровцев узнал про лебедей. Он выследил Ольгу, когда она пробиралась к церкви через болотистую протоку, знакомой тропинкой петляла через могилы сельского кладбища и спускалась к озеру. С высоты холма он увидел и девушку на мостках, и белых птиц. Автоматная очередь была неприцельной. Длилась она пару секунд, но Ольге показалось, что прошла вечность. Она увидела, как распахнул крылья отец-лебедь, словно вставая во весь рост грудью в сторону звука, пытаясь защитить птенцов, и как в то же мгновение белые перья окрасила кровь... Лебедь завалился назад, тростник не дал ему утонуть, но было понятно, что он мёртв. Выжившие птенцы с отчаянным писком бросились от отца в камыши, куда их взволнованным криком звала мать. Спрятавшаяся в кустах Ольга видела, как фашист за шею вытащил из воды убитую птицу. Слёзы ненависти не давали девушке дышать, будто это её душила рука врага.

Как оказалось, пули убили ещё двух лебедей. В выводке остался Серенький и ещё двое. Мать отвела семью на противоположный берег протоки между двумя большими плёсами озера и оттуда ещё долго звала своего любимого...

Вскоре по деревне поползли слухи о том, что появились партизаны. Они пробирались по непроходимым лесам со стороны Псковщины. Конечно, их интересовали железная дорога или штабы гитлеровцев – именно туда они совершали свои дерзкие вылазки, но хоронились они как раз в таких глухих местах, где располагались деревни, подобные Сяберу. Ушёл к партизанам и сосед Оли, Дмитрий Иванович Григорьев. Его, ветерана финской войны, на фронт не взяли из-за ранения. Благодаря Иванычу, видимо, удалось избавиться сяберцам от ставленника немцев, старосты Васьки. Нашли его с простреленной головой в окрестностях деревни.

Ольга познакомилась с партизанами, когда на лодке переправилась на другой берег навестить своих лебедей. На берегу она заметила двоих мужчин с рацией. Как оказалось, их забросили на парашютах в тыл противника для сбора информации и связи с местным отрядом партизан. Так Ольга стала помогать партизанам: пойдёт в лес за грибами-ягодами да и прихватит немного еды, а что ещё важнее – расскажет, чем занимаются немцы в деревне. А было по-разному: то тихо день проходил, то хватили какого-то жителя по подозрению в связях с партизанами и отправляли в Лугу, в комендатуру или сразу в гестапо. Поймали и Дмитрия Ивановича, когда была очередная облава в лесу. Расстреляли в Луге после многочисленных пыток. Жена и четверо детей остались в живых – помиловали изверги.

Первая военная осень заканчивалась, начинало крепко подмораживать. Озеро сопротивлялось льду, поднимая сильные волны от студёного ветра. Оперившиеся птенцы уже вовсю летали, а мать-лебедушка всё откладывала отлёт: с тоской смотрела на другой берег, где в зарослях тростника оставалось брошенное гнездо. Пролетающие стаи лебедей не отдыхали вблизи деревни, диких птиц пугал гул человеческой жизни, тем более нередкие выстрелы. Поэтому, чтобы присоединиться к одной из стай, семье пришлось улететь на другой конец озера. Ольга видела их прощальный полёт над церковью и всё махала им руками: «Улетайте, улетайте скорее отсюда!» А сама думала: будь у неё крылья, не улетела бы она, не спасалась бы одна, не смогла бы, ведь это её дом, и другого не может быть...

Зимой при свете лучины Ольга учила деревенских ребятишек читать и писать, используя старые газеты и несколько сохранившихся книг. Писали химическими карандашами. Их было целых три штуки – великая ценность! Считали на палочках хвороста или на камешках, добытых из земляного пола лодочного сарая. Это было вечерами, а днём все пытались ловить рыбу у проруби на нехитрую снасть: крючок, леска, палка да гильза с пробитой дыркой в качестве груза. Ловили на маленький кусочек теста – главное было его не съесть самим юным рыбакам. Молодая учительница следила, чтобы её ученики случайно не провалились в прорубь. И если появлялся на спуске к озеру между домами немец или, того хуже, бандеровец или эстонец – их уже отличали местные, – Ольга вставала перед ребятами, закрывая их своей щупленькой фигуркой, как будто это могло кого-то защитить.

Ольга ждала редких оттепелей, чтобы потом наступивший мороз создал прочный наст, и она легко могла по ночам добираться до партизан, не опасаясь оставленных следов. Носила им скудную еду, узнавала новости. Так она впроголодь продержалась вместе с родными до весны. Они знали,

что происходит в Ленинграде, но даже не могли представить, что их скудный обед показался бы царским пиром для жителей осаждённого города. Поэтому Ольга так стремилась помогать партизанам: они серьёзно досаждали немцам и отвлекали их силы от Ленинградского фронта.

В конце марта прилетели лебеди. Все вместе: мать и трое молодых лебедей. Большая редкость для природы. Оля увидела их первой – ходила вот уже несколько дней к церкви, ждала. Середина озера освободилась ото льда, но берега ещё были скованы ледяным панцирем. Ольга узнала Серого, и он, приветственно замахав крыльями, приблизился к мосткам, когда она сбежала с горки и позвала его. Гадкий утёнок стал белоснежным красавцем, только на шее осталось несколько серых пёрышек. Лебединая семья поселилась теперь вдали от людей, так что Ольга видела их, только если отправлялась на лодке на другой берег.

Весна и лето были полны забот и постоянного страха за жизнь близких. Уже около двадцати человек немцы увезли в Лугу для отправки в Германию, почти никто из них потом не вернулся. Кто-то погиб в пересыльном лагере, кого-то расстреляли при попытке к бегству. Большинство молодых парней из-за угрозы быть отправленными в Германию уже к тому времени сбежали к партизанам, присоединившись к шестой Ленинградской партизанской бригаде под командованием В.П. Обьедкова.

Осенью Ольга опять провожала лебедей, с тоской смотрела им вслед и почему-то чувствовала, что больше они не увидятся... Она погибла в сорок третьем, в бою у соседней деревни, когда вместе с партизанами попала в засаду.

Ольга Алексеевна Яснецкая, учительница-партизанка, – так написано на её могиле – навсегда осталась двадцатитрёхлетней девушкой, не представляющей своей жизни без родного дома. Её судьба – это судьба многих тысяч, миллионов наших граждан. О некоторых из них есть весьма скудные архивные записи, а иногда – чудом сохранившиеся рассказы очевидцев. Истории их жизни со временем забываются, уходят в безвозвратное прошлое. Упоминания деревни Сяберо, как и тысяч подобных мест, мы не найдём ни в учебниках истории, ни в документальной хронике. Не сохранились упоминания о многих их жителях. Но все они были частью той войны, они стали частью Великой Победы.

Каждую весну возвращаются лебеди в тростниковые заросли церковного берега. Первыми их встречают купола восстановленного храма. А местные жители заметили, что нет-нет, да и появится среди молодых белоснежных лебедей один с несколькими серенькими пёрышками на шее...

ПОХВАЛЕНКО КСЕНИЯ

11 класс

Наставник: Чиркова Елена Владимировна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Шаромская средняя школа»,

Камчатский край

Голоса детей войны

– Мама,
а правда, что будет
война,
и я не успею
вырасти?..

Р. Рождественский

Сегодня 9 мая. День Победы. Это «праздник со слезами на глазах». Ночью был град. А с самого утра льёт непрекращающийся хлесткий дождь. Небо закрыто тяжёлыми беспросветными тучами. Я выхожу на улицу в надежде справиться со своими мыслями, но думать получается только об одном. О той войне, что принесла столько горя, поломала судьбы, унесла столько жизней...

Крупные капли дождя сбивают только что распутившиеся на деревьях листья. Цветы, что ещё вчера радовались ласковому весеннему солнцу, теперь лежат на земле, мокрые, безжизненные. Они не успели вырасти. Видимо, ночной град уничтожил их, и они не распустились, не одарили мир своей красотой и чудесным ароматом. Я поднимаю глаза и смотрю на небо. Я вижу их. Детей, погибших во время войны. В такие моменты сердце сжимается, а на глазах появляются слёзы.

Говорят, что умершие дети становятся Ангелами... Что чувствуют души детей, погибших в годы Великой Отечественной войны, когда смотрят с неба на искалеченных детей Донбасса, на Аллею Ангелов в Донецке, на горловскую Мадонну, на страшные события, происходящие сегодня на Украине?

Прошлое оживает, воспоминания снова тревожат их, и они начинают говорить в надежде, что люди Земли услышат их...

В мае 1941 года я закончила восьмой класс средней школы в городе Бресте. Лето выдалось тёплое. Бескрайнее голубое небо, яркое солнце. Мы с подругами мечтали, строили планы на лето, болтали без умолку обо всём на свете... Мы ещё не знали, что всё это закончится. Скоро закончится.

22 июня. Четыре утра. Война. Отец... уходит. Мама плачет. Я обнимаю его в последний раз.

Наше небо, такое синее и радостное, теперь несло смерть. Немецкие самолёты. Взрывы. Мы с мамой бежим по улице. Я не узнаю свой город. Развалины. Чёрные и страшные. Повсюду огонь и ужасный удушьяющий дым. Свист и грохот. Люди лежат на земле. Убитая женщина, а рядом мёртвый малыш. Она прижимает его к себе. «Мама!» – кричу я, но мой голос заглушает взрыв... Меня больше нет. Нет моего Бреста, моей школы, моих подруг, моей семьи, моего неба, такого голубого, чистого и радостного...

Белоруссия. Брест. 1941

– Все евреи должны быть там к восьми, – слышу я сквозь сон. Мама бежит по комнате, собирает вещи, документы, а у меня закрываются глаза, я очень хочу спать...

Мы подошли к месту, где толпился народ. Дальше пропускали только по тридцать человек. Подошла наша очередь. Нам велели оставить вещи и раздеться. А потом погнали к глубокой яме. Мы подчинились, потому что тех, кто не подчинялся, били палками.

– Сыночек, родной! Только не смотри вниз. Прошу тебя, не смотри! – мама плакала и прижимала меня к себе.

– Нас убьют? Мамочка, мне страшно, я хочу домой!

– Закрой глазки. Я спою тебе колыбельную. Помнишь, как ты засыпал в своей кроватке? Представь тёплую уютную кроватку...

Спи сыночек, спи, родимый,

Я песенку спою...

Пулемётная очередь. Я открываю глаза. Мама! Мама медленно падает, я смотрю вниз. Мёртвые люди. Их много. Очень много. Я кричу. Новая очередь... Спи, сыночек, спи, родимый...

Украина. Киев. Бабий Яр. 1941

Зима. 1942 год. Мой город превратился в город теней. Люди-тени. Истощённые голодом, замерзающие от холода, с синими губами. Они говорят шёпотом. Чтобы закричать, нужны силы...

Я иду по улице. Только бы дойти! Очень холодно. Руки мёрзнут, пальцы не шевелятся. В кармане куртки у меня 125 граммов хлеба. Дома меня ждёт сестрёнка. Она болеет. Всё время просит есть. Бредит. И даже в бреду просит хлебушка: «Мамочка, дай! Дай хоть крошечку». А я молчу. Молчу, хотя внутри кричит всё. Мама умерла месяц назад.

Боже, как же холодно. В эту зиму мы сожгли всё: мебель, книги, вещи... Но ничто не спасает от этого холода, проникающего в душу. Может быть, это ощущение холода не было бы столь сильным, если бы не постоянный голод, от которого кружится голова, постоянно тошнит и снится хлеб, душистый, ароматный, с тонкой хрустящей корочкой... Вот-вот протянешь к нему руку и надкусишь... Но он пропадает, исчезает... Открываешь глаза. И снова голод. Как же хочется есть! ...

Только бы дойти! Сил совсем нет. Холодно. Падаю и проваливаюсь в темноту. Вдруг свет. Вижу маму и сестрёнку. Они улыбаются и протягивают руки. Вижу хлеб, душистый, ароматный, с тонкой хрустящей корочкой. Мама, дай! Дай хоть крошечку!

Россия. Ленинград. 1942

Январь 1942 года. Я попал в окружение. Выхода нет. Фашисты со всех сторон. Бежать некуда...

Мне было двенадцать, когда началась война. Мама погибла в 1941-м от рук немцев. Ненависть к врагу росла во мне с каждым днём, и я ушёл в лес к партизанам. Я ходил в разведку, добывал важные сведения о немцах.

Фашисты всё ближе. У меня ничего не осталось, кроме одной гранаты. Что делать? Бросить её? Но их слишком много. Поднимаю руки вверх и выхожу. Они совсем близко. Ну, давайте же, сволочи, ещё ближе! Вот так. Теперь можно! Отрываю кольцо. Сдохните, проклятые! За Победу!

Россия. Смоленская область. 1942

Весна. Март. Всё зеленеет вокруг, всё стремится к новой счастливой жизни. А нас всех загнали в колхозный сарай. С каждой минутой становится всё теснее. Запах бензина. Дым. Разгорается пламя. Люди кричат. Женщины

прижимают к себе плачущих детей. Но им нет дела до нас. Они палачи, равнодушно производящие казнь. За что? В чём виноваты мы?

Вы видели, как страдает человек, сожжённый заживо? Я видел. Мне пятнадцать лет. И я погиб вместе со 149 жителями моей деревни. Сначала загорается одежда, волосы. Потом начинает гореть кожа. Человек становится безумным от боли и страданий... Огонь. Люди горят живьём... Мне так больно... Я хочу жить!

Белоруссия. Хатынь. 1943

Я недавно родился. Мама. Материнское молоко. Теплота и нежность. Голос мамы:

– Ты мой маленький богатырь! Какой ты крепкий и славный. Люблю тебя, мой сыночек. Когда ты вырастешь, ты будешь таким же сильным и смелым, как твой отец.

Я никогда не стану сильным и смелым, как мой отец. Я никогда не вырасту... Я проживу только год. Всех жителей моего села жестоко убьют бандеровцы. Партизаны найдут меня на столе среди объедков и недопитых бутылок. Моё маленькое тельце будет прибито к столу штыком. Я буду плакать и кричать, и нелюди засунут в мой рот недоеденный огурец...

Польша. Село Паросле. 1943

Лагерь смерти. Бухенвальд. Знаете ли вы, что это значит? Знакомо ли вам это страшное слово?

Голод. Постоянный голод. Издевательства. Смерть совсем рядом. Поющие лошади. Знаете, что это? Это когда нас, детей, фашисты запрягают вместо лошадей и заставляют петь... С громким хохотом кнутом погоняют нас, и мы поём...

Любимой забавой охранников были собаки. Огромные страшные немецкие овчарки. Спускают на тебя такую собаку с надетым на пасть намордником. Громадная собака сбивает с ног, катает по земле. Охранники смеются...

– Как выйти отсюда? – спрашиваем мы у одного охранника.

– Только через трубу крематория! – со смехом отвечает он.

Труба крематория дымила постоянно. Горит человеческая жизнь. А может, я попаду туда завтра? С этой мыслью я жил с 1942 по 1945 год... Я не дожил до восстания узников и освобождения Бухенвальда. Умер от воспаления лёгких в январе 1944. Мне было четырнадцать лет.

Германия. Бухенвальд. 1944

– Люди мира! Слушайте! Слушайте сердцем! Почувствуйте нашу боль! – слышу я голоса детей войны...

Они не успели вырасти... Как те цветы, что уничтожил град, они не расцвели... Они навсегда остались маленькими Ангелами с огромной, невыносимой, невыплаканной болью, разрывающей их детские души.

Ангелы плачут. Их слёзы проливаются на землю дождём. Тогда замирает всё: стихает ветер, успокаиваются непокорные горные реки, деревья не шелестят листвой. В такие минуты люди останавливаются, смотрят на небо и понимают, что нет срока давности у детского горя, детских слёз, детских страданий, принесённых войной. Нет. И не может быть...

9 мая. День Победы. Сегодня я иду к памятнику погибшим в годы Великой Отечественной войны воинам, чтобы поблагодарить их. Поблагодарить за то, что я живу, дышу, расту. Поблагодарить за мирное небо, радостное детство и счастливую юность без войны.

Россия. Камчатка. 9 мая 2024

ПРОХОРОВА ВИКТОРИЯ

11 класс

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
ЗАО г. Североморск «Лицей № 1»,

Наставник: Бугайлишкайте Людмила
Валентиновна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 11»,
Мурманская область

Мы памятью навек обожжены

Он страшен – крик девчонок и мальчишек,
Сгоревших на пожарищах войны.
Пока мы живы, он не станет тише:
Мы памятью навек обожжены.

Е. Кузин

– Всё взяли? Ничего не забыли? У родных хорошо, а дома всё равно лучше! С Богом, семья! Поехали! – почти как Гагарин, сказал папа.

«Как же незаметно пролетели такие длинные летние каникулы. Последнее лето детства... Ну что, школа, встречай! Одиннадцатый класс... Он трудный самый...» – с улыбкой подумала я, поудобнее устраиваясь на заднем сиденье.

– Раздай интернет. Навигатор настроить надо, – обратилась ко мне мама.

В этом году она решила примерить на нас роль великих путешественников. По дороге домой, в соответствии с её планом, нам предстояло посетить много интересных мест нашей необъятной Родины. Развернув карту на случай, если вдруг папин навигатор даст сбой, она с серьёзным видом смотрела вперёд на дорогу, комментируя все дорожные знаки, будто папа сам не мог их разглядеть. Я вернулась к своим мыслям: «Милая моя мамочка, как же я буду по тебе скучать. Впереди ЕГЭ и, ура, взрослая жизнь!»

– Первая остановка в Хацуни! – снова прервала мои размышления мама. – Давно хочу там побывать, но каждый раз что-то мешает. В будущем году

Оля в институт поступает – снова не будет времени. Так что в этом году обязательно заедем!

– Хацунь? Ничего не перепутала? Хатынь знаю, только это в Белоруси, – подняв одну бровь, удивлённо переспросил отец.

– Нет, папуля. Я в интернете прочитала, что Хацунь – это первая в России деревня, которую фашисты полностью уничтожили ещё в сорок первом, задолго до Хатыни. Только, к огромному сожалению, далеко не все это знают, а следовало бы! – вмешалась я в разговор родителей.

Насупившись, отец пробормотал:

– Странно, что мы там до сих пор не были. Такие места обязательно посещать нужно. Тем более сейчас. Посмотрите, что происходит. Снова пушки загрохотали. Дома взрывают. А в Курской области что творится? Бедные люди...

– Не пропусти указатель! Смотри в оба, а то проскочим, – деловито произнесла мама.

А вот и он! Наша машина свернула с трассы, и я успела прочитать надпись на красно-чёрном фоне: «Склоните головы в память о невинных жертвах нацизма». Мама тут же выключила бодрую музыку, негромко звучащую во время нашего разговора. А вскоре всё моё семейство стояло на коричневой брусчатке мемориального комплекса «Хацунь».

– Как же здесь тихо, – оглядевшись по сторонам, сказала я, – непривычно тихо, как будто жизнь навсегда покинула это место...

– Надо же, и у меня такое чувство, – почему-то шёпотом поддержала меня мама.

– Подходите ближе, сейчас начнём. Вы как раз вовремя, – услышали мы приветливый голос экскурсовода.

Обернувшись, я увидела других посетителей музея. Недалеко от нас стояла молодая женщина с мальчиком лет семи, метрах в пяти ещё одна семья с двумя сыновьями-подростками.

– Здравствуйте! Меня зовут Лариса Евгеньевна. Мы находимся на территории мемориального комплекса, который был открыт 25 октября 2011 года благодаря удивительному человеку и великому подвижнику Евгению Петровичу Кузину и его книге «Хацунская исповедь». Восемьдесят три года назад немецкие захватчики устроили расправу над беззащитными жителями деревни Хацунь.

– А что это за домики такой необычной формы? – спросил мальчик, перебивая экскурсовода.

Ох уж эта детская непосредственность! Все обернулись, пытаясь понять, на что указывал ребёнок.

– Тише, – одёрнула его мать.

– Ничего страшного! Спрашивай, малыш. Я постараюсь ответить на все твои вопросы, – сказала Лариса Евгеньевна. – Подойдём ближе. Это стелы в виде печных труб. Довоенные крестьянские избы сгорали так, что, если бы не трубы печей, выложенных из камня, никто бы не подумал, что на этом пепелище стоял когда-то дом и в нём кипела жизнь. Избы сгорали дотла. К сожалению, Хацунь была первой, но не единственной деревней-мученицей. Вы не можете себе представить, сколько на Брянщине было сожжено деревень! И нет ни одного района, в котором не было бы убитых, замученных, покалеченных фашистами людей. Двадцать семь стел – столько районов в Брянской области. Двадцать восьмая посвящена Брянску. У каждой стелы памятная доска.

«Боже мой, какие страшные цифры», – думала я, переходя от одной стелы к другой. «Погибло... Угнаны в немецкое рабство... Сожжены...» Сердце сжалось от боли. Я знала, что много людей полегло в той ужасной войне, но, когда ты видишь последствия страшного события своими глазами, возникают совсем другие чувства. У меня закружилась голова, я стиснула онемевшими пальцами мамину руку.

– Тише, Оленька, ну что ты... – услышала я её сдавленный голос.

– Справа от стел располагается братское захоронение мирных жителей этой деревушки и беженцев. К осени сорок первого года почти вся Брянская область была оккупирована немцами. Брянск сильно бомбили. Вот и стали люди искать укрытие в деревнях, раскиданных среди брянских лесов. Местные жители были очень добры к людям, потерявшим кров. Никому в тепле домашнем не отказывали и делились всем чем могли. Хацунь – крохотная деревенька. До войны там всего двенадцать домов насчитывалось, местных жителей было около шестидесяти, а вот беженцев не счесть.

25 октября на рассвете в деревню пришли три карательных отряда. Всех жителей согнали на окраину деревни, выстроили возле дорожной канавы, прямо на этом месте, где мы сейчас стоим с вами, и из автоматов и пулемётов открыли огонь. Тех, кого пуля сразу не взяла, добивали штыками и прикладами... 318 невинных душ: старики, женщины, дети...

– А за что их так? – дрожащим голосом спросил всё тот же мальчишка.

– Накануне в деревню из окружения вышли несколько красноармейцев. Жители показали, где можно переночевать. Немцев все боялись, но не помочь своим не могли. Бойцы долго отсиживаться не стали. Уходя из деревни, наткнулись на немецкий патруль. Трёх врагов уничтожили, а другим удалось скрыться. Они-то и доложили о случившемся. Никто не предполагал, какой страшной трагедией для всей деревни это обернётся. На следующий же день

пришли немецкие каратели. Сто русских казнить за каждого убитого немца – такой приказ был у них. А где же в небольшой деревушке столько взрослых найти, вот и решили детей, как они сами сказали, «из милости» вместе со всеми расстрелять, потому что дети без взрослых всё равно обречены. Так пусть же не мучаются.

Я стиснула зубы, но сдерживать слёзы уже не получалось! Неужели такое возможно? Вот так запросто можно убить беззащитных людей?

– На красном граните вы видите чёрные плиты с именами погибших, тех, кого смогли опознать, – голос Ларисы Евгеньевны дрогнул.

Я подумала о том, сколько же раз она рассказывает о трагедии Хацуни и всё равно не может сдерживать волнения. Как же нам повезло с экскурсоводом! Тем временем она подвела нашу небольшую группу к скульптурной композиции. Я увидела перед собой не холодную каменную фигуру старика, а живого человека, закрывающего собой, может быть, дочь или просто соседку с прижавшимся к её ногам ребёнком. Я увидела страдающую мать, которая бессильна спасти своего ребёнка от направленных на них штыков. Не в силах смотреть на эту трагедию, я перевела взгляд и увидела мальчишек-подростков. По их лицам я поняла, что они взволнованы не меньше меня. Неожиданно мой взгляд упал на их сжатые кулаки. Ярость, негодование кипели в сердцах моих случайных знакомых!

А потом был музей! С увеличенных фотографий, сделанных немецкими солдатами, на меня смотрели мальчишки и девчонки, у которых война отобрала дом, родителей. Война отобрала у них детство! Сколько же боли, отчаяния, горя в этих снимках! Зачем это нужно было фашистам? Зачем фотографировать несчастных советских детей, стариков, женщин? Для потехи? Или, может быть, показать, какие они завоеватели? Тогда они ещё не знали, чем закончится их «героический» поход!

Главный экспонат музея – карта сожжённых брянских деревень, на которой кострами отмечено более тысячи населённых пунктов. Отступая, фашисты с точностью соблюдали приказ, отданный им немецким командованием: сжечь всё дотла, оставить после себя мёртвую зону...

А вот детская люлька. В такой колыбельке спала крохотная Ниночка Кондрашова, когда в её дом ввалились немецкие изверги. Шестимесячная малышка испугалась, стала плакать. Ребёнка успокоили... Штыком... Я смотрю на эту маленькую кукольную кроватку... Нет, я не могу себе представить эту кроху! За что? Чем провинилась малышка? Больше я не могла себя сдерживать. Слёзы ручьём катились по моим щекам.

Совершенно раздавленная от всего увиденного, я подошла к витрине, где находились личные вещи немецких карателей и документы того

времени. Вот он, Карл фон Овен. Это он был одним из тех, кто отдал приказ о расстреле мирных жителей многострадальной деревни Хацунь. Это он написал на рапорте немецкого командира о расстреле мирного населения: «Я одобряю поведение 1-го отряда». Я не понимаю, как мог жить человек, сотворивший столько бед, погубивший столько жизней. Как живётся его семье? Знают ли его дети, внуки о том, что он совершил? На немецком ремне, на пряжке, надпись: “Gott mit uns”, – что означает «С нами Бог». Невозможно себе представить верующих людей, устроивших такое. Людей, которые на глазах шестидесяти малышей в возрасте от двух до десяти лет расстреливали их близких, а раненых добивали штыками, стараясь повыше поднять пронзённые тела. Карл фон Овен умер в 1974 году, так и не ответив за свои злодеяния здесь, на земле, но я верю, что Бог видит всё, Бог не с ними, он с нами. Бог не может быть на стороне насилия и жестокости. Этому никогда не бывать!

Остаток экскурсии для меня был как в тумане. Все посетители выходили из музея молча, с красными от слёз глазами. Даже мальчишка, который в начале экскурсии так отвлекал Ларису Евгеньевну своими вопросами, опустил голову и, крепко держа маму за руку, понуро брёл, не произнося ни слова.

На выходе папа ударил в колокол звонницы, обустроенной прямо на фасаде здания, чтобы почтить память всех невинно убитых в тот страшный день и всех, кто ощутил на себе весь ужас геноцида нашего народа. Мы с мамой не смогли... Не хватило сил. Мы медленно пошли к небольшой белой часовне и тут снова услышали детский голос, который как будто вывел нас из оцепенения:

- Смотри, мама, золотые капельки на крыше.
- Это не капельки, сынок, это слёзы. Это мир плачет по всем погибшим на войне...

Поставив свечи за всех воинов, которые защищали Родину тогда, и за тех, кто защищает нас сейчас, оберегая от фашистов в новом обличье, мы поблагодарили экскурсовода и направились к машине. Я ещё раз обернулась назад. На красно-оранжевой стене музея увидела клин из двадцати восьми журавлей, устремлённых ввысь. «Это души погибших поднимаются в небо, скинув с себя земные оковы», – мелькнуло у меня в голове.

Сев в машину, папа молча завёл двигатель. Нужно было время, чтобы всем нам прийти в себя. В этот момент на парковку заехал экскурсионный автобус с ребятами моего возраста. Нет! Никто и никогда нас не победит, пока у нас есть место силы! И не одно! Мы памятью навек обожжены. Я вспомнила сжатые кулаки мальчишек и улыбнулась. А рядом шелестел листвою суровый брянский лес, молчаливый свидетель хацунской трагедии.

СВИЖЕНКО АНАСТАСИЯ

10 класс

Наставник: Грошева Галина Сергеевна,
учитель русского языка и литературы,
Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 4,
г. Морозовск, Ростовская область

Видения у обелиска

Мне кажется, проживи я ещё сто лет,
и тогда мне этого не забыть.

П. Лебеденко

Первое сентября. Грустная дата в истории Морозовска, маленького городка в донской степи. Его чёрный день.

Я стою у песчаного карьера, на месте казни земляков во время Великой Отечественной войны. Сейчас здесь – мемориал. Символ крепости и стойкости морозовчан. Свидетельство фашистских злодеяний.

Высоко надо мной – ласковое солнце, нежная просинь да белые барашки облаков. Там мир и покой, счастье, радость и блаженство. Там нет ни лишений, ни бед, ни невзгод. А тут, внизу, где лилась людская кровь и песок становился красным, веет горем и тяжёлой утратой. Тут всё напоминает о страшной трагедии: и братская могила, и обелиск, и высеченные на нём слова: «Жертвам фашизма».

Долго и неотрывно смотрю на надпись. Читаю, перечитываю, думаю, что же происходило здесь во время гитлеровской оккупации. «И воскресают, словно сон, былые времена». Встают передо мной события и люди, мелькают, проносятся и исчезают. Настолько чёткие и реальные, что невольно вздрагиваю.

Половина десятого. На улице совсем стемнело, в небе затеплились звёзды. А семья Кременчугских всё ещё за столом. Теперь, когда детей уложили спать, можно говорить не опасаясь. Иосиф Игнатьевич с грустью сообщает последние новости: немцы вырубили городской сквер и на его месте

устроили свои окопы и блиндажи, дотла сожгли дом, где в Гражданскую войну был штаб К.Е. Ворошилова, арестовали уже многих евреев, начались массовые расстрелы.

Мария Антоновна, понимавшая мужа с полуслова, слушает молча, но как-то сразу осунулась и помрачнела. А старшая дочь нервно кусает губы и, не выдержав, встревоженно замечает:

– Ну разве можно так себя изводить? Не переживай, папа, не волнуйся! Избежим мы ареста. Мама русская. А из тебя какой еврей, если ты даже языка еврейского не знаешь? Помяни моё слово: всё обойдётся. Дождёмся победы!

– Я не за себя опасаюсь, – тяжело вздыхает Иосиф Игнатьевич. – Душа болит, что люди гибнут... С тобою-то что будет? Муж на фронте, ребёнок грудной на руках. Да и сестра совсем молоденькая. Вам бы жить всласть, радоваться, любить! А тут война, фашисты нагрянули, горе вошло в каждый дом...

Он замолкает на мгновение, а потом неторопливо достаёт из кармана пиджака аккуратно сложенный лист бумаги.

– Это очередной приказ районного головы, сегодня развесили, – поясняет Иосиф Игнатьевич и начинает читать:

– «По приказу германского командования довожу до граждан города Морозовска нижеследующее:

1. Все евреи должны немедленно зарегистрироваться у начальника полиции.

2. Гражданам, имеющим огнестрельное и холодное оружие, приказываю сдать в германскую комендатуру. Предупреждаю, что начиная с 26 августа 1942 года лица, у которых будет найдено оружие или амуниция, будут немедленно расстреляны...»

Не успел он закончить фразу, как во дворе залаяли собаки, а затем раздался оглушительный стук. В окна и двери барабанили чем-то тяжёлым. Кажется, ещё минута – и от ударов вылетят стёкла. Проснулись и заплакали дети. Мария Антоновна слегка побледнела.

– Так я себе это и представлял. А ты говоришь, что беда пройдёт мимо, – горько улыбнувшись, роняет Иосиф Игнатьевич и открывает засов.

В комнату врываются гестаповцы.

– Доктор Кременчугский? Собирайтесь! Мигом, айн момент! Женщины, дети – тоже! Все! Вещи с собой не брать! Вам уже ничего не понадобится, – кричит офицер, размахивая пистолетом.

Мне становится не по себе. Страх заполняет каждую клеточку тела. Зажимаю ладонями уши, крепко смыкаю веки. Но внутренний голос настойчиво

шепчет: «Держись! Не робей! Ты должна знать, что приносит война! Должна! Так смотри! До конца!» И я открываю глаза.

Подвал размером девять на четыре с половиной метра, душный, сырой, полутёмный. На старой гнилой соломе ютятся избитые и измученные люди. Человек двадцать пять. Повсюду кровь: на полу, на стенах, на одежде.

Сюда же бросают и Кременчугского с женой, дочерьми и внуками.

– Ну, здравствуйте, коллега, – неожиданно раздаётся за спиной доктора. – И с вами беда?

Оглянувшись на голос, Иосиф Игнатьевич присматривается. Перед ним мужчина, совсем седой, с ввалившимися глазами, кровоподтёками на опухшем от побоев лице.

– Никак Ястребов... Александр Михайлович, – неуверенно произносит Кременчугский, с трудом узнавая человека, с кем бок о бок трудился в поликлинике и кого уважал весь город. – Мать Божья! Как они вас! За что?

– Отказался работать в немецком госпитале, не стал лечить фашистов. А вот Николая Крицкого арестовали за то, что спрятал и не выдал врагу народные деньги. Владимир Анпилогов – стахановец, лучший машинист в депо. Это привело немцев в ярость, и теперь он здесь. Гавриил Пастухов «виноват», что проводил подписку на займы, инженер Кужелев – что получил образование при советской власти. Трофима Каминского схватили потому, что не согласился руководить мастерскими и ответил, что он не предатель. Тимофея Кравченко – что его сын, капитан Красной Армии, на фронте воюет. Ну а Моисей Иоффе – еврей, Тихон Звездин – коммунист... Был бы человек, а повод для ареста найдут. Придумают... Каждому свой... Потом вот эта камера, где гестаповцы избивают арестованных... Часто и сильно... Бьют дубинками, шомполами, прикладами... Бьют за молчание, за стон, за угрюмый взгляд...

Рассказывал Ястребов медленно, с трудом. Ему не хватало воздуха. А на бледном виске дёргалась жилка, причиняя острую боль, оттого он ежеминутно морщился. Но дотерпел, поведал обо всём, что пережил, чему был свидетель.

А Кременчугский, потрясённый услышанным, сидел не в силах что-то произнести. Он хотел отыскать слова, чтобы утешить и поддержать, но они куда-то исчезли, пропали бесследно и не приходили на ум. Зато ненависть к врагу, лютая, непримиримая, жгучая, была на виду. Её трудно спрятать от чужих глаз подальше. Да Иосиф Игнатьевич и не пытался это сделать.

Доктор прекрасно понимал, что и его ждут истязания, но знал, что выдержит, выстоит. Чего бы это ни стоило! Беспокоился лишь за семью.

На какое-то мгновение он ушёл в себя, и только лёгкое прикосновение к плечу вернуло его из раздумий.

– Они же что придумали, изверги, – чуть успокоившись, продолжил свой рассказ Ястребов. – Патроны экономят, малышам язык и губы ядом мажут...

Иосиф Игнатьевич содрогнулся от ужаса. Лицо покрылось смертельной бледностью.

– Да разве возможно такое? Много жертв приносит война. Больно, когда гибнут взрослые. Но в сотни раз больнее, когда убивают детей. Они не жили ещё, как же умирать? Это жестоко! И придумал такое не человек, а кроваж- жадное и злое чудовище, – рассуждал доктор.

А у меня мучительно стучит в висках, мороз по коже пробирает, но мысли по-прежнему рвутся в подвал. Тот давний день не отпускает, обступает со всех сторон. И пристально, почти в упор глядят на меня невольники, будто просят: «Запомни!» И я впускаю в своё сердце их муки и страдания.

Арестованных в камере набилось уже так много, что лежать и сидеть невозможно. Все вынуждены стоять, плотно прижавшись друг к другу. Люди задыхаются. В голос плачут дети. Какая-то женщина бьётся в истерике. Мужчины крепятся, но страшно смотреть на их лица. А немцы, стоящие в охране, с восторгом смакуют подробности предстоящей казни. И тогда Кременчугский громко, чтобы его услышали, произносит:

– Братья евреи! Выпала нам судьба принять смерть от рук фашистов. Так давайте умрём с честью. Не доставим радости врагу! Пусть они не увидят наших слёз, не услышат наших стонов. Пусть палачи знают: мы не боимся их!

И его поняли. Все. И стар и млад. Ни всхлипов, ни рыданий, ни слов, чтобы выразить, о чём каждый думал. Даже время будто остановилось, пугаясь рассвета и того, что он принесёт.

...Мне хочется забыться, отвлечься, но ничего не выходит. Стоят рядом люди из прошлого, стоят ещё живые, только протяни руку – дотронешься... Даже слышно дыхание их, голоса...

И я буквально впиваюсь глазами в происходящее, гляжу, стиснув зубы. Чтобы не упустить главное. Чтобы не забыть! Чтобы запомнить! Навсегда, до самого последнего вздоха!

Полицейское управление на Кировской. Шум, толчея, громкая ругань. Узников выводят во двор. Кременчугский и Ястребов – первые, плечом к плечу. На лицах – ни тени страха. Не пали духом! Не сломались! Следом, шатаясь, как былинки на ветру, – заведующая здравотделом Беланова. Иску- давшая, бледная, но с гордо поднятой головой. За ней – семеро ребяташек, семь чистых и безгрешных ангелочков, что явились в комендатуру в поисках родителей, а их бросили в подвал. Как они, бедные, кричали, как плакали!

И Елена Андреевна приласкала, утешила по-матерински. Малыши теперь от неё ни на шаг. Даже на казнь вместе, семянт босыми ножками, не отстают. А позади опять взрослые: бухгалтер Яков Львович, начальник ремонтной бригады Виктор Дохленко, председатель сельпо Нефёд Глушко, слесарь Иосиф Коган, рабочая ремзавода Монастырская с тремя детьми, кузнец Иван Савченко...

Арестованных помещают в три грузовика с крытыми кузовами. Боясь побегов, до зубов вооружённая охрана садится в переполненные машины. Везут к месту казни через весь город, по улицам Подтелковской, Подгорной, Кирпично-Мостовой, будто дают возможность в последний раз увидеть родные места. Пусть даже и сквозь щели в брезенте.

Останавливаются у песчаного карьера, а потом... Потом происходит то, что нигде в мире не должно повториться... Никогда...

Обречённых ставят на край обрыва и стреляют, стреляют... Расчётливо... Метко... И падают убитые вниз, чтобы остаться там навеки. И летит им вслед жёлтое сыпучее одеяло...

У меня ноет сердце. Но я не думаю об этом: смотрю туда, только туда, где ровно 82 года назад фашисты казнили стариков, женщин, детей...

А высоко в небе всё так же ярко светит солнце, плывут белоснежные облака, поют, заливаются птицы. Там жизнь бьёт ключом. И только здесь, у обелиска, тишина. Исчезли видения, замерло всё. Один лишь песок негромко шуршит. Сыплется и шуршит... Как тогда... К памяти вечной взывает...

P.S.

1 сентября 1942 года в песчаном карьере на окраине Морозовска фашисты зверски расстреляли 73 человека. Чудом спаслась только Мария Кременчугская с дочерьми и внуками. А всего за шесть месяцев немецкой оккупации казнено около полутора тысяч мирных граждан.

Источники

1. Акт о массовых расстрелах мирного населения немецко-фашистскими захватчиками в г. Морозовске. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/369618> (дата обращения: 20.11.2024).
2. *Василенько П.В.* 1942: преступления без срока давности. Ростов н/Д.: Альтаир, 2022. 252 с.
3. *Чернов Е.* Что творили фашистские палачи в Морозовском // Красная звезда. № 13. 16 января 1943 года. URL: <https://ognev.livejournal.com/73578.html> (дата обращения: 20.11.2024).
4. *Эренбург И.Г.* Война. (Очерки 1941–1945) Народоубийцы. URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/185.html (дата обращения: 20.11.2024).

ХАРИТОНОВА ВИКТОРИЯ

11 класс

Наставник: Шипковская Марина Викторовна,
учитель истории,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Староторопская средняя
общеобразовательная школа»,

Тверская область

Крик памяти

Если прямо сейчас замолчать и послушать
То, возможно, сквозь шелест зелёных ветвей,
Мы услышим, как плачут ушедшие души
В небеса из сгоревших в войну деревень.

Ирина Яненсон. «В память о сгоревших деревнях»

Что остаётся после человека? Печальное тире между двух дат на памятнике? А если нет даже этого тире? Нет даже даты рождения? Только надпись: «Здесь похоронены дети из деревни Ключёк, расстрелянные фашистами 19 октября 1941 года». И только список: Колосова Наташа, 19 лет, Колосова Аня, 16 лет, Колосов Коля, 10 лет, Колосов Ваня, 7 лет, Ильина Люба, 2 года 8 месяцев. Памятник этот я увидела случайно, гуляя по молодой осиновой роще. Вдруг, огибая очередную осинку, вышла на небольшую полянку и наткнулась на эту надпись. Короткие, как выстрелы, слова. А вокруг только деревья, только лес. Внимательно оглядывая полянку, вижу что-то похожее на фундамент небольшого дома, дальше – яблони, сливы и ещё заросшие молодыми осинками фундаменты. Позже мне скажут, что это всё, что осталось от деревни с таким ласковым названием «Ключёк». Никогда о ней не слышала. А вот дата – 19 октября 1941 года знакома... Её видно на памятнике жертвам карателей на въезде в деревню Селяне нашего района: полуобгоревший остов избы, печь, печально смотрящая трубой в небо, и дата, напоминающая, что нет ничего горше, чем жить в оккупации. В нашем районе за четыре октябрьских дня 1941 года фашисты убили 512 жителей в 14 деревнях. Попробую восстановить историю тех дней.

На нашу многострадальную западновинскую землю первые фашистские бомбы были сброшены уже 10 июля 1941 года. В тот день от них погибли 13 человек. Среди них – дети, которые пытались спрятаться между грядками в огороде, многодетные матери. Авианалёты повторялись всё чаще, разрушая дома, предприятия, унося жизни мирного населения. Река Западная Двина до конца сентября для агрессоров была почти непреодолимой преградой. Нашим бойцам удавалось приостановить наступление хорошо вооружённого, уверенного в скорой победе противника. Но 7 октября 1941 года всё же пришлось оставить наш район захватчикам. Оккупация длилась 107 дней. Что за это время пришлось пережить моим землякам – страшно даже представить! Читаю архивные справки, и буквы расплываются от подступающих слёз, пересыхает горло.

Начиналось с того, что с любого двора могли забрать скот, отобрать у людей еду и одежду. И казнили сначала только коммунистов, председателей и тех, кого подозревали в помощи партизанам, но скоро в злобе и ненависти начали убивать стариков, женщин и детей. Так 22 сентября 1941 года возле деревни Семёновское была устроена показательная казнь. Коммуниста Ефрема Виноградова, бывшего директора колхоза «Семёновское», схватили, сфотографировали и повели к сосне. Всех жителей этой деревни согнали к месту казни. На Ефрема накинута петля, сделанная из провода. Он долго, более трёх часов, мучился, качаясь, стучась о ствол сосны. И односельчане, стоявшие вокруг, ничем не могли помочь. Того, кто отворачивал взгляд или хотел уйти, избивали и заставляли смотреть. Снять тело фашисты не позволили. Потом оккупанты пошли по домам. Всё, что можно было забрать из еды, забрали, обрекая жителей на голодную смерть. Грузовик был заполнен. Но стемнело, и фашисты решили остаться до утра. Утром нашли пустой грузовик в нашей речке Торопа, а немцы пропали. До сих пор неясно, была ли это работа партизан или это сделали сами местные жители. А спустя пару недель в деревню явился карательный отряд СС, вооружённый автоматами, в количестве 50 человек. Рыскали по деревне, осмотрели всё вокруг, никаких следов. Возможно, так бы и уехали. Но осень есть осень... Пошёл дождь. И один из карателей, проходя мимо навозной кучи, заметил отмытый дождём каблук немецкого сапога. Заставили разгрести навоз и увидели пропавших фашистов, заколотых вилами. Остервенело сгоняли каратели местных жителей, подгоняя прикладами, к этой куче, требовали выдать партизан, но люди молчали. И тогда был зачитан приказ, что за это преступление наказанием станет уничтожение деревень вместе с жителями. Были выбраны четыре близлежащие деревни: Семёновское, Сувидово, Селяне и Страмоусово. Все на «с», как были номера у немецкого грузовика.

19 октября 1941 года рано утром деревню Селяне озарили языки пламени. Жители в ужасе выбегали, не успев одеться, и босиком по выпавшему ночью снегу бежали к лесу, но каратели стреляли почти без промаха. Те, кто смог спастись, пробирались к соседней деревне Семёновское, но застали и её полыхающей в огне. В этой деревне 19 октября расстреляли, сожгли и замучили до 180 человек – женщин, детей, стариков. Там перед поджогом эсэсовцы врываются в дома и расстреливали целые семьи. Картину расправы над жителями удалось узнать благодаря единственному уцелевшему мальчику этой деревни. Когда каратели начали стрелять по его братьям и сёстрам, он залез в горячую печку, просидел там, а потом успел выскочить до пожара и зарыться в стог сена. К счастью, стог не загорелся. И вылез он только тогда, когда услышал женский плач. Это вернулась его соседка, у которой было пять детей. Она зачем-то пошла к родственникам в другую деревню и там заночевала, а вернулась уже к пепелищу. Ни детей, ни дома... В деревне Сувидово не выжил никто. Ещё задолго до рассвета всех жителей согнали в сарай и сожгли. А дома загорелись уже позже. Так же были уничтожены все жители деревни Страмоусово. Рано утром, когда люди ещё спали, фашисты с овчарками и винтовками подходили к каждому дому, подпирали, обливали горючим и поджигали. Спастись не удалось никому. Больше всего поражает, что на фоне людского горя, по воспоминаниям уцелевших жителей Селян и мальчика из Семёновского, был слышен хохот фашистов. Даже не смех, а именно хохот. С хохотом перемещаясь из деревни в деревню они по пути подожгли и Ключёк. В этой деревне оставались только дети. Всё взрослое население, включая стариков, было угнано на работу в Германию. Самой старшей оставалась девятнадцатилетняя Колосова Наташа. Она только вернулась домой из Торопца, где училась. Когда эсэсовцы начали поджигать дома, Наташа пыталась им помешать. Рядом стояли её младшие сестрёнка и братишки. Двухлетняя соседская девочка Люба обнимала Наташу за шею. Но фашистов сопротивление русской девушки и слёзы детей только раззадорили. Направили они на детей оружие, и раздалась автоматная очередь. По воспоминаниям девятилетней Ольги Васильевны Арбузовой, Наташа, когда увидела смотрящие на них стволы автоматов, хотела спрятать, закрыть собой детей, но выстрелы были точны, и как подкошенные упали братишки. Следующая очередь – и рядом упала сестра. Наташа с криком и рыданиями опустилась на колени перед телами родных, прижимая к себе Любу, закрывая от фашистов, но одиночный выстрел в голову маленькой девочки прервал и её жизнь. А после этого была убита и сама Наташа. Только через несколько дней партизаны появились в этой деревне, нашли

перепуганную Олю, которая и рассказала, что произошло 19 октября. Детей из семьи Колосовых и Ильину Любу партизаны похоронили на месте гибели. Поставили табличку. Не знала Оля ни дат рождения, ни отчества, только приблизительно возраст. Вот он теперь на памятнике и есть. И есть дата гибели – одна на всех. Конечно, можно понять, что не вернулась мать из Германии, наверняка погибла или от голода, или от непосильной работы, погиб на фронте отец, иначе, вернувшись, они бы установили другой памятник, где были бы обе даты.

В тот день погибло более 300 мирных жителей. И это было только начало. 20 октября каратели продолжили свои зверства. 50 фашистов на мотоциклах и велосипедах въехали в деревню Кокорево, и десять домов поглотило пламя, расстреляно девять мужчин из тех, что застали дома. Уже поздним вечером этого же дня этот отряд ворвался в деревню Овинище. Темнело. Жители, видя до этого поднимающийся с разных сторон за лесом дым, понимали, что и их не ждёт ничего хорошего. Но уйти они не сумели. И притаились, притихли, а бедные животные таиться не могли: собаки подняли лай, замычали уцелевшие коровы. Всё это слилось с весёлым смехом и криками фашистов. Понимая, что люди здесь есть, живой цепью они окружили деревню. Никто из жителей не подавал признаков жизни, ни в одном доме не топились печи, не горели свечи, но никто и не спал. Эта ночь показалась им годом. В восемь утра 21 октября из каждого дома всех до одного выгнали, как объявили гитлеровцы, на собрание. 68 человек были собраны у колхозной канцелярии. Старики, женщины, дети стояли молча, ждали. Начальник отряда дал залп из нагана и сказал коротко: «Хаты ваши сожжём, а вас расстреляем за приют партизан». Первую избу пыталась отстоять хозяйка, многодетная мать, не давая поджечь, но фашисты, схватив её за руки, отрубили ей голову и бросили в огонь. На какое-то мгновение все оцепенели, в звенящей тишине послышался треск занимавшихся пламенем домов. Каратели разделились на две группы: одни поджигали избы, а другие – расстреливали. Крики, стоны, плач – всё смешивалось в единый с пламенем гул. От горящих построек обдавало жаром, клубы дыма поднимались высоко вверх и были далеко видны, а стоны предвещали недоброе соседним деревням. Жители деревни Ивановское поняли, что они следующие. Женщины и дети стали закапывать имущество в землю, хотели уйти в лес, но не успели. Каратели ворвались в деревню и криками, больше похожими на рёв: «Вернитесь, а то убьём!» – заставили повернуть назад. Увидели на ногах семидесятилетнего Беляева Артемия Ильича хорошие валенки, потребовали снять, но старик отказался. И его застрелили. За валенки. За отказ подчиниться. Один из карателей, улыбаясь, стянул

с убитого валенки, пощёлкал, довольный, языком и натянул их на свои ноги. Стало понятно, что жизнь нашего населения фашисты ценят куда меньше, чем вещи. Потрясённых произошедшим жителей эсэсовцы стали разгонять в разные стороны. Сразу отобрали мальчиков, самому младшему было восемь лет, выстроили напротив матерей и сказали: «Матки, вы идите домой, деревню вашу жечь не будем, а детей ваших расстреляем». И слышалось щёлканье автоматов. У матерей подкосились ноги. Одна из них со слезами рассказала: «Такой молодняк лёг. У меня убили мужа семидесяти трёх лет, троих внуков и зятя». Выжили только 26 женщин и девочек. Дальше эти фашисты на 20 минут завернули в деревню Заборицы. Увидев карателей, жители побежали в лес, их обстреливали, многих убили. Яковлева Наталья Фёдоровна с тремя односельчанками спрятались в топкой от грязи канаве и слышали, как карательный отряд проезжал мимо них, «громко смеясь и радуясь своим проделкам».

Ранним утром 22 октября эти фашисты окружили деревню Лаврово и стали собирать жителей на собрание; тех, кто отговаривался, выгоняли, избивая, и сразу же поджигали дома. Одна из жительниц не давала поджечь свой дом, так каратели живой бросили её в огонь. 34 жителя были выстроены в два ряда. Ряд мужчин, напротив – женщины. На русском языке немецкий офицер сказал: «Матки, ваши мужчины будут расстреляны как партизаны, а деревню сожжём», – и дал выстрел из нагана вверх. Это стало командой для начала уничтожения людей. В живых осталось 12 человек. В деревне Щиборово расстреляли всех мужчин, а затем сожгли деревню. А ещё деревни Карпани, Белица, Фатеево – 14 деревень только за четыре октябрьских дня. Более полутысячи жителей... И это только небольшая часть нашего района. К этому моменту и город Западная Двина, и мой родной посёлок Старая Торопа были в руинах. Станция разрушена. В лагере для военнопленных, который фашисты устроили рядом со станцией, уже убиты более 150 красноармейцев. А до конца войны оставалось ещё больше трёх лет.

И многие из перечисленных деревень после войны не возродились. Слишком тяжела и горька оказалась память. А надо ли помнить ужасы, которые нас, современных детей, не коснулись? У нас счастливое детство, родители рядом, мирное небо. Но вспоминаю плиту с именами детей семьи Колосовых, Ильиной Любы и думаю, а что они оставили после себя? Память. Память об их прерванном детстве кричит, что нужно ценить мир, нужно знать о жертвах войны. Мы должны помнить о зверствах фашистов, о том, что в памятке фашистского солдата были такие слова: «Нет нервов, сердца, жалости – ты сделан из немецкого железа.

Уничтожь в себе жалость, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик». И они убивали, убивали даже детей. А ведь ещё Дитрих Боннёффер, немецкий пастор, сказал, что нравственность общества определяется его отношением к детям. И в действиях карателей мы видим всю убийственную, бесчеловечную сущность фашизма. Мы стали слишком беззаботны, забывчивы. Надеемся, что зло фашизма навеки погребено под тяжестью слоёв убитых на фронтах войны, заживо сожжённых, расстрелянных в советских деревнях, «непродуктивной» части Лодзинского гетто, где только за одну сентябрьскую неделю 1942 года нацисты убили от 10 до 15 тысяч детей... Но когда кровавые уроки истории теряются во мраке забвения, то зло возвращается. Фашизм возродился. Погибшие жители Белгорода, замученные в Курской области пенсионеры, пострадавшие мирные жители нашей, российской, земли, напуганные дети, герои СВО... Они не могут судить, но они могут обвинять за прерванное детство, за смерть родных, за то, что пришлось столкнуться с ужасом фашизма.

История напоминает, что в борьбе с фашизмом в сороковые годы мы выстояли благодаря единству. Как бы ни было страшно, но помогали партизанам, нашим бойцам, прятали их, рискуя жизнью, тыл работал на фронт, вся страна тогда была единым фронтом. Может, и теперь пришло время осознать, что победа в борьбе с неонацистами возможна только при нашем единстве? Иначе таких памятников, как у детей Колосовых, в России станет больше.

ШАШКИН АНДРЕЙ

11 класс

Наставник: Антипова Людмила Сергеевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное казённое общеобразовательное
учреждение

«Лисянская общеобразовательная школа»,

Воронежская область

Вопрос без ответа

Август 1942 года, СССР, Воронежская область, село Лиски.

Я спрашивал себя: почему тогда я отпустил этих двух русских девочек? И не находил ответа. Ну, почему, почему, Йожеф? Почему ты так поступил, ведь это стоило тебе жизни?! Единственной, между прочим, жизни. Не знаю. Может, потому, что они напомнили мне, что я – отец?..

Я, *Йожеф Танасе*, рождённый 1 марта 1900 года в местечке под названием *Тихань*, что привольно раскинулось на песчаном берегу величественного Дуная.

Ах, Тихань! Ты душа моя и боль моя! Сколько раз, просыпаясь в этой богом покинутой советской стране, сумевшей занять одну шестую часть планеты, я грыз свой китель, кишевший отвратительными вшами, и молил, молил перенести меня домой!.. Когда я с «Манлихером» в руках штурмовал паровозостроительный завод города Ворошиловград, то представлял себе, что пытаюсь взобраться на гору Матра, с вершины которой мы с семьёй, счастливые, окрылённые, встречали рассвет...

Ах, Тихань! Золото солнца ласкает виноградную лозу, налитую внешним соком. Рядом жена моя Мария, откинув тяжёлые косы за спину, проворно отсекает молодые побеги винограда, а я любуюсь свежестью её лица и тихим счастьем, разлитым во всей её женской красе... Вот в развевающемся цветастом платице, с корзинкою в руках бежит восьмилетняя моя дочка Каталина. Ну, конечно, она несёт нам завтрак – *покачу*.

«Папа», «мама», «дом», «семья» – какие сладкие, нежные слова! Какое счастье слышать вас, произносить вас во весь голос! А теперь я изо дня

в день слышу и произношу другие слова: «вперёд», «атака», «блокпост», «Гитлер», «война»...

Хотел ли я, простой работяга, сын рыбака и швеи, гражданин Венгрии, воевать на стороне немцев? Хотел ли я просто воевать? Ехать через всю Европу, разбитую немецкой армией, обескровленную и обезволенную? Конечно, нет. Я не хотел, не хотел, тысячу раз не хотел!!! Так отчего же, Йожеф, ты там? Отчего ты, по пояс провалившись в болото, чутко всматриваешься в непроглядную русскую ночь? Отчего вздрагиваешь при слове «*Partisanen!*» и до боли, до хруста пальцев стискиваешь свой автомат?..

Мне сразу же, с первого взгляда, не понравилась эта страна. Холод. Грязь. Вой сирен. Вонь трупов. Советский Союз показался мне необъятно большим и бесконечным, так что я постоянно опускал голову, пытаюсь сжаться в комок, как испуганный ребёнок. И только грозный окрик старшего лейтенанта Ковача заставлял меня выпрямиться и идти дальше.

А шли мы долго. Постоянно. Мы шли и шли, лишь изредка делая передышки. Мой 7-й армейский корпус занимался «зачисткой», казалось бы, бескрайней территории, примыкавшей к реке Дон. Река эта ничем не походила на Дунай, но, когда я первый раз каской зачерпнул из неё водицы, мне на минуту показалось, что я слышу, как весело бьёт хвостом по поверхности озера Балатон увёртливый *фогаш*, а сочные стебли камыша тихо качаются на ветру...

Русские сёла и деревеньки мелькали перед глазами, как дни в календаре: *Белогорье, Верхний Ларс, Гремяче, Хохол*... Я честно пытался уловить смысл в этих чужеродных названиях, но старший лейтенант Ковач быстро «излечил» меня от этой «философии», отправив на сутки в зону разминирования. Так я перестал пытаться что-то понять.

«Зачистка» территории от врага – дело нехитрое, даже скучное. В первый раз было жутко: пришлось выбрасывать из домов женщин, стариков и детей, шарить по чердакам в поисках оружия и спрятанных ценных вещей, потом стаскивать весь этот скарб в комендатуру или грузить на подводы. Лично мне больше нравилось гонять скотину, чем возиться с вещами. Всё-таки в душе я простой парень из деревни, работяга, ставший солдатом.

Конечно, я не мог не слышать крики и вопли этих русских, не мог не видеть их горящие ненавистью глаза. Но постепенно чувства мои притупились, а витавший в воздухе гнев этих жалких людей, возмнивших себя великим народом, меня больше не беспокоил. Я привык, как привыкли сотни тысяч таких, как я. Я словно смотрел и не видел, слушал и не слышал одновременно.

Говорят, что мы, венгры, или мадьяры (как частенько называли нас русские), настоящие звери в человеческом обличье, гораздо страшнее немцев или итальянцев. Что ж, возможно. Но я всего лишь солдат. Я просто выполнял приказ своего командира: «Зачистить территорию!» В конце концов в этой войне убивали все...

Не знаю, как звали того старика. Я запомнил только название села, в котором нам пришлось окопаться из-за обильных снегопадов почти на две недели, – Латное. Старик как старик: глаза навывкате, трясущиеся руки, лысина. Глупец, чистый глупец, вцепился, как клещ, в свою корову! Из-за коровы и погиб. Я помню, как Герго Молнар, мой сослуживец и земляк, перетянул руки этого старика за спиной, пинком спихнул его в силосную яму и сказал мне: «Неси солому!» Я принёс, бросил охапку прямо на русского. «Поджигай!» – сказал Герго. И я поджёг... Вонь горящей человеческой плоти разъедала мне глаза, но постепенно я привык к ней.

В тот день, 26 декабря 1941 года, мы сожгли 67 русских на окраине села Латное. Капитан Ференц тогда лично отметил нашу дивизию как образцовую. Мы пировали всю ночь. Запах жаренной на сале картошки перебил наконец смрад первого сожжённого мной человека...

Вообще, огонь – удивительное оружие. Примитивное? Быть может, но стоит добавить к огню искорку человеческого разума – и первобытная стихия превращается в мощное и послушное оружие в твоих руках. Да... Я любил огонь...

Январь 1942 года. Острогжск. Страшный холод. Костры не спасали, поэтому «зачистка» территории от русских с помощью огня стала для нас настоящим спасением. Эти несуразные домишки, которые местные почему-то называли «хатами», горели ярко и ровно, как именинные свечи. Горели вместе с их непослушными хозяевами, напрочь лишёнными инстинкта самосохранения. Как смешно пыталась та беременная бабёнка выхватить из своего полыхающего приземистого жилища хоть какую-нибудь тряпицу или котелок! Как ползала потом на коленях вся в саже у уцелевшего крыльца и голосила, как безумная: «Кузеньку! Кузьку, кота мово спалили, ироды! Тьфу! Проклятые! Проклятые...»

Герго был крайне суеверен, поэтому бабу эту пришлось образумить с помощью того же огня: её обугленные на костре до черноты ноги с остатками оплавленного шерстяного платья и закатившиеся белки глаз на миг заставили меня зажмуриться. Я потряс преждевременно поседевшей головой и мысленно перенёсся на кукурузное поле, где каких-то восемь месяцев назад бережно складывал молодые початки в мешок, отирал рукой пот со лба и вдыхал полной грудью запахи родной земли... Открыв глаза, я первым делом увидел

штык от винтовки Герго, который торчал из широкой спины навеки замолчавшей русской бабы...

Лейтенант Ковач, который частенько любил нам рассказывать о повадках русских, об их примитивной психологии, называл эту затянувшуюся войну ни чем иным, как охотой. А охота, как известно, занятие любого уважающего себя мужчины.

– Чем рыбак отличается от охотника, рядовой Танасе? – спрашивал Ковач, поигрывая перед нашими глазами добытым накануне трофеем – самозаряжающейся винтовкой Токарева. – Охотник – это воин по сути. А воин уважаем другими воинами за трофеи! Вот где твои трофеи, Йозеф Танасе? Нет их, так ведь?

– Нет, нет, – качнул я головой в знак согласия.

– Вот!.. А у меня трофеев десятки десятков, пожалуй, к тысяче приближаюсь! Карпиловку помнишь? Помнишь, сколько глаз я выколол русским этим вот штыком? Танасе, тебе есть к чему стремиться!

Я соглашаюсь с расхваставшимся командиром:

– Герго и Бернат тоже с трофеями. Они в Карпиловке тогда себе роскошные ремни вырезали из настоящей человеческой кожи! Хорошие ремни получились, надёжные! Не зря Бернат до войны шесть лет дубильщиком батрачил в Сопии!..

Война – это та же работа. Я же работал на совесть. На войне нет места чувствам. Особенно жалости. Или ты – или тебя. Есть враг, а есть ты. Я просто воевал... Обугленная плоть, гниющие раны, оторванные конечности со временем стали для меня обыденностью. И всё же я искренне радовался, что пули и осколки обходят меня стороной. Две мои контузии и сквозное ранение плеча за несколько месяцев войны – лотерейный билет, не иначе.

Так почему же я отпустил тогда этих двух русских девочек? Они заслужили смерть, это было очевидно.

Своенравные, глупые девчонки! Две оборванки, худые, как оглобли! Две дурёхи, решившие, что имеют силы и право на месть...

В тот день на входе в село часовым был назначен Золтан Мареш. Здоровенный такой парень, лет тридцати, нёс караул. Его мясистые руки, заросшие рыжим щетинистым волосом, крепко, даже любовно сжимали «Маузер 98k» (Золтан просто обожал немецкое оружие!). Он расхаживал взад и вперёд вот уже битых три часа рядом с колодцем.

Было жарко, и Мареш периодически опускал деревянную бадью в колодец, чтобы потом с наслаждением отхлебнуть из неё ледяной водички, а остатки с шумом плескал себе под ноги. Если бы он внимательней

вглядывался в окружавшие колодец заросли лопуха, то, конечно же, заметил бы двух худеньких девушек лет четырнадцати-пятнадцати, ничком лежавших на земле и пристально следивших за ним. Но село Лиски или *Лыска*, как говорили оставшиеся в оккупации местные жители, уже несколько месяцев было занято силами 7-го армейского корпуса и 24-й танковой дивизии Великой Германии. Пьянящее чувство вседозволенности и абсолютной власти витало в воздухе над этим местечком. И Золтан Мареш не мог не чувствовать это.

Они следили за часовым не один час. Ждали момента, когда разгорячённый жарой Мареш хотя бы выпустит винтовку из своих рук. А тогда лишь рывок вперёд, сила их ненависти да две пары девичьих рук – и нет оккупанта! Утопить его в колодце за всё, за всё! А потом бежать во все лопатки в лес. Оттуда рукой подать до Острогжска, надо лишь затаиться на день, а ночью можно идти к линии фронта к своим, к родненьким, к русской речи, подальше от этого ада!

Такой нехитрый план придумали Клава и Катя Стародубовы ещё три дня назад. Сёстры знали, что сделал этот рыжий венгр вместе с полицаем с их соседкой Зиной Бабешко.

Красавица Зиночка, умница, отличница и активистка, была истерзана этими двумя нелюдями и закопана, как собака, в канаве у водопоя. В ту ночь Катя не спала, она видела всё. Видела, как рыжий Мареш и полицай по прозвищу Мордатый волокли её бездыханное тело прямо из дома Зины. А бабка её, Антонина Кузьминишна, бесформенной кучей тряпья лежала у нижней ступеньки крыльца. На утро объявили, что Зина и бабка её подались в партизаны. Партизаны! Как же! Зине – 12, а Кузьминишне – под 80 лет. Те ещё партизаны! Все знали правду. Знали, но молчали и дальше тряслись от страха за стенами своих разграбленных хат. Но Клава и Катя молчать не будут. Хватит! Натерпелись!

– Давай, Катюш, сейчас! Он спиной повернулся! – схватила сестру за руку Клава. Она больше не могла лежать в лопухах. Больше не могла ждать.

– Обожди, Клав, обожди! Рано! – шептала, обливаясь потом, Катя.

– Давай! Давай же!

Они рванули вперёд изо всех сил. Налетев на часового, вцепились в него. Золтан от неожиданности рухнул всем телом на широкую стенку колодца и в то же мгновение почувствовал, как его хватают за ноги.

– Хватай, Катя! Хватай! В колодец его!

– Крышку! Давай крышку! Закрывай!

Короткий мужской вскрик, громкое «бульк» – и тело тридцатилетнего часового погрузилось в обжигающую холодом воду.

– Винтовку хватай!

– Бежим, родненькая! Бегом!

Не вышло. Поймали их в лесочке в трёх километрах от села. Сняли с раскидистой вербы автоматной очередью. Затем раз двадцать дали тяжёлыми сапогами по рёбрам и за косы потащили к пустырю. На этом пустыре в огромной расстрельной яме вот уже больше месяца покоились останки нескольких десятков местных жителей: баб, стариков, детей. Сюда же приволокли Катю и Клаву.

– Расстрелять! – коротко приказал начальник комендатуры, немец, и с сигарой в зубах направился к машине «Хорьх 901».

Герго рывком поднял сначала одну, затем вторую сестру на трясущиеся от страха ноги. Обе молчали, смотрели исподлобья. Не плакали. Не молили о пощаде.

– Давай, Йожеф! – хлопнул меня по плечу Герго. – Из этих славные трофеи могут получиться!

И ушёл, насвистывая себе под нос «Лили Марлен».

Я вскинул автомат, приказал обеим девчонкам повернуться спиной. Они поняли мой ломаный русский. «Стреляй же, Йожеф, что ты медлишь?» – стучало у меня в висках. «Не могу, не могу, не могу», – пронеслось в моей голове.

– Бегите! – вдруг хрипло произнёс я.

Они усталились на меня, потом переглянулись. По щекам первой тонкой струйкой текла кровь, вторая прижимала к груди явно сломанную под ударами тяжёлых сапог руку.

– Бегите, дуры! – крикнул я и выстрелил в воздух.

Глядя на их мелькнувшие в траве ноги, я вспомнил, как учил маленькую Каталину ловить в траве ящерок. Мы ловили их в нашем старом саду, а потом, смеясь, отпускали... Смех моей дочери в голове заглушил звуки этого проклятого мира. Я не слышал топота ног Герго, бегущего на меня с винтовкой наперевес, не слышал его отборной ругани на родном венгерском языке... Мир словно перестал существовать. Мне было жаль, что я не запомнил имён этих двух русских девочек, и не было жаль себя...

Я, Йожеф Танасе, рождённый 42 года назад, был убит автоматной очередью здесь, на чужой земле, вдали от дома. Убит за маленький проблеск человеческого сострадания. Я был простым венгерским работягой, рядовым 7-го армейского корпуса, отцом Каталины и мужем Марии Танасе.

Да простит Господь мои грехи.

ШЕМЕТЮК ЕГОР

11 класс

Наставник: Дидур Оксана Александровна,
учитель русского языка и литературы,
заместитель директора по учебно-
воспитательной работе,

Муниципальное образовательное учреждение
«Тираспольская средняя школа № 9
им. С.А. Крупко»,

Приднестровская Молдавская Республика

Забвению не подлежит

...Не зная прошлого, невозможно понять
подлинный смысл настоящего и цели
будущего.

А.М. Горький

Память активна. Она не оставляет
человека равнодушным, бездейственным.
Она владеет умом и сердцем человека.
Память противостоит уничтожающей
силе времени. В этом величайшее
значение памяти.

Д.С. Лихачёв

Моё поколение родилось и живёт в многонациональном солнечном Приднестровье, райском местечке на земле. Благодарны судьбе за то, что живём в мире. Но на душе тревожно от трагических событий, происходящих вокруг.

Конечно, вспоминая о Великой Отечественной войне, мы ожидаем мирную юбилейную весну Победы. Бледно-голубая лёгкая дымка над седым Днестром, легкокрылые облака, сквозь которые пробиваются живительные солнечные лучи, спеша согреть наряжающуюся землю. Необыкновенная красота! Нежные подснежники, белокурые шапочки одуванчиков на поляне, бело-розовые роскошные шапки пионов, доносящий пьянящие ароматы акации и душистой сирени ветерок, переливчатые трели соловья, серебристая роса на изумрудной молодой утренней траве, ме-

лодичный колокольный звон Христорождественского собора в святые праздники – всё это наше сокровенное мирное отдохновение. Сколько же было пережито, чтобы сегодня мы любовались мирными пейзажами благодатного молдавского края!

Для нашего поколения стремительно ворвавшаяся в судьбы миллионов соотечественников война, о которой мы знаем из фильмов и книг, рассказов ветеранов, учителей и родителей, – ненасытное чудовище, пожирающее всё живое. Прошедшие военными тропами навсегда запомнили глаза детей, стариков, матерей, полные горя, от которого останавливались реки, стыла в жилах кровь... Как вылечить, успокоить людские сердца, наполненные ужасом? Кто ответит? Война покалечила души, убила детство, сожгла юность, развеяла в дым мечты.

В борьбе с ненавистным врагом рождалось мужество, крепла сила духа, личная ответственность, закалялся характер одухотворённого народа. Как камешки в калейдоскопе, мелькают уроки истории. Нам не забыть трагических и героических событий страшной войны: Ленинградская блокада, битва под Москвой, Ясско-Кишинёвская операция... Приближали Великую Победу тысячи отважных воинов-защитников, чьи сердца болели интересами Отечества. Пройдя через огонь и металл войны, они остались верными себе, своим принципам, долгу перед Родиной.

Сегодня мы обязаны сохранить историческую память о событиях прошлого, оставивших глубокий отпечаток в наших душах. Нельзя допустить фальсификации истории, оправдания фашизма нацистских преступников и их пособников. Сердце сжимается от их бесчеловечных действий против мирного населения. Различные исследования, свидетельства очевидцев, архивные документы доказывают: война, развязанная гитлеровцами ради захвата необходимой территории, была направлена на истребление населения СССР. Его граждане в одночасье были объявлены «недочеловеками», к которым беспощадно применялись разнообразные по формам карательные меры. С целью наведения страха и желания подавить силу духа, волю людей, попытки их сопротивления фашистские мучители уничтожали невинных варварскими методами и средствами. Газовые камеры, массовые расстрелы и повешения, голод, сжигание заживо, распространение эпидемий. Объёмы зверств поражают! Только в Белоруссии убито не меньше трех миллионов мирных жителей, угнано в рабство более 380 тысяч человек, разрушено свыше 200 городов, сожжено более 11 700 сёл и деревень. Страшное, несмыслимое преступление против человечности, жизни, совести! Такое не подлежит забвению!

Изучая исторические материалы, узнал о кровавых карательных операциях в моём родном крае – Молдавии. В Дубоссарском музее при активном участии Аси Моисеевны Москалевой, ветерана Великой Отечественной войны, собраны материалы, свидетельствующие о зверствах фашистов в городе и прилегающих сёлах: письма-воспоминания родственников расстрелянных, очевидцев – жителей города, архивные материалы судебного процесса над карателями, акт комиссии «О массовом расстреле мирных советских граждан в г. Дубоссары», газетные и книжные публикации массового геноцида евреев в городе, неполный список фамилий убитых, составленный в ходе переписки с родственниками убитых из разных стран мира. Время не в силах заглушить горе жителей небольшого уютного приднестровского городка, где нацисты в 1941 году, устроив «кровавый сентябрь», уничтожили тысячи человек. Горожане называют место расстрелов и пыток по-разному: «Бабий Яр», «Место скорби», «Главный Некрополь». Из акта районной комиссии «О массовом расстреле фашистами мирных советских граждан» от 31 марта 1945 года известно, что «с 12 по 28 сентября 1941 г. на восточной окраине города у заранее вырытых 11 ям было расстреляно от 6000 до 8000 мирных советских граждан, среди них много женщин, детей и стариков...», но точное число неизвестно. При эксгумации одной из могил обнаружили более 1,5 тысячи трупов, что в целом с расстрелами в других местах города и сёлах района составляет около 18 000 человек [1].

При изучении различных публикаций, а также из рассказов очевидцев страшных событий выяснилось, что в августе 1941 года в Дубоссары прибыл немецкий карательный отряд, состоящий из 25 человек. Им руководил фельдфебель Вальтер Келлер, который родился на Северном Кавказе, хорошо говорил по-русски. Задачей карательного отряда было уничтожение всех местных евреев, а также евреев из соседних районов Молдавии и Одесской области. По приказу Келлера две окраинные улицы древнего цветущего городка превратили в гетто, заселив её евреями и выставив охрану из румынской жандармерии и местной полиции во главе с примаром Деменчуком. Нацист приказал помощнику вырыть в восточной части города ямы: 16 метров в длину, 4 метра в ширину и 4 метра в глубину. Эту работу выполняли около 300 жителей сёл: Лунги, Магали, Большого фонтана. Им сказали, что ямы, дно которых покрыли соломой, нужны для хранения картофеля. Ранним утром 2 сентября во двор табачной фабрики пригнали первую партию – 2500 мирных жителей-евреев. В женщин, плачущих, рвущих на себе

волосы и теряющих от страха сознание, сразу стреляли. К «овощехранилищу», главному месту казни, людей пригоняли румынские жандармы по 100 и 200 человек. Позже эту работу выполняли эсэсовцы. Раздетых горожан выстраивали вдоль вырытых траншей, затем с близкого расстояния стреляли, предварительно отобрав ценные вещи. Тех, кто не упал, кололи вилами в живот и сбрасывали вниз. Заполненную телами раненых и убитых яму покрывали соломой и засыпали землёй. Очевидцы с ужасом вспоминали, что на следующий день было видно, как «дышала, стонала» земля.

Истязания, насилие и глумление над советскими людьми были жестоки: детей убивали на глазах родителей, взрослых – на глазах у детей; заживо закапывали. Немецкие палачи жестоко расправлялись и с жителями сёл: Роги, Дойбаны, Моловатога, Кочиеры, Ягорлыка. Н. Иванова, бывшая тогда подростком, с содроганием вспоминает: «Я с другими детьми сидела на дереве и видела всё до самого конца. Помню, какой плач и стон стояли над Кошницей, когда оккупанты начали сгонять всех евреев в церковь. Оттуда через некоторое время их повели к реке Днестр якобы на работу. Колонна шла по селу под конвоем полицаев. Мы видели, что в колонне были в основном дети, женщины и старики. Поразило, что еврейские дети и перед смертью держались дружно, заботились друг о друге. Початок кукурузы, брошенный кем-то из сердобольных людей, откусив, передавали другому. Над толпой колоколом прозвучал голос пожилой еврейки: “Запомните, люди: нами начинают, а вами месить будут!” Людей согнали к реке Днестр и начали расстрел. Маленьких детей просто скатывали в реку Днестр асфальтовым катком. Берега и воды Днестра стали братской могилой для сотен ни в чём не повинных людей».

В кровавых зверствах, продолжавшихся 16 дней, принимали участие ставшие выслужиться перед новой властью примари сёл... Разве можно забыть, простить, оправдать такое преступление против человека? 11 пособников фашистов, участвовавших в массовых расстрелах, с приходом наших войск в 1944 году были арестованы.

В 1989 году инициативные граждане, члены общества еврейской культуры, подняли вопрос о реконструкции мемориала «Жертвам фашизма». Проект выполнил и подарил городу наш земляк, заслуженный архитектор республики Молдова Семён Михайлович Шойхет (скульптор Н. Эпельбаум). В братских могилах города покоятся и его родственники. С безутешной скорбью и предостережением для нас, современников, и будущих поколений звучат строчки нашего земляка, тонкого лирика

и мудрого философа Николая Петровича Шуда, в 1989 году откликнувшегося на те события, далёкие и одновременно близкие, понятные каждому:

*Задыхалась земля от избытка крови,
Пузырями её выпускала.
Было видно на склоне вечерней зари,
Как из чёрной – багряною стала.
Долго стоны из многострадальной земли
По ночам в тишине раздавались...
Люди нашей Земли это помнить должны
И предпринять, что только возможно
Против ядерной, новой безумной войны,
Ибо будет наш шар уничтожен.*

Кровавая трагедия постигла и жителей моего родного Тирасполя. В августе – сентябре 1941 года около десятка тысяч евреев, не успевших эвакуироваться, были согнаны в гетто, где их расстреливали или перенаправляли в концлагеря. В городе действовали крупные карательные подразделения, включавшие банды кулаков, националистов, а также сети агентов и провокаторов. Оккупационные власти ввели систему заложничества: жителей предупреждали о расправах через расклеенные на видных местах афиши. Румынские жандармы и немецкие оккупанты проводили регулярные фильтрационные мероприятия, выявляя подпольщиков и активистов. В мае 1942 года в сельской местности были организованы посты румынских жандармов, а в самом Тирасполе размещился карательный батальон. Зимой 1944 года оккупанты раскрыли подпольную группу, арестовав её участников. Основное ядро сопротивления было расстреляно. Кульминацией террора стали массовые казни в тюрьмах Тирасполя с 31 марта по 3 апреля 1944 года, когда было убито около трех тысяч человек.

Сегодня, вспоминая и с болью переживая эти страшные события Великой Отечественной войны, поражающие своей жестокостью, невольно задаюсь вопросом: «Как в человеческом сердце может быть столько ненависти и злобы?» Думаю, исток этих преступлений – долгие годы пропаганды в обществе Третьего рейха. Постоянное культивирование лженаучных и аморальных идей о «расовом превосходстве», «недолгодях», «лебенсрауме», «арийском происхождении» породили на свет агрессивную и аморальную систему взглядов, снизившую чувствительность людей и позволившую воплотить самые тёмные и отвратительные идеи без страха и стыда.

Сегодня мои земляки ждут весну, мирную весну... Нежная, юная, словно девочка в бело-розовом пышном платьице. В это время мы отправляемся на экскурсии по местам боевой славы наших героических предков, в краеведческие музеи. Над нами – игриво поблёскивающее лучами солнышко, зеркально-синее бездонное небо. Ласковый ветерок кружит вальс алых лепестков тюльпанов и маков на широкой тропинке... Терпко-сладкая цветочная пелена приятно кружит голову. Присаживаемся на тёплую землю, прикасаясь к её бархатному покрову. «Каково ж тебе было, родная, когда твоё тело рвали на клочья бомбы и снаряды, когда лилась на тебя неповинная кровь сыновей твоих, когда хоронила их?» Тишина... Лепестки, точно саваном, укутывают горящую землю. Она молчит, ничего не забыла. И мы, люди, память бережно храним. Нам, живым, это нужно для сохранения жизни, мира, добра и правды... От нас зависит многое, от нашей воли и разума...

Думаю, задача нашего современного поколения – знать людей, творивших Великую историю русского народа, помнить живые имена Победы, чтить красивые традиции и продолжать добрые дела верных сынов Отечества, истинных патриотов, людей Мира. И никогда не забывать кровавые страницы истории. Это не подлежит забвению!

Щемит сердце и болит душа, когда слушаем, читаем о зверствах нацистов и их пособниках, когда видим по телевидению сюжеты о разрушении и осквернении памятников героям войны. Это страшные преступления, грех перед людьми, своей совестью, погибшими за мирное небо героями, перед их неродившимися детьми. Пусть для всех людей на планете Земля, как заклинание, звучат метрономом слова Н.М. Грибачёва:

*Гремят истории колокола,
Взывая к памяти моей,
И в них набаты
Жестоких битв и созиданий даты,
И праздники, чья ширь и даль светла...
Они гремят, в них отзвук прежних дней,
Намёк, подсказка, предостереженье.
Кто помнит, тот не знает поражения,
Кто помнит, тот беспмятных сильнее.*

Р. С. Забвение – предательство людей, завоевавших мир. Это страшное преступление, порождающее новые войны. В нашем молодом государстве священная память бережно хранится и передаётся от сердца к сердцу. В наследниках Великой Победы воспитывают истинные ценности: благодарность, уважение. 27 января 2025 выпускники нашей

школы приняли участие в акции «Искра надежды», посвящённой 81-й годовщине со дня снятия блокады Ленинграда. Они с благодарностью к нашим героическим предкам возложили живые цветы у Музея Победы на Поклонной горе.

Проходим по улицам, названным именами героев, смотрим «Т-34» А. Сидорова, «Судьбу человека» С. Бондарчука, «Семнадцать мгновений весны» Т. Лиозновой, слышим «Вставай, страна огромная» В. Лебедева-Кумача и А. Александрова, возлагаем цветы у памятников – и сердце бережно и свято ведёт к пылающим годам... Писатели, поэты, композиторы военной поры – живые свидетели мужества и патриотизма нашего Великого народа – наполняют наши сердца состраданием, любовью к людям, жизни, Отечеству. К штыку приравнявшие перо, пронзительные ноты, они рассказали святую правду о войне, воссоздали истинный портрет человека в лихую годину, поэтому наши души во сне и наяву по-прежнему тревожат беззащитные улыбки знакомых нам по старым фотографиям из семейных альбомов предков. Сильные духом, волевые, они – пронзительная исповедь суровой войны! Вечные герои и сегодня на боевом посту: мы до сих пор словно слышим их неровные шаги, видим глаза, присыпанные какой-то особенной, неизбывной печалью, чувствуем их заботливое присутствие. Они не дают нам повода раскисать и расслабляться – призывают к добру, правде, совести.

Источники

1. Киселёва Г.М. Дубоссары. Кровавый сентябрь сорок первого // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1999. № 3. С. 105–109.

ЩУКИН ИВАН

10 класс

Наставник: Ветошкина Ирина Павловна,
учитель русского языка и литературы,

Государственное бюджетное нетиповое
общеобразовательное учреждение
«Губернаторская кадетская школа-интернат
МЧС»

г. Кемерово, Кемеровская область – Кузбасс

Костёр Памяти

Вечер спустился на город и придал краскам дня приглушённые цвета. По аллее, уже начинающей темнеть, шла Память. Она шуршала осенними листьями, шагая по тропинкам парка. На одной из скамеек сидела старушка. Память заботливо поправила на ней шарф. «Зонтик забыла, – подумала Память, глядя на старушку, – сейчас заморосит дождь, и поторопится же домой! А какие прекрасные воспоминания появились у неё в этот тёплый осенний вечер!» Память погладила старушку по плечу, та задумчиво улыбнулась. Она вспомнила сегодня, как бежала школьницей по этой самой аллее много лет назад, и счастье переполняло её, потому что в дневнике красовалась долгожданная пятёрка по физике. Как радостно стучало сердце в тот день, как по-особому светило солнце, как была сильна вера в то, что теперь всё по плечу! Да, эти воспоминания согревали, и старушка улыбалась.

Память продолжала свой путь. Она заглядывала в окна домов. Дождь уже начал моросить. Люди наливали чай, усаживались поудобнее. Они разговаривали, они вспоминали. Кто-то открывал старый фотоальбом и показывал детям снимки. Кто-то звонил друзьям или родственникам, потому что вдруг вспомнил прекрасно проведённое друг с другом время, и этим так внезапно захотелось поделиться, посмеяться вместе. Но кто-то и вытирал слёзы от нахлынувших воспоминаний. У каждого они свои – воспоминания, у каждого – своя память. Память проникала в дома, она радовалась, видя воодушевление людей; она обнимала тех, у кого сердце сжималось от боли из-за горьких моментов жизни,

которые пришлось пережить. И груз воспоминаний становился легче. Вспоминать не всегда легко...

Сегодня надо спешить! Спешить надо за город! Память боялась не успеть. Скоро наступит ночь, и Память торопилась.

Иван Петрович Коновалов сидел на берегу озера. Было темно. Он кивком головы периодически давал знак своему внуку Кольке, что надо подложить дрова в костёр. Коновалов уже много лет почти не разговаривал. Он чувствовал себя высохшим деревом, по жилам которого не бежит жизненный сок. Там, где когда-то бурлила горячая кровь, сейчас ощущался только холод. Наверное, поэтому он постоянно мёрз, почти каждую минуту своей жизни. И сейчас Иван Петрович кивал Кольке, которому дали задание следить за тем, чтобы огонь в костре не погас, и за прадедом.

Колька сидел напротив Ивана Петровича, подкидывал сухие веточки в пламя. А хотелось быть с отцом и дедом там! На озере! Отец с дедом Мишей ушли рыбачить. И у Кольки что-то ныло внутри, когда он представлял, как причудливо отражается луна в озере, как всё у воды сейчас кажется чудесным, как победно друг на друга поглядывают отец и дед, когда кто-то из них рванёт подпрыгивающий поплавок, и, блестя чешуёй, взметнётся на несколько секунд рыба на леске у рыбака. Как же хочется к ним! Кольке казалось, что он сейчас заплачет от досады, но надо было сидеть с дедом. Иван Петрович уже давно не ходил. Мальчику было скучно. Он развлекал себя тем, что смотрел, как весело выпрыгивают искры из огня. Они бросали тень на лицо прадеда, который сидел напротив, запутывались в глубоких морщинах, которые избородили лицо Ивана Петровича.

– Дед, расскажи что-нибудь! – неожиданно для самого себя попросил Колька. Он не ждал никакого ответа. Знал, что дед плохо слышит и почти не разговаривает.

– Что рассказать тебе, Коленька?

Мальчик онемел на несколько секунд от звука голоса деда. Не ожидал его услышать.

– Ну, расскажи, что-нибудь про своё детство, когда тебе было столько же лет, как мне... – Кольке казалось, что время, про которое он спросил, было запредельное количество лет назад.

Иван Петрович протянул дрожащие высохшие руки к костру. Искры, вылетающие из пламени, тут же запутались в линиях его ладоней.

Детство... Не знаю, было ли у меня детство-то... Когда, Коля, мне было десять лет, как тебе, была война. Страшная война. Было очень тяжело. Тогда из нашего посёлка все мужики и молодые парни ушли на фронт. Остались

только старики, дети да бабы. Рабочей силы не хватало. Мать уходила рано утром в колхоз, приходила, когда совсем темно было. Она там и за живностью, какая осталась, ухаживала, и постройки чинила, и урожай какой-никакой собирала. А я весь день на хозяйстве. За домом тоже надо было следить. Зимой тяжело было, голодно, а летом ещё ничего, жили... В лесу ягоды там собираем, травы всякой, когда рыбу половим.

Взгляд Ивана Петровича ожил, старик улыбнулся. Колька зачарованно смотрел на деда, он боялся пошевелиться – вдруг дед замолчит! Но Иван Петрович продолжил свой рассказ.

– Но радость нашу омрачало то, что мимо больницы надо было бежать к лесу. Она на самом краю посёлка стояла. А больница, знаешь, необычная, люди там необычные лежали, душевнобольные... И мы, когда бежали мимо этой самой больницы, глаза закрывали, страшно было, потому что, знаешь, странно так они на нас смотрели, когда по дворику больничному своему гуляли. И вот, значит, как-то мать вечером мне говорит, что в этой самой больнице совсем рук не хватает. «А там люди всё-таки! Вот я за животными ухаживаю, даже им сейчас тепло нужно, потому что даже они чувствуют, какое время сейчас тяжёлое. А там люди! Ухаживать за ними некому совсем! Все врачи и медсёстры на войну ушли, нашим солдатам помогать. А ты здесь, Ваня, помочь должен!» – так она мне, значит, говорила, уговаривала, знала, что я боялся. Ну, и пошёл я на следующий день, с другом Петькой пошёл, его мать тоже отправила. Вдвоём и не так боязно было... И стали мы ходить в больницу через день. И не такими страшными они, эти больные, оказались. Жалко нам их было очень. Нужна в больнице была наша помощь, мы это чувствовали. Казались себе очень взрослыми, важными...

Иван Петрович опять задумчиво улыбнулся.

– Ну, вот, значит, ходим мы туда. Уже и по именам всех знаем. И уже даже беспокоимся о них. Видели мы, что и лекарств не хватает, и пропитания. Мучились они. Прикипел ко мне парень один, Алексей его звали. Он спокойный был и добрый. Рассказывали, что он нормальным был, когда родился, а потом его мать умерла, и он замкнулся в себе. И всё хуже, хуже... Он боялся громких звуков. Одно время слышно было у нас, как бомбили город. Алексея тогда не могли успокоить, он метался по больнице. Ни уговорами, ни строгостью нельзя было его заставить остаться на месте. А в остальное время он был тихий и добрый. Знаешь, он любил, когда я ему читал книжки и картинки в них показывал. Я читаю, а он меня по волосам гладит, как взрослый. А мне хоть и десять лет, я себя старше ощущаю, потому что ухаживал за ним, чувствовал свою ответственность. Алексей меня постоянно

по больнице глазами искал. Запомнил я его глаза. Он хоть и взрослее меня был, а взгляд ребёнка.

А летом сорок второго года, Коля, произошло страшное: в наш посёлок пришли немцы. Мы все спрятались по избам и смотрели из окон, как к домам приближалась колонна военной техники. Жутко было мне так, что казалось, не могло этого на самом деле происходить. Немцы расквартировались по избам, жителей не трогали, но избы разграбили: забирали муку, мёд, яйца, картошку, соленья, убивали последнюю живность. Да, жителей не тронули, но тронули пациентов нашей больницы. Жестоко немцы с ними расправились, как нелюди. Издевались несколько дней над больными: говорили с ними вежливо, обещали через переводчика, что их увезут в другую больницу, которая гораздо лучше той, в которой они находятся сейчас, в ней будут очень вкусно кормить. Ещё немцы на гармошке играли, пели «Москва капут!», заставляли повторять слова песни и танцевать. А больных, знаешь, и заставлять не надо было, выбегали под весёлую музыку, жадно грызя сухари, которые фашисты на землю им бросали. Те, кто их съел, на следующий день умерли, сухари были отравлены. Больные же, как дети, радуются, всё за чистую монету принимают. А немцы тоже радуются, только радость чёрная у них, как сердца их.

В больницу меня больше не пустили. Я всё это время, пока немцы хозяйничали в посёлке, в избе сидел, почти не выходил на двор. Мать рассказывала, как Маша, медицинская сестра из нашей больницы, вместе с другими работниками старалась как могла облегчить участь своих подопечных, но смогли они мало. Первых пациентов больницы увезли в неизвестном направлении через несколько дней. Им пообещали, что отправят их туда, где всегда тепло, вкусно кормят и музыка играет. Тем же, кто не хотел садиться в грузовик, что-то кололи, и люди ослабевали, после чего их грузили в машину. Увезли самых сильных. Вместе с ними уехали первые работники больницы. Маша осталась с пациентами, которых пока не тронули. Вечером того же дня она постучалась к нам в избу, молча взяла мою мать за руку. А мне любопытно, я потихоньку подошёл и слушаю.

– Заберите, Алексея. Скажем, что родственник ваш... – стала просить мою мать Маша.

– Да, куда ж я его... Видишь, что творят ироды проклятые, а как мы им под руку попадём заодно?! – помню, как мать растерянно стала смотреть по сторонам.

– Ольга Сергеевна, миленькая, Христом-богом прошу! Ведь вы понимаете: людей на гибель сегодня отправили. Не сегодня-завтра оставшихся

увезут. А сегодня приходили к капитану родственники нашей пациентки, так отпустили её. Мы должны попытаться! Алексей, он смирный и привязался к Ваньке вашему. А потом мы что-нибудь придумаем!

Мать угрюмо молчала. А меня, Колька, до того слёзы душили, что казалось, если сейчас, в эту самую минуту, промолчу, не лучше этих самых немцев буду. Кинулся я к матери, плачу, за юбку её дёргаю, в глаза заглядываю. Только и сказать могу, что «Мамочка, пожалуйста!». Больше и не мог ничего сказать. Потом плакали все трое за столом. А утром мать ушла. Утро то, Коля, было самым долгим и страшным в моей жизни, часом мне минута казалась. Но мать вернулась и Алексея привела.

Через день в грузовую машину посадили оставшихся больных, вежливо кланялись им немцы, белыми платочками махали. И больные смеялись и тоже махали им из машины. Маша пыталась через переводчика добиться у капитана, куда увозят людей. Ей ничего не отвечали, один из солдат грубо оттолкнул её, упала она даже. Тогда Маша молча села вместе со своими пациентами в машину. Их увезли недалеко, за пару километров, там расстреляли. Сначала яму заставили копать. Потом поставили на край этой самой ямы и расстреляли. Закапывать даже не стали. Бросили. Потому что не люди они для них были. Машу тоже расстреляли вместе с ними. В этот же вечер немцы уехали из нашего посёлка...

Я не плакал. Человеческий страх тоже имеет свой предел: когда заканчиваются силы бояться, в сердце кровавым клеймом начинает гореть ненависть к врагу.

Через несколько дней наши местные пошли к месту расстрела, спустя несколько месяцев там заборчик поставили. Мы с другими ребятами потом часто туда бегали, убирали опавшие листья, приносили цветы.

А Алексей прожил у нас ещё год, потом врачи приехали, данные собирали о погибших и его забрали. Уход ему нужен был, понятное дело.

Вот что было, Коля, когда мне было десять лет....

Иван Петрович замолчал и посмотрел внимательно в глаза своему внуку. Глаза Коли были наполнены слезами сострадания. Но это были детские глаза. В них отражалось счастье от того, что завтра мальчик пойдёт утром с отцом ловить рыбу. Таких глаз не было у самого Ивана Петровича после лета 1942 года.

Пройдут годы, Иван Петрович окончит медицинское училище. Он будет возвращаться к месту, где расстреляли храбрую медсестру Машу, он будет приносить букет ромашек и класть их на небольшой холмик. Он устроится после окончания института в больницу, где лечился Алексей, и будет помогать всю свою жизнь людям, которые нуждаются

в особой защите, людям, которые в мире своего безумного отчаяния ищут тебя глазами, потому что ты опора для них.

Память сидела на бревне у костра рядом с Колей и Иваном Петровичем. Она ворошила костёр, чтобы он горел ярче и согревал своим теплом. Чтобы Иван Петрович смог рассказать свою историю десятилетнего мальчишки, которому так резко пришлось повзрослеть. Было очень важно, чтобы внук услышал эту историю от деда, смог прочувствовать то, что чувствовал тот мальчик 80 лет назад. Мог гордиться этим мальчиком, потому что он спас жизнь человеку!

Память тихо встала, ей опять надо было спешить. Она так многим нужна!

Коля запомнит этот вечер на всю жизнь. Пройдут годы, он приведёт своих внуков на рыбалку, они будут варить суп на костре. И тот самый Колька, а теперь Николай Петрович, будет рассказывать им историю своего прадеда, человека, у которого не было детства, но было очень храброе сердце. Историю силы человеческого духа. Коля вложит в своих потомков память о времени и людях, которых нельзя забывать.

ПРИЗЁРЫ
4 КАТЕГОРИИ

МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

АЗИМОВА САКИНА

3 курс

Наставник: Соловьева Ольга Ильинична, советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями,

Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Свердловской области «Екатеринбургский промышленно-технологический техникум им. В.М. Курочкина»

Встреча в пути

Волонтёрский отряд техникума возвращался с юга домой, в Екатеринбург. Шумная молодая компания наполнила плацкартное купе, где находилось место вожатой Юли, до отказа, даже на верхних полках сидели по три-четыре студента. Но на нижней полке слева расположился только один человек. Это место занимала смешная маленькая старушка, похожая на сову: щёки её обвисли, нос загибался крючком над маленьким ртом, а круглые большие глаза смотрели на соседей с добрым любопытством.

– Мы Вам не мешаем? – заботливо спросила вожатая Юля старушку.

– Ну что вы! Люблю молодёжь! Да и с Уралом меня связывают самые тёплые чувства.

Ребята весело вспоминали своё путешествие по Крыму, перебивая друг друга, снова и снова переживали самые интересные события поездки:

– А помнишь, как нас гроза в горах застала и мы на заброшенной турбазе ночевали?

– Да это вообще круто было: запасов еды нет, сменной одежды нет – голод и холод протянули к нам свои костлявые руки! – дурачились ребята.

– Теперь-то я знаю, что чувствовали люди в блокаду Ленинграда...

При этих словах лицо старушки-соседки вдруг побледнело, губы задрожали, своей сухой маленькой ладошкой она дважды ударила по столу и неожиданно гневно сказала:

– Не смейте, не смейте так говорить! Что вы знаете о блокаде?!

Ребята испуганно притихли, и под стук колёс полетела история девочки, которая пережила блокаду:

– Зовут меня Людмила Александровна Милютина. Когда началась война, мне минуло пять лет. Всю блокаду от первого до последнего дня я прожила в Ленинграде. А расскажу я вам, детки, одну историю чудесного спасения от голода и смерти, может, поймёте, что такое блокада...

После пожара, который уничтожил дом и всё имущество семьи, морозной январской ночью сорок второго года Марию Николаевну Милютину, маму маленькой Людочки, вместе с дочкой управхоз определил на жительство в большую коммунальную кухню соседнего дома.

– Вот вам повезло! – говорил он. – Печь кирпичная на шесть конфорок тут имеется, и еду приготовить можно, и тепло долго хранить будет.

Сюда же поселили и шестилетнего Серёжу с мамой, соседей из уничтоженного пожаром дома.

Женщины уходили с утра на завод, возвращались поздно, измученные, подтапливали печь, кипятили воду, ужинали теми крохами, что удалось раздобыть, ложились спать. Серёже и Люде мамы стелили прямо на плите, сами пристраивались к печи полусидя, склонив голову к тёплой чугунной поверхности.

Дни и ночи первой блокадной зимы тянулись для детей мучительно долго. Время, казалось, замерло и отсчитывало только секунды счастья: завтрак – четыре сухарика сантиметр на сантиметр, обед – шесть сухариков, ужин – жиденькая похлёбка и четыре сухарика. Слабые от постоянного голода Серёжа и Люда почти не сходили с печи.

Однажды утром сквозь марево тревожного сна Людочка услышала истошный визг Серёжи. Мама его ночью умерла, мальчишка не мог высвободить свою ручку из её окоченевшей руки и отчаянно, надсадно визжал. Поняв, что случилось, дети зарыдали в голос. Мария Николаевна освободила Серёжу, положила его маму на лавку, обняла малышкой и сказала спокойно:

– Раз ревёте, значит, живые... Надо жить, ребята... Надо терпеть и жить... Это всё обязательно кончится... Верьте, мы победим... Не одолеть нас фашистским гадам!

После смерти мамы Серёжа остался круглым сиротой: на отца его уже давно была получена похоронка. Мария Николаевна не стала отдавать мальчишку в детский дом, пожалела.

Она очень боялась оставлять детей дома одних, глядела каждое утро на них тревожными воспалёнными глазами: «Увижу ли снова?» К началу весны маме удалось договориться о переселении своего семейства прямо на завод в пустующую комнату бухгалтерии.

На новое место жительства шли долго пешком друг за другом по узенькой тропочке, протоптанной между сугробами.

– Не падайте только! Упал, считай, умер... Мне вас не донести... Устанете – лучше постоим, потом снова пойдём, – говорила Мария Николаевна детям.

На тропинке встречались люди, тихие, похожие на тени, попадались и покойники, через них приходилось перешагивать. Дети жмурились от страха и жались друг к другу. Мама повторяла: «Не бойтесь, их скоро уберут...» Дорога казалась Серёже и Люде вечностью. Но пришёл конец и ей.

В бухгалтерии детям понравилось: в чистую светлую комнату выходила стена жарко натопленной изразцовой печи, было тепло и по-довоенному уютно.

Вечером того же дня пришёл к новосёлам мастер цеха, в котором работала Мария Николаевна, принёс с собой небольшой прямоугольный ящик, подмигнул детям:

– Ну что, с переездом вас, гаврики! Хорошо, смотрю, устроились. Вот вам к новоселью и посылочка, – сказал мастер и поставил ящик на стол.

– Нам? Точно нам? – в замешательстве спросила мама.

– Именно так. Прямо с Урала – вам. На ней ясно написано: «Жителям блокадного Ленинграда». И приписочка есть: «Мамочке с детьми».

Мужчина помог открыть посылку, мама ахнула и заплакала, глядя на содержимое. В ящике лежали два шмата сала, мешочек ржаных сухарей и по две пары детских носочков и варежек.

– Ведь мы до лета с таким богатством доживём! – счастливо шептала Мария Николаевна, перебирая неожиданные подарки.

– И до победы доживём! Правда, гаврики? Вся страна, ребята, с нами...

– Вот так вот, деточки, – задумчиво проговорила старушка-соседка, заканчивая свой рассказ, – если бы не та посылочка с Урала, мы бы вряд ли до лета дожили, попали бы в скорбный список умерших от голода ленинградцев, ведь доходягами уже были. Безымянные уральцы спасли и меня, и маму, и названного братца Серёжу. Может, это кто-то из ваших предков нам руку помощи протянул...

Она заулыбалась, смущённо оглядывая притихших и потрясённых ребят. Им сейчас казалось, что рядом сидит не старушка, похожая на сову, а маленькая хрупкая Людочка, которая пережила такое, что и представить сложно. Блокада, которая казалась им раньше чем-то вроде истории из остро-сюжетного фильма, стала вдруг страшной трагической реальностью, которая переворачивала душу.

АНДРУСОВА ВИКТОРИЯ

1 курс

Наставники: Сорокина Ирина Сергеевна, преподаватель русского языка и литературы, Панькова Марина Александровна, преподаватель русского языка и литературы,

Областное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Курский государственный техникум технологий и сервиса»,

Курская область

Бронзовый мальчик

Тёплый летний вечер. Центральная улица родного Курска. Пушкинский. Театральная площадь. Сквер. Асеевка. И Бронзовый мальчик, одиноко стоящий на табуретке босиком... Невысокий в силу своего юного возраста, в военной гимнастёрке, на хрупкие плечики наброшена армейская шинель. Под табуретом – солдатские сапоги. Не могли пройти мимо. Решили с девчонками сделать селфи на память об этой незабываемой встрече.

Новая встреча с Бронзовым мальчиком не заставила себя ждать. 22 июня, День памяти и скорби. Улица Ленина, Областная научная библиотека имени Н. Асеева. Акция памяти. И снова Бронзовый мальчик. А вместе с ним почти полмиллиона советских детей. Сыны и дочери полков, воспитанники лётных частей, юнги, медсёстры и санитары, партизаны и подпольщики, разведчики, связисты. Они навсегда вписали свои имена в историю нашего Отечества.

Серёжа Анненков, Стасик Меркулов, Нина Букреева, Коля Печененко, Маша Щербак, Серёжа Пятовский, Валя Диканова, Виталик Чижиков, Валя Крохин – и это далеко не полный список детей из Курска, повзрослевших слишком рано. Детей, смотревших смерти в глаза. Детей, характеры которых закалились в огне войны. Город наш небольшой. Эти дети могли бы учиться в одной школе, ходить в кино, кататься на каруселях в парке, лакомиться в кафе мороженым. Но этим планам и мечтам не суждено было сбыться: оккупация Курска, зверства

фашистского режима, голод и разруха навсегда украли у этих детей их беззаботное детство.

В моей руке свеча памяти, вокруг торжественная тишина и звуки метронома. Они уносят меня в далёкий сорок третий. Я слышу голос маленького фронтовика Серёжи Пятаковского.

– Я, восьмилетний мальчишка из Курска, вместе с мамой и папой попал на Прибалтийский фронт в 1943 году. Мой отец, заместитель начальника военно-полевого эвакуационного госпиталя № 1394, день и ночь спасал раненых бойцов. Мама всегда была рядом, подносила бинты, кормила тяжелораненых из ложечки, приговаривая: «Терпи, родной, дома ждут».

Я не мог сидеть сложа руки: то санитарке раненого бойца перевязать помогу, то сбегаю в штаб с документами, то по хозяйству похлопочу, то бойцам письма от родных по слогам почитаю.

Под Тихвином стало особенно тяжело. Шёл самый разгар войны. Ленинград и его окрестности обстреливали постоянно. Я очень боялся бомбёжек. Отец придумал хитрость: он брал меня с собой в госпиталь, чтобы «усмирить» бойцов. Не будут же солдаты при мне от боли кричать благим матом? Постесняются при виде маленького мальчика. Было страшно. Но это мало кого волновало. Я же мужик, хоть и маленький. При каждом вражеском налёте я крепко сжимал кулаки и тихонечко пел «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг». Помогало, но ненадолго.

1944 год. Польша. Наш эвакуогоспиталь разместился в небольшом городке Кенаце. Надеюсь, что на святое фашист не посягнёт, местные власти выделили под санчасть костёл. Но остервеневшим, терпящим поражение немцам было уже всё равно. После них оставалась только выжженная земля. Было очень страшно! Но мы выстояли.

Прошло два года. Мне десять. Германия. Бромберг. Удивительно: впервые вижу нетронутый бомбёжками город. Здесь же я заглянул в глаза смерти. Помогая солдатам Красной Армии отыскать притаившихся в погребе нацистов, подорвался на mine и чудом остался жив. В рубашке родился.

Арнцвальд. Здесь наш госпиталь встретил Победу. Эта майская ночь сорок пятого осталась в памяти навсегда. А в обгоревшем Рейхстаге в рыцарском зале навсегда осталась запись, сделанная мной на стене карандашом: «Серёжа из Курска. 10 лет».

Звонкий девичий голос перебил Серёжу. Это Маша Щербак и её совсем недетская история.

– Война застала меня за школьной скамьёй. Братья и отец уже давно на фронте. Я в госпитале, ухаживаю за ранеными. Каждый день на моих

глазах умирают чьи-то отцы, братья, мужья, сыновья. И вот однажды беда пришла в наш дом: две похоронки на Ивана и Володьку лежали на столе. Судьба испытывала меня на прочность: пришлось пережить ещё одну потерю. В госпиталь привези с фронта тяжелораненого бойца. Он был похож на нашего Володьку. Я по-особенному относилась к нему: он мне напоминал старшего брата. Несмотря на усилия врачей, спасти его не удалось. Почерневшая от горя, одержимая ненавистью к фашистам, у его могилы поклялась отомстить за всех: за друга, за погибших братьев и отца, за украденное детство.

В июне 1942 года получилось тайком сбежать из дома. Пришла в Усманский военкомат. Военком категорически отказался брать меня на фронт: «Стукнет восемнадцать – приходи!» В ответ я утвердительно заявила: «Не буду ни пить, ни есть, умру на ваших глазах, если не отправите на фронт». Утром следующего дня мы снова встретились. Поняв, что я не отступлю, он приписал мне два года и выдал направление на сборный пункт. Курсы пулемётчиков. Передовая. Чтобы не болтали лишнего, пошла на хитрость: коротко постриглась и выдала себя за мальчишку, назвавшись Володькой в память о погибшем брате. Но правда вскрылась через два месяца. Рядовой Щербак 664-го полка 148-й стрелковой дивизии 13-й армии в одном из боёв был ранен. Чтобы спасти мою жизнь, санитар рванул гимнастёрку... Так я стала рядовой Марией Щербак. Но для своих осталась Володькой.

В боях на Курской земле на мою долю выпало много тяжёлых испытаний. Однажды я чуть не погибла. Фашист давил. Пулемёт трещал без остановки. Патроны заканчивались. Смерть была близко, но я решила стоять до конца. Последнее, что помню, – дуло вражеского «Тигра». А вот как очутилась в окопе – не помню. Засыпало землёй, оглушило, но не раздавило. Услышав немецкую речь, поняла, что в глубоком тылу врага. Чудом удалось выбраться и спрятаться в посадке. Пять дней бродила по лесу, пока не наткнулась на разведчика, которого отправили на мои поиски.

И снова бой. Немцы вышли из села и, маскируясь в кустах, стали приближаться к нашим позициям. Сержант Ткаченко был ранен, упал рядовой Брянцев. Я осталась одна. «Отходи! – крикнул кто-то. – Наши все отошли!» Я махнула рукой, схватила пулемёт и разрядила обойму. Полсотни фрицев навсегда остались лежать в курских лесах.

Победу встретила в Польше, в девятнадцать. Дальше Усманская медицинская школа, потом работа фельдшером. Забота о людях стала смыслом моей жизни. Часто перечитывала фронтовые письма боевых

товарищей: «Здравствуй, дорогой наш фронтовой Володька! Я снова вспомнила этот курносый носик, который торчал из окопа и строчил из пулемёта. Как здорово ты была врага!.. А ещё помню, как однажды ты появилась со своей ротой автоматчиков, солдаты закричали: “Ура! Володька с нами – будет победа!” Командиры боялись за тебя, очень уж ценили и уважали... Целую тебя, твоя фронтовая подруга Маруся Гладких».

В огне войны сгорело моё детство. Но я об этом не жалею. Вы только помните! – завершила свой рассказ Мария Щербак.

Маша держит за руку невысокого мальчика. Серёжа Аненников торопливо начинает свой рассказ.

– Июль сорок третьего. Северный фас Курской дуги. Мне двенадцать лет. На фронт попал обманом: спрятался в машине между ящиками со снарядами. Как сейчас помню свой первый и последний бой. Третьи сутки фашисты настойчиво пытались прорвать нашу оборону. Мы стояли насмерть. Спалили восемь «Тигров». Из огненного дыма остервенело выскочила «Пантера». Все артиллеристы погибли. Остались только я, лейтенант и связка гранат. Командир схватил гранаты и замертво упал. Завершить его дело пришлось мне. Взрыв, контузия, темнота. Очнулся от боли. Кругом немцы, добивают раненых. Я сжался в ожидании смерти, было очень страшно, но ни один мускул на моём лице не дрогнул. Так хотелось жить. Немец пнул меня в висок, второй ударил по лицу. «Er ist tot», – подытожил третий.

Медсанбат. Слава Богу жив. Иван, Санёк, Иса, Мурат, Стёпа – все они остались в братской могиле на Курской дуге. Бессонными ночами я представляю за окном на пустыре цветущий сад – сад памяти и скорби. В этом саду у каждого дерева есть имя: Иван, Санёк, Иса, Мурат, Стёпа...

Лучи восходящего летнего солнца скользнули по мужественному лицу Бронзового мальчика. Истории детей, чьё детство украла война, заставили меня на многое взглянуть иначе. Мы, современные подростки, привыкшие к сытой жизни, дорогой одежде, гаджетам, забыли о тех детях, благодаря которым у нас есть сегодня возможность учиться, смеяться, путешествовать, заниматься спортом – просто жить. А что можем сделать мы для них? Помнить! Вечно помнить! Помнить вопреки! И быть достойными их подвига:

*Детям, пережившим ту войну,
Поклониться нужно до земли!
В поле, в оккупации, в плену,
Продержались, выжили, смогли!*

А гуляя по улице Ленина, обязательно посетите уникальное место – военно-исторический музей «Юные защитники Родины». Это единственное в России и на всём постсоветском пространстве хранилище историй детских судеб, искалеченных войной. Такие музеи – это места нашей силы, связующая нить поколений, которая так важна в наше непростое время.

Примечание

В основу рассказа легли реальные истории подвигов курских детей и подростков в период Великой Отечественной войны.

Источники

1. Архивная служба Курской области. URL: <http://archive.rkursk.ru/gako/info> (дата обращения: 18.11. 2024).
2. Её звали Володька: История отважной пулемётчицы // Аргументы и факты. Черноеземье. URL: https://chr.aif.ru/lip/people/eyo_zvali_volodka_istoriya_otvazhnoy_pulemyotchicy (дата обращения: 18.11. 2024).
3. Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 18.11. 2024).

ГЛАДЧЕНКО АЛИНА

2 курс

Наставник: Степанова Елена Сергеевна,
заведующий библиотекой,

Государственное профессиональное
образовательное учреждение
Анжеро-Судженский политехнический колледж,

Кемеровская область – Кузбасс

Ленинградские сибиряки

82 года со дня полного снятия блокады Ленинграда. Минула не просто эпоха. Прошла, пролетела жизнь нескольких поколений людей. О блокаде написаны тысячи книг, созданы сотни кинофильмов и известно, кажется, всё. Невозможно без содрогания читать об этом... Чудовищно. Бесчеловечно. Особенно страшно то, что эти преступления совершались против детства. И всё равно этот многоголосый хор памяти не смог вместить историю каждого, кому пришлось пережить страшное время блокады глазами и сердцем. Среди них – мои земляки...

День 27 января всегда начинался для них одинаково: что-то щемящее с утра поселялось в душе. Анатолий Калинин, Нина Куринская, Михаил Сидоркин с утра просыпались другими людьми – теми четырёх-пятiletними ребятишками, для которых много лет назад 8 сентября 1941 года стало началом конца их недолгого детства, радостей, нормальной человеческой жизни. Уже давно взрослые люди, сибиряки, анжеросудженцы, 27 января в своих мыслях они всегда были там – на Фонтанке, на Малой Охте, в Языковом переулке... На своей родине. В Ленинграде.

Толя Калинин

Июнь 1941 года. В уютной двухкомнатной квартире Калининных на Набережной реки Фонтанки, 24 началась совсем другая жизнь, а счастливое довоенное детство как будто стёрлось из памяти. Сначала папа ушёл на защиту Ленинграда. Потом маму направили рыть окопы на оборонительных рубежах. Елизавета Фёдоровна уходила затемно и возвращалась очень позд-

но, еле живая от усталости. Толя с замиранием сердца слушал её разговоры с бабушкой. Страшно было даже представить, что маму могут убить фашисты: женщины работали под постоянными налётами. Немецких лётчиков, летавших совсем низко на бреющем, можно было разглядеть в лицо. Они расстреливали в упор, сбрасывали листовки. А потом придумали себе новое развлечение: бросали с самолёта несколько банок консервов и выбирали себе мишенью тех, кто пытался их поднять... Пытались... Дома ждали голодные дети, и матери на приказ «Бросай работу! Воздушная тревога!» не прятались в свои же окопы, а, пользуясь «передышкой», бежали на поле, рыли снег, доставая хоть какие-то листья, оставшиеся после уборки урожая: приготовленный из них «суп» отвоёвывал ещё один день жизни у вечно голодной смерти...

Двухлетняя, почти прозрачная Люся уже знала цену хлеба: когда мама разрезала кусочек, она слюнявила пальчик, подставляла его и ждала: вдруг упадёт крошечка! А когда во время скудного обеда Люся вдруг сползала на пол и подбирала там какие-то невидимые крошки, бабушка тихо, бес- сильно плакала.

Последняя вещь из довоенного гардероба – любимое мамино крепдешиновое платье – была обменена на две столовые ложки крахмала. Спасая детей, мать отдавала им свой хлеб, а взамен варила себе из клея суп (разваривала его с лавровым листом, чтобы перебить тошнотворный химический запах: этот клей использовали при изготовлении шапок. Маленький Толя, не по-детски зная о смерти, плакал и просил: «Мамочка, не ешь, у тебя в животе всё слипнется и ты умрёшь!»)

К голоду и холоду прибавилась ещё одна беда: во время бомбёжки рухнула половина дома. Семья Калининных осталась жить в своей уцелевшей квартире, спускаясь на улицу по лестнице, оставшейся висеть снаружи...

Мальчишке тоже хотелось, как и папе, бороться с фашистами. Он подбирал на улице фугасные бомбочки и нёс домой, чтобы они уже никому не причинили вреда. Бабушка плакала и просила унести их.

Спасение пришло в 1943 году, когда семью отправили в эвакуацию. В общей колонне брели взрослые и совсем маленькие дети, поддерживая друг друга. Толя вёл за ручку Люсю, мама почти несла бабушку. В другой руке мальчик нёс чайник, который мама велела ни при каких обстоятельствах не потерять (он много раз в дороге спасал их). Когда детей рассаживали на катере, мама дала Толе его свидетельство о рождении, и он крепко-накрепко запомнил её слова: «Его нельзя потерять! Если что-то случится, я тебя никогда не найду! А ты маленький, можешь забыть, как тебя зовут!»

(И сразу в памяти – проникновенный, невероятно искренний фильм «Помни имя своё» и заклинанием звучащее «Помни: тебя зовут Гена Воробьёв. Твоя родина – Советский Союз».)

Последний рубеж на пути к спасению преодолели не все: семь катеров по дороге разбомбили фашисты, до спасительного берега дошёл только один. Семье Калининых посчастливилось уцелеть...

Нина Куринская

Ленинград. Малая Охта. Деревянный двухэтажный дом, нарядный, подновлённый весной свежей известью. Дружные соседи. А каждый вечер обязательно – с братом Васей бежать навстречу маме, встречая её с работы...

1941 год. Нине – четыре с половиной года. «Папа ещё с 1940 года на Финской. Мама работала на Кировском заводе. Она сшила для нас с братом мешочки на верёвочках, клала в них по 125 граммов хлеба и вешала каждому на шею, чтобы мы ели свой хлеб, пока она на работе». Но Васе хлеба не хватало, он тяжелее переносил голод. Порой, не выдержав, съедал весь хлеб у сестры. И тогда до прихода мамы девочка грызла ногти. Их, по сути, уже и не было – кровавые подушечки вместо ногтей... Мама как могла подкармливала детей: свою рабочую норму хлеба делила на троих, делала лепёшки из куска какой-то спрессованной массы (размоченная в воде и разбавленная бог знает каким суррогатом, она делалась почти съедобной). А когда не стало и этого, варила желе из столярного клея. Вася это есть не мог...

Наступившая зима безжалостно добивала в неотапливаемой квартире уже истощённых её обитателей. От холода и голода пытались спастись кипятком. Движимые только одной целью – не упасть на улице, донести до дома хоть немного воды, брат с сестрой тянули санки с ценным грузом. Часто останавливались отдохнуть, но довозили воду. А потом настал такой момент, когда мама так распухла от голода, что Нина её не узнавала, а брат совсем слёг. Тогда девочка сама брала чайник и шла за водой...

В опубликованных воспоминаниях блокадников я встретила такую фразу: «Всё это надо видеть, среди этого надо жить, чтобы на всю жизнь пронести память о проклятом времени». Нина всю жизнь помнит своё детство в осаждённом городе: это повсюду мёртвые люди, это похожие на покойников еле живые, с трудом шевелящие ногами, это страшные дистрофики. Что давало силы жить, когда уже сил этих не было? У Нины было огромное счастье – у неё была мама! Поэтому она терпеливо стояла длинную очередь у колонки, а потом с большим трудом взбиралась по лестнице на второй этаж, еле передвигая большие, не по размеру валенки.

Ещё один ленинградец, выживший в блокаду, писал, что «спасала от смерти “микрожизнь” – это когда, чтобы защитить себя от ощущений, мыслей, всего происходящего ужаса, человек наполнял её лишь несколькими событиями: принести откуда-нибудь воду, сварить обед (он был центром дня!), ватными ногами измерить лестницу». В этой «микрожизни» у Нины как-то случилось «счастливое» событие: поднимаясь с водой, она увидела в открытую дверь соседку, бабу Соню. Та лежала на полу, а возле неё – с десятков рассыпанных зёрен риса. Поднять зёрна не получилось, не слушались руки. И тогда девочка собрала их ртом и отнесла маме. Она отдала крупинки Васе. Измученной голодом Нине это далось нелегко, ведь она взяла чужое... Мама её успокоила, сказав, что бабе Соне рис уже не потребуется: она умерла.

Зимой тихо во сне умер Вася. Мама с Ниной проводили его в последний путь: завернули в простыню, положили на саночки и повезли на кладбище. Идти было недалеко, но дорога эта казалась такой длинной. Может, потому, что на конце её была выкопана общая могила? А потом... Вася упал в яму лицом вниз, тихо плакала мама, над братской могилой установили столб с указанием года и месяца захоронения...

Весной получать хлеб по карточкам ходила Нина: мама уже не вставала, практически умирала от истощения. В один из таких походов измождённого ребёнка выбрали на улице и увезли в детский дом в Ярославскую область.

Только богу известно, сколько слёз было пролито Анной Тимофеевной. Она почти не могла ходить, но искала дочь...

Судьба сберегла эту девочку. В 1946 году, возвращаясь после рабочей смены, на трамвайной остановке Анна Тимофеевна поделилась со случайной попутчицей своей историей. Невероятно, но этот разговор услышала стоявшая рядом заведующая детским домом – тем самым, где три года жила Нина! Спустя месяцы мучительных ожиданий Нина вернулась в родной дом. Из 54 человек, проживавших там до войны, после блокады в живых остались четверо.

Миша Сидоркин

Выборгская сторона. Языков переулок, 9. Небольшая квартира, в которой всем хватало места, тепла, любви. Перед самой войной в семье родился второй ребёнок – Володя. Старшему Мише – четыре.

Июнь 1941 года обрушился на семью, оглушив горем. Отца в первые же дни призвали на фронт. Елене Никоновне с детьми пришлось испытать на себе всю тяжесть первой Ленинградской блокадной зимы.

Миша со всеми наравне переносил бомбёжки, обстрелы, голод, холод, отсутствие света и воды. Ходили на ощупь в крошечной тьме коридоров

и обледенелых лестничных клеток. Комната освещалась маленькой коп-
тилкой. Ни одеяла, ни матрасы, которыми закрывали окна, не спасали
от холода. С трудом маме удалось раздобыть буржуйку: грудной младенец
нуждался в тепле и сухой одежде. Миша изо всех сил старался обеспечить
топливом эту прожорливую печь – насколько позволяли силы четырёхлет-
нему ребёнку. Но как ни старались мама с Мишей, зиму маленький Володя
не пережил. Ему не было и года... Он покоится на Пискаревском кладбище,
в братской могиле.

А в осаждённом городе продолжались жизнь и борьба, маму направили
работать на завод. Миша оставался один. Целый день (а порой и всю ночь)
он терпеливо ждал маму. Было так страшно и темно, что иногда он сры-
вал с окна светомаскировку: всё выглядывал на улицу, не идёт ли мама...
Как страшно одному, когда взрывы трясут дом! Он как бы качается, кажется,
как на пружинах. Как страшно, когда из окна видишь только одно: погибших,
умерших, полузасыпанных снегом... Как сильно хочется есть...

Мишу с мамой эвакуировали нескоро, почти в самом конце блокады.
От семьи осталась только половина.

Этим детям повезло: все выжили, все вернулись домой. Но судьба рас-
порядилась так, что уже через несколько лет они стали жителями Анжеро-
Судженска, небольшого сибирского городка. Кто-то не мыслил себе жизни
без Ленинграда, а многие семьи не смогли начать новую жизнь на пепелище:
там они потеряли всех своих родных.

Нина Куринская давно уже Шаповалова. Ушли от нас Анатолий Калинин
и Михаил Сидоркин. Но жива память. Живы Набережная реки Фонтанки
и Малая Охта, Языков переулок продолжает свою историю как улица Бело-
островская. Наши ленинградские сибиряки – светлые и очень добрые люди.
Читая их воспоминания, сама, кажется, чувствуешь их боль, страдания, по-
тери. Их истории – это не только личные трагедии. Их голоса влились в об-
щую героическую летопись под названием «Говорит блокадный Ленинград».
Чтобы знали. Чтобы помнили.

Источники

1. Лидия Кулиничева. Желе из столярного клея, или Воспоминания о блокадном Ленинграде // Огни Кузбасса. URL: <http://www.ognikuzbassa.ru/category-memory-book/952-lidiya-kulinicheva-zhele-iz-stolyarnogo-kleya-ili-vospominaniya-o-blokadnom-leningrade> (дата обращения: 09.12.2024).
2. Шаповалова Нина Семёновна // Семейная хроника войны. URL: <http://fhw.kemrsl.ru/semhron/content/history/?id=613> (дата обращения: 09.12.2024).

ГОРЕНКОВА АЛИНА

2 курс

Наставник: Бабурина Александра Геннадьевна,
преподаватель,

«Политех “Дубна”» (филиал) федерального
государственного бюджетного
профессионального образовательного
учреждения

«Подмосковный политехнический колледж»,

Московская область

...Светлы весной рассветы над Хатынью³

Вот деревня Хатынь...

Где дома, плетни?

Только трубы печные вокруг одни.

Только трубы да медные колокола:

Голоса всех сгоревших Хатынь обрела:

– Я со...жжён... Мы сго...ре...ли.

И снова звон:

– Я сго...рел. Я – то...же. Со...жжён! Со...жжён!

Снова вспыхнет Хатынь, озаряя мир,

Крик исторгнет из каменной груди,

Если в мирном уюте своих квартир

Про неё забудете, люди!

Автор неизвестен

Мой папа родом из Белоруссии. Он много рассказывал нам с мамой о сво-
ей родине. Белоруссия – страна голубых озёр, бескрайних многолетних ле-
сов. Какие просторы, сколько воздуха. Живут в Белоруссии хорошие добрые
люди. Есть там и ремесленники, и рукодельницы, и крестьяне. Люди в этой
стране любят трудиться. Труд уважают и относятся к нему с почтением.
Мы давно хотели поехать к папе на родину. К счастью, сегодня путешество-
вать можно и виртуально. И вот мы отправляемся в белорусскую деревень-
ку... которой нет.

Деревня... Пахнет душистым хлебом и парным молоком. Утреннюю
зарю тревожат голосистые петухи. Слышатся переборы гармошки, звонкие

³ Ирина Коротева «Хатынь».

частушки, весёлые песни, беззаботный смех девчат и парней. Но ничего этого нет! Хатынь... Скорбная тишина. И сразу умолкает смех, и суровыми становятся лица. И вдруг в этой тишине раздаётся приглушённый удар колокола. Ему вторит другой, третий, четвёртый. И вот уже гудит колоколами земля со всех сторон. И кажется, что слышишь тяжёлый топот кованых сапог, душевраздирающие крики женщин, надрывный плач детей, автоматные очереди, страшный гул огня... А потом снова – тревожная тишина. Мемориальный комплекс «Хатынь» – символ трагедии советского народа. Памятник скорбной страницы истории времён Великой Отечественной войны.

Ни на одной самой подробной географической карте мы не найдём сегодня этой белорусской деревни. Но Хатынь была. Её уничтожили 22 марта 1943 года. Хатынь вместе с жителями сожгли каратели из 118-го батальона шуцманшафта 201-й охранной дивизии и особого батальона СС «Дирлевангер». Отряд карателей окружил деревню, мирно стоявшую в низине между холмов, среди задумчивого бора. Из хат выгнали всех: детей, стариков и женщин. Прикладами поднимали с постели больных. Не щадили и матерей с младенцами на руках. Гитлеровцы облазили каждую избу, погреб – не спрятались ли там кто-нибудь. А потом под дулами автоматов всех согнали в большой сарай. Люди стояли, тесно прижавшись друг к другу, объятые ужасом. Все сердцем чувствовали: готовится что-то страшное, бесчеловечное. И всё же надеялись на спасение. Но фашисты уже вынесли мирным жителям смертный приговор! Гитлеровцы заперли дверь, обложили сарай соломой, облили бензином и подожгли. Огромное зловещее пламя взметнулось в небо. Люди задыхались в огне.

Под напором десятков человеческих тел не выдержали и рухнули двери. В горящей одежде, охваченные ужасом, задыхаясь, люди бросились бежать; но тех, кто вырывался из пламени, расстреливали из пулемётов... Обезумевшие люди метались в толпе, словно волны, лилась кровь из тел раненых и убитых. «Обвалилась горевшая крыша, страшный, дикий вой людей ещё усилился. Под ней горевшие живьём люди так вопили и ворочались, что эта крыша прямо-таки кружилась», – читаешь слова одного из выживших в этой трагедии, и тебя тоже охватывает ужас. Хатынская земля потемнела от крови, содрогнулась от мук людских. Но не дрогнули каменные сердца изуверов.

Горький дым пожара и холодный безжалостный свинец навеки погасили солнце в глазах 149 человек. Дома хатынцев каратели разграбили и сожгли. Сейчас на месте каждого подворья чернеют каменные нижние венцы срубов. А над ними, как печные трубы на пепелищах, возвышаются обелиски, увенчанные колоколами. Голос их реквиемом плывёт над полями и лесами, справляя вечную тризну по тем, чьи имена записаны на этих памятни-

ках. Читаешь фамилии, имена, и растёт возмущение. Пеплом стали дети... 75 детей до шестнадцатилетнего возраста: Рудак Софии исполнилось пять лет, Стёпе Иотко было тогда четыре года, Мише Желобковичу – два, Новицкому Михаилу – два, а Толику Яскевичу – всего семь недель. Что плохого они могли сделать фашистам? За что их убили? Они так и не успели понять, зачем сгоняют всех в этот тёмный сарай, зачем заколачивают широкие ворота... Я тоже не могу понять, как можно поднять руку на беззащитного ребёнка. Как можно не чувствовать чужую боль. Как вообще совершившие такое – трудно назвать их людьми – могли потом жить, радоваться, смотреть на своих детей.

На третий день после трагедии жители окрестных деревень похоронили тела убитых. Из взрослых жителей деревни выжил лишь 56-летний деревенский кузнец Иосиф Иосифович Каминский. Обгоревший и раненый, он пришёл в сознание среди горы мёртвых тел. За день поседевший мужик-богатырь, легко ворочавший в кузне двухпудовым молотом, производил впечатление измождённого старика... Среди убитых он нашёл своего сына Адама. Мальчик был ещё жив, но безнадёжен: огнестрельное ранение в живот, обширные ожоги. Взяв мальчика на руки, отец побрёл с ним по трупам, рассчитывая найти приют на хуторе у дальней родни. Но не донёс: Адам скончался на руках отца. Теперь в центре комплекса стоит шестиметровая бронзовая скульптура под названием «Непокорённый человек» – это дань уважения Иосифу Каминскому и его сыну и символ несломленного советского человека. Глядя на неё, чувствуешь горечь, боль утрат и восхищаешься стойкостью хатынцев.

На одном из участков мемориального комплекса создано страшное кладбище – «Кладбище деревень». 185 могил, каждая из которых одна из невозрождённых белорусских деревень, сожжённых вместе с населением фашистами. Вдуматься только, трагедия Хатыни повторилась 185 раз!

Читаю показания свидетельницы Синицы Анны Никитичны (село Збыхово):

«Зашли в хату и, не говоря ничего, выстрелили в маму... Я сразу на печь взлетела, и девки за мной. Я у стенки была, потому и осталась. Один на кровать встал, чтобы выше, и стрелял из винтовки. Раз – зарядит, и снова – бах! Сестрёнка была с краю и на мне ещё лежали подруги, соседки наши, я слышала, как убили их. А кровь на меня льётся. “Ой! Мамочка!” – а на меня кровь. Потом я слышала, как говорили, смеялись. Патефон был, так они завели, наши пластинки слушают. “Полушко-поле...” Поиграли и пошли. Я сползла с печи, печь красная-красная, мама на полу, а в окне горит деревня, и мы горим, школа тоже...»

Как же страшно было этой несчастной девочке. За что в одну секунду она лишилась мамы? За что на её глазах убили сестрёнку и подружек? Как можно, совершив чудовищное, спокойно слушать песни? Нет ответов на эти вопросы.

Рядом с кладбищем деревень под звон хатынских колоколов поднимается Стена памяти. Железобетонная. Высокая. Длинная. В стене – ниши в переплётах решёток. Они напоминают окна тюремных камер. За тяжёлыми чугунными решётками – названия лагерей смерти и цифры. Цифры, цифры, цифры жертв. На белорусской земле фашисты построили 260 «комбинатов смерти». Работали эти комбинаты на всю мощь. Тростенец, Масюковщина, Озаричи... Узниками лагерей и гетто становились не только военнопленные, но и женщины, дети и старики. Гитлеровские палачи последовательно и систематически проводили массовое уничтожение мирного населения. Они истребляли сотнями тысяч ни в чём не повинных людей, применяли изощрённые методы пыток, жгли, травили собаками, умерщвляли в душегубках, морили голодом, заражали инфекционными заболеваниями, расстреливали.

Не находишь слов, обрывается сердце, когда смотришь на Стену памяти и Вечный огонь. Вечный огонь – кульминация хатынского мемориала. На полированной поверхности чёрного куба – четыре отверстия. Над тремя зеленеют белоствольные берёзки. Над четвёртым бьётся уже более 40 лет негасимое пламя. Это символ: каждый четвёртый в Белоруссии погиб. И течёт сюда бесконечный поток людей, чтобы поклониться памяти погибших и дать клятву во имя живых и будущих поколений, клятву в том, что ни Хатынь, ни Тростенец никогда не повторятся.

Об этом нас просят жители Хатыни, об этом звонят колокола. Сейчас над могильным холмом хатынцев возвышается Венец Памяти из белого мрамора. На нём – обращение восставших из пепла к тебе, ко мне, к нам – к живущим: «Люди добрые, помните: любили мы жизнь, и Родину нашу, и вас, дорогие. Мы сгорели живыми в огне. Наша просьба ко всем: пусть скорбь и печаль обернутся в мужество ваше и силу, чтобы смогли вы утвердить навечно мир и покой на земле. Чтобы отныне нигде и никогда в вихре пожаров жизнь не умирала!»

С другой стороны венка ответ живых погибшим, и мне кажется, каждый, кто побывал в Хатыни, как торжественную клятву, читает эти слова: «Родные Вы наши. Головы в скорби великой склонив, стоим перед Вами. Вы не покорились фашистским убийцам в чёрные дни лихолетья. Вы приняли смерть, но пламя любви Вашей к Родине вовек не погаснет. Память о Вас в народе бессмертна, как вечна земля и вечно яркое солнце над нею!»

Мы должны знать и помнить эти трагические события. Хатынь преподаёт человечеству простой, как истина, и вечно мудрый урок бдительности. Человечество должно помнить о смертельной угрозе, которой избежало в недалёком прошлом, и ежедневно заботиться о будущем. На земле, увы, никогда не было недостатка во властолюбивых авантюристах, всегда зрели на ней тёмные силы агрессии, которые хотели поживиться за счёт миролюбия других. В наше жестокое время недостаточно любить мир – надо уметь его защищать. И если мы, живя в уютных квартирах, будем заниматься только приятными весёлыми делами, забудем, почему звонят колокола Хатыни, не расскажем об этой трагедии другим, Хатынь напомнит о себе сама. Война, смерть, людское горе смогут вернуться, и тогда Хатынь повторится. А я благодарю всех, кто защищал мою Родину в годы Великой Отечественной войны, кто погиб. Благодарю моего прадеда Хрусталёва Ивана Михайловича. Во время войны он освобождал от оккупации Белоруссию и погиб там. Он защитил мою прабабушку Фрузу, жившую в белорусской деревеньке, которой приходилось прятаться от фашистов. Я благодарна за то, что я родилась и живу.

*...Светлы весной рассветы над Хатынью.
И колокольный звон – слезой Господней.
Пред павшими, под бесконечной синью,
Колени преклоняю я сегодня...*

КАЗАНКИН АЛЕКСЕЙ

1 курс

Наставник: Свириденко Вера Алексеевна,
педагог-библиотекарь,
руководитель студенческого поискового
отряда «Долг»,

Государственное бюджетное профессиональное
образовательное учреждение
«Многопрофильный техникум
имени казачьего генерала С.С. Николаева»,
г. Михайловск, Ставропольский край

Ах, война, что ж ты сделала, подлая...⁴

Это сочинение я хочу посвятить мирным гражданам Советского Союза, уничтоженным фашистами в селе Чернолесском Новоселицкого района Ставропольского края в августе 1942 года. Их имена пока неизвестны. Но я очень верю, знаю, что скоро, совсем скоро мы сможем назвать имена тех, кто был расстрелян в том жарком августе на рассвете за околицей села Чернолесского. И станет меньше на одно безымянное захоронение в знойной ставропольской степи, в котором были скрыты боль, ужас и смерть ни в чём неповинных стариков, женщин, мужчин, детей...

В этом рассказе – всего лишь один день. Один день моей жизни и целая жизнь тех людей, кого мы подняли в той экспедиции. В этот день я впервые стал участником полевой поисковой экспедиции в составе студенческого поискового отряда «Долг», входящего в региональное отделение Общероссийского общественного движения по увековечению памяти защитников Отечества «Поисковое движение России» в Ставропольском крае, которое возглавляет Касмынин Григорий Афанасьевич. Вместе с нами работали на раскопе и поисковики отряда «Георгиевская крепость», командир Стецюк Виктор Викторович.

«Ах, война, что ж ты сделала, подлая...» – эти слова Булата Шалвовича Окуджавы, которые я часто слышал от бабушки и деда, только сейчас обрели для меня тот глубокий истинный смысл, который в них звучит колокольным набатом, пытаюсь разбудить душу каждого, кто их слышит. Именно в тот

⁴ Булат Окуджава «До свидания, мальчики».

день, 23 октября 2024 года, когда я впервые в жизни столкнулся с войной лицом к лицу, эти слова стали для меня до конца понятны.

До этого дня мне казалось, что всё, что было на той Великой войне, уже очень далеко и прикоснуться к подвигу и горю людей нельзя, как нельзя вернуться в прошлое. Но иногда прошлое само приходит в нашу жизнь. Как такое возможно? Оказалось, что и через 82 года после того страшного рассвета в степи, в наше время, тёплым осенним днём можно почувствовать холод душного летнего рассвета, сжимающий ледяной рукой сердце, услышать клацанье передергиваемых затворов автомата и тонкий, почти комариный, звон летящей пули, ощутить горечь травы, в которую падали расстреливаемые фашистами и их приспешниками люди. Просто мирные советские люди: женщины, старики, малыши...

Для меня этот день стал переломным, я стал другим. Я многое прочувствовал, понял там, на раскопе, когда просеивал сквозь сито сухую, жёсткую Чернолесскую землю, больше похожую на камень, глину, которая навсегда пыталась укрыть в своей глубине останки тех, кто был убит тем ласковым августовским утром. Убит просто так. Просто потому, что не такой. Просто потому, что был другим – советским.

Станным и особым был тот день. Как будто мы с ребятами из нашего отряда все вмиг повзрослели, когда впервые в раскопе мелькнули останки тех, кто был уничтожен без суда, без вины. Уничтожен зверски, невзирая ни на что. Мы повзрослели на целую жизнь тех, кто там лежал 82 года, просто в степи, под горой накопившегося за долгие годы железа. Лежал и ждал, когда их найдут, когда их судьбы станут ещё одним обвинением нацизму на суде истории, у которого нет срока давности. Нет. И быть не может.

Когда мы готовились к экспедиции, я не до конца понимал всю трагедию случившегося столько лет назад. Да, в нашей семье помнят войну, помнят наших героев, чтят память всех павших в Великой Отечественной войне. Но я никогда не задумывался о судьбах мирных людей, просто так, ни за что убитых фашистами. Может, в силу возраста – мне всего 16 лет, может, потому, что слишком мало знал об этой стороне войны, я не думал о трагедии тех, кто вот так был уничтожен.

Когда мы ехали к месту работы, мы знали, что будем поднимать мирных граждан Советского Союза, бежавших в первые дни войны с западных территорий на ещё мирную тогда землю Ставрополя. «В 1941 году, когда чёрная беда войны пришла в наш дом, казалось, что всё будет недолго, что скоро Победа...» – так рассказывала моя прабабушка. Так думали и те несколько семей, которым удалось вырваться из Тирасполя, им казалось, что приютившее их маленькое село глубоко в ставропольских степях никогда

не услышит немецкой речи и грохота выстрелов и разрывов. Им казалось, что они спасены. Что опасность миновала. И будет жизнь, просто жизнь: труд, радость, дети.

По свидетельствам очевидцев тех событий в августе 1942 года, жителей села Чернолесского Новоселицкого района Орджоникидзевского (ныне – Ставропольского) края, в село прибыло около 40 человек. Это были беженцы из Молдовы, Украины. Женщины, несколько мужчин, старики, дети. Они бежали, надеясь найти приют на востоке страны, подальше от ужаса оккупации. Село Чернолесское приняло людей, обогрело, разместило на жительство, помогло обустроиться как-то на новом месте. Взрослые начали работать наравне с местными жителями в колхозе.

Фронт приближался быстро. В августе 1942 года земли Ставрополя оказались оккупированы фашистскими захватчиками. Новые хозяева наводили свои порядки на нашей земле. Пришёл враг и в Чернолесское. Многие коммунисты, комсомольцы, активисты, оставшиеся в селе, были арестованы и вывезены в неизвестном направлении. Об их судьбах почти ничего неизвестно.

В первые дни пребывания немцев в селе были заперты в сарае и беженцы, не успевшие уйти дальше. По свидетельству местных жителей, их было 36–38 человек, среди них были и дети, совсем маленькие дети. В один из дней, на рассвете, ещё почти ночью, их всех вывели за околицу села. Согнали в одну кучу. Что-то из одежды полицаи срывали с женщин, стариков и бросали в сторону. Потом несчастных, испуганных людей выстроили вдоль дороги. Потом по несколько человек подводили к краю небольшого оврага, ложбины рядом с дорогой. Наблюдавшим из-за кустов, находившихся метрах в 30 от места казни, местным жителям было видно, что немцы чем-то смазывали губы детям, после чего те падали на землю. Родители их поднимали на руки, полицаи их отбирали и сбрасывали в яму в овражке. Взрослых расстреливали. Убили всех. До одного. Не пожалели никого. Как рассказывали свидетели, земля ещё несколько дней «дышала». Вся эта информация по крупицам собиралась ставропольскими поисковиками около двух лет.

Я знал это, когда ехал в экспедицию. Но когда сам поднял останки крошечных пальчиков ребёнка, мороз по коже пробежал и показалось, что сейчас из-за кустов раздадутся выстрелы. Мне казалось, что я чувствую страх этого ребёнка и его желание жить. Мне стало страшно не от того, что мы делали, а от того, что пережили эти неповинные люди, убитые ни за что.

Потом были ещё находки: останки детей, взрослых, предметы одежды, игрушки, обувь. Детский белый сапожок, а рядом – крошечная куколка, сохранившая своё красное платьице.... Даже зубной протез, удивительно сохранившийся в земле. Самой страшной находкой стали останки крошеч-

ного ребёнка. Их подняли взрослые поисковики вместе с останками мамы. Они держали в руках эти крошечные кости, а я плакал. Плакал потому, что этот малыш не успел сказать «мама». Не успел просто жить. Не успел... Его убили. Плакали и другие мои отрядовцы. Слезы были и на глазах старших поисковиков, которые вернули из небытия не один десяток людей.

Потом мы работали уже молча. Каждый думал о своём. А мне казалось, что где-то кто-то поёт очень грустную колыбельную. Это ветер оплакивал вместе с нами несбывшуюся жизнь этого малыша. Кто это был? Мальчик? Девочка? По заключению криминалистической и генетической экспертизы Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю этому маленькому человеку было всего-то от роду около двух месяцев. Мы не сможем узнать его имя. Вряд ли он был где-то официально зарегистрирован.

Я и сейчас думаю о том, какую жизнь могли бы прожить все эти люди, которых мы подняли за околицей села Чернолесского: кем они были, что любили, как жили когда-то, о чём мечтали. И мне так хочется, чтобы их мечты сбылись. И я понимаю, что своей гибелью они, может быть, как-то дали нам возможность домечтать их мечты, проживая нашу жизнь.

После этой полевой поисковой экспедиции я стал другим. Я теперь понимаю, что такое жизнь и что жизнь каждого – это драгоценный дар, который надо беречь. Как надо особо беречь и память о тех, кто погиб в годы Великой Отечественной войны, погиб в бою, в застенках немецких лагерей. Наравне с ними для меня теперь стоят и те, кто погиб вот так, просто потому что советский, потому что еврей, потому что цыган, потому что русский, потому что не такой... Каждая такая находка – это обвинительное свидетельство в суде истории над нацизмом и неофашизмом, это свидетельство зверств и издевательств, свидетельство геноцида мирного населения на оккупированной территории в результате карательных операций, на принудительных работах в изгнании, в местах массового силового заключения и содержания граждан СССР.

Для меня эта история – очень личная. Очень значимая. Она меня заставила повзрослеть, понять многое и переоценить. Мы с отрядом сейчас много рассказываем ровесникам, что пережили на том раскопе, и видим, как меняются глаза ребят, как меняются их лица.

Здесь всего один день нашей жизни и целая эпоха из жизни нашей страны. Мой прадед Казанкин Борис Угурович тоже остался на той войне, пропал без вести. И я понимаю, что обязан теперь работать по сохранению и увековечению памяти этих людей. Я – командир поискового отряда, я – человек, я – должен!

Ах, война, что ж ты сделала, подлая?..

КАПУСТИНА ИРИНА

1 курс

Наставник: Коновалова Нина Николаевна,
преподаватель русского языка и литературы,

Краевое государственное бюджетное
профессиональное образовательное учреждение
«Шушенский сельскохозяйственный колледж»,

Красноярский край

Старое письмо

Игорь Степанович наконец-то выкроил время для уборки в шкафу. Среди пожелтевших газет и квитанций обнаружилась пачка писем, перевязанных шнурком. «Чего хранит, – ворчал он, имея в виду свою жену, – хлам один!» Верёвочка, перетягивающая письма, лопнула, и всё упало на пол. Кряхтя, Игорь Степанович начал собирать. И тут он увидел то, от чего ёкнуло сердце: листок, исписанный детским почерком. Его почерком! Письмо из Артека! Взяв письмо в руки, Игорь Степанович бережно развернул его. Перед глазами предстали аккуратные строчки: «Дорогие мои родные! Пишу вам из Артека, здесь очень здорово!» И вдруг он «провалился» в то давнее лето 1941 года, которое обещало быть самым-самым счастливым...

Впервые из родного Минусинска он приехал в такую даль – в сказочный Артек! Начиналась вторая летняя смена 1941 года. Ещё в автобусе он пере-знакомился с мальчишками и девчонками, но больше всего ему понравился весёлый Толик. Теперь Игорь стоял, сжимая в руках свой фанерный чемоданчик: «Куда идти?» Но Толик уже всё разузнал, и они побежали в корпус заселяться. Встретили ребят из Молдовы, которые говорили как-то совсем по-своему. Игорь недоумённо моргал глазами, а Толик тут же восхитился: «Во! Слышал?! Мы здесь со всего Советского Союза! Видал, какая у нас страна! В Артеке мы все свои языки выучим!»

... А море, как и представлялось Игорю, действительно, было большим. Оно плескалось у самых ног, когда вожатый объяснял правила.

Вскоре, когда все уже освоились, Игорь решил написать письмо домой, хотелось рассказать всё-всё, чтобы мама и папа знали, какой

он счастливый! «Дни расписаны чуть ли не по минутам! Подъём – зарядка – завтрак, конечно, игры и походы. И Абсолют. Зачем нам вообще тихий час? Это вещь ненужная: вокруг столько интересного. А вожатый рассказал об открытии смены. Про флаг на флагштоке, про огромный пионерский костёр...» Игорь остановился: может, закончить письмо завтра? Завтрашний день обещал быть намного интереснее: открытие смены, к которому так готовился их отряд! Наглажены формы и галстуки, выучены костровые песни. А какой номер самодеятельности они подготовили всем отрядом!

Ночью Игорю не спалось. Комната наполнялась непривычными запахами, за окном шелестели листвой деревья, как бы убаюкивая. Но мысли о завтрашнем дне, полном новых знакомств и ярких впечатлений, не давали уснуть. Ночь казалась тихим предвестием грядущего праздника.

В столовой больше всего Игорю нравились булки с вареньем и горячий шоколад, которого до этого он не пробовал. Затем море и пляж. У них в отряде получилась отличная команда – будут гонять по песку мяч и купаться. Но в дневное время самое сложное – терпеть присутствие Абсолюта! Хотя даже в эти трудные часы можно незаметно вести разговоры и открывать для себя интересные факты о друзьях. Каждый из них оказался здесь неслучайно. К примеру, сам Игорь был пловцом, выигравшим соревнования в своём родном Минусинском районе. Когда на торжественной линейке ему вручали путёвку в Артек, его щёки полыхали, словно пионерский галстук, который он с гордостью носил. Толик тоже был спортсменом. А вот Маша... Вдруг, неожиданно для себя, Игорь, устав за полдня от беспорядочных бегов, сладко заснул... Кто мог тогда предугадать, что это окажется последним мирным тихим часом.

После обеда из громкоговорителя раздался голос, который потом станет известен всей стране. Так Игорь узнал, что началась война. Однако в Артеке, несмотря ни на что, было решено открыть вторую летнюю смену, ведь детство должно быть наполнено радостью. Пусть ребята увезут эти яркие воспоминания с собой.

Дети в пионерских галстуках ждали поднятия флага. Когда он затрепетал на флагштоке, ребята исполнили гимн. Вечером на открытой сцене, украшенной шарами и гирляндами, начался концерт. На сцену выходили юные артисты, было весело и казалось, что никакой войны нет. Многие ждали традиционного пионерского костра, представляли, как будут полыхать поленья и в ночное небо полетят искры. Однако костра уже не было, и в этом чувствовалось дыхание войны, хотя Артек стремился защитить своих маленьких хозяев от неё, подарить ещё немного счастливого детства.

В этот же день за ребяташками стали приезжать родители. Вот и Толик уехал, пообещав писать. Некоторым ребятам возвращаться уже некуда: их дома горели, а по дворам вышагивали фашисты. Игорь и сам не знал, как и когда он сумеет добраться до своего Минусинска, скоро ли увидит родителей. Он не надеялся, что его заберут. Однажды среди прибывших он увидел знакомые силуэты: тётя Катя и дядя Валера – его московские родственники – приехали, чтобы забрать и переправить в родной город.

Оказавшись в Москве, он достал со дна чемодана недописанное письмо. Подробно рассказал о жизни в лагере, об открытии смены, о ребятах, которые за полдня стали взрослыми. О том, что, побывав в Артеке, навсегда остаёшься причастным к его жизни. Обещал, что скоро приедет домой. Он запечатал конверт и отправил письмо матери. Однако до выполнения обещания оставалось дожить до «послевойны»...

Уехать Игорь не успел. Москва подвергалась бомбардировкам, Игорь, как все, дежурил на крыше, разбирал завалы. К концу войны его призвали в армию. Он сражался на передовой, где каждый день был испытанием и проверял на стойкость человеческого духа... Так продолжалась артековская смена Игоря.

Только после войны Игорь Степанович приехал в Минусинск, где встретил свою будущую жену. Они вместе строили новую жизнь на руинах старой, вырастили двоих детей и прожили долгую счастливую жизнь. Иногда он рассказывал детям о своей смене в Артеке, подчёркивая, что «артековец – это навсегда».

Детское письмо вернуло его на дорожки Артека, он снова увидел корпуса и кипарисы, море и горы. Увидел ребят, которые репетируют номер для открытия смены. Письмо из Артека стало не просто историей о детстве, а символом того времени, когда мир вдруг изменился, а детские мечты столкнулись с суровой реальностью войны. Игорь Степанович аккуратно сложил письмо и убрал в шкаф, чтобы сохранить.

КОМЯГИН ИЛЬЯ

3 курс

Наставник: Комягина Татьяна Евгеньевна,
преподаватель русского языка и литературы,

Государственное автономное профессиональное
образовательное учреждение «Зеленодольский
механический колледж»,

Республика Татарстан

Пятнашка

До этого дня у деда в деревне я ни разу не был. По глухим марийским лесам, кое-где перемежавшимся полями и болотами, пришлось добираться на попутках местных жителей, знавших в этих глухих краях каждую дорожку как свои пять пальцев. Здесь, в деревне Шора, живёт мой дед Евгений Афанасьевич. В своё время он наотрез отказался перебираться в город, а у родителей личного транспорта не было, как, впрочем, не было и общественного – от райцентра до глухого марийского поселения. Водитель разбитого грузовичка высаживает меня на обочине. Дальше пять километров пешком пробираться по узкой лесной еле приметной тропинке до старенького покосившегося деревянного домишки. Стучу в калитку. На пороге появляется невысокий, но ещё крепкий дед Евгений. В густой седой бороде еле виднеется узкая полоска губ. Выцветшие голубые глаза смотрят из-под нависших густых бровей удивлённо. Пару минут мы так и стоим молча, разглядывая друг друга.

– Ну, здравствуй, дед! Наконец нашёл возможность добраться в твой медвежий угол, чтобы познакомиться лично. Не признал своего внука Илюшу?!

Дед, прищурившись, смотрит на меня внимательно, надсадно кашляет, утирает усы тыльной стороной ладони. Потом медленно, словно нараспев, произносит: «Оно как, значит, внучек любимый пожаловал... А я тебя сразу-то и не признал... По фотографиям только видел. Рад, что приехал навестить старика. Ну, что стоим-то, проходи, гостюшко дорогой».

Захожу в сени. Носом вдыхаю сладковатый запах прелого дерева и терпкий аромат каких-то сушёных трав. Под ногами жалобно скрипят половицы, слышно, как скребутся за стеною мыши.

Дед, словно помолодев лет на десять, суетится возле печки, греет чайник.

– Ну, как вы живы-здоровы? – спрашивает он меня.

– Всё хорошо, дед Женя, – отвечаю ему. – Сессию закрыл на «отлично», совершеннолетие отпраздновал, решил вот к тебе махнуть.

– Что же, дело хорошее, – говорит он, наливая ароматный чай в большую жестяную кружку.

– Расскажи о себе. Вроде не чужие люди, а я почти ничего о тебе не знаю...

– Да что обо мне, старике, рассказывать? Как все живу: воду ношу, печку топлю, небо своим житьём-бытьём копчу... Ну, а коли и впрямь интересно, полезай на полати, доставай наш семейный альбом. Вся моя жизнь и память в этих снимках хранится.

Снимаю с большой деревянной конструкции под потолком толстый потёртый альбом, а сам уже предвкушаю, как буду по глоточку смаковать ароматный смородиновый чай с мятой и какую-то совершенно удивительную историю жизни моего деда.

Вместе открываем тяжёлый переплёт. С пожелтевших страниц на меня смотрят озорные глаза вихрастого мальчишки. Это дед Женя. Никогда бы не подумал, что в юности он был таким смешным и нескладным. Листаем дальше страницы альбома: вот прабабушка – молодая, красивая, с длинной, в руку толщиной, русой косой. А вот и прадедушка – лихой красноармеец. Родственники со стороны бабушки и деда... А это что?!

– Дед, а зачем тебе в семейном альбоме фотография кошки? – недоуменно спрашиваю я.

– Да как же, – отвечает он, – это же самый что ни на есть главный член семьи. Наша спасительница – Пятнашка.

– Надо же, на вид обыкновенная трёхцветная кошка, каких в деревне пруд пруди. Что же в ней такого необычного?

– А вот я расскажу тебе сейчас одну историю, после которой ты всё сам поймёшь.

История эта случилась в мае 1944 года. Шла война. Отца нашего, Афанасия Демидовича, призвали на фронт в июне 1941 года. Прабабушка Антонина Ивановна осталась одна с малыми детьми. Питались картофельными очистками да лепёшками из лебеды. Старшую, Надю, матушка пристроила нянькой в соседнее село. Платили горсткой муки да горбуш-

кой хлеба. Пятнашка наша стала основной добытчицей и кормилицей: то куропатку из леса принесёт, то маленького зайчишку добудет. Одним словом, охотничья, значит, вышла кошка. Так и жили потихоньку. А за год до окончания войны в нашу деревню пришли каратели. Лютовали сильно: жгли избы, расстреливали женщин и детей. Мать, когда выстрелы и крики услышала, хотела с нами в лес бежать, как соседка. Да Пятнашка ей в ноги вцепилась зубами, словно беду почуяла. Тогда нас, младших, в печку затолкали и плотно прикрыли заслонкой. Сама же она вместе с Надей выскочила из дома, чтобы немцев на себя отвлечь. Далеко убежать им не дали, открыли, как на дичь, охоту. Матери повезло больше: пули попали в сердце и в голову. А над Надей фрицы долго издевались: прострелили сначала одну ногу, потом другую, а затем методично добивали маленькое скрюченное тельце прикладами. Но обо всём этом мы узнали позднее. А тогда нам повезло, что наш дом не сожгли. Немцы долго топтались в комнатах нашей избы, что-то громко обсуждали, искали, как и в других домах, спрятавшихся малышей. Потом голоса и шаги начали удаляться. Еле живые от страха и духоты в тесной печке, мы не сразу решились выбраться из своего укрытия. Хоть и были детьми, но понимали, что кричать и плакать нельзя, как нельзя теперь выходить из дома и топить печку. Сложнее обстояли дела с двухлетним Митей, который к тому времени проснулся и начал хныкать. Услышав его тихие всхлипывания, с полатей прыгнула Пятнашка. За две недели до этих страшных событий она окотилась, но котят не выжили. Кошка долго жалобно их оплакивала, а потом смирилась с потерей. И вот теперь она вдруг поняла, что может спасти Митю. Она подошла к нам и легла на бок. Тогда восьмилетняя Нина, словно догадавшись, что пытается сказать нам Пятнашка, приложила братишку к кошкиному животу. Митя жадно зачмокал губами. С этого дня нашими глазами, ушами и основным добытчиком стала пушистая защитница. Кошка мяуканьем и шипением предупреждала нас, если к дому кто-то приближался, и тогда мы хватали Митю и все прятались в печку. Кошка таскала нам мелких птиц, которых приходилось есть сырыми. А однажды принесла банку сгущёнки, которую стащила из сарая, переоборудованного немцами под продуктовый склад. Жестяную банку она прогрызла зубами, и мы по очереди высасывали из дырочек сладкую липкую массу. Сама же она ела мало, в основном, крыс и мышей, словно боялась, что нам еды не достанется.

Так мы продержались до осени. А с началом заморозков нашу деревню отвоевали партизаны. Среди них был и наш отец, Афанасий Демидович. Пятнашка первой об этом проведала, хотя признать

в исхудавшем, грязном, бородатом старике нашего отца было практически невозможно. Папа был рад, что почти все мы остались живы. А наша хвостатая защитница была горда тем, что именно она спасла и сохранила семью.

Из деревни я уезжал поздно вечером, всё на том же разбитом грузовичке соседа – дяди Руфаила, а по дороге всё думал о такой трудной и непростой судьбе деда, о его стойкости и мужестве, и о том, что очень сожалею теперь, что так поздно смог с ним познакомиться. А ещё из головы не выходила история той трёхцветной кошки, которая в годы войны проявила храбрость и героизм, наравне с бойцами, защищавшими нашу страну от фашизма. Может, и вправду иногда животные умнее нас? Во всяком случае, человечнее немцев точно! Что было бы с нами: с дедом, мамой и мной, если бы в нашей семье не было Пятнашки?

ЛОРЕНЦ АНАСТАСИЯ

2 курс

Наставник: Колунина Надежда Валентиновна, педагог,

Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Тюменской области «Тюменский медицинский колледж»

Это не сон

Это мы говорим,
мёртвые.
Стучимся в ваши сердца...

Р. Рождественский

Если некто вообразит, что
я его смертельный враг,
и убьёт меня, то я стану жертвой
простого воображения.

К.Г. Юнг

Мне хотелось бы рассказать вам о небольшом событии, которое произошло со мной во времена работы в архиве. Я всегда тяготела к различным историям, неважно, выдуманные они или реальные. Воображение яркими мазками рисовало мне картину, погружая в быт и судьбы людей. Я ознакомилась со множеством документов, касающихся Великой Отечественной войны. Эвакуированные, работа детских домов, заседания членов собрания разных городов, преступления фашистов против населения, личные дневники, но после прочтения документа о смерти девочки меня начали посещать необычные сны, иногда даже кошмары. Они не были сумбурными, имели логику и последовательность, что показалось мне достаточно странным. В заключении судмедэксперта, составленном через некоторое время после освобождения Пятигорска от оккупации, отстранённым медицинским языком описано тело Топсинской Ирины. «Труп девочки длина 130 см правильного телосложения, удовлетворительного питания. Трупное

окоченение отсутствует во всех мышцах. Кожа лица грязновато-красного цвета. Волосы тёмно-каштанового цвета. На голове имеются следы огнестрельного ранения с входным отверстием на затылке и выходным на лбу». Этот документ, как и многие другие, содержит в себе не просто описание мёртвого тела, а целую человеческую жизнь, которая оборвалась так скоро. Далее я опишу вам содержание снов.

Сон первый

Я сижу на кресле с книгой, кажется, я стала меньше. Может, вернулась в детство? Листаю яркие страницы, но текста не понимаю. Здесь и грозный слон, и быстроногий страус, кажется, это Африка. Слышу голос мамы, она зовёт меня, просит поскорее надеть рубашку и обувь. Мы куда-то спешим. Всматриваюсь в её лицо и не узнаю. Пытаюсь что-то сказать ей и слышу детский девичий голосок. Как странно. Мама, кажется, напугана, мне тоже становится страшно, но я не знаю, чего боюсь.

Поспешно выходим на улицу, там люди – много людей, и все куда-то спешат с большими сумками. Мы с мамой ничего не взяли с собой. Кажется, идём в больницу, где она работает. Откуда мне это знать? Но я знаю. Обычно она отводит меня в детский сад, но сейчас говорит, что он закрыт, а мне придётся тихонечко посидеть в больнице, пока она работает.

В стенах больницы тоже какая-то суматоха. Я не хочу оставаться одна, цепляюсь за мамину руку. Она говорит, что всё хорошо и мне нечего бояться. Но по её лицу я вижу, что она обманывает. Слышу голоса санитарок и врачей, они говорят о фашистах и войне. Может, из-за этого такой переполох? Я помню, что мама говорила: «Это далеко, мы будем помогать в тылу, наша жизнь не изменится, тебе нечего бояться». И я не боялась. Она отводит меня в комнату, усаживает на небольшой диван. Я взбираюсь на его спинку и смотрю в окно за потоками людей. Вижу марширующих солдат, что движутся в сторону больницы, расталкивая прохожих. Зову маму с вопросом: «Они будут нас защищать?» Глядя в окно, она бледнеет. Мне становится страшно, сердце гулко стучит в груди, пульсация разливается по всему телу. Я просыпаюсь.

Сон второй

Мама держит меня за руку. Мы на улице, стоим в ряду вместе с другими людьми. Напротив – солдаты, говорят что-то на непонятном мне языке. Кажется, все в замешательстве. Мама просит меня вести себя тише и стоять

спокойно. В мой ботинок попал камешек и теперь мешает. Из строя солдат вышел мужчина и громко сказал: «Все медицинские сотрудники пойдут с нами, если откажетесь – расстрел». Кажется, кто-то начал протестовать, поднялся шум. Я смогла разобрать что-то про людей в больнице и детей. Мне было известно, что мама помогала деткам появляться на свет.

Я дёргала край своей рубашки и всё хотела спросить маму, когда смогу вытащить камешек из обуви. Она крепко сжимала мою руку. Я просыпаюсь.

Сон третий

Чувствую дрожь мамы через сжатую руку. Мы так быстро идём, что я начинаю жадно глотать воздух, горло саднит, и в груди неприятное ощущение. За спиной грубые голоса и непонятная речь. Впереди люди, как и мы, спешно куда-то идущие.

Оказываемся на площади рядом с большим зданием и останавливаемся. Краем глаза я замечаю странную кучу, мама резко одёргивает меня и приказывает: «Не смотри!» Когда мы гуляли здесь в прошлый раз, этой кучи точно не было. Может, память подводит меня?

Людей выстраивают в ряд. Я слышу чей-то плач и причитания. Страх отчётливо передаётся мне сквозь влажную ладонь. Другой рукой мама трёт лицо, кажется, она плачет. Непонятная речь переходит на крики. Я слышу громкий звук справа от себя, пытаюсь закрыть уши и взглянуть на источник шума. Мама не позволяет, крепко прижимая меня к себе. Сердце стучит всё сильнее. Я просыпаюсь.

Сон четвёртый

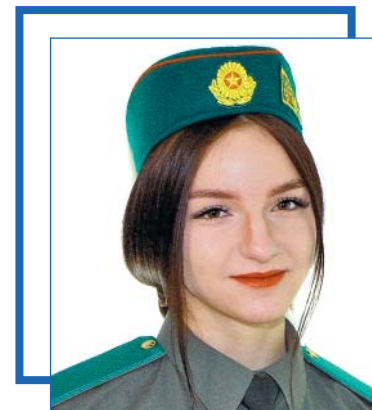
Солдат обращается к маме: «Выбирай, кто будет первым: ты или она?» Указывает пальцем в мою сторону. «Прошу вас, она всего лишь ребёнок. Зачем же вы так?» Она прячет меня за спиной, не разжимая ладоней. «Если сама не хочешь решать, я сделаю это за тебя». Его акцент кажется таким инородным, чужим. Он хватается маму за руку и тянет на себя. От страха я совсем перестаю понимать, о чём они говорят, просто смотрю на маму, потом на свои ладони, потом снова на неё. Пространство, кажется, сузилось до точки, и слышно только биение сердца и собственное дыхание.

Картинки мелькают одна за другой: солдат толкает маму, достаёт оружие, стреляет. Она падает, я вижу её слёзы. Всё больше и больше, всё ближе и ближе к моим ботинкам течёт её кровь. Камешек уже не мешает, совершенно о нём забыла, кажется, это было не так уж и важно.

Я чувствую что-то холодное у своего затылка. Сердце бешено стучит, хватаюсь руками за край рубашки, перевожу взгляд на маму, лежащую прямо передо мной. Слёзы. Щелчок. Я просыпаюсь.

Мои странные сны закончились так же внезапно, как и начались. Я так ярко переживала эти события, что появилась необходимость поделиться эмоциями хоть с кем-нибудь. Документ, несущий в себе холодные, отстранённые знаки, рождает в моём сердце невероятную тоску и боль за тех, чьи жизненные истории изложены в нём. Человеческая память имеет свойство стирать события, лица и имена, но есть вещи, которые мы просто обязаны хранить, передавая их через года, а затем века и тысячелетия. Литература, кинематограф, музыка, живопись – всё это должно помогать человеку погрузиться в прошлое и пропустить его через сознание.

Мы также должны понимать, что семечко идеи, посаженное в человеческие умы, может вырасти в огромное дерево, которое своими корнями оплетёт миллионы людей и заставит их воплощать в реальность самые страшные кошмары. Нацизм – яркое тому подтверждение. Нужно не просто сохранять память о людях и событиях – необходимо находить средства, которые в полной мере смогут донести до каждого человека саму суть произошедшего и не допустить повторения событий.

МАТЫСКИНА КАРИНА

2 курс

Наставник: Бунта Виктор Елисеевич,
преподаватель географии,

Учреждение образования
«Видзовский государственный
колледж»,

Республика Беларусь

За что? Трагедия деревни Лабецкие

На северо-западе Беларуси, где сходятся границы Литвы, Латвии и Беларуси, расположился Браславский район Витебской области. В 10 километрах от райцентра, у дороги, посреди большого поля, стоит памятник жителям деревни Лабецкие, погибшим от рук карателей в годы Великой Отечественной войны.

Но так получилось, что долгое время никто не занимался трагедией этой деревни вплотную, и о ней были только сухие строчки в справочниках: дата, количество жертв и всё... Поэтому в 1990-х годах ученики ближайшей школы решили сохранить память о тех трагических днях, ведь это так важно для нас, не видавших ужасов военного времени, кто не слышал звуков выстрелов! Поэтому ученики ближайшей школы на протяжении трех лет проводили исследовательскую работу по восстановлению хода тех страшных событий. Помогали им в этом свидетели, пожилые люди, которым пришлось пережить это ужасное время. Всего они опросили впечатляющее количество свидетелей – более 100! Особенно подробно и много рассказывала Гелена Киюц, в тот страшный день ей было всего 13 лет, она – последняя жительница села, чудом выжившая в тот трагический день. На основе её рассказов и воспоминаний жителей соседних с Лабецкими деревень школьники смогли обобщить информацию о селе, событиях того трагического дня и судьбе спасшихся жителей. Непосредственным свидетелем гибели сельчан пришлось стать Матеше Николаю, которому власти приказали возить карателей.

И вот эта работа в руках автора – сухие строчки сведений, но, если вдуматься, поставить себя на место переживших эту трагедию, понимаешь: многие строчки наполнены болью и ужасом.

Довоенное время

Как вспоминал Петушко Владимир, житель соседней деревни Новая, в 1943 году в Лабецких было шесть дворов с 34 жителями. Лабочан называли «шляхтой»: они всегда старались достойно одеваться, хорошо работать и культурно себя вести.

Чёрный день 18 февраля 1943 года

Вспоминает Гелена Киюц: «Кроме меня в семье было пять братьев и три сестры. В этот страшный день мне повезло: отец ехал на мельницу и отвёз меня к бабушке, но дома осталась мама с детьми. Когда в деревню заявили каратели, мать, предчувствуя беду, крикнула ребятам, чтобы убегали. Сама, взяв девятимесячного братика Войтека, бросилась за ними, но не успела... Командир карателей Гусев схватил пулемёт и начал стрелять по убегающим моей маме и братьям. Старшим удалось убежать, среднего – Янека – ранило в бок, но он смог догнать братьев и спастись. Маму застрелили, маленького Войтека, который ещё не умел ходить, нашли рядом с мамой, замёрзшего...»

Петрович Юзик, юноша из Лабецких, по приказу оккупантов собирал молоко у населения. Услышав, что в его родную деревню едут каратели, бросился за ними, надеясь спасти близких, сославшись на свою службу властям. Полицейские заградили ему дорогу, но парень был настроен решительно и требовал их командира. Не знал, бедняга, что его ждёт... Тело Юзика нашли рядом с порогом родного дома. Убийцам было достаточно того, что человек с Лабецких.

Сделав своё чёрное дело, каратели бросились грабить дома убитых и грузить добро на сани.

В следующие дни

После расстрела полицейские погнали людей из соседних деревень караулить оставшееся добро погибших. Зрелище было страшное, фашисты стреляли разрывными пулями, свидетели несчастного зрелища рассказывали о развороченных выстрелами в упор телах и головах. Один из невольных сторожей там, в Лабецких, и умер, споткнувшись о занесённый снегом труп. У него не выдержало сердце...

Для устрашения окрестностей оккупанты расстрелянных приказали не хоронить. Прошли недели, пока разрешили предать земле. После расстрела постояла оттепель, а потом ударил мороз. Тела погибших вмёрзли в землю и их вырубали топорами. Мужчины выкопали одну длинную яму.

Убитых укладывали семьями, сверху клали солому и засыпали – двадцать семь тел. Даже ксёндза не было. Наверное, побоялся гнева полицеев.

Прошли недели

Среди погребённых уцелевший Петрович Юлиан не нашёл свою пятнадцатилетнюю дочь Марию. В его отцовском сердце тлела надежда: может, жива, может, спряталась где-нибудь у добрых людей?

Прошло две недели. Начал таять снег, увидел отец на соседнем лугу большое скопление ворон. Предчувствуя недоброе, пошёл туда и увидел тело Мани, уже поклеванное птицами... Похоже, когда приехали каратели, девочка, услышав выстрелы, бросилась бежать. На лугу её и догнала пуля. Долго плакал отец, похоронил её рядом с большой могилой. Маня стала в ней двадцать восьмой.

Судьба распорядилась по-своему

В тот день каратели застали не всех жителей Лабецких. Девять человек спаслись. Один из них – Вацлав Станкевич (отец Гелены Киюц). Он был на мельнице, когда ему передали: каратели поехали расстреливать деревню. Решил уехать прятаться к дальним родственникам. Вскоре, боясь, что укрывшая его семья тоже может быть расстреляна, с мыслью «пусть убивают, мне уже всё равно» вернулся в свой пустой дом...

Уже на следующий день увидел в окно, как к дому приближаются полицаи, сел и начал ждать смерти. Но те зашли, сказали, что с расстрелом вышла ошибка, предложили приехать в комендатуру за помощью. После этой встречи поехал к своей матери, которая прятала Гелену. Дочь и мать с болью увидели, что его голова за эти несколько дней стала седой...

Кроме Вацлава Станкевича спаслись ещё несколько мужчин и подростков: работали в лесу, сдавали налоги, ушли в гости. Практически всем пришлось создавать новые семьи. Двое – Вацлав и его брат Чеслав, ещё молодые мужчины – через год умерли. Остальные уехали в Польшу. Видно, не держала эта земля, политая кровью их близких...

За что?

Трагедия Лабецких оставила загадку, внимательный читатель должен вспомнить: полицейские заявили Вацлаву Станкевичу, что вышла ОШИБКА! Действительно, все выжившие вернулись в свои дома, их больше никто не трогал. Представим себе тела убитых женщин и детей Лабецких – какая здесь могла быть ошибка?!!

Свидетели уверенно утверждали, что расстрел был наказанием за то, что лабочане прятали от фашистов старого еврея Сроля, все её жители были в разной степени свояками и, предполагаем, делили все

радости и проблемы. По какой-то причине этот еврей ушёл из Лабеевских, его схватили полицейские и под пытками заставили выдать прятанных. А это и стало приговором. А потом, возможно, немецкий комендант, узнав, что кто-то выжил, смиростивился и приказал их не трогать. Наверное, Германия нуждалась в продуктах, которые оккупанты выгребали из захваченных земель!

Местный старожил, обсуждая эту ситуацию, бросил жестокую фразу: «Тихо придушили бы Сроля – остались бы живы!» Представьте себе такое время: чтобы выжить самому, нужно убить невинного человека! Вот потому и не поднялась рука у лабчанских мужчин...

Автор слышала: старики, пережившие войну, часто свои воспоминания заканчивали призывом: «Детки! Пусть будет всё что угодно, только не война! Нет ничего страшнее войны!»

МЕНЬШАЕВА ЕКАТЕРИНА

3 курс

Наставник: Екименко Ирина Викторовна,
преподаватель русского языка и литературы,

Государственное бюджетное профессиональное
образовательное учреждение «Тверской
полиграфический колледж»,

Тверская область

Воробушек

Шёл сорок третий год. Была зима. Январь. Мне было восемь. Дни тогда тянулись бесконечно долго и быстро одновременно.

Все мы нещадно голодали. Впрочем, как это можно описать, объяснить. И каково это вообще – «нешадно»? Люди вокруг, мои соседи, родственники, друзья умирали так часто, словно каждый удар метронома отсчитывал новую смерть. Шаг по снегу – хруст, ещё один – хруст, ещё – и всё. Маятник ещё качается, но уже беззвучно. Секунду назад ещё стучало сердце, теплилась жизнь, а потом люди словно застывали. Голод и зима никого не щадили.

Мамина подруга Ольга иногда заходила к нам в гости, когда мама по несколько дней подряд не приходила с работы. До войны тётя Оля, которой было чуть больше сорока лет, была очень весёлой, жизнерадостной. Всегда устраивала для нашей детской компании какие-нибудь шумные игры. А сейчас в её глаза трудно было смотреть. Она постарела за эти два года так, что её глаза стали похожи на глаза её старенькой мамы. Тётя Оля похоронила за время блокады всех своих родных. Сначала она получила похоронку на мужа. Потом один за другим ушли её старики. Не выдержали голода две дочери. Кроме нас у неё не осталось ни одной родной души.

В тот день она помогала топить снег в ведрах на буржуйке: затевалась большая стирка, чтобы совсем не зашиветь. Дров достать не удавалось, и мы разбирали мебель из пустующих квартир. И это топливо экономили, поэтому буржуйка не согревала нас – только спасала от окоченения.

– Вань, поешь, пожалуйста.

Старшая сестра протянула мне жестяную коробочку, поёжилась и укуталась в мамину шаль, а я отлип от окна, медленно подошёл к ней и сильнее укутал её плечи, а младшим натянул одеяло почти до ушей. Их лихорадило. Ольга где-то обменяла хлеб на технический спирт. Сейчас она растёрла младших, которые от голода ослабели так, что сил бороться с простудой вовсе не было. Резвые воробушки, как называла их мама, уже неделю, присмирив, лежали, то бормоча что-то в жару, то проваливаясь в забытье. Из-за холода совсем не было сил двигаться.

Голод. В жестяной коробке осталось три сухарика. Мама должна была вечером вернуться со смены и принести паёк. Она экономила свою рабочую порцию, и ей удавалось за смену посушить нам сухариков. «А если не придёт?» Старшая сестра была за главную и следила за всеми, пока мама вместе с другими рабочими: женщинами, подростками и стариками – делала детали для оружия на переоборудованном заводе. До войны там была кондитерская фабрика, а теперь...

– Не могу. Не... хочу... Вдруг им ещё хуже станет. Я лучше ещё потерплю немного. Мама обещала, что вернётся.

Я врал. Я терпел через силу. До войны мама иногда приносила с фабрики шоколад. Пробную партию продукции не выкидывали, а разрешали взять рабочим. В общем, сладкое радовало. А теперь на тех же сухарях из жмыха приходилось экономить. А сколько – никто не знал.

Очень хотелось обратно к папе, к маме в то довоенное время, когда люди ещё не знали, что оно «довоенное».

Надо было чем-то отвлечь себя от мыслей о еде, и я подошёл к плотно завешенному простынёй окну, чуть-чуть отогнул её край.

– Ваня, не трогай! Не смотри. Еле завесили в прошлый раз!

– Я потихоньку.

За окном был всё тот же белый Ленинград. Улицы давно уже некому было чистить. Те, у кого ещё были силы ходить, протоптали узкие тропинки в сугробах. Это тоже были дороги жизни. По ним шли те, кто ещё жил, работал, получал паёк. По ним везли тех, кого уже не могли спасти крохи блокадного хлеба. Некоторые, не рассчитав сил, тут же падали и вмерзали в эту ледяную вечность, как статуи, объятые холодом. Вниз смотреть сестра запрещала, поэтому оставалось вглядываться в небо, то белое, то серое.

– Нечего страх на себя нагонять. Нельзя отчаиваться.

Я смотрел вдаль. Дымные облака с фабрики медленно тянулись к небу и образовали под наклоном своеобразную лестницу. Я стал считать эти воображаемые ступеньки. Вот бы дожить и по ступеням подняться на крыльцо школы. Год назад я пошёл в первый класс. Да, в осаждённом городе работали школы, театры, библиотеки. Город жил. Потом школу разбомбили, на время сильных морозов всех учеников, кто не эвакуировался, отправили на каникулы до лучших времён. Я очень скучал по своим друзьям и учителям.

Вдруг за окном что-то промелькнуло. Я помню, как отпрянул назад, не устоял на ногах и упал. «Бомба?» Сердце в груди пропустило удар. Взрыва не последовало, за окном было тихо, только где-то внутри метроном гулко отсчитывал удары. Держась за ледяную батарею, я встал. Присмотревшись, я разглядел на карнизе худого воробья. Грязный, маленький, жалкий, явно тоже давно голодавший. Как он выжил? Воробушек наклонил голову, вероятно, тоже испугавшись меня, но не улетел. Мы смотрели друг на друга.

И я был такой же, как он: голодный, жалкий и слабый. Я заплакал. Заплакал от беспомощности. Как же стало противно в этот момент! Как же я устал от бесконечного голода и холода, страха за себя, за маму, за сестру, за младших, за папу на фронте, за школьных друзей.

Я опустил на корточки, сидел, как птенец, с приоткрытым ртом и беззвучно плакал. Было стыдно перед сестрой, тётей Олей, даже перед этим воробушком.

– Ваня... Ваня, я рядом. Мама скоро вернётся. Покушай, пожалуйста, – сестра протягивала мне сухарик.

– Маруся-я... Ма-а-ря-я-я... Он же не выживет на улице. Там мороз.

Тётя Оля подняла меня на ноги, прижала к себе мою голову.

– Держись, Ванечка, пожалуйста, держись. Мне нужно уходить, а Марусе одной тяжело. Малышам совсем плохо. Я вчера слышала, что блокаду прорвали. Мы столько пережили, нельзя сдаваться.

Я потихоньку рассасывал сухарик, и ко мне возвращалось сознание. Половину сухаря зажал в руке – воспитывал силу воли.

– Я... ви-идел... воробья. Подождите, я сейчас.

Снег хрустел громче, чем обычно. Наверное, я слышал, как пульсирует прилившая к вискам кровь. Дышать было тяжело и страшно: казалось, что следующий вздох может оказаться последним. Я задышался, как будто пробежал марафон. Я задышался, но продолжал идти, надеясь снова увидеть воробья.

«Где же он сейчас? На ветках, под карнизом? А может, он уже окоченел? Или это был сон наяву?»

Мелькнула тень, и что-то камнем упало вниз.

«Это он! Это был точно он!» – я подбежал и подобрал воробья. Он еле заметно, но ещё пытался держаться за жизнь.

«Дышит. Что делать? Покормить? Положить в карман и согреть? А если ему уже не помочь?»

Вспомнив про сухарик в кармане, я достал его, чуть-чуть потыкал им в маленький клювик.

– Ешь.

Потом слегка послонявил, чтоб легче было клевать и глотать, и снова потыкал сухариком в клювик.

«Что я вообще творю? Трачу еду, чтобы спасти какую-то птицу».

Воробушек тихо дышал и шевелил клювиком. Его лапки слегка подёргивались, а сама птица уже просто лежала на ладонях от бессилия. Он пытался потихоньку клевать. Я закрыл лодочкой ладони, стал слегка дуть на него.

Птичка задышала чаще и вновь зашевелила клювиком.

«И всё же, как она сумела пережить эти холода? Как пережила это время?»

Однажды мы с мамой ходили на прорубь к Неве, и я услышал, как в очереди одна бабушка в сером платке шёпотом сказала другой женщине с тусклыми жёлтыми волосами, что зять зарубил кошку. Кошку... Убил? Съел?

– Эй... Эй, очнись! Не шути так!

Воробушек неподвижно лежал в моих ладонях.

– Ты согрелся и заснул? Домой! Нам надо домой!

У меня хватило сил перелезть через сугроб у подъезда и подняться в квартиру. На пороге я, обессилив совсем, сполз на пол, прислонясь к дверному косяку.

– Маря! Маруся! Я птичку спас! Она ещё жива! Марь, можно спирт? Её надо отогреть.

– Нет! Дай сюда, что ты там принёс?

Сестра смотрела сквозь меня куда-то. Глаза уставшие, но сосредоточенные на какой-то мысли.

– Марь... А мы доживём до весны?

Я тихо сглотнул, с надеждой заглянул в тёмные глаза сестры. И нехотя отдал мягкое, ещё тёплое тело воробья. В горле пересохло, голова кружилась. И я, наверное, отключился.

«А мы вообще выживем? ...А мама и папа?.. А воробей?.. А я?.. Ступеньки высокие. Не могу... Воробышки мои, бедные...»

– Как вы тут без меня? Доченька, прости меня, милая. Столько забот я на тебя оставила.

– Тише, мама, они спят. Отдыхай. У нас сегодня пир будет. Ваня добычу принёс.

– Да? И что же?

– Птицу. Воробушка. Я сделала бульон... Всё равно уже был не жилец, – еле выдавила из себя Мария.

Я хотел вскочить и броситься к маме, но в каком-то оцепенении не мог даже пошевелиться. Потом сделал усилие и открыл глаза. В воздухе неразборчиво витал запах куриного бульона. Из-под простыни врывался в комнату яркой полоской лучик закатного солнца. Под одеялом кашлял брат, а сестрёнка лежала тихо.

Метроном продолжал свой отсчёт. На глаза вновь наворачивались слёзы.

– Воробушка... не уберёг... Прости меня...

– Вот бы весна поскорее настала.

МИЖЕВ АМИН

1 курс

Наставник: Баймурзова Ирина Каншаубиевна, преподаватель русского языка и литературы,

Карачаево-Черкесская республиканская государственная бюджетная профессиональная образовательная организация «Аграрно-технологический колледж»,

Карачаево-Черкесская Республика

У памяти нет срока давности

Помните!

Через века, через года –
помните!

Р. Рождественский

В жизни каждого народа, государства есть даты, события, люди, которые навсегда остаются в памяти. Такими датами в истории нашей страны являются 22 июня 1941 года и 9 мая 1945 года, таким событием – Великая Отечественная война, такими людьми – те, кто сполна испил чашу горя и бед, оставшись на оккупированной территории, и те, кто сумел выстоять и победить.

Мы знаем об этой войне очень много, и в то же время в ней много ещё не изученных страниц. Поэтому в преддверии юбилея Великой Победы у нас в колледже решили провести акцию «К 80-летию Победы – 80 часов Памяти», чтобы каждый открыл для себя всю глубину трагедии и героизма нашего народа в Великой Отечественной войне. В отличие от друзей, я решил вести дневник, в котором буду отражать малоизвестные для меня факты из летописи войны, чтобы открыть для себя новые грани её жестокости и бесчеловечности.

20 сентября 2024 г.

Сегодня на уроке литературы познакомились с творчеством Р. Рождественского. Его поэма «Реквием» потрясла меня великой скорбью по погибшим. Здесь каждое слово автора отражает всю глубину его боли «о тех, кто уже не придёт никогда», каждая его строчка – симфония общечеловеческого горя и памяти.

Решил открывать правду о войне, следуя словам из «Реквиема» Р. Рождественского, как времён связующей нити.

25 сентября 2024 г.

«Люди! Покуда сердца стучатся, – помните! Какою ценой завоёвано счастье».

Всю неделю знакомился со сборником документов и материалов «Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» под редакцией Ч.С. Кулаева, из которого узнал, что за период оккупации с августа 1942 года по январь 1943 года от рук гитлеровцев погибли более семи с половиной тысяч мирных жителей.

Жестокость фашистов не знала границ. Они угоняли людей на каторжные работы в Германию, массово уничтожали в газовых камерах, травили ядами, расстреливали. Читаю об их зверствах и спрашиваю сам себя: «Зачем и для чего это нужно было им?» Постепенно приходит понимание: у гитлеровцев были далеко идущие планы – лишить народы Родины, культуры, языка, превратив их в «манкуртов». Именно поэтому они так беспощадно расправлялись с нашими людьми.

30 сентября 2024 г.

«Вспомним всех поимённо, горем вспомним своим...»

Продолжаю знакомство с материалами книги Ч.С. Кулаева. С каждой страницей, с каждым документом в моём сердце вскипает ненависть к фашистам, усиливаются боль и сострадание к тем, кто испытал на себе все их зверства. Особенно тяжело было оставшимся на занятой врагом территории женщинам, детям, старикам. Каждый день приносил только страшные вести: «В Микоян-Шахаре начальник местного гестапо Вебер по подозрению в связях с партизанами приказал расстрелять около 300 человек.

10 сентября 1942 года в станицу Передовую были согнаны 29 мирных жителей и расстреляны.

Пьяные нацисты расстреляли 10 мирных жителей на хуторе Зубков. Среди погибших – Соболев Н.С., инвалид. Ему было нанесено 12 ранений. Каптилов М.А. – 5 ран и отрезана одна рука. Убиты его жена Каптилова З. И., семилетняя дочь Миля, а также Федорова С.И., жительница города Ростова-на-Дону с мальчиком 6 лет, их мать Александра Захаровна, 79 лет, и другие.

16 сентября 1942 года по приказу жандармерии г. Черкесска еврейские семьи были собраны в колхозе «Боевик». Затем их вывезли и расстреляли».

Список злодеяний гитлеровцев можно продолжать бесконечно. Думаю, фашисты своей жестокостью хотели запугать людей, лишить их воли к сопротивлению. Но у них ничего не вышло, потому что у нашего народа был особый склад характера, особая любовь к своей Родине.

15 октября 2024 г.

«Разве погибнуть ты нам завещала, Родина?»

Готовясь к часу Памяти, открыл для себя новые факты зверств фашистов по отношению к мирным жителям, которые вынуждены были встать на защиту своей Родины и вести партизанскую войну с врагом. В их числе была и моя родственница, двенадцатилетняя пионерка Крымхан Мижева, ушедшая в партизанский отряд вместе со своим отцом Баубеком и погибшая в боях за Марухский перевал.

Её короткая, но яркая жизнь, отданная ради того, чтобы на земле никогда не проливалась кровь, чтобы на земле раздавался звонкий смех детей, – пример беззаветной преданности Отчизне, образец мужества и героизма не только для всего нашего рода, но и для всего народа.

Отвага и стойкость сражавшихся в партизанских отрядах не знали границ. Среди них особым бесстрашием отличалась Залихат Эркенова. В одном из боёв она попала в плен. Фашисты подвергли её нечеловеческим пыткам. Когда гестаповский палач Вебер потребовал под угрозой смерти выдать расположение партизанского штаба, Залихат заявила: «Смерть мне не страшна! Моя жизнь принадлежит Родине!»

Из застенков гестапо ей удалось передать письмо матери, которое невозможно читать без слёз: «Не плачьте, не доставляйте радость врагам. Простите за причинённую боль и прощайте. Не забывают меня!»

В ноябре 1942 года партизанка З. Эркенова была расстреляна фашистами.

Её судьбу повторила Ната Василенко, которая была схвачена фашистами в Курджиново по доносу односельчанина. Палачи подвергли её зверским пыткам, требуя выдать, где находятся партизаны. Но Ната упорно молчала. Для устрашения жителей немцы решили устроить показательную казнь партизанки. С обмороженными руками и ногами, всю в кровоподтёках, в сопровождении немецких автоматчиков девушку повели по посёлку. Измученная, истерзанная Ната держалась мужественно и перед казнью обратилась к односельчанам: «Уничтожайте предателей! Бейте фашистов! Помните, я умираю за Родину!»

Залихат Эркенова и Ната Василенко... Две жизни и одна судьба. Эти две истории заставили меня задуматься об истоках подвига нашего народа на оккупированной территории. Ответ нашёл в «Реквиеме» Р. Рождественского: «Просто был выбор у каждого: я или Родина».

15 ноября 2024 г.

«Разве для смерти рождаются дети, Родина?»

Сегодня смотрели документальный фильм «Бесленей. Право на жизнь» о том, как жители черкесского аула в августе 1942 года спасли жизнь 32 детям из блокадного Ленинграда. Они приняли их в свои семьи, дали им свои фамилии. Дети, пережившие бомбёжки, голод

и холод, изнурительный переезд на Кавказ, испытывавшие ужасы смерти, ставшие в одночасье черкесами, выражали свою искреннюю благодарность приёмным родителям за их бесстрашие и милосердие, доброту и любовь.

Документальная лента никого не оставила равнодушным. В аудитории стояла пугающая тишина, на глазах у всех, даже ребят, были слёзы.

Но это был фильм со счастливым концом. Несмотря на все испытания, дети и их спасители выжили, выдержали, выстояли. По законам кавказского гостеприимства, по законам чести и милосердия жители аула Бесленей не могли поступить иначе.

Так же, как и бесленеевцы, рискуя собой и четырьмя своими детьми, учительница из аула Учкёкен Чомаева Разумхан долгие шесть месяцев прятала у себя дома пятерых еврейских девочек из Ленинграда. Таких людей, сумевших сохранить в себе сострадание и любовь, у нас было немало.

К сожалению, большая часть эвакуированных детей попала в руки фашистов. Кровь стынет от злодеяний гитлеровцев в детских домах Теберды и Архыза, где находились дети из Ленинграда, Крыма, Ростова-на-Дону. Как свидетельствуют архивные данные, опубликованные на сайте «Без срока давности», «неслыханные зверства и насилия, массовое истребление детей учинили гитлеровцы в курорте Теберда. 500 детей фашисты умертвили голодом и 147 зверски замучили и расстреляли. 54 ребёнка из санаториев были вывезены в горы, удушены газом и выброшены в лесу».

Разум не хочет воспринимать такую жестокость, такое зверство против беззащитных детей. Мою душу переполняет жалость к каждому ребёнку. Передо мной возникают страшные картины последних минут их жизни. Я отчётливо вижу глаза детей, наполненные ужасом и безысходностью. Мне хочется крикнуть во весь голос: «Люди Земли! Убейте войну, прокляните войну!»

25 декабря 2024 г.

«Помните! Через века, через года, – помните!»

В моём дневнике ещё много чистых страниц для новых фактов преступлений гитлеровцев на нашей земле. Каждую неделю, открывая неизвестные для себя свидетельства бесчинств фашистов, прихожу к мысли, что преступлениям нацистов, совершённым на оккупированных территориях против мирного населения, нет срока давности, нет оправдания.

Источники

1. Онлайн-версия базы «Без срока давности». URL: <https://xn--90ag.xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/> (дата обращения: 15.12.2024).
2. Сборники материалов // Без срока давности. URL: <https://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/biblioteka/sborniki-po-regionam/> (дата обращения: 15.12.2024).
3. Федеральный архивный проект. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. URL: <https://victims.rusarchives.ru/> (дата обращения: 15.12.2024).

МИРОНОВ АРТЁМ

2 курс

Наставник: Елгина Мария Сергеевна,
преподаватель,

Магаданское областное государственное
автономное профессиональное
образовательное учреждение
«Колледж сервиса и технологий»,

Магаданская область

Война без прикрас: как «Иди и смотри» заставляет нас чувствовать

В чём сила киноискусства? Почему некоторые фильмы не оставляют зрителя равнодушным и спустя много лет после выхода на экраны? По мнению С.А. Есенина, творец, будь то поэт или писатель, должен «правды жизни не нарушить, рубцевать себя по нежной коже, кровью чувств ласкать чужие души». Я думаю, что искусство кинематографа должно выполнять те же задачи. Именно поэтому подлинно талантливые фильмы о войне могут заставить зрителя ощутить её всей своей кожей, каждым нервом.

В 2023 году исполняется 40 лет со дня выхода фильма «Иди и смотри» Элема Климова – картины, которая и сегодня остаётся одним из самых пронзительных высказываний о войне. Этот юбилей совпал с другой важной датой – 80-летием Победы в Великой Отечественной войне, что делает обращение к фильму Климова особенно символичным.

Когда в 1985 году в Западной Германии (стране, где когда-то зародился нацизм) показывали фильм «Иди и смотри», перед кинотеатром дежурила машина скорой помощи. Это не просто факт – это свидетельство того, как глубоко картина Элема Климова проникает в душу. Через хронику военных событий фильм заставляет нас смотреть на происходящее глазами подростка, который безвозвратно теряет всё, что ему дорого.

Фильм «Иди и смотри» вызывает у меня глубокое чувство любви к жизни и такое же несоизмеримое чувство ненависти к нацистским деяниям. Впервые я посмотрел его со своей бабушкой, которая является ребёнком войны, то есть подлинным свидетелем её последствий. Первые слова

бабушки после просмотра прозвучали тоскливо, еле слышно: «Это очень правдивая история». Её детство протекало среди живших в оккупации, уцелевших на полях сражений и тех, кто, не жалея себя и своих сил, пытался помочь предотвратить главное преступление против человечества. Узнав от бабушки новые подробности тех событий, которые оказались созвучны изображаемому в фильме, я ещё глубже окунулся в то время. Остальную часть вечера я вовсе не помню, поскольку был в смятении после услышанного и увиденного. Фильм произвёл на меня огромное впечатление. Вот почему именно его я выбрал для рецензии.

По сюжету, в разгар войны (1943 год) парень шестнадцати лет по имени Флёра родом из белорусского села находит винтовку, оставленную в братской могиле, и принимает решение отправиться на войну против захватчиков. Спустя несколько дней к герою приходит осознание: война не череда книжных подвигов. Множественные потери и испытания вынуждают его увидеть войну без призмы романтики. Зритель в течение фильма замечает, как бесконтрольное насилие превращает юного Флёру в старика.

Что же хотели сказать создатели этого фильма? На мой взгляд, основная мысль такова: человек беспомощен перед лицом абсолютного Зла. В фильме почти не изображаются боевые сражения. В центре внимания режиссёра – Человек, который бессилён перед разрушительной силой Зла. Страшно то, что этот человек – подросток, у которого жизнь только начинается. Наблюдая ужасы войны, Флёра постепенно теряет свой светлый лик, наполненный жизненной энергией и молодостью, что ещё раз подчёркивает глубокую травму, которую война наносит не только физически, но и психологически, оставляя неизгладимый след на формирующейся личности. Зло не делает различий между белорусом и русским, женщиной и мужчиной, взрослым и ребёнком...

Мысль о быстром и неестественном взрослении молодого человека на войне, казалось бы, не нова. Так почему же фильм «Иди и смотри» Элема Климова, несмотря на то что он был снят в 1985 году, по сей день вызывает большой интерес и считается одной из самых мощных картин о войне? Кроме очевидного эффекта «старого, но золотого», у киноленты, прошедшей испытание временем, есть вполне конкретные преимущества перед новыми работами режиссёров, посвящёнными этой теме. Современные фильмы о войне часто грешат излишней патетикой или стремлением к зрелищности. Они показывают войну как нечто далёкое, почти абстрактное, залакированное, где есть герои и злодеи, а добро всегда побеждает зло. Но «Иди и смотри» не даёт такой «роскоши». Здесь нет чёткого деления на «своих» и «чужих» – во главе стола сидит Зло, которое прикрылось камуфляжным полотном.

Современные военные фильмы, даже если они технически более совершенны, часто не могут отразить эту глубину. Они слишком сфокусированы на зрелищности, пафосе или неприкрытой пропаганде. «Иди и смотри» же остаётся вне времени, потому что говорит правдиво на универсальном языке боли и памяти. Размышляя об этом, хочется вспомнить высказывание, приписываемое Юрию Никулину: «Знаете, почему советские фильмы о войне всегда прекрасные? Да потому что артисты там не играли, а вспоминали». Быть может, в этом и есть секрет долговечности старых фильмов.

Глубина и правда жизни... За всё время просмотра меня не отпускало чувство реалистичности, неподдельности происходящего. Как позже я узнал из статей, такая правдоподобность была до мельчайших подробностей продумана режиссёром Элемом Германовичем Климовым. Эта жажда реализма у режиссёра проявляется в минимальном количестве спецэффектов. А вместо музыки Элем Климов использует реальные звуки, среди которых пение птиц, гудение самолёта, звуки выстрелов и бомбардировок. В фильме использованы новаторские приёмы операторской работы, один из которых – субъективная камера, которая показывает события глазами главного героя. Цветовая палитра, приглушённая, почти монохромная, наравне с событиями подчёркивает мрачный посыл фильма. Лишь изредка в некоторых сценах, например в эпизодах с огнём, используются яркие цвета, которые контрастируют с общей палитрой и усиливают драматизм.

Стоит отметить и жанровую особенность фильма. Если ранее произведения со схожей военной тематикой представляли собой драму, то «Иди и смотри» имеет отчасти признаки военного фильма ужасов. Это жанр, который пугает не литрами искусственной крови или каноничными монстрами, а гиперреализмом и леденящим от звериной жестокости фашистов ужасом, способным вывести чувства зрителя за рамки экрана. В качестве примера я хотел бы привести показательный эпизод. После по-настоящему невыносимой сцены в амбаре в финале фильма зритель видит скупую документальную констатацию: «628 белорусских деревень сожжено вместе со всеми жителями». Таким образом, масштаб трагедии советского народа умножается в сотни раз.

Подобная натуралистичность способна шокировать, вызвать слёзы, страх, даже отторжение. Стремление показать киноленту молодёжи часто пресекается доводами общества об опасности травмировать психику подростков. Да и сами молодые люди «берегут» себя для других впечатлений. Но это не значит, что такие фильмы нужно запрещать

или скрывать: правда о войне не может быть мягкой. Скрывать от подростков реалии войны – значит создавать иллюзию, что мир – это безопасное и предсказуемое пространство, а страдания и военные действия – нечто исключительное. Фильмы наподобие «Иди и смотри» разрушают эту иллюзию, показывая войну такой, какая она есть: грязной, жестокой, бессмысленной.

Именно такие фильмы, несмотря на всю жестокость, учат нас, молодых людей, состраданию, заставляют прочувствовать чужую боль. Показывают, как важно критически мыслить, знать историческую правду.

Так нужно ли смотреть этот правдивый и страшный фильм, стоит ли молодому человеку «рубцевать себя по нежной коже»? Ответ, казалось бы, очевиден: «Иди и смотри». Но в современном обществе, привыкшем к комфорту, выбор зрителя чаще всего делается в пользу зрелищности, лёгкости, простоты кинопроизведения. Фильм Э. Климова совершенно не соответствует этим требованиям. Но уверен, что его нужно посмотреть каждому, кто хочет знать жестокую, неприкрытую правду о преступлениях фашистов. «Иди и смотри» – это противоядие против изнеженности и беспамятства современного человека. Это не просто кино. Это призыв к человечности, к ответственности за свои поступки. И в этом вечная сила искусства.

РОМАНОВА ИНГА

3 курс

Наставник: Романова Светлана Васильевна, учитель русского языка и литературы, руководитель детского поисково-краеведческого объединения «Родная сторона»,

Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Чувашской Республики «Чебоксарский профессиональный колледж им. Н.В. Никольского» Министерства образования Чувашской Республики

Колька

– Микулай⁵... Микулай, – окликнула в бреду своего мужа Нина Васильевна⁶.

– Колька⁷, – снова простонала больная женщина.

Через пару минут в комнату прибежал босоногий мальчик, сын её, которого называли в честь отца. Он с горестью посмотрел на мать, погладил её волосы, намочил тряпочку в тазике, стоящем на табуретке у кровати, аккуратно сложил её и положил на лоб матери.

Женщина с ночи слегла, потому что весь месяц, не зная покоя, работала: рано утром вставала и доила коров, выгоняла домашнюю скотину в стадо, ходила за водой, летнюю печь топила, там еду детям готовила, стирала, мыла, давала старшему сыну поручения и уходила урожай собирать. Целый день, стоя раком, серпом срезала стебли и завязывала их в пучки. Затем снова всё это нужно было собрать в кучи. На помощь к матери выходил Колька с сестрёнкой – восьмилетней Зоей⁸, которая на руках держала шестимесячную

⁵ *Микулай* – чувашский вариант имени Николай – Иванов Николай Иванович (1908–1965) – уроженец деревни Кульгеша Урмарского района Чувашской Республики, труженик тыла, передовой механизатор, награждён Почётной Грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, занесён в Книгу Почёта Урмарской МТС.

⁶ *Иванова Нина Васильевна* (1914–1997) – уроженка деревни Кульгеша Урмарского района Чувашской Республики, жена Иванова Н.И., труженица тыла, награждена орденом «Мать-героиня».

⁷ *Николаев Николай Николаевич* (1933–2021) – старший сын Ивановых.

⁸ *Александрова Зоя Николаевна* (193–2017) – дочь Ивановых.

Тоню⁹, и малышкой Любой¹⁰, которой всего четыре года. Вечером Зоя её уносила домой, чтобы спать уложить и в доме прибраться. Люба за ними бежала. Колька трудился долго. Ночью они с мамой домой возвращались, где их ждали домашние хлопоты, коровы недоенные.

Глава семейства – Николай Иванович – в командировке, в соседнем колхозе помогал в уборке урожая, поэтому его не было дома весь месяц. А детей дома четверо, один меньше другого, самому старшему, Кольке, всего одиннадцать лет от роду. А ещё трое детей умерли совсем ещё крохами. Время такое тяжёлое, родители не имеют возможности с маленькими детьми сидеть. Условий хороших и больниц нет. Каждый работник в колхозе на счету. Нужно помогать фронту любой ценой. Тяжёлый 1944 год. Идёт страшная война. Повсюду страдают люди. Нет продовольствия, одежды, всего необходимого. Война разрушила многое в стране, а мужчин, специалистов и техники не хватает. Николая Ивановича, отправленного ещё в начале войны на фронт, на половине пути сняли с поезда по приказу как лучшего механизатора того времени и вернули домой, чтобы он сельское хозяйство взял в свои крепкие и умелые руки. С тех пор он и не ночевал дома, а поднимал сельское хозяйство во всём районе, неделями и месяцами не видел свою семью. Приедет как-то домой, через пару дней снова командировка...

Все сельские жители от рассвета до заката трудятся в поле, приходится работать и ночью. Дети и старики работают наравне с трудоспособным населением. Многие питаются лишь продуктами со своего огорода и разными суррогатами. Иногда едят всё, что под руку попадётся. Очень часто людям приходится есть гнилую картошку, крахмал, кормовую траву с комбикормом. Питаются даже поясами, прижигаемыми на огне. Потому что собранный урожай в основном отправляют на фронт.

Целые дни и ночи Николай Иванович пропадает в поле, на тракторе или у молотилки. От усталости и истощения вздремнёт пару часиков и снова за работу. Из еды только хлеб бывает, а как подморозит – кусочек замороженного хлеба. Чтобы как-то согреть его, положит за пазуху, через пару часов можно и погрызть. Работа не ждёт. Нужен урожай. Колька частенько бежит к молотилке отцу помогать. Трудолюбием Колька пошёл в родителей и всюду им помогает.

В деревне и по хозяйству дел полно. К отцу, когда он не в командировке, со всей республики люди приезжают ремонтировать обувь, орудия труда, технику, музыкальные инструменты. Ему работа только в радость.

⁹ Иванова Антонина Николаевна (1944 г.р.) – дочь Ивановых. Моя бабушка. Проживает в д. Кульгеша в доме своих родителей.

¹⁰ Назарова Любовь Николаевна (1940–2014) – дочь Ивановых.

У него не только руки золотые, но и душа. Нина Васильевна – умная и сильная женщина крепкого телосложения, во всём опора и радость для мужа. Она много отдаёт тем, кому вообще нечего есть, за это многие женщины её очень благодарят и любят. А отдыхает ли она сама? Спит ли? Этого никто не знает...

– Вот полежу немного, всё пройдёт. К утру окрепну маленько – всё будет хорошо, – с тяжёлой улыбкой посмотрела на Кольку Нина Васильевна.

Так и случилось. Утром она встала рано, помолилась Боженьке, улыбнулась солнцу, поклонилась земле-матушке и почувствовала силу. Сегодня ей нужно закончить работу в поле и заняться в ближайшие дни пахотой. Благо, бычки есть, запряжёт она их – и пошло дело!

– Зоенька, поди сюда, – позвала она и продолжила, как только та появилась, – сегодня в поле я забираю Кольку, а ты присмотри за малышами. Ты знаешь, что нужно делать. А когда в доме управишься, переберитесь с малышами в огород. Нужно будет картошку выкопать, она уже поспела. А когда она немного подсохнет на солнце, рассортируй картошку на крупные, средние и мелкие да убери потихоньку в сарай. Про малышей не забывай, их нужно беречь. Не забывай и про еду. Вечером тебе одной придётся скотину из стада встречать.

– Будет сделано, мамочка, не переживай, – сказала с улыбкой Зоя.

Тем временем Николай Иванович пашет на тракторе в другой деревне, мечтает справно закончить пахоту и повидаться со своей семьёй в конце недели. А когда тоска нагрянула, затянул песенку свою любимую. Так и продолжил работу, пока не настал тот день, когда домой он приехал.

Перед самым домом его первым увидел Колька, самый деловой и старший сын, заменивший отца за время его отсутствия. Выбежала Нина Васильевна со слезами радости и обняла мужа крепко, будто не хочет больше отпускать. Окружили любимого и долгожданного папу все остальные дети. Вот оно счастье, ради которого нужно жить и трудиться!

Николай Иванович вытащил из-за пазухи хлеб, который сберёг, отломил его на мелкие куски так, чтобы всем хватило, и сказал со слезами на глазах:

– Кусочек хлеба помог ленинградцам пережить блокаду. И мне он помогал все эти месяцы и годы, придавал силы. Запомните, дети, хлеб – всему голова, продукт огромного труда, поэтому к нему нужно относиться с уважением.

Николай Иванович и Нина Васильевна перекрестились, поблагодарили Боженьку, улыбнулись солнцу, поклонились земле-матушке, согрели свои куски хлеба ладошками, поцеловали их и съели. Так же поступили и их дети. Для них в этот момент не было ничего вкуснее и дороже.

Война закончилась. Многие мужчины не вернулись с фронта. Одни остались калеками: ноги или руки оторвало, глаз выбило, с памятью плохо стало. Кругом разруха. Нужно восстановить страну. Дни и ночи старались все.

Как только война закончилась, в семье Кольки появился ещё один малыш – Леонид, а потом ещё Валерий и Ирина¹¹. А потом умер от истощения и болезней Николай Иванович. Колька, как самый старший сын, рано повзрослел. Чтобы крепче стать на ноги и помогать своей семье, он уехал в город и устроился работать на завод электроизмерительных приборов, где и проработал токарем всю свою дальнейшую жизнь. Одновременно учился, стал авторитетным и уважаемым человеком, наставником молодых специалистов. Его стали величать Николаев Николай Николаевич. Женился. С женой Верой они родили двоих замечательных детей – Александра и Маргариту. Жена рано ушла из жизни, пришлось самому поднимать детей. Они получили высшее образование и трудятся на благо процветания России, как и внуки.

Годы уходят. Уходят люди, оставив какой-то след в этой жизни. 12 марта 2021 года ушёл из жизни Колька – Николаев Николай Николаевич. Своим неустанным трудом и доброй душой он заслужил добрую славу. До самой смерти Колька активно помогал всем своим сёстрам и братьям, заменив отца. Он настоящий герой! Мы будем его помнить всегда как самого дорогого человека, доброго родственника, труженика, сына войны. Низкий ему поклон!

Источники

1. Видеозаписи беседы с Николаевым Николаем Николаевичем.
2. Видеозаписи беседы с Александровой Зоей Николаевной.
3. Записи беседы с Ивановой Антониной Николаевной.

¹¹ Иванов Леонид Николаевич (1946 г.р.), Иванов Валерий Николаевич (1949 г.р.), Павлова Ирина Николаевна (1952 г.р.) – дети Ивановых, родившиеся после войны. Проживают в г. Чебоксары.

ТЕЗИЕВА МАРИНА

2 курс

Наставник: Кучиева Ольга Александровна,
преподаватель литературы,

Государственное автономное профессиональное
образовательное учреждение
«Северо-Осетинский государственный
торгово-экономический колледж»,
Республика Северная Осетия-Алания

Маленькая пуговица с пятиконечной звездой

Девятое мая – для нашей семьи двойной праздник: день рождения моей любимой бабушки и День Победы. В этот день мы поздравляем именинницу и всех знакомых ветеранов, рассматриваем альбом с фотографиями времён войны и обязательно открываем шкатулку с медалями, которыми были награждены наши прадедушки, дедушки и дяди, участники Великой Отечественной войны. Вместе с медалями лежит маленькая медная пуговица, ставшая в нашей семье дорогой реликвией.

Историю, связанную с этой пуговицей, каждый раз рассказывала прабабушка Шура.

Жаркое лето 1942 года было на исходе. В лесу пахло грибами, орехами, где-то на дереве постукивал дятел, мальчишки плескались в мелкой речке, протекающей возле нашего села Кадгарон. Всё как два года назад, как в мирное время. Но далёкие гулкие взрывы напоминали о войне. Село на берегу реки замирало в ожидании приближающейся беды. Раскаты орудий слышались всё ближе и ближе. Старики, женщины, дети жались друг к другу – вместе не так страшно. Кто защитит их, беспомощных, больных, ведь все мужчины с первых дней на фронте? Проводы на фронт свёкра, мужа и братьев были тяжёлыми. Молодая сноха Шура переживала, справится ли без мужчин с посадкой огорода, сенокосом, скотиной. В селе оставались только лошади да женщины, техники в колхозе почти не было. Берегли каждую картофелину, каждый колосок, фасолинку. Недоедали, недосыпали, болели. Шура понимала, что это не только её

участь, но и участь тысяч женщин России. Каждый месяц приходили письма с фронта, в которых муж успокаивал, писал, что скоро вернётся. В одном из писем прислал маленькую с пятиконечной звездой пуговицу, оторвавшуюся от гимнастёрки (мол, храни и помни: оторвалась от левого кармана).

Люди всё время жили в страхе. Самое страшное всё же случилось в конце августа 1942 года. Автоматные очереди, гул танков и оружий наполнил всё село. Громким эхом разнеслось повсюду: «Немцы! Немцы!»

Немцы стали жить в большом доме, а молодая женщина вместе с двумя маленькими детьми и свекровью вынуждена была ютиться в кладовой. До войны здесь, в деревянных больших ящиках, хранились запасы зерна, муки, кадки с сыром, топлёное масло в ведёрках, яйца. Семья была большая, вот и приходилось делать запасы. Теперь это всё присвоили немцы.

Нужно было приспособливаться к новым страшным условиям. Из холщовых мешков сшила Шура что-то вроде ширмы. Теперь на старом деревянном топчане спала свекровь, а Шура вместе с малолетними Аллой и Вовой устроились в углу. Голубоглазый малыш был очень любопытен. Ему всё время хотелось посмотреть на странных незнакомцев. Особенно его интересовал мотоцикл, на котором приехал немецкий офицер. Мальчик иногда видел, как отец проезжал по улице села на огромном тракторе, на котором он работал в мирное время в колхозе. «Железный конь» – так его называл дядя Миша. Но теперь папа на фронте, а этот чёрный мотоцикл так манит своим блеском, фарами, запахом бензина. Женщины зорко следили за мальчиком, боялись, что враги обидят его.

Дети подрастали. Одежды не было. Обувь изнашивалась, а впереди – зима. Молодая мать решила пошить сыну дзабыртæ (чуваки). В тряпье возле лежака нашла пальто, завёрнутое в ореховые листья (от моли). Шура отрезала широкую полоску от нижней части пальто, купленного ещё в мирное время. Пальто она надевала всего несколько раз. Кто знает, когда оно ещё пригодится? Дети сидели возле неё, связанные тишиной и ожиданием. Женщина откинула в сторону одеяло и матрац на топчане, аккуратно разложила на деревянной поверхности кусок толстой материи, иголки, нитки, ножницы и достала выкройку, которая хранилась вместе с письмами от мужа. Ещё раз приложила выкройку к ножке мальчика, погладила его по головке, прошептала: «Будут у тебя, сынок, новые дзабыртæ».

– Дзабыртæ, дзабыртæ, у меня будут новые дзабыртæ, нана! – радостно сообщил он новость бабушке, которая, прислонившись к стенке, сидела на маленьком стуле и чистила собранную в фартук фасоль.

К утру чуваки были готовы. Они получились очень красивыми, с отделкой из кожи. Чтобы они не спадали с маленьких ножек сына, мать пришила на лодыжке застёжку. Долго выбирала она пуговички. Двух одинаковых не было. И тогда она подобрала одинаковые по размеру, одна из которых была со звездой. Это была та пуговица, которую прислал недавно отец. Была она небольшая, медная, с пятиконечной звездой, с серпом и молотом посередине. Шура долго тёрла пуговичку кусочком мягкой ткани, и теперь она ярко сияла на обновке. Сколько радости чуваки принесли маленькому мальчику! И невозможно было понять, чему он больше обрадовался – новой обуви или этой пуговичке со звёздочкой...

Маленькому Вове не терпелось показать обновку. Когда они с матерью вышли во двор, он, несмотря на предупреждение взрослых, подбежал к стоящему у мотоцикла немецкому офицеру и радостно заговорил по-осетински:

– Дзабыртæ, дзабыртæ, у меня новые дзабыртæ!

Немец сперва заулыбался, но в следующий момент его лицо перекошилось от ненависти:

– Was ist das? Ein Stern? Ein fünfzackiger Stern?!¹²

Невозможно передать словами то, что пережила в этот миг Шура... Она хотела кинуться к немцу и заслонить собой ребёнка, но фашист опередил её. Он грубо оттолкнул мальчика и, указывая на звёздочку, закричал:

– Sofort abheben! Schnell abnehmen!¹³

Выбежавшая на крики бабушка закричала, запричитала. Мать схватила мальчика в охапку и побежала от неминуемой беды. Старушка наскоро одела внучку и поспешила скрыться вслед за невесткой в лесу. Через час кладовая, где ютилась семья, была сожжена фашистами.

Прошли годы. Мальчики и девочки Великой Отечественной войны стали прадедушками и прабабушками. Маленький мальчик Вова, ещё в детстве так любивший технику, стал Владимиром Викторовичем Хабаловым, деканом инженерного факультета Горского государственного аграрного университета в Северной Осетии. Давно нет в живых ни его

¹² Что это? Звезда?! Пятиконечная звезда?! (нем.)

¹³ Снять сейчас же! Снять быстро! (нем.)

матери, Шуры – Александры Дзигасовой, ни его самого. Но из поколения в поколение передаётся в нашей семье рассказ о маленькой медной пуговице с пятиконечной звездой, которая даже на чужаке маленького мальчика навела ужас на врагов. И даже сейчас все думают, что именно пятиконечная звезда уберегла ребёнка и всю семью от гибели.

Я твёрдо уверена, что никогда никому не победить народ, у которого такая великая история. Звезда на пуговице... Пять её концов олицетворяют пять рыцарских достоинств: благородство, вежливость, целомудрие, отвагу и благочестие – то, что свойственно нашим людям. Они «ярче солнечного дня золотом горят» сегодня не только на погонах российских солдат, но и в сердцах таких мальчишек и девчонок, как я.

ЯБЛОКОВА АРИНА

2 курс

Наставник: Прошек Нина Александровна, преподаватель,

Областное государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Ивановский энергетический колледж»,

Ивановская область

У войны не детское лицо

Я абсолютно уверена в том, что трагедия, пережитая нашим народом в годы минувшей войны, не имеет срока давности. Действительно, не поспоришь: время безостановочно мчится вперёд. Печально, но уходят из жизни свидетели тех страшных «грозовых» лет. Только память по-прежнему тревожит сердца их благодарных потомков, когда перед глазами проходят кадры военной кинохроники, когда внуки и правнуки трепетно перелистывают страницы «лейтенантской прозы» или смотрят экранизированные по её мотивам фильмы.

Я даже не знаю, получится ли у меня выразить словами те чувства, передать душевное состояние, которое я испытала, прочитав повесть бывшего фронтовика Владимира Богомолова, рассказывающую историю об украденном войной детстве. Её герой – двенадцатилетний мальчик Иван Бондарев – «болен войной», которая отняла у него семью, оккупировала его душу, заплутала в мире, где нет места детским ощущениям. Подростку, пережившему потерю родных людей, побывавшему в лагере смерти на оккупированной немцами территории, повоевавшему в партизанском отряде, обычная жизнь, в которой его ровесники работают, учатся, испытывают маленькие радости, представляется бессмысленной. Как неопровержимые доводы, подтверждающие невозможность мира в душе Ивана, звучат слова, высказанные им в диалоге с лейтенантом Гальцевым: «А ты в Тростянце был? В лагере смерти?» Ненависть к врагу, одержимость жаждой мести упрямо ведут юного разведчика по жестоким дорогам войны, заставляют осознанно рисковать собственной жизнью.

Прочитав книгу, я захотела познакомиться с кинематографической версией этого произведения и посмотрела фильм Андрея Тарковского «Иваново детство». Экранизация по мотивам произвела на меня потрясающее впечатление глубиной осмысления изуродованной судьбы мальчика, вынужденного в силу чрезвычайных обстоятельств повзрослеть до времени и всем своим существом войти в злобный мир войны. Вполне естественно, что, искренне сопереживая юному разведчику, я вначале недоумевала, почему писатель и режиссёр завершили историю Ивана Бондарева его гибелью, а не показали послевоенную жизнь уже взрослого героя.

Почему на последних страницах литературного произведения Владимира Богомолова рассказывается о том, как выполнявшего очередное задание разведчика выдал полицай, как мальчик подвергался мучительным истязаниям, но «на допросах держался вызывающе», не скрывал своего враждебного отношения к немецкой армии и как был расстрелян гестаповцами? Почему автором повести категорически был отвергнут сценарий Михаила Папавы, где Иван выходил из войны живым и невредимым? Я искала ответы на эти вопросы, обращаясь к фактам из биографии самого писателя.

Владимир Богомолов ушёл добровольцем на фронт, приписав себе недостающие годы, пятнадцатилетним пацаном и всю войну прослужил в разведке. Он хорошо знал действительные судьбы своих ровесников, поэтому отражал в своей прозе жестокие фронтовые реалии, никогда не искажал правду жизни.

Но почему же и режиссёр Андрей Тарковский, художник, больше тяготеющий к иносказанию, в финал фильма вводит конкретный эпизод, констатирующий смерть Ивана? А именно: находясь в Берлине после капитуляции фашистской Германии, капитан Гальцев листает архивные дела казнённых патриотов и видит на одной из фотографий чёрное в кровоподтёках лицо Ивана.

Честно признаюсь: я категорически не принимала такого завершения истории о юном разведчике. И всё же, поразмыслив, осознала, что счастливое разрешение финала выглядело бы искусственным. Андрею Тарковскому в сорок третьем, когда происходит действие по сценарию, было примерно столько же лет, как и Ване Бондареву, и он смотрел на мир такими же глазами ребёнка. Мальчики-подростки часто воспринимают мир без компромиссов, видят его либо в чёрном, либо в белом цвете. Вот откуда и пришло к нам чёрно-белое кино Тарковского. И чёрный цвет в «Ивановом детстве» – это цвет войны. Белое восприятие жизни является лишь в счастливых снах Ивана. Вспомним начало фильма.

Радостное летнее утро, солнечное и светлое. Маленький герой восторженно следит за полётом белокрылой бабочки, и вдруг он сам взмывает в небо и парит над лесом, деревенским колодцем, рядом с которым стоит его красивая мама. Яркое солнце, чистое небо, тепло маминых рук – всё, что составляет понятие «счастливое детство», враз отнято у ребёнка. Разве так должно быть? Потому-то совсем неожиданным представляется продолжение Ивановой грёзы: падение из глубин высокого поднебесья в чёрную воду бездонного колодца, в котором всегда ночь. Вслед за этим... тяжёлое пробуждение – прямо в войну. Мир в сознании мальчика как будто поделён надвое, и на реальной стороне – только тьма, ужас, смерть, обугленные обломки деревьев, чёрная жижа холодного болота, мутная мёртвая вода, по которой бредёт юный разведчик на мрачный вражеский берег. Светлые видения мальчика Тарковский, как правило, обрывает кошмаром действительности, которая представляется нам жизнью наоборот, царством смерти. И в этом абсурдном, расколотом пополам зазеркалье вынужден наяву находиться Иван.

Может ли детская психика, постоянно пребывая в кошмарах двоемирия, оставаться непоколебимо стабильной? Режиссёр решительно убеждён в том, что искалеченный войной рассудок мальчика никогда не адаптируется к условиям мирной жизни. Он не может жить без войны. В поисках аргумента в пользу этого предположения обратимся к эпизоду, когда юный разведчик сражается с воображаемым врагом. С напряжённым выражением лица мальчик ведёт «охоту» на невидимого фашиста. Закадрово, но словно в ушах Ивана, звучит немецкая речь, крики, стоны, плач взятых в плен русских, среди которых мать героя. «Ты от меня не спрячешься! – с ненавистью обращается к невидимому фрицу мальчишка и неистово атакует шинель, висющую на стене. – Ты мне за всё... Я тебя судить буду! Я ж тебя...» И дальше уже недостаёт выдержки продолжать эту перепалку, потому как на глаза неудержимо накатываются слёзы, переходящие в рыдание.

Такое решение эпизодов, приведённых мною в качестве иллюстрации психологического надлома героя, свидетельствует о совпадении режиссёрской и писательской позиций в понимании судьбы и в создании образа юного разведчика. Уточняя поставленную сверхзадачу, Тарковский в своё время пояснял: «...я пытался анализировать... состояние человека, на которого воздействует война. Если человек разрушается, то происходит нарушение логического развития, особенно когда касается психики ребёнка... Он (герой фильма) сразу представился мне как характер разрушенный, сдвинутый войной со своей нормальной оси. Бесконечно много, более того – всё,

что свойственно возрасту Ивана, безвозвратно ушло из его жизни. А за счёт всего потерянного – приобретённое, как злой дар войны, сконцентрировалось в нём и напряглось».

Создав образ юного разведчика, авторы прокричали всему миру, что у войны – не детское лицо и что именно детство «больше всего контрастирует с войной». И хотя в повести Богомолова и в фильме Тарковского нет батальных сцен, громких побед и сражений, оглушительных разрывов бомб и снарядов, а враг представлен призрачными силуэтами в темноте дальнего берега, сюжет, положенный в основу их произведений, является одним из самых страшных во всей истории Великой Отечественной. Я думаю, такое восприятие объясняется тем, что не жизнь, а война стала смыслом существования Ивана Бондарева, захватила всё пространство его души и перекрыла дороги к счастливому будущему.

Завершить собственные раздумья о душевном состоянии ребёнка, которое безжалостно деформировала жестокая действительность, мне помогло знакомство с эссе известного в 1960-е французского писателя. Жан-Поль Сартр, объясняя жажду мщения, которая захватила всё существо маленького героя, назвал его «самой невинной жертвой войны», затянутой против воли в её круговорот. Я решительно принимаю утверждение кинокритика о том, что, если Иван Бондарев выйдет живым из ада огня, «переполюющая его раскалённая лава никогда не остынет...» Действительно, авторы «Иванова детства», как подчёркивает в своих рассуждениях Жан-Поль Сартр, «нам показывают его таким, какой он есть, обнажают трагические и мрачные истоки его силы, дают увидеть, что это порождение войны, прекрасно приспособленное к военной обстановке, именно поэтому никогда не сможет адаптироваться в мирной жизни». Горьки и безутешны такие категоричные выводы, но с ними вряд ли поспоришь...

ПОБЕДИТЕЛИ
В НОМИНАЦИЯХ

МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНКУРСА СОЧИНЕНИЙ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»

САТТОРИ МАНСУР

8 класс

Наставник: Гаибова Канипа Гулбоевна,
учитель русского языка и литературы,

Российско-Таджикское государственное
общеобразовательное учреждение «Средняя
общеобразовательная школа с углублённым
изучением отдельных предметов в г. Бохтар
имени М.В. Ломоносова»,

Республика Таджикистан

Война, перемоловшая человеческие судьбы

Великая Отечественная война оставила после себя не только руины городов и братские могилы, но и незаживающие раны в сердцах тех, кого нацистская машина превратила в «живой ресурс». Угон гражданского населения СССР на принудительные работы в Германию и на оккупированные территории – одна из самых масштабных и малоизученных трагедий XX века. По данным Нюрнбергского процесса, через систему принудительного труда прошло от 4,5 до 5,5 миллионов советских граждан, включая женщин, стариков и детей. Их истории – это летопись страданий, сопротивления и невероятной силы духа.

Солнце садится за ржавые рельсы старого вокзала в Брянске. Здесь, где теперь цветут одуванчики меж трещин асфальта, когда-то стояли эшелоны с табличкой «Нах Остен» – «На Восток». Но везли они не на восток, а в ад. Сегодня я отправляюсь по следам тех, кого нацисты называли «остарбайтерами» – восточными рабочими. Моя дорога – не маршрут на карте, а путь сквозь время, где каждая остановка – прикосновение к незаживающим ранам истории. В начале 1990 года люди нашли массивный документ, где была информация о судьбе более 320 тысяч человек.

На окраине города, среди покосившихся изб, ветер шелестит страницами чудом сохранившейся газеты 1942 года. «Работа в Германии: высокая зарплата, медицинский уход!» – гласит заголовок. Местный краевед, седой Николай Петрович, приводит меня к полуразрушенному зданию бывшей комендатуры: «Здесь вербовали “добровольцев”. Приходили целыми семьями – верили, что спасут детей от голода. А потом...» Его голос дрожит. Внутри, на стене, едва видны царапины – возможно, чьи-то инициалы, оставленные в последние минуты перед дорогой в неволю.

На перроне киевского грузового вокзала пахнет углём и железом. «Представьте: зимой 1943-го здесь загнали в вагоны пятьсот человек, – говорит гид Анна, чья бабушка выжила в лагере под Берлином. – Как скот. На 15 человек – ведро воды и мешок гнилой картошки». Она показывает фотографию: женщины в платках, прижавшиеся друг к другу в темноте. «Это последний снимок перед отправкой. Из них вернулись трое».

Мы садимся в поезд, следующий в Польшу. За окном мелькают леса, где, по словам Анны, беглецы прятались от облав. «Моя бабушка рассказывала: когда вагон останавливался, люди выкрикивали названия родных сёл в щели между досками. Как бутылку в море».

В Эссене, у входа в музей завода Крупп, висит табличка: «Здесь работали 50 000 остарбайтеров». Спускаюсь в бывшую шахту. Влажный холод пробирает до костей. «14 часов в сутки, – читаю я на стене воспоминания рабочего-белоруса. – Засыпал стоя, а надсмотрщик бил плетью по спине». Рядом – ржавая каска с выцарапанной звездой.

На улице у памятника «Жертвам принудительного труда» встречаю пожилого немца Ханса. Его отец был инженером на Крупп. «Он никогда не говорил о войне, – признаётся Ханс. – Но перед смертью вдруг закричал: “Простите тех детей!” Может, ваших?»

В пригороде, где когда-то стоял лагерь для «категории III», теперь коттеджи и яблоневый сад. Местная жительница Марта приносит мне жестяную кружку, найденную в огороде: «Мама говорила, что здесь зимой 1942-го замёрзли двести человек. Дети... Их хоронили прямо в сугробах».

Вечером иду вдоль Эльбы. На скамейке сидит старушка с орденом на пиджаке – Елена Ковалёва из Киева. Её привезли сюда в 14 лет. «Мы хоронили подругу с красным лоскутом вместо креста», – говорит она, глядя на воду. – А на рассвете немцы сожгли лагерь. Теперь здесь трава растёт... И яблони».

В бывшем бараке, превращённом в музей, экскурсовод включает запись: тихий женский голос поёт песню «Орлёнок». «Это хор остарбайтеров, 1944 год, – поясняет он. – Записано тайно на кусок плёнки от рентгеновского

снимка». На стене – вышивка из обрывков: серп и молот, сделанный девочкой в обмен на краюху хлеба.

Во дворе – памятник 20 девушкам, сожжённым за поджог склада. Кто-то положил к подножию 20 алых гвоздик.

На перроне Ярославского вокзала, куда возвращались эшелоны с выжившими, стоит вагон-теплушка. Внутри – воссозданный интерьер 1945 года: нары, жестяные миски, плакат «Родина вас не забыла!». Ироничная ложь. «Моего деда отправили прямиком в Воркуту, – делится молодой историк Алексей. – За то, что “не застрелился при угоне”».

Сегодня по всей Европе – от Смоленска до Рюссельсхайма – появляются скромные памятники: ржавая колючая проволока, обвитая алыми тряпицами. Их устанавливают волонтеры, пока ещё живы последние свидетели. В Брянске Николай Петрович даёт мне такой лоскут: «Привяжите где-нибудь. Чтобы ветер разнёс их голоса». Поезд на Берлин уходит под вой сирены, похожий на те, что звучали 80 лет назад. Но теперь это не сигнал тревоги – напоминание: память хрупка, как детские руки, вязавшие петли для снарядов. И крепка, как те, кто пел «Катюшу» в кромешной тьме.

Источники

1. Российское агентство правовой и судебной информации. URL: https://rapsinews.ru/historical_memory/20220706/308107030.html (дата обращения: 20.01.2025).
2. Сайт об угнанных нацистами гражданах СССР. URL: <https://statearchive.ru/1324> (дата обращения: 20.01.2025).

*За участие в образовательно-просветительских мероприятиях
по сохранению исторической памяти
о трагедии мирного населения СССР
в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов
в субъектах Российской Федерации*

ФЕДОРОВА АЛЕКСАНДРА

1 курс

Наставник: Шамова Наталья Владимировна,
преподаватель русского языка и литературы,

Колледж Среднерусского института
управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

Орловская область

По следам участников проекта «Без срока давности» (о геноциде пациентов Орловской областной психиатрической больницы в годы Великой Отечественной войны)

Я живу в посёлке Биофабрика рядом с Орловской областной психиатрической больницей. Она была открыта в 1894 году на территории помещичьего имения Кишкинка в восьми верстах от Орла. В начале XX века она являлась одной из крупнейших в России. Судьба больницы повторила судьбу страны со всеми её тяжёлыми событиями: Октябрьской революцией, Гражданской войной, голодом и разрухой. Оккупация Орловской области фашистами длилась с октября 1941-го по август 1943 года. Судьба пациентов больницы стала известна только после освобождения города Орла. Попытаюсь пройти по следам участников федерального проекта «Без срока давности» 2020 года, исследовавших геноцид пациентов психиатрических больниц.

21.11.2024.

Передо мной Акт Орловской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о расстреле пациентов областной психиатрической больницы у д. Некрасово Орловского района от 24 января 1945 года.

Согласно акту, 92 пациента были вывезены немцами под предлогом эвакуации для дальнейшего курса лечения в Минске, зверски расстреляны и зарыты в овраге у деревни Некрасово! Данные факты подтверждены свидетелями и очевидцами.

Какая чудовищная ложь! Людям дали надежду на продолжение лечения, собрали их вещи и запас еды на три дня, создавая видимость заботы и сострадания, а потом просто убили! И эта бесчеловечная практика применялась ко всем пациентам из спецучреждений на оккупированной территории СССР!

28.11.2024.

Читаю интернет-материалы.

В Ставропольской психбольнице 660 пациентов (в том числе и дети, младшему из которых было семь лет) отравили окисью углерода в душегубках. В городе Великий Новгород нацисты умертвили двести больных. В больнице имени Кащенко Ленинградской области было уничтожено более 900 пациентов и весь медперсонал. В подмосковном селе Лотошино погибло 700 пациентов психлечебницы. Люди умирали в нечеловеческих муках и страданиях, и не только от газов и ядов, но и от холода и голода. Только в Орловской психбольнице за первую зиму от голода умерло 250 пациентов.

Эти страшные свидетельства – лишь малая доля злодеяний немецко-фашистских преступников и их пособников. Полную картину преступлений можно представить, если обнародовать все сохранившиеся документы. Пока известно примерно о 12–20 тысячах уничтоженных душевнобольных на оккупированной территории СССР. К сожалению, часть следственных документов, до сих пор не рассекреченных, была передана советскими властями в ФРГ в рамках запросов и теперь доступна только в Германии. У нас остаются лишь кадры эксгумации массовых захоронений.

04.12.2024.

Мораль нацистов была очень далека от христианской. В погоне за «очищением расы» практиковались насильственная стерилизация и эвтаназия. Всё это стало репетицией дальнейшей политики геноцида – полного или частичного уничтожения советского народа. Слава Богу, что планам по созданию «тысячелетнего рейха» не суждено было стать реальностью!

Я считаю, что преступления против человечности должны быть расследованы на государственном уровне и наказаны! Единственный путь сохранения памяти – доказать, докричаться, рассказать, чтобы память не стёрла то, что хочется забыть! Поэтому в 2022 году Орловский областной суд признал массовые убийства мирных жителей геноцидом, а также преступлениями против человечности.

Почему это важно именно сейчас? Необъявленная война против русских идёт до сих пор. Это и есть продолжение политики геноцида!

11.12.2024.

Сегодня всей семьёй ездили в Военно-исторический музей города Орла. На входе нас встретила администратор. Узнав цель нашего визита, она сразу же позвала научную сотрудницу музея, которая согласилась нам помочь. Она повела нас в свой кабинет, где дала ознакомиться со сборником документов «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Орловская область». Там я нашла несколько новых для себя актов допросов свидетелей и очевидцев этих ужаснейших событий. Оказывается, нацисты травили рабочих кустарных мастерских ипритом, вследствие чего они потеряли зрение. Их поместили в немецкий лазарет на территории психбольницы. «Врачи-немцы подвергали больных клиническому и лабораторному исследованию, неоднократно фотографировали и демонстрировали немецким врачам, специально приезжавшим из Киева, Харькова и Одессы».

Не дай Бог нам забыть это, переписать свою историю, как это делают сейчас на Западе! Стерев память, мы сотрём государство!

18.12.2024.

Есть предположения, что количество психически больных, уничтоженных нацистами, соответствует цифре 138. Именно столько пациентов в начале мая 1942 года немцы выгнали из больницы, и они разместились в трёх двухэтажных зданиях посёлка Биофабрика. Часть душевнобольных разбрелась по окрестным деревням. Пытаюсь выяснить, какие это дома. Самые старые здания нашего посёлка строили пленные немцы в 1948 году. А довоенные постройки не сохранились. В архивах Биофабрики тоже ничего нет.

25.12.2024.

Сегодня библиотекарь Орловской психбольницы Любовь Михайловна Галкина дала мне газетные статьи Самариной Марины Ивановны, члена Союза журналистов России, которая в 2021 году занималась историей этих страшных событий. Она пишет, что останки были обнаружены и эксгумированы в августе 1943 года сразу же после освобождения Орла.

Из повреждений на всех 72 трупах обнаружены «пулевые отверстия, располагающиеся в области затылка, темени и лба...» Но нигде нет сведений о перезахоронении убитых нацистами пациентов.

01.01.2025.

По показаниям главного врача Орловского психоизолятора А.А. Беляева, к августу 1942 года в больнице оставалось 119 пациентов. Их вывозили партиями. Последнюю группу «эвакуировали» 3 августа. В исследовательской работе школьников под руководством М.И. Самариной «Недостойные жизни...: уничтожение нацистами пациентов психиатрической больницы...» называются имена только четырёх больных: Кошелевой Елизаветы, Киреевой Акулины, Шкроб (Коптенко) Пелагеи и больного Гратуол. Об остальных ничего не известно. Война обезличила этих людей! Как страшно!

08.01.2025.

Историческая память об уничтожении душевнобольных сохраняется в разных точках России и Европы. Там установлены памятные знаки. Однако в Орловской областной психиатрической больнице такого знака до сих пор нет, как нет его и на месте расстрела!

Сегодня я связалась с Мариной Ивановной. В данный момент она руководит музеем в лицее № 18. Вместе со школьниками она собирает подписи под обращением об установке памятного знака на территории больницы.

Я считаю, что необходимо установить ещё и памятный крест, чтобы можно было молиться о невинных жертвах нацистов. Тогда правда о них не будет стёрта из памяти!

15.01.2025.

Спасибо моим родным и организатору музея Киреевской средней школы М.Н. Диевой. Вы главные советники и помощники в моих поисках! Я верю, что вместе мы сможем решить все вопросы по установке православного креста.

22.01.2025.

Ну что же? Подведу итог своего путешествия по следам участников самого дорогого мне проекта, ведь я участвую уже третий раз в этом конкурсе! «Бессмертный полк» тоже родился из желания сохранить память отцов и дедов – победителей. А сейчас это уже международная акция. К сожалению, я не получила ответа на многие свои вопросы из-за недостатка документов: о количестве жертв, о месте захоронения останков. Сведений о довоенном жилом фонде Биофабрики я также не нашла. Радует, что все, к кому я обращалась с вопросами, хотят восстановления справедливой памяти и готовы помогать. Поэтому в День 80-летия Победы

мы с односельчанами будем вспоминать не только воинов-победителей, но и неизлечимо больных, ни в чём не повинных людей! А установка Поклонного креста – это уже новая страница истории Орловской областной психиатрической больницы.

Источники

1. Акт Орловской городской комиссии... от 24.01.1945 г.
2. Астахин Д.Ю. Преступления оккупантов в психиатрических клиниках: сборник докладов. СПб.: б.и., 2021.
3. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов: в 2 ч. / отв. ред. А.В. Юрасов; отв. сост. Я.М. Златкис; сост. Е.В. Балушкина, К.М. Гринько, И.А. Зюзина, О.В. Лавинская, А.М. Лаврёнова, М.И. Мельтюхов, Ю.Г. Орлова, Е.В. Полторацкая, К.В. Сак. М.: Фонд «Связь Эпох», 2020. 688 с.
4. Исследовательская работа «Недостойные жизни...: уничтожение нацистами пациентов психиатрической больницы...» под рук. Самариной М.И. Лицей № 18. Орёл, 2025.
5. Самарина М. Жертвы нацизма // Орловская городская газета. 23.04.2021. URL: <http://orel-gazeta.ru/?p=22848> (дата обращения:).

ЧУДИЕВИЧ ГАЛИНА

9 класс

Наставник: Чудиевич Светлана Николаевна,
учитель истории и обществознания,

Государственное бюджетное учреждение
общего образования
«Акимовская средняя общеобразовательная
школа № 27 имени Героя Советского Союза
Григория Ивановича Бояринова»
Акимовского района,

Запорожская область

За этими воротами стонет земля

Ребята! Здравствуйте!

Мы собрались с вами здесь, потому что вы участвуете в конкурсе «Без срока давности». Наша задача – сохранить память о жертвах преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны. И я рада, что темой вашей работы вы избрали историю преступления против детства, а конкретно – историю концлагеря Саласпилс.

Наша встреча тем более знаковая, что в 2024 году исполнилось 80 лет со дня освобождения выживших узников этого лагеря советскими войсками.

Сейчас мы пройдем к мемориальному комплексу, расположенному на месте бывшего концлагеря Куртенгоф. Он больше известен как детский лагерь Саласпилс, так как находится возле города Саласпилс, в 18 километрах от Риги.

Первых посетителей этот мемориал принял в 1967 году. Скульпторы: Гунар Асарис, Ольгерс Остенбергс, Иварс Страутманис.

Здесь собрана земля 23 подобных концлагерей, действовавших на территории Латвии в годы немецкой оккупации.

Недалеко от входа – памятная стена с информацией на трёх языках: русском, латышском и английском. Первое, что мы читаем, – это то, что на этой территории «с 1941 по 1944 год находился сформированный оккупационным режимом национал-социалистической Германии Саласпилсский лагерь». А со второго предложения мы узнаём, что мемориал «открыт в 1967 году в оккупированной Советским Союзом Латвии». Так чему же посвящён этот мемориальный комплекс?

Официальная табличка при входе сообщает нам, что в 1941–1944 годах на этом месте, где мы стоим, находились «Расширенная полицейская тюрьма и один из воспитательно-трудовых лагерей Германии Куртенгоф». И здесь было уничтожено только 2000 человек, а не 100 000, как утверждает советская пропаганда.

Давайте пройдем на территорию мемориала. Мы стоим перед входом на территорию лагеря – это огромная бетонная глыба длиной около 100 метров и высотой в высшей точке в 12 метров, решённая в виде шлагбаума, немного приподнятого над землёй. Она нависает над нами. Она давит. Начинает учащённо биться сердце. И доносящиеся звуки метронома в такт человеческому сердцу заставляют наше сердце биться ещё сильнее. Возникает ощущение, что это путь в один конец. Что возврата не будет. Об этом говорит и надпись на латышском языке над входом: «За этими воротами стонет земля». Это строчка из стихотворения поэта Эйженса Вевериса, бывшего узника концлагеря.

Мы уже у входа. **Перед нами большое поле.**

По периметру – сосновый и берёзовый лес. На поле семь фигур. Каждая – образ мучеников лагеря. Одна из них называется «Мать». Это фигура матери, которая прячет за спиной детей. Она готова пожертвовать всем ради того, чтобы спасти, защитить их. Но... Она понимает, что от неё уже ничего не зависит. Состояние матери хорошо передают строки из стихотворения нашей современницы Елены Гай:

*Она забыла, что такое счастье.
Забиться бы в какую-то нору
И выть волчицей, и кусать запястье,
До крови, чтоб остаться на плаву!*

*Чтоб болью заглушить всё это горе!
Чтобы из сердца вытащить ножи!
О Боже, где предел вот этой боли?!
Ну, не молчи, пожалуйста, скажи!*

Немного дальше мы видим скульптуру «Униженная». Я бы назвала её – «Сломленная».

Что сломало её? Когда?

Она сломалась, когда переступила границы «трудового лагеря» и осознала, что жить ей осталось недолго?

Она сломалась, когда её вместе с другими узниками (взрослыми и детьми) раздетыми вели в баню под пронизывающими порывами зимнего ветра и жестокого мороза по «дороге жизни», «дороге страданий»?

И этот путь проходил по периметру лагеря, вдоль бараков, чтобы специально увеличить его. Длина пути составляла от 500 до 900 метров. А потом – путь из бани, совсем без одежды, в холодные бараки. Не все могли пережить «банный день». Особенно дети.

А может быть, она сломалась, когда у неё отняли ребёнка и поместили в специальный барак? В нём находились младенцы и дети до девяти лет.

Или когда она слышала детский плач и крики из «больничного барака», но ничем не могла им помочь?

А может быть, последней каплей было, когда в качестве трудовой повинности ей пришлось выносить корзины с телами мёртвых детей после медицинских опытов и среди них увидела своего родного, единственного?

Можно ли после этого не сломаться? Можно ли после этого на что-то надеяться?

Нет! От нацистов нельзя ждать человечности. Они не знали и не знают, что это такое!

По краям поля, на месте сожжённых гитлеровцами бараков, – стилизованные бетонные глыбы. В зарешечённых вставках люди оставляют цветы. Латвийская полиция постоянно их убирает, но люди их всё равно несут и несут. Не так много, как раньше. Но они здесь постоянно есть.

Чуть дальше, ближе к дальнему краю поля, мы видим много игрушек. Капельки утренней росы стекают по их лицам, словно слёзы. Именно здесь находился детский барак Саласпилса. Здесь помещали сотни,

тысячи детей из Беларуси, Ленинградской и Псковской областей после проведения карательных операций против партизан и мирных жителей. Только через этот лагерь прошло более 12 000 детей. 7 000 из них не выжило. Маленьких узников использовали в качестве доноров крови и кожи для раненых немцев, а также как подопытных для испытания противотифозной сыворотки и ядов.

В песне «Саласпилс» (Музыка А. Тимошенко, Э. Кузинер, слова Я. Голякова) есть слова:

*На гранитную плиту
Положи свою конфету.
Он, как ты, ребёнком был,
Как и ты, он их любил.
Саласпилс его убил.*

Это правда. Все дети любят конфеты. Но дети Саласпилса, наоборот, боялись, когда «дядя доктор» протягивал им конфету. Боялись этого больше, чем медицинских процедур, которые проводили с ними. Боялись, потому что знали, конфета – это смерть. Поэтому пытались убедить «доктора», что они ещё здоровы, что ещё могут быть полезны и могут сдавать кровь.

Сегодня «учёные» Литвы, такие как сотрудник Музея оккупации Улдис Нейбургс, заявляют, что в Саласпилсе немцы вообще не брали у детей кровь – это «миф советских лжецов». Но в ответ на протесты узников концлагеря вынуждены были признать, что да, кровь у детей действительно забирали, но якобы... с целью анализов. «Вы не можете знать, для чего именно выкачивали из вас кровь. Может, это требовалось для выявления состояния вашего здоровья». Так «историки» Литвы ведут войну с мёртвыми детьми.

*А может, не было войны...
И людям всё это приснилось:
Опустошённая земля,
Расстрелы и концлагеря,
Хатынь и братские могилы?*

Розенбаум Александр

Сразу же после освобождения концлагеря лишь в одном месте раскопок нашли кости, пепел сожжённых тел и ещё сохранившиеся 632 трупа

ребёнка от пяти до девяти лет. Это те дети, у которых брали анализы для «выявления состояния здоровья»? Или это какие-то другие?

Дети лежали друг на друге. Эсэсовцы и латвийская охрана Саласпилса несколько месяцев перед приходом Красной Армии сжигали мёртвых малышей, чтобы скрыть масштаб преступлений. Всех сжечь не успели. Песок Саласпилса стал для них последним приютом. Этим детям, как и детям-узникам Бухенвальда, Освенцима, Заксенхаузена, женского лагеря Равенсбрюка и других концлагерей, которые сейчас стыдливо называют «трудовыми лагерями», не суждено было стать взрослыми.

Сколько таких захоронений – неизвестно. После войны больше раскопки не проводились.

В стороне от мемориального комплекса находится кладбище немецким военнопленным, которых тут содержали уже до 1946 года. Мемориал создан немецкой стороной в 2008 году. Правильно ли это, когда с могилами тысяч жертв гитлеровского режима находятся могилы людей, виновных в их смерти?..

Мы выходим с территории мемориала. Мы выходим и возвращаемся к своей повседневной жизни. В отличие от тех, кто остался здесь навсегда.

Страшно осознавать, что всё это происходило на самом деле.

Но мы не должны быть последним поколением, кто болеет душой от этих ужасов.

И я надеюсь, что каждый задаст себе вопрос: что же хотели сказать современные реставраторы мемориала, ставя две стелы о двух оккупациях рядом у входа? Какую мысль хотели донести, утверждая, что в период нацистской оккупации в Саласпилсе погибло около трёх тысяч узников, а во время «советской оккупации» пострадали около 196 тысяч?

Источники

1. В Латвии делают из концлагеря Саласпилс «курорт» // Аналитический портал RuBaltic. Ru. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/14022018-vlasti-latvii-delayut-iz-kontslagerya-v-salaspilse-kurort/> (дата обращения: 22.11.2024).
2. Лагерный бардак. Почему в Латвии спорят о количестве жертв в нацистском концлагере Саласпилс // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/06/05/salaspils/> (дата обращения: 22.11.2024).
3. Латвия: мемориал в Саласпилсе в наши дни (концлагерь) // LiveJournal. URL: <https://andi-proc.livejournal.com/84740.html> (дата обращения: 22.11.2024).

4. «Малыши не так быстро умирали, как хотели нацисты»: воспоминания о детях – узниках концлагерей // Мир24. URL: <https://mir24.tv/articles/16405170/malyshi-ne-tak-bystro-umirali-kak-hoteli-nacisty-vospominaniya-o-detyah-uznikah> (дата обращения: 22.11.2024).
5. Почему латыши пишут историю концлагеря на основе воспоминаний коллаборационистов // Life. URL: <https://life.ru/p/1459245> (дата обращения: 22.11.2024).
6. Саласпилсский лагерь без мифов // ИноСМИ.RU. URL: <https://inosmi.ru/20160208/235315042.html> (дата обращения: 22.11.2024).
7. Саласпилсский мемориальный ансамбль // LiveJournal. URL: <https://darriuss.livejournal.com/726986.html> (дата обращения: 22.11.2024).

ЛАГУТИН ИЛЬЯ

8 класс

Наставник: Лунина Любовь Владимировна,
учитель русского языка и литературы,
заместитель директора,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа
с углублённым изучением
отдельных предметов № 7
имени А.С. Пушкина»,

Курская область

«Никогда снова?» Суджа: 1943 и 2024

Октябрь 1941 года, Суджанский район (Курская область)

Пятый месяц продолжаются кровопролитные бои. Пятый месяц, упорно сопротивляясь, Красная Армия всё же отступает под натиском превосходящего силами врага. И вот немцы уже в курской глубинке – 26 октября 1941 года гитлеровцы появляются на пустынных улицах райцентра Суджи. За несколько дней фашисты оккупируют весь район. Первые разрушенные здания, первые человеческие жертвы, первые карательные операции... На долгие 16 месяцев Суджанский район становится местом разгула кровавого фашистского режима.

6 августа 2024 года, Суджанский район (Курская область)

День, разделивший жизнь десятков тысяч людей на «до» и «после». День, когда о мало кому известном Суджанском районе заговорили по всему миру. День, когда Вооружённые силы Украины вторглись на территорию России. Когда на улицах суджанских сёл появились люди, вооружённые автоматами, получившие от своих командиров приказ «всех мирных жителей ликвидировать»...

Кто-то сразу же стал проводить параллели между событиями августа 1943-го и 2024-го...

А тем временем испуганные, растерянные, ничего не понимающие суджанцы пытались покинуть захваченные украинскими неонацистами сёла. В чём были. Получилось не у всех...

Февраль 1943 года, Суджанский район (Курская область)

Зима 1943 года. Красная Армия развивает наступление на запад.

В феврале наши войска постепенно теснят немцев к границе Суджанского района. Фашисты оборудуют укрепления восточнее села Русское Поречное. Но уже ночью 27 февраля гитлеровцы начинают отступать и отсюда. Отступая, озверевшие солдаты вермахта отбирают у деревенских последнее – еду, одежду. Тех, кто не хочет отдавать и сопротивляется, расстреливают на месте... Фашисты жгут дома, хозяйственные постройки...

Рано утром 28 февраля на улицах Русского Поречного появляются советские разведчики. Только благодаря быстрому наступлению войск Красной Армии и такому же быстрому отступлению немцев село не было сожжено полностью...

Август – сентябрь 2024 года, Суджанский район (Курская область)

30 августа 2024 года украинские неонацисты оккупируют село Русское Поречное. То самое, что практически дотла спалили гитлеровцы в 1943-м...

В селе ещё остаются местные жители – кто не смог или не захотел уехать. В основном – старики...

Разведчик 92-й отдельной штурмовой бригады ВСУ Евгений Фабриченко с «напарниками» обследуют улицы. Заходят в один из домов. Видят девушку лет 18–20. Зверски избивают её, насилуют, ставят на колени и расстреливают в упор.

В следующем доме ВСУшники находят двоих мужчин и женщину. Мужчин убивают первыми. Одному режут вены – чтобы умирал медленно и мучительно.

Женщину насилуют, срывают украшения, ставят на колени, расстреливают.

Услышав шум в сарае, украинские нацисты направляются туда. В стоге сена находят прячущихся стариков – трёх бабушек и трёх дедушек. Им связывают руки, загоняют в подвал, а затем бросают туда гранату...

Февраль 1943 года, Суджанский район (Курская область)

Красная Армия километр за километром освобождает Суджанский район. В конце февраля советские разведчики появляются в селе Ивница. Они уничтожают 40 спящих гитлеровцев. Но одному всё-таки

удаётся бежать. Он принимает разведчиков за партизан и докладывает об этом своему командованию.

Разъярённые фашисты направляют в Ивницу отряд карателей.

Из воспоминаний жительницы Ивницы Александры Игнатьевны Анохиной: «Ворвавшись в село, фашисты с особой жестокостью и остервенением стали расправляться с мирными жителями – женщинами, стариками и маленькими детьми. Одних, прямо на глазах у всех, расстреливали у колодцев... Тех, кто пытался сопротивляться, каратели добивали штык-ножами. В тот ужасный день в нашем селе было страшнее, чем в аду. Повсюду звуки выстрелов автоматов заглушали пронзительные стоны и душераздирающие крики измученных людей. Всех, кто остался в живых после жестокой расправы, раненых и покалеченных фашисты загнали в здание сельсовета, в котором окна и двери были выбиты. Чтобы не тратить патроны, эти звери решили расправиться со всеми одним махом – просто спалить недобитых селян живьём... Оставив возле оконных и дверных проёмов часовых, фашисты отправились за бензином. Жители, обречённые на жестокую смерть, пытались выпрыгивать из окон, прорваться в дверные проёмы. Автоматная очередь вмиг разрушала все надежды на спасение. Когда фашисты поняли, что отчаянных жителей будет трудно сдерживать в здании, они стали стрелять и бросать в людей гранаты. Многие селяне в сельсовете погибли сразу, раненых добивали штыками...»

Ивницкая трагедия унесла жизни 201 мирного жителя, из них 37 детей. От разъярённых карателей не было пощады ни старым, ни малым. Село обезлюдело за несколько дней. Дымились догоравшие постройки, чернели уцелевшие трубы печей, выли собаки, земля была усеяна трупами убитых. Расстрелянных, заколотых штыками, сгоревших заживо некому было похоронить... Все, кому чудом удалось выжить, разбежались по окрестным сёлам... Здание бывшего уже сельсовета превратилось в одну большую братскую могилу...

28 февраля 1943 года село Ивница Суджанского района было освобождено от немецко-фашистских оккупантов.

Январь 2025 года, Суджанский район (Курская область)

7 января 2025 года российские военные освободили село Русское Поречное. И сразу же мир облетели жуткие кадры бесчинств украинских нацистов: истерзанные тела убитых мирных жителей, женщин и стариков, в подвалах, со связанными руками. На телах всех погибших – следы жестоких пыток... У одного мужчины прострелены лодыжки, у другого – разmozжён череп. Всего – 22 трупа...

Несколько дней спустя будет задержан тот самый разведчик 92-й отдельной штурмовой бригады ВСУ Евгений Фабрисенко. На допросе в Следственном комитете он хладнокровно, с ухмылкой станет перечислять, что творил сам и его сослуживцы с мирными жителями в Русском Поречном. Станет говорить о том, как «заходили в посёлок и зачищали по домам», как «видели людей и стреляли», убивали их на глазах родных и шли «праздновать»...

А закалённые профессией судмедэксперты, работающие по делу, едва сдерживая слёзы, с дрожью в голосах будут рассказывать о том, что пришлось пережить перед смертью ничем неповинным 22 жителям села Русское Поречное, какую боль и какие страдания испытать...

Говорят, что история циклична, и исторические события через определённые промежутки времени повторяются. В 1941 году на территорию Курской области вторглись немецкие оккупанты, принеся с собой смерть и геноцид. Фашисты терроризировали мирных жителей, пытали их, расстреливали и забрасывали гранатами... В 2024 году все эти ужасы снова повторились на курской земле. Трагедия Русского Поречного и других приграничных сёл – яркое свидетельство того, что украинские нацисты не просто идейные наследники немецко-фашистских оккупантов. Они такие же звери. Такие же палачи. Жестокие и беспринципные последователи тех, кто расстреливал и заживо жёг мирных жителей в Ивнице в далёком 1943-м...

И об этом нельзя молчать! Об этом надо говорить! Кричать! Вопреки нежеланию мировой общественности слышать. Мир должен понимать, что у трагедий сёл Русское Поречное и Ивница нет срока давности... Но эти трагедии больше не должны повторяться!

КОВЫЛИНА АНАСТАСИЯ

6 класс

Наставник: Ануфриева Татьяна Викторовна,
учитель русского языка и литературы,

Государственное бюджетное
общеобразовательное учреждение г. Москвы
«Школа № 1391»

Вкус жизни

Хлеб наш насущный даждь нам днесь...
(Евангелие от Матфея, глава 6, стих 11)

Я не такой, как все... Сморщенный, маленький, тёмный, похожий на скорбленного старика. Мне нечем похвастаться: ни вкуса, ни аромата, ни веса. Я настолько маленький, что даже ребёнку трудно мной утолить голод. Мне далеко до круглого румяного каравая, до толстых неповоротливых баранок, до изнеженных булочек. Но я точно знаю, что между мной и жизнью стоит знак равенства.

По рукам, которые меня держали, можно было понять многое. Это тонкие холодные руки Юрия Рябинкина, шестнадцатилетнего юноши, у которого война отняла всё: спокойную сытую жизнь, мечту о службе на флоте, школьных друзей и подруг, маму... Я словно сейчас слышу его внутренний голос, когда он нёс меня домой. «Я не могу отбирать у Иры с мамой кусок, ибо знаю, что такое сейчас даже хлебная крошка. Но я вижу, что они делятся со мной, а я, сволочь, тяну у них исподтишка последнее. Я чувствую и знаю, вот предложи мне кто-нибудь смертельный яд, смерть от которого придёт без мучения во сне, я взял бы и принял его. Я хочу жить, но так я жить не могу. **НО Я ХОЧУ ЖИТЬ**».

Юра, меня подкупает твоя честность и прямота. Ты вынужден был брать крошки хлеба у мамы и младшей сестрёнки Иры и честно записывал свои мучительные переживания в свою синюю тетрадь. Ты боролся не только со страшными блокадными лишениями. Прежде всего, ты боролся с самим собой, со своей совестью, которая оказалась в конечном счете значительно сильнее желания поесть. Трудно было побороть искушение едой, но ты это сделал, ты выстоял.

А это руки измождённой голодом и страданиями Анны. Они похожи на руки старухи, хотя женщине чуть больше тридцати. Она идёт по улице, засыпанной снегом, заваленной обломками обрушенных домов, крепко прижимая меня к груди. И сердце её продолжает биться, потому что чувствует волнующий запах – запах жизни. Совсем недавно она потеряла дочь. Не спасла она свою кровиночку, не смогла. Что держало её на этом свете, Анна и сама не смогла бы ответить. Может, вкус жизни... Навстречу ей идёт соседка. Они не виделись около месяца. Но как изменилась Мария, как состарилась. Блуждающий и, казалось бы, безумный взгляд Марии машинально останавливается на Анне. Внезапно какой-то огонёк надежды мелькает у неё на лице.

– Анна, поменяй хлеб на платье. Посмотри, оно ещё новое. Всего только один раз его и надела.

– Мария, зачем мне это платье? Не время сейчас щеголять нарядами.

– Если не хочешь менять, дай хлеб по дружбе. Уже десять дней как умерла моя дочь. Почему не хороню? Ты и сама знаешь. Ей нужен гробик. Его сколотят за хлеб. Понимаешь, за хлеб! Анна, ради нашей дружбы, отдай мне хлеб. Ведь ты сама похоронила свою дочь. Ты меня пойми, я не для себя прошу.

– Не отдам, Мария. Не проси!

– Жадная ты, Анька. А ещё бесчувственная!

Анна с трудом не уступила меня на гробик, крепко сжала одной рукой драгоценный свёрток, а другой обняла Марию и повела к себе домой. Так и шли они, две матери, две ленинградки, потерявшие своих дочерей, поддерживая друг друга. Анна привела соседку домой, поставила на буржуйку закоптелый чайник, а потом взяла свёрток и бережно вынула меня из него.

– Мария, съешь кусочек. Съешь... Прости... Мне для живых не жаль. Не думай...

Соприкасаясь с человеческими руками, я вижу одну трагедию за другой. Сколько страданий человеческих я повидал... Но страшную память не вытравить и калёным железом.

Вот передо мной дети-старички, разучившиеся улыбаться, молчаливые, всё понимающие дети, чьи глаза видели всё! А вот и ленинградские женщины, которые жили чуть дольше, чем могли жить. Их задерживали мысли, страхи, заботы о детях и мужьях. Они порой не имели права даже на смерть. Встречаются и мужчины, похожие на скелеты. Как выяснилось, они умирали быстрее, чем женщины, потому что у них меньше жировых отложений. Голод изменял людей не только физически. Он менял характер, привычки, он искажал у некоторых людей весь их душевный облик.

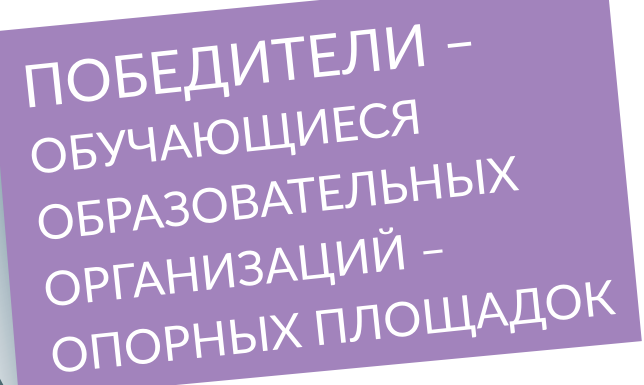
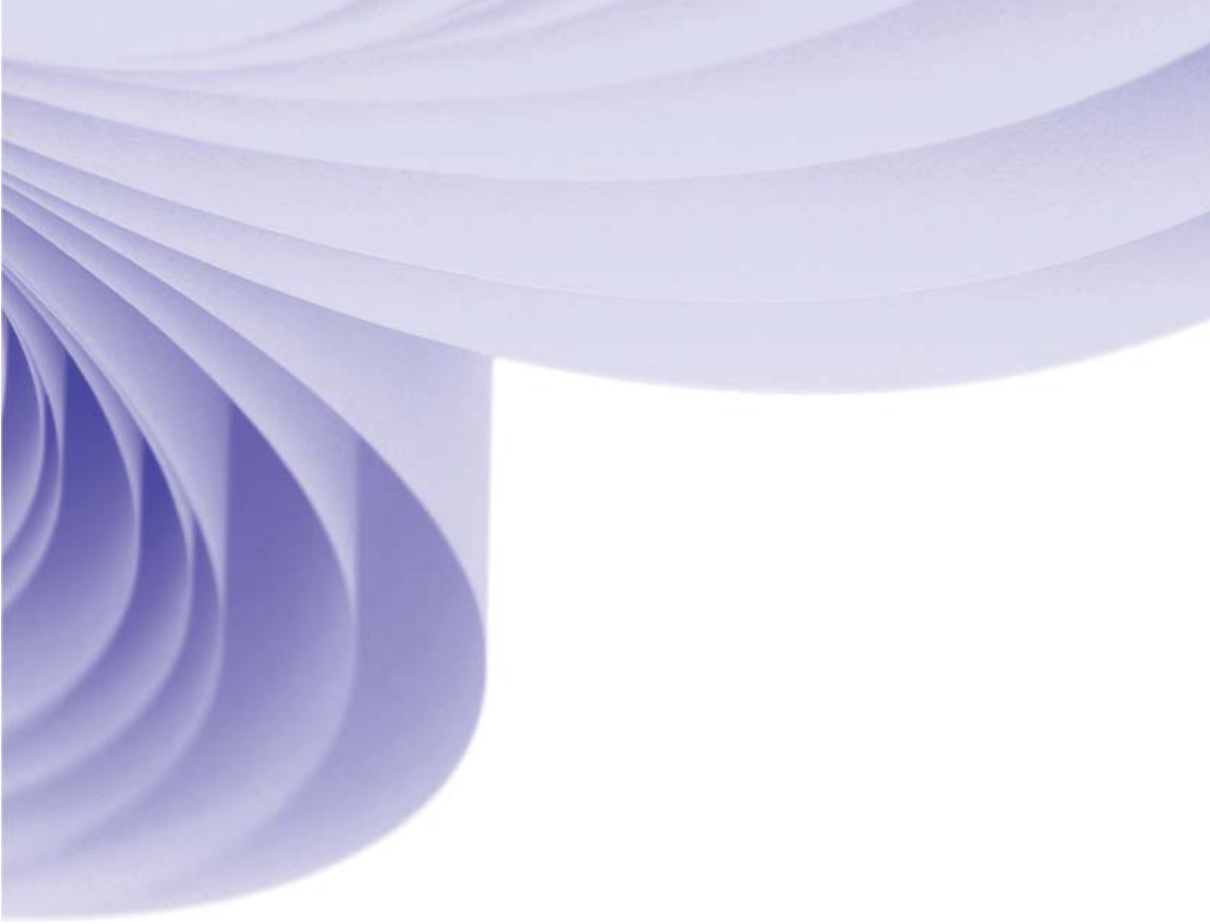
Но в эти страшные блокадные дни я очень часто встречал руки людей, которым ничего было не жаль ЖИВЫМ. Именно это и позволило городу выстоять, не «расчеловечиться».

Разве это можно забыть: машину во время обстрела разнесло снарядами, шофёр убит, а я лежу на холодной земле. Ко мне тут же потянулись разные руки. Собрали всё до последней крошки. И никто себе не взял! Ленинградскими «граммиками» измерялись в те дни шансы и надежды человека выжить. И зачастую выживал тот, кому ничего не было жаль живым!

Вы спросите, кто же я? Я сама жизнь, строгий судья, мерило человеческой души. Я – БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ!

Источники

1. Адамович А.М., Гранин Д.А. Блокадная книга. URL: <https://litmir.club/br/?b=872> (дата обращения: 10.12.2024).
2. Детская книга войны. Дневники 1941–1945. М.: Аргументы и факты: Аиф. Доброе сердце, 2015. URL: <https://litlife.club/books/257664/read> (дата обращения: 16.01.2025).

ПОБЕДИТЕЛИ –
ОБУЧАЮЩИЕСЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ –
ОПОРНЫХ ПЛОЩАДОК

ПРОЕКТА «БЕЗ СРОКА
ДАВНОСТИ» В СУБЪЕКТАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ШАПОВАЛОВА ТАТЬЯНА

5 класс

Наставник: Чеплакова Татьяна Юрьевна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 8
г. Петровска»,

Саратовская область

Компот из сухофруктов

Прабабушка не любила рассказывать про войну. Все в семье это знали. Крупицы знаний о том, что юная медсестра Евдокия Сорокина видела на войне, собирала моя бабушка, её дочь. От неё-то мы и узнали эту историю, историю компота из сухофруктов.

Новогодний стол был заполнен разными угощениями: салатами, закусками, нарядными бутербродами, мандаринами, холодцом, маленькими пирожками со всевозможными начинками. А в центре стола стояли стаканы с компотом, с компотом из сухофруктов. Гости собрались, беседовали, делились новостями, не было только старшего брата Николая, его и ждали.

– Зачем этот поминальный компот? – спросила Лена, поморщившись. Совсем недавно Лена стала женой Серёжи, младшего бабушкиного сына, и Новый год с семьёй встречала в первый раз.

Разговоры разом смолкли. Бабушка медленно вытерла руки, положила полотенце, села на стул у стола и печально улыбнулась.

– Не поминальный, праздничный, военный, – сказала она.

Заканчивался 1942 год. На станции Паласовка под Сталинградом в чудом уцелевшем госпитале готовились принимать раненых. Санитарный поезд прибыл на станцию, и совсем скоро привезут солдат, начнётся суэта, распределение по палатам (бывшим классам школы), бесконечные операции, перевязки, уколы. Медицинская сестра Евдокия Андреевна услышала

взрыв. А может, рухнуло здание. Например, старое здание школы (руины после авианалёта). Узнавать, что за шум, не было времени: надо было застилать кровати. Когда Дуся вышла в коридор из очередной готовой к приёму раненых палаты, она увидела шофёра дядю Мишу. Он стоял у дверей в какой-то странной позе, с шапкой в руках и, казалось, не знал, как начать трудный разговор.

– Ты чего, дядь Миш? – спросила обеспокоенная Дуся.

– Ты это, не жди... Я всем сказал, чтобы не ждали. Убило их всех, – старик плакал. – Немец налетел и бомбу с самолёта в поезд кинул. И всех солдатиков, врачей, и наших, из госпиталя... Всех... Раненых на поезде только триста человек было...

Евдокия замерла и даже дышать не могла.

– А после немцы на самолётах за деревенскими бабами и ребятишками гонялись, из пулемётов стреляли... Как же жить-то после этого, а?

– Никого не привёз? – спросила похолодевшая Дуся.

– Привёз, – оживился шофёр, – девчонку привёз, на дороге нашёл, рядом с мамкой лежала. И младенец в кульке, только они мёртвые были, а девчонка живая. Осколок ей в лицо попал, разворотило всё. Живая. Над ней сейчас Иван Абрамович колдует. Операцию делают. Только не знают, выживет ли.

– Одну девчонку?

– Одну. Больше нету никого.

Девочка в тот вечер поступила в распоряжение Дуси. Первый гражданский в военном госпитале. Ей было года четыре. Она тихонько стонала, ночью кричала и плакала. Ни с кем не разговаривала. Даже имя её не узнали. Прятали забинтованное лицо с одним уцелевшим глазом под госпитальное одеяло. А однажды пропала.

Обыскав всю больницу, Евдокия спустилась на кухню.

– А бабанька компот тоже варила. Летом яблок засушит и грушу целикомую... У нас, знаешь, какая груша? Ни у кого в деревне такой нет: усыпано груши на ней.

Голос из-за угла был детский, и Евдокия выдохнула: нашлась!

– Я компот страсть как люблю! Бабанька томит его в печи, потом настаивает всю ночь. Знатный. Никакого сахара не надо. Вот побьём немцев, мамка меня найдёт, будем компот на все праздники пить. И без праздника тоже.

Дуся зашла на кухню. Повариха Маша чистила картошку, Шура и Валя несли большую кастрюлю за ручки. «Компот, наверное», – подумала медсестра.

– Не ругай Раю, – сказала Маша Евдокии, – у нас тут теплее и компания подходящая.

– Я не ругаю, я искала просто нашу девочку, волновалась. Рая, значит?

– Мамка тоже завсегда волнуется, – девочка встала со стула и подошла к медсестре. – Она меня всё равно любить будет, и с одним глазом. Добрая маманька у меня.

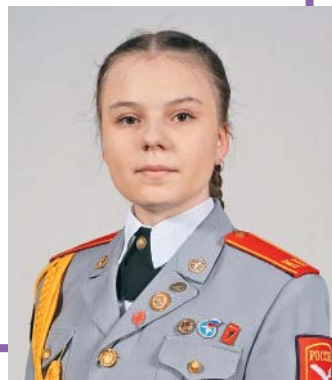
У Евдокии Андреевны, медицинской сестры военного госпиталя, привыкшей ко многому, защипало глаза.

– Компот они варили, – продолжала девочка, – к новогоднему столу. Сегодня ужин, а завтра Новый год.

Рая взяла Евдокию за руку, и они пошли на перевязку. А утром Раечка не проснулась: не справился, значит, с ранениями детский организм.

Невестка Лена рыдала, не стесняясь.

– Вот поэтому на каждый Новый год мы пьем компот из сухофруктов, – сказала бабушка. – И на другие праздники. И без праздника тоже.

ЛАЗАРЕВА АЛЕКСАНДРА

8 класс

Наставник: Бойкова Наталья Павловна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное общеобразовательное
учреждение «Средняя общеобразовательная
школа № 3 города Аткарска Саратовской области
имени Героя Советского Союза Антонова
Владимира Семёновича»,

Саратовская область

Реки слёз и огня

Письмо написано на основе воспоминаний сталинградцев и саратовцев, переживших фашистские бомбардировки.

Здравствуй, папа! Помнишь, как мы с тобой поймали большую рыбину? Это было прошлым летом, помнишь? Речка была такая тихая, сверкающая. По воде бежали барашки... Ты меня ещё учил тогда петь «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек!» Помнишь? Знаешь, почему я вспомнила об этом? В нашей реке сейчас нельзя ловить рыбу. Нельзя, потому что война пришла и на Волгу...

Это началось вечером 23 августа. День стал для нас ночью. Конечно, взрывы были и раньше. Я случайно услышала, как мама рассказывала бабушке, что 18 августа на станции Сарепта погибло 107 человек, и 27 из них были дети. «Когда рядом с нашим домом упали первые бомбы, мы играли во дворе с братом. Мама ушла на работу, и дома оставалась лишь бабушка. ...Раздался оглушительный взрыв...» Небо вдруг стало чёрным-чёрным, а в реке отразился огромный страшный зверь... Он ревел так, что мне захотелось, как маленькой, забраться к тебе на колени, спрятаться на твоей груди. Но тебя нет рядом. Идёт 1942 год. И я уже не маленькая. Мама говорит, что, когда война закончится, мне купят портфель, и я пойду в первый класс. А сейчас мне надо прятаться от вражеских самолётов, которые, как речная волна, накрывают Сталинград ...

Папа, помнишь, что, перед тем как уйти на фронт, ты «вырыл во дворе нашего дома небольшую яму, в которую мы спрятались... При каждом взрыве земля содрогалась, и вся осыпалась на нас. Страх, который нас обуял, невозможно описать словами, это надо прочувствовать. Мы сидели и думали, что нас сейчас в этой яме просто засыплет...»

Воздушные атаки фашистов повторялись снова и снова. «Ни одного уцелевшего домика не осталось на нашей улице, всё превратилось в пепелище». Недалеко от нашего дома был блиндаж. В нём когда-то стояли зенитчики, но потом они куда-то ушли, и в блиндаже стали жить мы и ещё много людей, у которых тоже сгорели дома. Однажды мы бродили по пепелищу, чтобы найти что-нибудь поесть, и я спросила: «Мама, ну где же наш дом?» А она мне отвечала: «Мы сейчас с тобой по нему идём».

Оставаться в родном городе было нельзя. Он стал похож на гигантский горящий факел. И мы решили эвакуироваться по Волге. «Почему по реке?» – спросишь ты. На земле было очень страшно, ведь даже камни горели... Мы надеялись, что Волга убережёт нас, поможет. Но на берегу мне стало ещё страшнее. «Земля у Волги стала скользкой от крови». Я не узнала родной реки. Фашисты разбомбили нефтеналивные баржи, и река живительной воды превратилась в реку бушующего пламени. Волга горела, полыхала и кипела от сотен взрывов. Мы видели, как фашистские самолёты разбомбили «пароход и не подпустили ни одной лодки спасти людей. Это было что-то страшное, и в то время они нас на берегу расстреливали».

Папка, что было дальше, вспоминать очень тяжело. Мы плывём по огненной реке на переполненном судне. Грохот орудий. Вой самолётов. Волга кипит. Баржи горят. Судна уходят под воду вместе людьми.. Крики и мольбы о помощи... Всё летят и летят эти жуткие бомбы... Папка, родной! Не хочу это вспоминать, но забыть никогда не смогу!..

20 сентября мы добрались до Саратова. Никто из нас ещё не знал, что этот город тоже ждут «юнкеры» над волжскими просторами и горящие дома, заводы... Волга была тихая и ласковая. И совсем-совсем нестрашная. Родная! Правда, вода была уже студёная.

Высадили нас на берегу. Растерянные женщины, плачущие дети, измощённые старики... Для нас, переживших ужасы сталинградского ада, Саратов был спасением и надеждой.

Пока мама решала, как нам обустроиться на новом месте, я рассматривала причал. Метрах в двадцати от берега стояла большая баржа. Я на всю жизнь запомнила её номер – 733. На баржу грузили какие-то тяжёлые ящики и люდეи. В толпе я увидела девочку примерно моего возраста. Мы встретились с ней взглядами и заговорили.

– Вы тоже из Сталинграда? – спросила я.

– Нет, – ответила она. – Папа крекинг-завод в Саратове помогал строить.

– Куда вы теперь?

– В Краснокамск.

– А это далеко?

– Мама говорит, что на Урале.

– Далеко!

– Не хочу уезжать. Мне нравится здесь. Но раз надо, – сказала моя новая знакомая, и её лицо стало серьёзным, как у взрослой, – надо ехать. Все заводские едут. 127 семей! Прощай! Тебе тоже понравится Саратов.

Началась погрузка. Люди хлынули к барже. Я увидела, как эта девочка с родителями поднялась на судно, а в небе показались четыре немецких самолёта. Они сбрасывали бомбы на железнодорожный мост. Один бомбардировщик спикировал к барже. «Кто-то подал команду всем оставшимся на берегу срочно подняться на баржу... Две бомбы почти одновременно попали в неё: одна – в кормовую часть, вторая – в самую середину. Баржа раскололась пополам и быстро пошла ко дну. Незакреплённое оборудование, станки, листы железа давили, резали людей, которые находились на палубе... Рядом находились две баржи с нефтепродуктами. Они растеклись по воде и загорелись. Вода превратилась в огненное море».

Папа! Волга снова горела!.. Кричали, стонали люди... А мне казалось, что это река кричит и плачет!.. Когда огонь потушили, стали доставать погибших людей. Их было много, человек триста. Мы с мамой были на берегу и увидели среди них ту девочку...

Папа, за что фашисты так с нами?! Почему горит наша земля и кровавыми слезами плачут наши реки? Не должно быть такого! Не должны люди так страдать!

Не знаю, прочтёшь ли ты моё письмо. Мы давно не получали весточки от тебя. Дорогой мой, любимый папа, возвращайся домой с Победой!

И мы опять пойдём на Волгу. И поймает большую рыбину. И река будет улыбаться под яркими лучами солнца. И барашки будут бежать по её речной глади. И мы будем громко-громко петь: «Широка страна моя родная!...»

До свидания, папа! Твоя дочь Надя.

P.S. С 20 по 25 сентября 1942 года было совершено шесть крупных налётов на Саратов, ставший ближайшим тылом для осаждённого Сталинграда. Во время варварских бомбардировок погибли более 400 мирных жителей.

ПОЛУШКИНА ЕКАТЕРИНА

10 класс

Наставник: Шаповалова Ирина Адольфовна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Центр образования № 15 “Луч”» г. Белгорода,
Белгородская область

Ожили в памяти мгновения войны...

Вот уже 98 лет она носит прекрасное имя – Мария. Словари утверждают, что в переводе с греческого оно имеет три значения: «любимая», «упрямая», «горькая».

Такая она и по жизни: любимая, упрямая. Горькая судьба досталась ей, как и многим её ровесникам.

Фронтовыми дорогами «от Курска и Орла до самых вражеских ворот» прошагала Мария. Именно из Курска в марте 1943 года вместе с небольшой группой девушек уходила моя восемнадцатилетняя прабабушка на фронт.

Вначале женский призыв направили в училище. Девушек разделили на две группы: 25 телеграфисток, 25 телефонисток. Девчонки учились быстро и старательно. В середине июня учёба закончилась.

Через несколько дней прабабушка с подругой были на фронте. Попали сразу на передний край. Назывался он Орловско-Курская дуга.

«Прибыли ночью. В каком-то леске остановились. Бой был недалеко. Сразу шестеро солдат, которые рядом располагались, погибли, тогда я первый раз убитых увидела. И немцев пленных – тоже. Расстреляли немцев. Выстроили нас: кто будет расстреливать? Никто не решился...»

Затем девушки ещё долго шли к месту дислокации. Мария Чуйко и Ксения Кочетова попали в одно подразделение – 511-й отдельный батальон связи при 40-м стрелковом корпусе. Батальон этот был сформирован как раз 26 июня 1943 года.

Орловско-Курская дуга, Белоруссия, Польша, Австрия, Германия – боевой путь батальона и старшего сержанта Марии Григорьевны Чуйко.

Я, правнучка Марии Григорьевны, листаю красноармейскую книжку. Бесценный документ. И не только в том смысле, что позволяет проследить воинский путь моей прабабушки. Оказывается, из него очень много можно узнать о бытовой стороне войны.

Всё, что выдаётся солдату перед отправкой в действующую армию, в этой книжке фиксируется. Чем снабжали красноармейца женского пола?

В книжке записано, что перед отправкой на фронт М.Г. Чуйко получено: одна пилотка, одна шинель, две хлопчатобумажные гимнастёрки, бельё, две хлопчатобумажные юбки, пара погон, три сорочки, трико три пары, два бюстгальтера, одно полотенце, поясодержатель, пара летних портянок, пара сапог, две пары обмоток, химведро, индивидуальный пакет, вещмешок, противогаз, карабин, котелок, плащ-палатка.

На фронте были выданы две шинели, две зимние шапки, две пары сапог, две пары белья, две пилотки, две пары ботинок, две пары шаровар летних, две летних рубахи.

И это всё, что полагалось на целых два года.

«Когда бои шли, бывало, мы по целому месяцу гимнастёрки с себя не снимали, не мылись, – вспоминает прабабушка. – Иногда идём мимо лужи – умыться в ней хочется. Какие там зубные порошки и щётки, это же не кино!

Волосы пришлось коротко постричь, у меня хорошие были. Бани месяцами не видели. Чтоб совсем не завшиветь, одежду прожаривали у походных печек. Треск стоял. Как вспомню – ой, мамочки!

Когда передышки, тогда, конечно, старались себя в порядок привести. Тогда и обмундирование выдавали.

А на ходу всякое бывало. Однажды до того шли, что подошвы у ботинок отвалились, так мы их кусками кабеля примотали и снова – вперёд. Сколько шли так – не знаю.

Особенно по Германии было тяжело идти, климат там какой-то тяжёлый: сырость, всегда одежда мокрая, мы простудились. Меня чирьи мучили – и на животе, и под грудью. До сих пор этот ужас помню.

Старшина спрашивает, почему не по форме одеты, а я даже ремень не могу от чирьев этих застегнуть. Он, как узнал, в чём дело, мазь ихтиоловую раздобыл, а меня на кухню работать направил, чтобы ремень не носить. Зажило всё через несколько дней.

Берёг нас наш старшина. Пожилой, заботился о нас, как отец. То лекарство раздобудет, то бинты, а то просто чистые портянки на трудные дни побережёт, понимал, что женщинам – тяжелее. Умер он на фронте от сердечного приступа, похоронили мы его. Жаль, имя никак не могу вспомнить».

Ещё одну реликвию хранит бабуля. Самодельный блокнотик. Страницы в линейку как из школьной тетради. На самой верхней строчке, слева, запись «химическим» карандашом:

«2 мая 1944 г. Вечер» (цифра «2» и слово «вечер» обведены несколько раз). На следующих строчках текст: «первые наши разговоры с К.А.А. Первое наше знакомство – вот этот блокнот».

К.А.А. – это капитан Алексей Алёшин. Сибиряк-разведчик, фронтовой друг. Познакомились они, когда Алексей принёс очередную шифровку для штаба. Погиб Алексей в разведке.

А его подарок бережно хранится уже 80 лет. А в нём – бесценные свидетельства жизни на войне.

Есть в блокноте романтические строчки:

*«Тебя здесь нет,
Но ты со мною,
В моей руке – твоя рука.
Заочно я тебя целую
И шлю привет издалека».*

Вскоре Маша встретила того, с кем прожила в любви и согласии 40 лет.

Мы разминулись с ним на жизненном пути: он умер за двадцать лет до моего рождения.

Своего прадедушку – Ивана Ивановича Разорёнова, отца моей бабушки по линии мамы – я видела только на фотографиях. А о его военной и мирной жизни, характере и поступках узнала по рассказам прабабушки, бабушки и мамы.

В июне 1941 года, на тридцатом году жизни, он добровольцем пошёл на фронт. Воевал прадедушка на Ленинградском фронте, на Синявском направлении в артиллерийских войсках, получил звание старшего лейтенанта. А весной 1943 года во время боевых действий его контузило, повредило позвоночник и разорвало ступню. Больше года он находился в госпиталях.

Прадедушка не рассказывал детям и внукам о войне. Да и прабабушка не разрешала им расспрашивать его. Ведь если он начинал вспоминать о тех страшных годах, у него учащался пульс, его трясло, он не мог говорить.

Однажды летом в 1988 году в селе Тюрино Шебекинского района ночью бушевал сильный ветер. Гроза была как мощная артиллерийская атака. Град размером с яйцо с диким грохотом атаковал дома, на которых, как утром увидят жители, будет разбит весь шифер.

Проснувшись ночью от громовых раскатов, прадедуська испугался, решил, что снова началась война, и закричал жене: «Прячь Катьку! Опять война началась!» Катька – это его внучка, сестра моей мамы.

После этого сильнейшего потрясения у него, контуженного на войне, парализовало позвоночник и ноги. Целый месяц после той грозы он лежал в больнице, там и умер.

Он прожил большую жизнь – семьдесят восемь лет – и до последнего дня умел радоваться самым простым вещам. Незадолго до смерти бабушка Наташа спросила у него: «Папа, жалеешь ли ты о чём-либо в прожитой жизни?» Он задумался только на секунду и твёрдо ответил: «О чём жалеть? Я хорошо прожил свою жизнь. Жаль только, что невозможно и в семьдесят восемь лет жить так же, как в восемнадцать».

Да, в каждом из наших предков – история. Большая история Родины и своя – персональная – история жизненного пути. Та, которая не находит отражения в учебниках и учёных трудах, но сохраняется в памяти человека. И эта – человеческая – история особенно интересна, потому что в ней – эпоха в деталях, подробностях, людях.

МАНГИЛЕВ КИРИЛЛ

1 курс

Наставник: Соловьева Ольга Ильинична, советник директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями,

Государственное автономное профессиональное образовательное учреждение Свердловской области «Екатеринбургский промышленно-технологический техникум им. В.М. Курочкина»

Доедайте чечевицу и бобы и готовьте гробы...

Девятилетняя Лилечка вжималась в сырую холодную землю укрытия от бомб. Сентябрь сорок первого года уже перевалил на вторую половину, бомбёжки заводского посёлка в пригороде Ленинграда шли почти непрерывно. Запахи пороха, гари, теснота земляной «щели» и вой летящих авиабомб стали обычным явлением для девочки, но привыкнуть к страху, что с мамой что-то может случиться, она не могла. Лилина мама при первых звуках сирены надевала противогаз, перекидывала через плечо холщовую сумку и убегала спасать дома от пожаров. Девочка пряталась в «щели» вместе с соседскими детьми, без мамы.

В один из авианалетов страшный удар сотряс землю укрытия: бомба разорвалась где-то очень близко. Звук сирены внезапно стих, слышан был только тихий треск, словно рвали старую ткань. Детям, оглушённым взрывом, казалось, что мир распадается на части. Выбравшись из «щели», сквозь облако оседающей пыли Лилечка увидела свою комнату на втором этаже, ставшую частью улицы. Над бездной разрушенного дома, покачиваясь на обломке стены, висели большие часы, стрелки которых замерли, а маятник, вывернутый наружу, походил на руку, молящую о помощи.

В ту минуту в небе снова появился самолёт и с чудовищным воем начал снижаться. Этот звук парализовал волю: дети, смотрящие вверх, словно приросли к земле. Внезапно самолёт качнул крылом со свастикой и выбросил не бомбу, а чемодан на верёвке – на землю полетели бело-красные бумажки. Серая пыль от взрыва перекрасила в свой печальный цвет всё: ещё зелёную траву, нарядные осенние деревья, мостовую, людей, и падающие с неба яркие листочки казались чем-то ненастоящим. Они пестрели издевательскими надписями: «Доедайте чечевицу и бобы

и готовьте гробы...» Кольцо Блокады сомкнулось, и смерть была предназначена фашистами для всех ленинградцев.

Своими глазами близко-близко Лилечка увидела смерть уже в январе сорок второго.

Из разрушенного бомбой дома осенью мама с дочкой переселились в маленькую комнату на Васильевском острове к маминной подруге, тётке Дусе. Голод, который принесла блокада, так истощил Лилю, что она перестала прятаться от бомбёжек и обстрелов, перестала бояться, сидела часами, прислонившись к стене, равнодушная, словно окаменевшая. Сын тётки Дуси Колька, одиннадцатилетний мальчик, к концу января уже не вставал с кровати. От цинги, вечной спутницы голода, у него распухли колени, и сил на движение не осталось.

Однажды вечером тётя Дуся принесла с работы баночку супа для Коли, тяжело села на стул рядом с кроватью и смотрела, как ест её мальчик. Лиля тоже смотрела, облизывала растрескавшиеся губы и мечтала о том, что придёт мама и принесёт еду. Дети даже не сразу заметили, как умерла тётя Дуся. Просто присела и умерла, как сотни тысяч ленинградцев, замученных голодом.

Вскоре смерть пришла и за Лилей. Еда из картофельных очисток, которые удалось раздобыть маме, стала для девочки ядом. От высокой температуры и постоянной рвоты Лиля угасала на глазах. В тяжёлом забытии малышке казалось, что нахальный фашист в военной форме наступает на неё и всё повторяет: «Готовьте гробы...» Мама в попытке хоть что-то сделать для спасения ребёнка обменяла своё единственное зимнее пальто на две пригоршни квашеной капусты, вернулась с рынка завернутой в лохмотья, но с надеждой на чудо. Действительно, кислая капуста вырвала Лилю из лап смерти.

К концу зимы маленькой семье удалось попасть в списки эвакуации. Морозной февральской ночью Лиля с мамой, закутанные до самых глаз, сошли с трапа самолёта, который вынес их из страшного блокадного кольца на полустанок в сорока километрах от фронта.

Эвакуированных разместили в большом сарае, поделённом на отсеки. Всем выдали по буханке хлеба. Голодным людям это показалось невиданным «богатством». Мама отрезала маленький кусочек для Лили и строго запретила съесть хоть на крошку больше. А Лиля, зарывшись в сено (единственную защиту от лютого холода), наслаждалась тающими во рту крошками настоящего хлеба. Сквозь надвигающуюся дремоту девочка думала: «Фрицы нас ещё осенью всех в покойники записали, а мы вот выжили...»

Вскоре Лиля с мамой были уже в вагоне. Колёса поезда начали мирно отстукивать свой особенный ритм, словно время, которое замерло в Блокаду, снова пустило свой маятник.

Впереди Лилечку ждал Урал и долгая-долгая жизнь, которую не сумели отнять фашисты.

ПОБЕДИТЕЛИ –
ОБУЧАЮЩИЕСЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ДЕТСКОГО ЦЕНТРА
«АРТЕК»

ГОРМОНОВ АЛЕКСАНДР

7 класс

Наставник: Заболотная Инна Александровна, учитель русского языка и литературы,

Средняя общеобразовательная школа федерального государственного бюджетного образовательного учреждения

«Международный детский центр “Артек”»,

Республика Крым

Артек – в нас навсегда!

«Начало июня 1941 года. Юные головы в бескозырках и панамах вытянулись к площадке, где с лентой в руках кружится стройная пионерка 4-го отряда Суук-Су Клава Пучина. Последняя перед войной смена подходит к концу. Костровая Артека нарядно украшена», – писал ялтинский собкор, будущий партизан Михаил Сохань. В центре – большой пионерский костёр, посвящённый 17-й годовщине присвоения комсомолу имени Владимира Ленина. Где-то там, на трибунах, среди ребят и четырнадцатилетний Володя Дубинин из Керчи. Будущий партизан, он погибнет одним из первых артековцев в январе 1942 года.

В Артеке состоялась встреча с почётными гостями, сотрудниками и красноармейцами из соседних санаториев. Родители ребят приехали из разных уголков страны: Тамара Ильинична – из Мурманска, Клавдия Дмитриевна – из Тернополя, Полина Ивановна – из Баку, – стали свидетелями яркого творческого вечера, наполненного песнями, танцами и музыкальными номерами в исполнении юных артековцев.

Этот материал был напечатан в газете, тогда носившей название «Красный Крым», 3 июня 1941 года. Та смена благополучно добралась до родных мест, однако пережить начавшуюся вскоре войну суждено было не всем.

Из дневника Н. Храбровой: «27 июня началась эвакуация артековцев, которых сопровождали вожатые и сотрудники лагеря. Однако возникли трудности с пионерами из Прибалтики, Молдавии, Белоруссии и Украины, так как в их городах и сёлах уже велись ожесточённые бои. После того как часть артековцев разъехалась, из оставшихся сформировали новые отряды»

Из дневника артековца: «Мы недоумевали, зачем нам выдают новую фланелевую и парадную матросскую одежду, когда ожидали отъезда. Некоторые ребята даже написали письма домой, что скоро приедут. Теперь мы спали в других корпусах Нижнего лагеря, слушали морской прибой и обсуждали радиосообщения. Война шла уже несколько дней, но нас всё ещё не отправляли домой, хотя у всех было готово к отъезду».

«В начальный период пребывания в Артеке всё шло по привычной схеме: плавание, катание на лодках, весёлые игры и песни, – излагала в дневнике в 1941 году литовская одиннадцатилетняя пионерка Марите Растекайте, – однако ночью мы вынуждены были нести дежурство на башне на берегу моря. Дежурили по четыре человека. Паролем был “Москва красная”».

В начале июля стало очевидным, что военные действия только начинаются и пик сражений ещё впереди, а оставаться в Крыму становится небезопасным. Руководство лагеря приняло решение об эвакуации.

6 июля 1941 года 300 пионеров покинули территорию Артека в Гурзуфе. Их доставили на автобусах в Симферополь. Поезд из Крыма в Москву прибыл без происшествий, и до конца июля артековцы проживали недалеко от столицы в санатории Мцыри – это было имение бабушки поэта Михаила Лермонтова. Из воспоминаний Нины Храбровой: «Ребята собираются на традиционную круговую площадку барской усадьбы – мы живём близ Москвы, в Мцыри – бывшем имении бабушки Лермонтова – и с привычной быстротой строятся. Они заметно повзрослели. За нашими плечами одна эвакуация – из Крыма сюда, в Подмосковье. Мы уже привыкли к быту в поездах, к тому, что еда часто бывает сухой, а чай – тёплым, к тому, что приходится мыть посуду в больших цинковых тазах прямо на ходу».

Артек не закрылся, а отправился в долгое путешествие. От подмосковных равнин до степей Калмыкии, от берегов Волги до подножия Урала – артековцы проделали почти восемь тысяч километров за полтора года. С тяжёлым сердцем они узнали, что их любимый крымский дом захвачен фашистами.

Вместе с преданными вожатыми Антониной Сидоровой и Анастасией Бурыкиной артековцы собрали более 116 тысяч рублей для фронта. «Благодарю вас за заботу о Красной Армии», – такими словами Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин выразил свою благодарность юным патриотам.

«Артек – в нас навсегда!» У ребят той самой длинной смены эти слова были девизом.

Навсегда в памяти Артека и тысячи ребят, в чьей жизни, часто такой коротенькой, был Артек, имена не всех сохранились. Иван Туркенич, участник боевых действий как артиллерист и подпольщик (смена 1936 года), Марионелла Королёва, санинструктор в войну (смены 1936-го и 1937-го), Лилия Карастоянова,

участница партизанского движения (смены 1929-го и 1930-го), Радик Руднев, партизан, принятый в пионеры в Артеке в 1931 году, Кетеван Модебадзе, разведчица во время войны (смена 1933 года), Валентина Бархатова, танкистка (смена 1937 года), Илита Даурова и Харитон Саламов, будущие военные лётчики (1937 год). К сожалению, значительная часть этих юных артековцев не вернулась с войны. Многие из них были удостоены орденов и медалей посмертно.

Из артековцев, Героев Советского Союза, о Победе узнал только лётчик Амет-Хан Султан (смена 1935-го, дважды Герой). Остальные шестеро награждены посмертно: артиллерист Алихан Гагкаев, пулемётчик Рубен Ибаррури, танкист Анатолий Мельников, лётчик Евгений Францев, а двоим, снайперу Алие Молдагуловой и лётчику Тимуру Фрунзе, на момент гибели не было и девятнадцати. В родном Артеке на памятном знаке имена погибших ребят из довоенных смен – «Они были артековцами»...

Когда началась Великая Отечественная война, Артеку было всего 16 лет, но за ним последовали тысячи мальчишек и девчонок. Всесоюзный пионерский лагерь Артек, созданный 16 июня 1925 года, вместе со всем Советским Союзом вступил в бой 22 июня 1941 года. Он выстоял, одержав победу, но ценой многих жизней своих воспитанников, вожатых, сотрудников, защитников и освободителей, заплативших за мир.

Я бесконечно счастлив, что у нас есть Артек, а я являюсь его частью. Сто лет славы истории, наполненной смехом, дружбой и – в те страшные годы – героизмом. Артек – это национальное достояние, которое мы обязаны сохранить для будущих поколений. Артековские герои вдохновляют нас на то, чтобы быть сильными, мужественными и стойкими. Их пример показывает, что даже в самые трудные времена мы способны совершить подвиг, если в наших сердцах живёт вера в победу и любовь к Родине. Артеку – 100 лет! С праздником, родной лагерь! Спасибо за то, что ты есть в нашей жизни, за то, что в твоих стенах мы воспитываемся на примерах мужества и героизма.

Источники

1. Аллея героев-артековцев // Артек. URL: <https://artek.org/artek-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg/artekovtsy-otdavshie-zhizn-za-rodinu/> (дата обращения: 20.01.2025).
2. Детство, опалённое войной – самая длинная смена Артека // Урок.рф. URL: https://урок.рф/library_kids/detstvo_opalonnnoe_vojnoj_samaya_dlinnaya_smena_205337.html (дата обращения: 20.01.2025).
3. Храброва Н. Мой Артек // Артек+. URL: <https://suuk.su/knigi/hrabrowa.htm> (дата обращения: 20.01.2025).
4. Храброва Н. Мой Артек. URL: <https://litmir.club/BookFileDownloadLink/?id=150683&inlne=0> (дата обращения: 20.01.2025).
5. Чем запомнилась «военная» смена 1941 года в Артеке // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/03/26/artek.html> (дата обращения: 20.01.2025).

БАЙГОЛОВА ЕЛЕНА

9 класс

Зеленковская базовая школа Полоцкого района, Республика Беларусь

Наставник: Старостина Инна Вячеславовна, учитель русского языка и литературы,

Средняя общеобразовательная школа федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Международный детский центр “Артек”»

Дневник больного

1 сентября 1941 года

Сегодня первый день осени, но в нашей больнице это ничего не значит. Деревья за окнами уже начали желтеть, но я вижу их только издалека. Говорят, на фронте идут страшные бои. Мне трудно представить, что там происходит, но я слышал от санитаров, что город недалеко от нас захвачен. Лиза с третьего этажа снова поёт у окна, её голос – единственное, что напоминает о прежних днях.

10 сентября 1941 года

Врачи стали всё реже приходить в палаты. Санитар Иван сказал, что многие ушли на фронт или просто не вернулись. Лекарств почти нет, еду дают только раз в день. Мы стараемся не задавать лишних вопросов: кто спрашивает, того быстро уводят. Лиза больше не поёт.

20 сентября 1941 года

Сегодня я услышал разговор врачей. Они говорили о «перемещении» некоторых пациентов. В их голосах было что-то тревожное. Я пытался спросить у Наташи, нашей медсестры, но она сказала, что это для нашего же блага. Почему-то мне не верится.

01 октября 1941 года

Санитар Иван сказал, что слухи подтвердились: сюда скоро приедут какие-то люди «для проверки». Все боятся. Говорят, что такие проверки уже были в соседнем городе, но никто не знает, что стало с больными оттуда.

05 октября 1941 года

Сегодня исчез целый этаж пациентов. Лиза, её соседка Мария и ещё несколько человек. Никто не объясняет, куда они делись. Врачи уклоняются от вопросов, глаза у всех красные, словно от слёз или бессонницы. Иван шепнул мне, что их увезли «туда, откуда не возвращаются». Я не понял, что он имел в виду, но внутри всё сжалось от ужаса.

10 октября 1941 года

Утром в больницу пришли солдаты. Они были грубыми, как звери. Нас построили в коридоре и зачитывали списки. Те, кого называли, уходили в грузовики во дворе. Когда назвали меня, Наташа успела схватить за руку и затащить в кладовку. «Сиди тихо, что бы ни случилось», – прошептала она, захлопнув дверь.

12 октября 1941 года

Я сижу здесь уже два дня. Слышу крики, стрельбу, вой собак. Запах гари заполняет лёгкие. Через щель в двери я увидел, как грузовики снова подъехали к больнице. Они забирают всех, даже тех, кто не может ходить. Людей складывают, как мешки с картошкой.

15 октября 1941 года

Сегодня стало совсем тихо. Во дворе больше нет грузовиков, но и больница теперь пустая. Никого, кроме крыс, что шарят в мусоре. Я боюсь выйти. Если я выйду, что меня ждёт? Может, Наташа ещё жива? Может, меня просто забыли... Или всё это – лишь сон?

16 октября 1941 года

Тишина давит на грудь. Я слышу только свои шаги в коридорах. Всё вокруг разрушено: стёкла разбиты, мебель сломана. В воздухе до сих пор витает запах горящих тел. Теперь я понял: нас убивали только за то, что мы были больными, слабыми, «ненужными». Люди не прощают слабость. Если кто-то когда-нибудь найдёт это дневник, пусть знает: мы были живыми. Мы хотели жить.

ФРУМКИНА ВАСИЛИСА

11 класс

Наставник: Дубова Анна Владимировна,
учитель русского языка и литературы,

Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Лицей № 1 Брянского района»,

Брянская область

След войны

Я зажмурилась. После на короткое время опять открыла глаза и увидела, как бесформенный кирзовый сапог огромного размера обрушивается на меня... Было страшно и больно. И не было сил вскрикнуть. А потом – тепло, очень тепло в животе и во всём маленьком тельце.

Мама нашла меня в сумерках. Я была без сознания. Помню, как очнулась от долгого сна. Помню мамины причитания и слёзы: «Что делать? Как быть? Господи, помоги!» А потом сбежались бабки-соседки, стали гуторить... Суэта, разговоры. Яркий свет, белые халаты, испачканные в алый цвет. Шумно... И больно в какой-то момент...

Сегодня я выспалась и чувствую себя хорошо. Мама говорит, что я иду на поправку. Она с большой любовью ухаживает за мной. В моей голове много вопросов, но я твёрдо решила: окрепну – и буду их задавать. С неделю я пролежала в постели. Мать и старшие братья всегда были рядом и по первому зову наперебой спешили мне помочь.

Как-то вечером я завела разговор с мамой. Она расплакалась, поспешно схватила пуховый платок и выбежала из хаты. Прошло некоторое время, и мать вернулась вся в слезах. Она присела на краешек кровати, трясущимися руками поправила мои волосы, погладила меня по щекам и дрожащим голосом произнесла: «Шурочка, доченька моя, какое горе, – повторяла она несколько раз. – Эти нелюди, что они сделали с тобой, какое горе...» В тот вечер я воскресила в своей памяти страшные события того дня.

Шёл 1943 год. Тогда Красная Армия уже освобождала Брянскую землю и немцы отступали. Люди, напуганные ненавистью уходящего врага, бежали в леса, которыми сплошь была окружена наша деревня. До местных жителей

весть об отступлении немцев долетела быстро, сегодня-завтра они должны были проходить через наше селение.

Ранним утром большинство ушло в лес, а маме – ни жить ни быть – нужно испечь хлеб. Она отпустила отца, а сама с четырьмя детьми (в нашей семье две сестры и два брата) осталась дома. Дети играли на полу, когда раздался глухой стук в окно. Мама вздрогнула и на мгновение замерла, держа в руках кусок теста. Она прекрасно знала, кто это. Немцы... Тишина за окном была разорвана резким звуком шагов и грубыми нацистскими командами. Мама, оставив тесто, подошла к двери, и в этот момент та с треском распахнулась.

Фашисты зашли в хату и не произнесли ни слова на русском, но и не нужно было: их намерения казались ясными. Один из солдат, самый высокий, грубо махнул рукой в сторону печи и стола. Он хотел есть. Мама, боясь за детей и свою жизнь, лихорадочно начала собирать всё необходимое для приготовления пищи.

Четверо детей – Шура, её младшая сестра и братья – продолжали играть на полу. Шура прижимала к груди свою старую куклу, которую мама когда-то сшила из тряпок. Для неё это был единственный утешительный предмет в этот момент. Маленькие ручки сжимали игрушку так жёстко, как будто она могла защитить её от происходящего ужаса. Шура старалась не смотреть на незваных гостей, но их грубые голоса и резкие движения были для ребёнка устрашающими.

Мама металась по кухне, пытаясь сварить суп из того, что осталось в доме. Её руки дрожали, но она продолжала работать. Она боялась поднять глаза на немцев, потому что их взгляды были полны жестокости и безразличия. Она не могла защитить своих детей иначе, как подчиниться. Тишина в доме прерывалась лишь усмешками солдат и тихим шёпотом детей...

Внезапно один из немцев грубо окликнул маму и, махнув рукой, приказал ей ускориться с обедом. Грубость в его голосе пугала, и мама, понимая, что медлить опасно, торопилась, но ей всё никак не удавалось подавить дрожь в руках. Немцы были раздражены, время тянулось слишком медленно.

Шура, в это время сидевшая на полу, начала чувствовать, что ей нужно помочь маме. Её маленькое сердце билось от страха, но она была сильной девочкой и решила, что может сделать что-то полезное. Девочка знала, что в огороде остались овощи, которые могли бы помочь маме быстрее приготовить обед. Она тихо встала, посмотрела на неё, и та, понимая намерения дочери, едва заметно кивнула.

Когда Шура добралась до огорода, в воздухе уже повисло странное напряжение. Она начала собирать картошку и морковь, как вдруг услышала за спиной тяжёлые шаги. Её маленькое сердце забилось быстрее. Она обер-

нулась и замерла на месте: по тропинке к огороду двигался немец. Это был тот самый высокий солдат, который минуту назад командовал её мамой. Его лицо было мрачным и злым, глаза сверкали жестокостью, а во рту застряло что-то вроде глухого рычания. Шура обомлела от ужаса...

Его лицо было каменным, глаза холодными, а взгляд волчьим. Он не сказал ни слова, просто медленно подходил ближе, и с каждым его шагом Шура чувствовала, как её ноги словно прирастали к земле.

Она отступила на несколько шагов назад, но немец был уже рядом. В его взгляде не было ни капли сострадания – только непредсказуемость и бесчеловечность, порождённые войной.

В следующий миг всё произошло слишком быстро... Тяжёлый и безразмерный кирзовый сапог обрушился на маленькую беззащитную девочку. Боль была мгновенной и всепоглощающей. Шура почувствовала, как хрустнуло что-то внутри неё. Её лёгкие наполнились тяжестью, и она не могла проронить ни слова. Шура упала на землю...

Девочка ещё не понимала, что произошло, но тело перестало слушаться. Мир стал размытым, как будто она погружалась в глубокий тёмный колодец. Шура почувствовала холод, который проник в каждую клеточку её тела, но вместе с ним пришло странное тепло – самое пугающее.

В это время мама, закончив готовить, мельком взглянула на часы – Шура ушла на огород уже час назад... Эта мысль начала постепенно заполнять её разум тревогой.

Сначала мама думала успокоить себя: «Ну, Шурочка, наверное, задержалась, играет. Огород – не так уж далеко». Но с каждой минутой её сердце начинало биться сильнее. «Почему так долго? Шурочка ведь всегда спешила домой. Может, девочка нашла что-то интересное? Или... Что-то случилось...»

Мама не могла пойти сразу искать Шуру. Немцы оставались в доме ещё несколько часов, переворачивая всё вверх дном, хватая остатки еды и вещей. Они ничего не оставляли после себя, кроме страха и разрушений. Мама знала, что любое сопротивление приведёт к ещё большим бедам, поэтому терпела, сжав зубы, пока внутри всё разрывалось от волнения за дочь. Но в этот момент она знала, что не может ничего сделать.

Когда немцы наконец ушли, дом погрузился в страшную тишину. Младшая сестра тихо плакала, братья сидели неподвижно, не понимая, что делать дальше. Как только последние шаги фашистов стихли вдали, мама бросилась к двери, рванула её, и холодный ветер ударил ей в лицо. Но она не чувствовала ни холода, ни усталости – только один отчаянный порыв – найти Шуру. «Шурочка... Моя девочка...» – шептала она, выбегая на улицу, надеясь, что ещё не поздно. Соседи, прячась по углам, испуганно глядели на неё, но никто не осмеливался выйти и помочь.

Мама побежала на огород, где должна была быть её дочь. По середине, где некогда росла картошка, она заметила что-то странное: земля была втоптана, как будто здесь проходили солдатские сапоги. Мама подошла ближе, и её сердце сжалось от ужаса. В мягкой разбитой земле лежала её Шура. Девочка была так глубоко втоптана в грязь, что её лица почти не было видно. Маленькое тельце было безжизненно прижато к земле, а в руках всё ещё твёрдо сжималась та самая тряпичная кукла, которую она никогда не выпускала из рук.

Мама упала на колени рядом с дочерью, её пальцы тряслись, когда она начала осторожно вытаскивать девочку из грязи. Шура не двигалась, её кожа была ледяной. Слёзы катились по маминым щекам, когда она прижала дочь к груди, закрывая глаза от боли. Мама плакала, закрывая Шуру своим телом от холодного ветра, пытаясь согреть её. Она звала её по имени вновь и вновь, но ответа не было...

Шура выжила, но эта ночь изменила её навсегда. Она больше не улыбалась так, как раньше, не играла со своими братьями и сестрой. В её глазах навсегда остался след той жестокости, которую она пережила.

Бабушка Шура, как и многие дети войны, стала жертвой несправедливой жестокости. Тогда ей было всего пять лет... Беспомощное тело девочки, оставленное без сознания на холодной земле, могло стать ещё одной безымянной жертвой тех страшных времён. Однако судьба распорядилась иначе: её жизнь продолжалась, и с каждым днём она обретала новые силы. Но они не обходились без боли. И физической, и душевной...

В деревне все знали о Шурочке, которая пережила беспощадность немецких солдат. Жители не раз собирались у неё дома, обсуждали новости и пытались понять, как это могло произойти. Бабки причитали о несчастье, случившемся с семьёй, а женщины приносили дары – молоко, хлеб, кто-то даже пряники для маленькой Шуры. И хотя девочка медленно поправлялась, её внутренний мир изменился навсегда.

Прошло время. Мать Шуры никак не могла забыть тот роковой день. В деревне шептались, что её прокляли, сглазили, но на самом деле это была обычная женская тоска и непреходящая рана на сердце. Мама Шуры больше не была той весёлой и жизнерадостной женщиной, какой знали её раньше. Её глаза потускнели, а плечи ссутулились, словно всё время носили на себе невидимый груз.

Детство Шуры не было обычным. Тень того страшного дня преследовала её всегда. Иногда она просыпалась ночью в холодном поту, вспоминая тот сапог, который обрушился на неё. В такие моменты её маленькие ручки тянулись к матери, которая всегда была рядом, обнимая и успокаивая.

С годами Шура понемногу научилась жить с этой болью. Она росла тихим и задумчивым ребёнком, редко смеющимся. Её улыбка казалась людям редким

и почти таинственным явлением. Мать Шуры, несмотря на собственные раны, продолжала любить дочь всей душой, ухаживая за ней и поддерживая в минуты отчаяния. Однако физические раны, нанесённые в детстве, оставили свой след на здоровье Шурочки. Врачи сказали матери, что её любимая доченька больше никогда не сможет родить. Это известие стало ударом для всей семьи. Мать ещё долго плакала по ночам, молясь о чуде, но чуда не случилось...

Когда Шура выросла, она приняла своё одиночество как неизбежность. Ей не суждено было создать семью и ощутить радость материнства. Но её жизнь была наполнена другой миссией. С возрастом у Шуры обнаружился дар, который, возможно, и был дан ей как утешение за все пережитые страдания. Она начала лечить детей и помогать женщинам. Её помощь была не только физической, но и душевной. Люди шли к ней за исцелением, за советом, за тёплым словом. Её ласковые руки умели снимать боль, а слова – успокаивать плачущие сердца.

Бабушка Шура часто повторяла: «Мне не дано было своих детей, но зато Господь дал мне сил помогать другим». С этими словами она принимала каждого, кто нуждался в её помощи, будь то младенец или женщина, страдающая от несчастной любви. Бабушкины руки словно обладали магической силой: они умели исцелять не только тела, но и души.

Слава о Шуре разлетелась далеко за пределы деревни. Люди со всей округи ехали к ней за советом, за лечением и просто за утешением. Бабушка стала для всех живых символом милосердия и силы. Её дом всегда был полон людей, и каждый, кто входил в него, чувствовал тепло её доброго сердца.

Но жизнь Шурочки не была бесконечной. С годами её здоровье стало ухудшаться. Она редко жаловалась на боль, но все знали, что она сама нуждается в помощи. Но, несмотря на это, до последних своих дней Шура продолжала принимать людей, утешать и лечить их. Незадолго до своей смерти Шура сказала своей племяннице: «Мне не жаль, что у меня не было детей. Я оставила после себя нечто большее – любовь и заботу о каждом, кто ко мне приходил. Это и есть мой дар».

Когда бабушка Шура ушла из жизни, вся деревня собралась, чтобы проводить её в последний путь. Люди стояли у её дома с цветами, плакали и вспоминали добрые дела этого удивительного человека, который всю свою жизнь служил другим.

На похоронах одна из её соседок тихо сказала: «Она была нашим ангелом, нам будет её не хватать, но её любовь навсегда останется с нами».

Так закончилась жизнь бабушки Шуры, женщины, которая смогла преодолеть свою боль и подарить любовь и исцеление многим другим.

История закончена, но душевная сила бабушки Шуры продолжает жить в тех, кто помнит её, кто был свидетелем её чудесного дара.

Документально-художественное издание

Международный конкурс сочинений «Без срока давности»

Сборник сочинений абсолютных победителей,
призёров и победителей в номинациях

Составитель *Ю. Л. Кудрявцева*

Корректор *Н. А. Зарянская*

Компьютерная вёрстка, подготовка к печати *М. А. Ковтун, В. Г. Удовенко*

Дизайн обложки *А. А. Каргальцева*

Подписано в печать 14.04.2025. Формат 70×100/16.

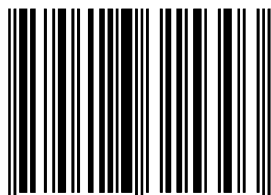
Усл. печ. л. 27,22. Тираж 300 экз. Заказ № 1710.

Московский педагогический государственный университет,

119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

Телефон: +7 (495) 245-38-25. E-mail: mail@mpgu.edu. Сайт: <http://mpgu.su/>.

ISBN 978-5-4263-1530-3

9 785426 315303